

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2008 Issue 23

Editorial Council

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Igor V. NARSKIJ
South-Ural State University,
Cheljabinsk

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of Universal History RAS

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Jefim I. PIVOVAR
The Russian State University
for the Humanities

Vera P. BUDANOVA
Institute of Universal History RAS

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Tamara A. BULYGINA
Stavropol State University

Marina F. RUMJANTSEVA
The Russian State University
for the Humanities

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Irina M. SAVELIEVA
State University — Higher School
of Economics

Igor N. DANILEVSKY
Institute of Universal History RAS

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University

Galina I. ZVEREVA
The Russian State University
of Humanities

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Boris G. MOGILNITSKIJ
Tomsk State University

Nina A. KHACHATURIAN
Moscow State University

German P. MYAGKOV
Kazan State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2008 Выпуск 23

Редакционный совет

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество интеллекту-
альной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Ставропольский
государственный университет

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ
Институт всеобщей истории РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный гумани-
тарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ
Томский государственный университет

Г. П. МЯГКОВ
Казанский государственный университет

И. В. НАРСКИЙ
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный гумани-
тарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

М. Ф. РУМЯНЦЕВА
Российский государственный гумани-
тарный университет

И. М. САВЕЛЬЕВА
Государственный Университет —
Высшая школа экономики

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный педаго-
гический университет

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений (Универ-
ситет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный универси-
тет

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

Главный редактор

Л. П. РЕПИНА

Заместитель главного редактора

М. С. ПЕТРОВА

Члены редакционной коллегии

М. С. БОБКОВА, И. В. ВЕДЮШКИНА, Е. А. ВИШЛЕНКОВА,
В. В. ЗВЕРЕВА, И. Н. ИОНОВ, С. Я. КАРП, М. С. КИСЕЛЕВА,
С. И. МАЛОВИЧКО, А. Ю. СЕРЕГИНА (отв. секретарь), С. А. ЭКШТУТ

Редакторы выпуска

Е. Е. САВИЦКИЙ, А. Ю. СЕРЕГИНА, А. В. СТОГОВА, А. Г. СУПРИЯНОВИЧ

Издание подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Власть и общество в истории». Проект «Гендер и власть в истории».

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. 23.

Специальный выпуск: БРАК И СЕМЬЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ. М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 400 с.

DIALOGUE WITH TIME. 23.

Special issue: MARRIAGE AND FAMILY IN THE CONTEXT OF GENDER HISTORY. Moscow: LKI Publishers, 2008. — 400 p.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517
Тел. (495) 938-53-91

Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialtime@gmail.com

ISSN 2073-7564

© Общество интеллектуальной истории, 2008
© Институт всеобщей истории РАН, 2008
© Журнал «Диалог со временем», 2008

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Л. П. РЕПИНА

ИСТОРИЯ БРАКА И СЕМЬИ В ГЕНДЕРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Самая представительная группа гендерных исследований в области европейской истории всех эпох посвящена институтам семьи и брака, которые играли и пока еще во многом сохраняют решающую роль в определении индивидуальных судеб мужчин и женщин. Инициатива и огромная заслуга в разработке этой проблематики принадлежит специалистам в области исторической демографии и истории семьи. Серьезный стимул был задан также работой феминистских теоретиков и практиков в общественных науках. Эти «три источника» в значительной мере сформировали ту общеметодологическую и конкретно-историческую базу, которая позволила начать и успешно развить изучение брака и семьи уже в перспективе гендерной истории¹.

В середине 1970-х годов в работах по истории семьи, наряду с другими проблемами, был поставлен вопрос о разграничении частного и публичного, а в разнообразии сторон и сюжетов семейной жизни выделена сфера эмоционально окрашенных родственных отношений, главным образом между мужем и женой, родителями и детьми². Обобщая результаты, которые были достигнуты к рубежу 1970-х и 1980-х годов, британский историк Майкл Андерсон точно

¹ В настоящей работе мы ограничимся рассмотрением указанной проблемы на материале западноевропейских стран.

² См. освещение этих проблем в книге: *Flandrin J.-L. Families in former times: kinship, household and sexuality*. Cambridge, 1979 (1-е изд. — 1976). «Эмоциональный», или как его еще иногда называют, «сентиментальный» подход к исследованию внутрисемейных отношений, привлек особое внимание к специфическим источникам — дневникам, мемуарам, литературным произведениям и другим документам личного характера.

указал на три главных выделившихся в то время подхода к истории семьи: демографическая статистика, анализ домохозяйства и изучение эмоциональной сферы семейной жизни³.

В 1980-е годы в исследованиях по истории женщин проблемы «домашней» жизни женщин рассматривались в контексте истории крестьянской и городской семьи преимущественно в эпохи Средневековья и раннего Нового времени. Различные аспекты истории семьи (демографический, экономический, правовой, социологический, психологический) изучались раздельно и в комплексе и, кроме того, в непосредственной связи с основными тенденциями общественного развития⁴, что позволило оспорить научную состоятельность моделей средневековой семьи, ранее априорно сконструированных путем ее противопоставления (Э. Шортер, Л. Стоун) или отождествления с моделью семьи Нового времени (А. Макфарлейн)⁵. Результаты проведенных исследований⁶, в том числе с использованием уникального массового материала (судебные протоколы, криминальные расследования и др.) убедительно опровергли представления о том, что

³ Anderson M. Approaches to the history of the Western family, 1500–1914. L., 1980.

⁴ Речь идет, в частности, об исследованиях американских историков-медиевистов Барбары Ханавалт, Дэвида Николаса, Джудит Беннетт и некоторых других: Hanawalt B. The Ties that bound. Peasant families in medieval England. N.Y., 1986; Bennett J. M. Women in the medieval English countryside: gender and household in Brigstock before the Plague. N.Y., 1987; Nicholas D. The Domestic Life of a medieval city: women, children, and the family in fourteenth-century Ghent. Lincoln (Nebr.), 1986; etc.

⁵ Shorter E. The Making of the modern family. L., 1975; Stone L. The Family, sex and marriage in England, 1500–1800. L., 1977; Macfarlane A. Marriage and Love in England: modes of reproduction, 1300–1840. Oxford; N.Y., 1986.

⁶ Основные тенденции развития института брака, форм семьи и домохозяйства, а также изменения в представлениях о брачно-семейных отношениях на протяжении всего Средневековья изложены в обобщающей многочисленных специальных исследованиях в книге: Гис, Фрэнсис и Джозеф. Брак и семья в Средние века. М., 2002. Аналогичная работа на материале истории семьи и домохозяйства в средневековой Англии от Нормандского завоевания до Реформации была проделана П. Флемингом: Fleming P. Family and Household in Medieval England. Basingstoke, 2001. Ключевые проблемы истории семьи Нового времени, ее социально-дифференцированные модели, современное состояние и перспективы развития рассматриваются в книге: Зидер P. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII — XX вв.). М., 1997.

супружеская семья в доиндустриальной Европе являлась лишенным эмоций экономическим союзом и что сердечной склонности и сексуальной привлекательности не находилось места в браке.

В конце 1980-х — 1990-е годы все больше исследователей обращаются к методологии социокультурной истории, и именно в это время на передний план выходят собственно гендерно-исторические исследования брачно-семейных проблем. Междисциплинарное предметное поле истории семьи оказалось чрезвычайно «урожайным» и для гендерно-ориентированных исследований. Обычно необходимым предварительным условием для анализа гендерной асимметрии в брачных обычаях и в семейной жизни служило обсуждение самого института брака и уже давно дебатированной в исторической демографии проблемы европейских брачных моделей.

Брак превращал детей во взрослых, легитимировал сексуальность в глазах церкви и государства, обеспечивал воспроизводство всех групп населения, продолжение рода, передачу и распределение материальных ресурсов. Если в эпоху Античности брак был практически обязательным, то в Средние века предпочтительным считалось девственное состояние, аскетизм, безбрачие, а брак был отмечен печатью греховности, хотя и воспринимался как меньшее зло: в отличие от прелюбодеяния и распутства это был грех прощительный. Однако церковная идеология брака не только не совпадала полностью с реалиями повседневности, но и имела своего рода умеренную альтернативу благодаря своим светским интерпретаторам⁷,

⁷ В частности, в знаменитой «Книге рыцаря Делатур Ландри» (XIV в.), автор пишет в поучение своим юным дочерям: «...Когда Христос сошел к людям, он возвестил в своих проповедях, что супружество угодно Богу, что супруги — единая плоть, что они должны любить друг друга, оставляя даже мать и отца своего и любое другое существо. И поскольку Бог их соединил, никакой смертный человек не может разъединять их, то есть отнимать любовь одного из супругов...» (Из «Книги рыцаря Делатур Ландри, написанной в назидание дочерям» // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков. М., 1991. С. 210). «...Всякая добропорядочная женщина, повинувшись Господу и Святому Писанию, должна любить своего мужа пуще всех других, оставляя всякую другую любовь ради этой: ибо изрек Господь своими собственными устами, что должно бросить отца и мать, сестру и брата, пожертвовать всем ради любви своего господина; и что это не две плоти, но одна...» (Там же. С. 188).

которые, не подвергая сомнению ценность семейной жизни, делали акцент на поведение «добропорядочной женщины» в браке, на соответствие идеалу «хорошей жены», вне зависимости от дурных качеств ее «господина»⁸.

При наличии различных брачных моделей и обычаев в Европе, повсюду неизменными оставались ключевые характеристики брака: во все времена большинство женщин и мужчин вступали в брак хотя бы однажды, и само общество понималось как совокупность домохозяйств, которые преимущественно формировались вокруг брачной пары или ее овдовевшей половины. Сами же западноевропейские брачные модели варьировались в зависимости от региона («северо-западная» и «южная» модели⁹), социального слоя («аристократическая» модель брака отличалась от «простонародной») и, в меньшей степени, от конфессиональной принадлежности.

Как известно, в Северо-Западной Европе историки позднего Средневековья и раннего Нового времени зафиксировали уникальную, единственную в мире модель, отличающуюся тем, что пары откладывают вступление в брак до 25, иногда до 30 лет (то есть далеко за возраст половой зрелости) и сразу же после бракосочетания обзаводятся собственным домохозяйством (брак и откладывается специально до тех пор, пока не будут накоплены ресурсы для такого «обзаведения»¹⁰. При этом (если речь идет о первом браке) мужья

⁸ «Если простолюдины наказывают своих жен кулаками, то благородных дам лишь журят, иначе поступать не следует. Поэтому любая благородная дама должна показать, что у нее доброе и честное сердце, то есть кротко и с приличиями выказать свое стремление к совершенствованию, покорности и послушанию перед господином, страх и боязнь ослушаться... Каждая должна быть готова выполнить любой приказ, хороший ли, плохой ли — все равно. И если даже приказание порочно, она не будет повинна, выполнив его, ибо вина ляжет на господина». (Там же. С. 174).

⁹ См.: Hajnal J. European marriage patterns in perspective / Population in history: Essays in historical demography / Ed. by D. V. Glass and D. E. C. Eversley. London, 1965. P. 101–143.

¹⁰ Северо-западная модель по существу создавалась на основе представлений о том, что молодоженам следует до вступления в брак стать экономически самостоятельными, и, следовательно, оба супруга должны были долгое время накапливать необходимые средства, работая по найму в других домохозяйствах, или откладывать вступление в брак до смерти своих родителей и распределения семейной собственности. К сожалению, до сих пор историки-демографы не

оказываются всего лишь на два-три года старше своих жен. Характерный для переходного периода демографический режим со специфическим жизненным циклом (работа в качестве домашней прислуги, поздний брак и высокий процент холостых) сформировался в Англии еще во второй половине XIV века¹¹. Работа в услужении установилась как этап жизненного цикла, как стадия взросления, проходимая молодыми людьми обоего пола. Этот институт обеспечивал высокую степень эмоциональной и даже экономической независимости от родительской семьи в довольно юном возрасте. В Южной Европе, напротив, девушки в ожидании жениха оставались со своими родителями, ибо вариант покинуть дом и искать себе занятие представлял угрозу для их «добродетели» и мог впоследствии послужить препятствием к браку — единственной «карьере», открытой для женщин из бедной семьи¹².

Пожалуй, наиболее необычным выглядит в «северо-западной модели» поздний брачный возраст женщин, которые в результате вступали в брак уже вполне взрослыми людьми, обладая большей самостоятельностью в принятии решения, когда и за кого выходить замуж, и немедленно брали на себя управление домашним хозяйством. Таким образом, они не были так зависимы от своих мужей, как, например, жены в патрицианских купеческих семьях итальянских городов, где средний возраст первого брака для женщин ограничивался пятнадцатью годами, а для мужчин заходил за тридцать лет.

Большой вклад в изучение эволюции института брака, его различных моделей, матримониального поведения мужчин и женщин Средневековья внес выдающийся российский медиевист Ю. Л. Бессмертный, который справедливо подчеркивал необходимость последовательного историзма при подходе к этим проблемам:

дали убедительного объяснения, почему в Северо-Западном регионе сложилась именно эта концепция брака.

¹¹ В Англии второй половины XIV — первой половины XV в. браки заключались главным образом в 24–26 лет в городах и в 21–23 года в деревне с очень небольшой разницей в возрасте между супругами (причем нередко невеста оказывалась старше жениха), а значительная часть взрослых женщин вообще никогда не была в браке (от 15 до 17 %).

¹² В Южной Европе обычным был брак между мужчиной от 25 до 40 лет и девушкой намного младше; при этом вне брака оставалось только 3% женщин.

«Только при таком подходе можно понять подлинные мотивы, побуждавшие мужчин и женщин далекого прошлого спешить (или, наоборот, не спешить) с браком, сохранять (или не сохранять) супружескую верность, выбирать ту или иную партию в браке или оставаться холостяком»¹³.

Исследования Ю. Л. Бессмертного, в частности, показали, что в XI в. произошли значительные изменения в отношении к церковному браку и брачно-семейным связям (укрепление престижа малой супружеской семьи), что в XII–XIII вв. процесс социального возвышения института брака продолжался, но только в позднее средневековье церковный брак становится исключительной формой супружеского союза, со строжайшим запретом разводов и повторных браков при жизни супругов. Впрочем, идеал церковного брака определял отнюдь не все поведенческие стереотипы, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из судебной практики¹⁴.

Во Франции в XI–XIII вв. девушек выдавали замуж в 12–13 лет, и к XV в. средний брачный возраст в этой стране увеличился всего лишь до 15 лет. Супружеские отношения в такой модели брака рисуются весьма неоднозначно, нередко — с прямо противоположной оценкой¹⁵. Между тем существовали регионы, в которых и в Средние века, и в начале Нового времени возраст первого брака был ощутимо выше.

¹³ Бессмертный Ю. Л. Брак, семья и любовь в средневековой Франции // Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков / Сост. и отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 1991. С. 282–283.

¹⁴ См.: Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 29–41, 77–87, 143–161. О символизме церковного таинства брака см.: d'Avray, David. Medieval marriage: Symbolism and society. Oxford, 2005.

¹⁵ Примечательные картинки брачно-семейного быта многообразно представлены в сборнике сатирических новелл «Пятнадцать радостей брака», включая такую распространенную версию: «...Какого бы характера ни была жена, покладистого или вздорного, она, как и все женщины на свете, держится одного главного и непреложного правила в браке, а именно: что муж ее самый слабый да немощный из всех мужчин, и что нет никого ничтожней его в тайных супружеских делах. <...> ...беременность и роды, что и говорить, великий труд, но разве мыслимо сравнить его с теми заботами, да тяготами, да глубокими раздумьями, в которые ввергает мужчину любое важное дело». (Пятнадцать радостей брака... С. 66–67).

Суммируя результаты многочисленных исследований, накопленных за несколько десятилетий в исторической демографии и историографии брака и семьи, с одной стороны, и истории женщин — с другой, известный феминистский историк Мэри Хартман предложила оригинальную гипотезу, в которой именно особые характеристики модели «позднего брака» (речь идет о женском возрасте первого брака) и образуемая в его результате система домохозяйства объясняют, в конечном счете, прогресс западноевропейской цивилизации (так называемый «подъем Запада»)¹⁶. Хартман склоняется к тому, чтобы отнести появление модели «позднего брака» к средневековой эпохе, и даже обнаруживает ее корни в каролингской эпохе¹⁷. Длительное функционирование этой системы привело к большей свободе выбора для детей, вступающих в брак, к расширению временного разрыва между смежными поколениями и к снижению роли родственной группы за пределами нуклеарной семьи. «Завоеванное» системой позднего брака пространство свободы имело, по Хартман, решающее значение для религиозной реформации, политических конфликтов раннего Нового времени и промышленной революции¹⁸.

Оставив в стороне смелые попытки развернуть анализ брачных моделей в глобальной исторической перспективе, переведем их рассмотрение в менее масштабный гендерно-исторический контекст.

Брачная модель формировалась на основе культурных представлений и жизненных приоритетов людей, регулирующих свое матримониальное поведение в определенном спектре возможностей. В этой связи не вызывает сомнения то, что ранние браки, характерные для классической средневековой модели, предельно сужали это пространство для вступающих в брак (как юношей, так и девушек). И понятно, что совершенно иная основа для семейных отношений (близких к партнерским) складывалась в браках более зрелых людей и, к тому же, почти ровесников. Означал ли более поздний возраст

¹⁶ *Hartman, Mary S.* The Household and the making of history: A Subversive view of the Western past. Cambridge; N.Y., 2004.

¹⁷ Такое предположение высказал в свое время крупнейший специалист по истории средневековой семьи и домохозяйства Дэвид Херлихи. См.: *Herlihy D.* Medieval households. Cambridge (Mass.), 1985.

¹⁸ *Hartman, Mary S.* Op. cit. P. 216–217.

вступления в брак и более вероятную свободу выбора? Этот вопрос вызвал жаркие споры в среде гендерных историков и историков семьи, прежде всего англоведов, поскольку именно по этой стране введено в научный оборот подавляющее большинство таких источников, как семейная переписка, дневники, а также брачная статистика раннего Нового времени.

Так, американские историки Мириам Слейтер и Джон Гиллис утверждали, что родственники и, прежде всего, семья невесты продолжали и в раннее Новое время, как и в Средние века, играть важную роль в организации брака¹⁹. При этом они опирались на материалы, касающиеся разных социальных групп: Слейтер обнаружила сложные брачные стратегии, осуществляемые с целью укрепления семейных и родовых союзов в высших слоях, а наблюдения Гиллиса касались низших классов, в которых на решение о том, следует ли паре заключать предполагаемый брак, оказывали значительное влияние отношение соседей и позиция властей, которые могли просто наложить на него запрет, если кандидаты считались неимущими. Те же историки, которые оперировали свидетельствами, относящимися к положению средних слоев, доказывали, что хотя пары могли прислушиваться и к советам, и к угрозам, они все же были большей частью свободны в своем выборе²⁰.

Однако выводы участников этой дискуссии только кажутся противоречивыми. И дело даже не в том, что их расхождение можно объяснить как проявление социальной дифференциации, — сама полемика происходит из того, что исследователи, следуя за неизбежным «пристрастием» источников, сосредоточили свое внимание на конфликтных ситуациях. Действительно, речь идет о таких случаях, в которых имел место открытый и соответственно засвидетельствованный источниками конфликт между главными действующими

¹⁹ *Slater M.* Family life in the seventeenth century: The Verneys of Claydon House. L., 1984; *Gillis J.* For better, for worse: British marriages 1600 to the present. Oxford, 1985. См. также: *Women in English society 1500–1800* / Ed. by M. Prior. N.Y., 1985.

²⁰ *Macfarlane A.* Marriage and love in England. Modes of reproduction 1300–1840. L., 1986. См. также: *Pollock L.* Forgotten children: Parent-child relations from 1500 to 1900. Cambridge, 1983; *Houlbrooke R.* The English family 1450–1700. L., 1984; *Mendelson S.* The Mental world of Stuart women: Three studies. Brighton, 1987.

лицами и их семьями. В огромном же большинстве браков цели и стремления невесты и ее родителей, родственников и соседей совпадали: в глазах всех сторон лучшим мужем считался тот, кто мог обеспечить надежную защиту, доброе имя, положение в обществе. Вот почему даже те женщины, которые обладали самой большой свободой в выборе своих мужей, а именно вдовы и сироты, предпочитали руководствоваться в этом важнейшем решении не романтическими чувствами, а теми практическими соображениями здравого смысла, которые мы назвали бы расчетом. Однако в том, что касается противопоставления объявленного «бесчувственным» брака по расчету и «эмоционального союза», который якобы был несвойствен рассматриваемой эпохе, нельзя не согласиться с М. Уиснер, которая считает его необоснованным. Она справедливо обращает внимание на то, что «стремление к материальному благополучию, жажда социального престижа, упование на будущих детей были не менее важными эмоциями, чем сексуальное пристрастие. Любовь и влечение, которые женщина испытывала по отношению к мужчине, могли опираться на любую комбинацию из всех этих чувств»²¹.

В отличие от средневековой идеологии, одной из ключевых идей Реформации было как раз отрицание ценности безбрачия и прославление семейной жизни в качестве состояния, наиболее предпочтительного для духовного развития человека. Историки отмечают следующие различия в вопросах брака: протестантские брачные правила больше значения, чем католические, придавали согласию родителей и оставляли открытой возможность развода с последующим вступлением в новый брак, в тех случаях, когда имели место адюльтер или импотенция, а в некоторых странах и при отказе в сексуальных отношениях, при жестоком обращении, неизлечимой болезни (например, проказе). Невозможность развода для католиков несколько компенсировалась наличием институтов, которые давали приют покинутым женам и жертвам жестокого обращения (в протестантских странах подобных институтов не было). Это, однако, не внесло сколько-нибудь существенных изменений в брачные модели, поскольку все протестантские страны оказались в ареале распространения северо-западного варианта.

²¹ *Wiesner M. E. Women and gender in early modern Europe. Cambridge, 1993. P. 57–58.*

Более значительную роль в дифференциации брачных моделей играл социальный фактор. Социальное положение мужчин и женщин оказывало решающее влияние на матримониальное поведение — как на саму возможность вступления в брак, так и на возраст, в котором она реализовалась, как на способ (в условиях полного контроля со стороны родственников или при самостоятельном решении) и критерии выбора будущей супруги или супруга, так и на складывающуюся в этом браке модель внутрисемейных отношений, поскольку уже характером выбора брачного партнера закладывались основы отношений между супругами во вновь образованной семье.

Повсюду в Европе крестьяне и крестьянки заключали браки в более раннем возрасте, чем горожане и горожанки, и чаще формировали такие домохозяйства, в которых проживали вместе родственники разных поколений или женатые братья со своими семьями. Овдовев, они также чаще и через более короткий промежуток времени вступали в повторные браки. Женщины из высших слоев общества выходили замуж в более раннем возрасте, чем из низших, и разница в возрасте между супругами у них была больше. Те женщины, которые были вынуждены мигрировать в поисках работы, как правило, вступали в брак позже и с близкими по возрасту партнерами. В повторных браках²², которые составляли в среднем около одной пятой браков в странах Европы этого времени, отчетливо проявляется гендерная дифференциация: вдовцы заключали такие браки гораздо чаще и с более коротким интервалом, чем вдовы. Это отчасти объясняется, с одной стороны, нежеланием богатых вдов вновь терять обретенную было свободу, а с другой — непривлекательностью бедных вдов, в особенности немолодых, в качестве брачных партнеров²³.

Современники считали одной из главных обязанностей родителей обеспечить вступление в брак своих детей, однако их полномочия в этом деле определялись достаточно гибко. Когда мы переходим от наставлений средневековых проповедников и морализирующих авторов раннего Нового времени к источникам, свидетельст-

²² Речь идет о тех случаях, в которых брак являлся повторным хотя бы для одного из партнеров.

²³ *Todd B. The remarrying widow: a stereotype reconsidered // Women in English society 1500–1800 / Ed. by M. Prior. L., 1985. P. 54–92.*

вующим о реальной практике брачных союзов, то обнаруживаем, что исполнение родительского долга по устройству браков своих детей чаще ограничивалось советом и благословением, чем стремились к произволу, а степень возможного принуждения варьировалась в зависимости от насущных интересов и потребностей семьи, определяемых ее экономическим состоянием и социальным статусом. Среди аристократии и городских элит брак играл слишком важную роль в деле передачи собственности и укрепления родовых связей, чтобы оставить его на усмотрение молодым людям. Но даже в высших слоях общества брачная инициатива не оставалась всецело в руках родителей, при самом жестком давлении у молодых оставалось право отказаться от брака, и известно, что они — речь идет о сыновьях — им пользовались. В аристократических семьях родительское доминирование проявлялось сильнее в устройстве браков дочерей, чем сыновей, причем младшим детям предоставлялась большая свобода личного выбора, чем в случае брака наследника или наследницы. Хотя в имущих слоях интересы индивида, как правило, подчинялись интересам семьи, все же нередко матримониальная инициатива принадлежала молодой паре, и лишь затем браку сопутствовало согласие родителей. Светский образ жизни предоставлял достаточный простор для формирования брачных предпочтений молодых. В этой связи, например, стоит отметить, что иностранные путешественники часто выражали свое удивление той степенью свободы, которой пользовались англичанки даже высокого социального положения в общении с представителями противоположного пола²⁴.

Среди средних и низших слоев населения свобода выбора для молодых людей обоего пола была значительно шире. Ограничители здесь устанавливались не властью и матримониальными стратегиями родителей, а стремлением самой пары получить общее признание и одобрение своего выбора от всех заинтересованных сторон. Но даже в подобных случаях многое зависело от социально-групповой и гендерной принадлежности. Для представителей среднего класса согласие родителей было весьма значимым для будущего материального благосостояния создаваемой семьи — прагматические сооб-

²⁴ Подробно об этом см.: *Wrightson K. English society, 1580–1680. L., 1982. Chapter 3. Family formation. P. 66–88.*

ражения подкрепляли существовавшие брачные нормы. Но при этом, судя по фактам, приводимым в дневниках и автобиографиях XVI–XVII вв., сыновья располагали гораздо большим пространством свободы, в то время как девушки больше зависели от совета и согласия родителей или покровителей. Брачные надежды дочерей чаще пресекались невозможностью получить благословение родителей²⁵.

В XVI–XVII вв. отмечается усиление внимания к авторитету и роли патриархального главы семейства в религиозной и политической мысли эпохи. Но одновременно пуритане и другие протестантские писатели всячески подчеркивали власть жены над детьми и слугами, а также значение взаимной любви и привязанности между супругами. Эта тема осваивается и гуманистической литературой католической Европы²⁶. В этой связи историки ставят вопрос о действительном характере супружеских отношений, который нередко формулируется следующим образом: какому же из двух наставлений в семейной жизни — тому, что предписывало беспрекословное подчинение жены мужу, или тому, что рекомендовало строить семью на взаимном уважении и любви — больше следовали на практике?

После ряда продолжительных дискуссий исследователи, которые пытались найти однозначный ответ на этот вопрос в конкретно-историческом материале разных стран и регионов, так и не пришли к консенсусу. Они извлекли из источников огромный объем чрезвы-

²⁵ Ibid. P. 75–77.

²⁶ Лионская поэтесса Луиза Лабе писала в «Споре Безумия и Амура»: «...Тот, кто видит, как мужчина (каким бы добродетельным он ни был) изнывает в своем доме без ласкового общества жены, которая бережно распределяет его добро, заботится об удовольствии мужа, потихоньку держит его в узде, из боязни, чтобы он не слишком повредил своему здоровью, избавляет его от неприятностей или предотвращает их, успокаивает его, смягчает его нрав, ухаживает за ним во время болезни, составляет с ним два тела, четыре руки, две души и делает его более совершенным, чем первые люди платоновского “Пира”, — разве тот не признает, что супружеская любовь достойна одобрения? И он припишет это счастье не столько браку, сколько любви, поддерживающей брак. Если же ее нет, мужчина впадает в неистовство, он бежит и покидает свой дом. Если женщина не живет со своим мужем в любви, она никогда не смеется. Нет им покоя. Он хочет отдохнуть — она кричит. Их добро расточается, все идет прахом. И это — верное доказательство того, что только дружба в браке приносит удовлетворение, которое в нем ищут...». *Лабе, Луиза. Сочинения. М., 1988. С. 41.*

чайно противоречивой информации, в которой в изобилии представлены примеры и ситуации, свидетельствующие как о тирании мужей, так и о нежном взаимопонимании супругов. В этой «патовой» ситуации самое достоверное обобщение оказалось и наиболее очевидным: равные или почти равные отношения обычно складывались в тех матримониальных союзах, в которых супруги были близки по возрасту и социальному положению, а жена не только приносила в семью достаточно весомое приданое, но и могла опереться на активную поддержку своей родни в семейных конфликтах²⁷.

Впрочем, некоторые исследования позволяют получить более развернутое представление о внутрисемейных отношениях в отдельных странах и социальных группах. Так, Энн Крабб, на примере семейства Строщи в ренессансной Италии убедительно показывает, что эмоциональная и духовная близость играла важную роль, а удел флорентийских женщин из патрицианских семей был не столь мрачным, как это описывалось ее предшественниками, особенно в том, что касалось достижения статуса вдовства. При этом многое в их положении и в отношении к ним родственников (с обеих сторон) определялось той собственностью, которая оказывалась в их распоряжении после смерти супруга, и успешной стратегией семейной консолидации²⁸. В многочисленных исследованиях по истории брака и семьи в Италии XIV–XVII вв., опубликованных за последние четверть века, был проанализирован комплекс вопросов, затрагивающих многообразные аспекты формирования семьи, брачных норм и

²⁷ Interest and emotion: Essays on the study of family and kinship / Ed. by H. Medick, D. Sabean. Cambridge, 1984; *Klapisch-Zuber C.* Women, family, and ritual in Renaissance Italy. Chicago, 1985; *Pardaithe-Galabrun A.* The Birth of intimacy: Private and domestic life in early modern Paris. Philadelphia, 1991; *The Family in Italy from antiquity to the present* / Ed. by D. I. Kertzer, R. P. Saller. New Heaven, 1991; *Ferraro, Joanne M.* Marriage wars in late Renaissance Venice. Oxford; New York, 2001; etc.

²⁸ *Crabb, Ann.* The Strozzi of Florence: Widowhood and family solidarity in the Renaissance. Ann Arbor, 2000. (Ср.: *Абрамсон М. Л.* Алессандра Строщи и ее семья // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 2000. С. 29–69). По аналогичным вопросам см. также: *Chojnacki S.* Women and men in Renaissance Venice: Twelve essays on patrician society. Baltimore; London, 2000.

практики заключения браков, реалий внутрисемейных отношений, а также условий жизни вне брака²⁹.

Брачный статус был наиболее важной категорией различия в положении европейских женщин в раннее Новое время. Неслучайно в научной литературе сложилась традиция бинарной классификации женщин на замужних и незамужних с акцентированием большей социально-экономической самостоятельности второй группы. Однако недавно эта бинарная логика усложнилась, так как была введена третья категория — «никогда не бывших замужем женщин», и убедительно показаны кардинальные различия в жизненном опыте вдов и тех женщин, которые оставались одинокими на всем протяжении своей жизни: во-первых, гораздо более высокая степень социальной уязвимости последних, по сравнению с вдовами, имевшими правовые и социально-экономические привилегии, недоступные «пожизненно одиноким», а во-вторых, особая значимость для них отношений с братьями и сестрами и поддерживающей сети родственных связей за пределами нуклеарной семьи³⁰.

Ш. Маршалл в книге, посвященной истории нидерландского дворянства раннего Нового времени³¹, пришла, в частности, к выводу о том, что реалии семейной жизни, как, впрочем, это было выявлено и в других странах, не всегда укладывались в прокрустово ложе нормативов: «Жены и мужья часто были партнерами в семейных делах. И матери, и отцы участвовали в воспитании детей, поддерживая друг друга и внушая ценность взаимных отношений своим детям»³². Естественная теплота и эмоциональность внутрисемейных связей выражалась явственно и открыто на всех перевалах жизнен-

²⁹ Из недавних работ следует, в частности, упомянуть: *Laven, Mary*. *Virgins of Venice: Broken vows and cloistered lives in the Renaissance convent*. N.Y., 2002; *D'Elia A. F.* *The Renaissance of marriage in fifteenth-century Italy*. Cambridge (Mass.); London, 2004; *Eisenach E.* *Husbands, wives and concubines: Marriage, family and social order in sixteenth-century Verona*. Kirksville, 2004; *Women in Italy, 1350–1650: Ideals and realities. A Sourcebook* / Ed. by Mary Rogers and Paola Tinagli. Manchester, 2005; etc.

³⁰ *Froide, Amy M.* *Never Married: Singlewomen in Early Modern England*. Oxford, 2005.

³¹ *Marshall S.* *The Dutch gentry, 1500-1650: Family, faith and fortune*. N.Y. etc., 1987.

³² *Ibid.* P. 164.

ного пути и запечатлелась в дневниках, переписке между супругами и с детьми (в том числе с дочерьми), завещательных распоряжениях. На шкале ценностей индивидов любого пола сохранение единства семьи ставилось даже выше конфессиональной общности. Эта взаимность в межличностных отношениях опиралась на целый ряд оснований. Конечно, большое значение имели финансовая независимость и узаконенные права женщины в дворянской семье, но важную роль играли и другие факторы: относительно узкий возрастной интервал между супругами создавал изначально благоприятные условия для их взаимного сближения и установления партнерских отношений, а высокая детская смертность и реальная угроза угасания рода в условиях войны и революции повышали ценность каждого из выживших детей в глазах родителей и других домочадцев.

Исследовательский поиск специалистов по истории семьи и гендерной истории доиндустриальной эпохи довольно долго наталкивался на труднопреодолимое препятствие — отсутствие прямых и скудость косвенных данных о внутрисемейных отношениях в средних и низших общественных слоях. Прорыв в этом направлении оказался возможным благодаря использованию литературных и окололитературных текстов разного уровня.

Так, британский историк Дж. Шарп ввел в источниковую базу истории гендерных отношений XVII столетия массовый материал дешевых и популярных печатных изданий для простонародья, который содержит неоднозначные, косвенные, но ничем другим невозполнимые свидетельства о матримониальных и гендерных представлениях в этой среде³³. Изучив тексты многочисленных народных баллад, а также имевших широкое хождение сборников шуток, пословиц и поговорок, Шарп обратил особое внимание на то, как в них преломились три аспекта брачного поведения: выбор партнера, распределение прав и обязанностей по хозяйству, отношения между супругами. Соблюдая исключительную осторожность, необходимую при анализе такого рода источников, исследователю удалось доказать, что именно браки по любви считались нормальными и желательными, свобода в выборе партнера воспринималась как должное, браки по расчету считались предосудительными и заведомо несчаст-

³³ *Sharpe J. A. Plebeian marriage in Stuart England: Some evidence from popular literature // Transactions of Royal Historical Society. 1986. Vol. 36. P. 69–90.*

ливыми. Несмотря на строгое разграничение ролевых функций между мужем и женой, определяющим было представление о теплых, любовных отношениях между ними.

Вместе с тем в балладах нашли свое место идеология мужского превосходства и одобрение патриархальной системы. Отношения между супругами располагались в очень широком спектре, соответствующем жанровым различиям: от сатирически изображаемых бурных конфликтов до трогательных любовных сцен и равноправного партнерского участия в совместном принятии решений. Важно подчеркнуть то, что это были не нормативные предписания и не высказывания конкретных исторических лиц или описания бытовых реалий, но речи и действия вымышленных персонажей, которые по замыслу должны были оправдывать ожидания читателей, а следовательно так или иначе соответствовать представлениям, чувствам, мыслям, убеждениям, надеждам и даже фантазиям многих простых людей — мелких собственников, слуг, подмастерьев, представителей тех общественных слоев, которые составляли ядро потребителей произведений массовой культуры. Можно говорить о самостоятельном значении некоторых литературных реминисценций, но было бы нелепо отрицать роль реального и претворенного жизненного опыта в формировании этих текстов, как и всей культурной среды.

Рассматривая состояние и способы разрешения брачно-семейных проблем в средних и низших слоях населения провинциальной Англии в XVIII столетии, Джоанна Бейли сосредоточила внимание на конфликтах между супругами, приводивших к судебным разбирательствам и крушению брака³⁴. Конечно, использование судебных протоколов и газетных отчетов, которые фиксировали только кризисные ситуации, могло бы привести к смещению акцентов и искажению общей картины, но автору удалось найти необходимый баланс свидетельств и описать модель «супружеской взаимозависимости», в которой совпадение интересов мужчин и женщин позволяло обеспечить «относительно счастливое сосуществование». Важная и необходимая роль, которую женщины играли в домохозяйстве и воспитании детей, давала им более высокий статус в браке, чем это обычно признавалось. Собранный Дж. Бейли

³⁴ *Bailey, Joanne. Unquiet Lives: Marriage and Marriage Breakdown in England. Cambridge, 2003.*

конкретно-исторический материал по «долгому XVIII веку» позволил ей утверждать, что мужья и жены «не были марионетками несправедливого гендерного порядка»³⁵: они были в состоянии адекватно реагировать на изменяющиеся представления о маскулинности и феминности и даже противостоять им. В свою очередь, Э. Гордон и Г. Нэйр, исследуя положение женщин в семьях среднего класса уже в викторианскую эпоху, подчеркивают неформальность многих сторон их семейной жизни и развенчивают давно сложившиеся стереотипы, рисуя замужних женщин как окруженных заботой, но в то же время заточенных в узком домашнем кругу узниц, а одиноких женщин — как обреченных в лучшем случае на «достойную бедность»³⁶. С другой стороны, в работах Алисон Твеллс, опирающейся на методы микроистории³⁷, «домашняя жизнь» антифеминистски настроенных женщин-евангелисток в их собственном восприятии предстает духовно насыщенной и наполненной высшим смыслом не только благодаря активной филантропической деятельности, но и их миссионерскими устремлениями в повседневной жизни в семейном кругу:

«Незаинтересованность многих евангелисток в “женском вопросе” проистекала из отсутствия чувства недовольства по поводу ограниченности “женской сферы”... Их осознание себя как преимущественно “домашних” не означало отстранения от обязательств перед остальным миром. Напротив, их домашняя жизнь была насквозь пропитана “общественными” и глобальными интересами. Миссионерское призвание определяло семейную жизнь и воспитание детей, их нравственное и формальное образование, нравственное обучение слуг и организацию досуга всего семейства»³⁸.

³⁵ Ibid. P. 204.

³⁶ Gordon E., Nair G. Public Lives: Women, Family and Society in Victorian Britain. New Haven; London, 2003.

³⁷ Twells, Alison. “Let us begin well at home”: Class, ethnicity and Christian motherhood in the writing of Hannah Kilham // Radical femininity: Women’s self-representation in the public sphere / Ed. by E. J. Yeo. Manchester, 1998. P. 25–51; Eadem. Missionary domesticity, global reform and ‘woman’s sphere’ in early nineteenth-century England // Gender and History. 2006. P. 266–284. См также: Wollstonecraft’s daughters: Womanhood in England and France, 1780–1920 / Ed. by C. Campbell-Orr. Manchester, 1996.

³⁸ Twells A. Missionary domesticity... P. 268.

Изучение гендерных аспектов истории брака и семьи в Новое время неразрывно связано с концепцией разделения частной и публичной сфер жизни, а в последние десятилетия — с ее пересмотром, с переходом от дихотомической к диалектической интерпретации соотношения частного и публичного в «домашней сфере»³⁹. Сегодня историческая ретроспектива для так называемой «супружеской семьи», возникновение которой связывалось с модернизационными процессами Нового времени и с «трансформацией публичной сферы», представляется специалистам гораздо более глубокой и не ограниченной европейским цивилизационным пространством. С другой стороны, целый ряд исследований по истории XVII–XIX вв. показал взаимосвязь и взаимозависимость частной и публичной сфер, а также вовлеченность «приватных людей» (мужчин и женщин) в сети отношений, охватывающих обе эти сферы⁴⁰.

Особым и наименее разработанным направлением изучения гендерной асимметрии в пространстве семейной жизни является история отношений между родителями и детьми разного пола, а также между братьями и сестрами. Некоторые вопросы, так или иначе связанные с данной проблематикой (в частности, различные модели выхаживания и воспитания девочек и мальчиков) затрагиваются в исследованиях по истории детства, отцовства и материнства⁴¹, и

³⁹ Подробнее об этом и обширную библиографию работ по данной проблеме см. в статье: *Репина Л. П.* Выделение сферы частной жизни как методологическая и историографическая проблема // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1996. С. 20–32. Критику эволюционистского подхода к истории семьи и связанной с ним интерпретации понятия публичной сферы Юргена Хабермаса см. в статье: *Tadmor, Naomi.* Revisiting the public sphere and the history of the family // *Vänskap över gränser en festskrift till Eva Österberg / Redaktörer: K. Johansson, M. L. Cronberg.* Lund, 2007. P. 217–232.

⁴⁰ *Tadmor N.* Op cit. P. 227–228.

⁴¹ Об отношении к детству вообще и об отношениях между родителями и детьми см.: *Cunningham H.* The Children of the poor: Representations of childhood since the seventeenth century. Oxford, 1981; *Pollock L.* Forgotten children: Parent-child relations from 1500 to 1900. Cambridge, 1983; *Histoire des pères et paternité.* Paris, 1990; *Atkinson C. W.* The Oldest vocation: Christian motherhood in the Middle Ages. Ithaca, 1991; *Sommerville C. J.* The Discovery of childhood in Puritan England. Athens, 1991; *Mitterauer M.* A History of youth. Oxford, 1992; *Medieval mothering / Ed. by J. C. Parsons and B. Wheeler.* N. Y.; London, 1996; *Conflicted identi-*

особенно — положения матерей-одиночек⁴². Но, как показывают аналитические обзоры имеющихся публикаций⁴³, историки материнства, отцовства и детства, сосредоточившись на центральных вопросах своей темы, как правило, оставляют за кадром интересующий нас вектор гендерной дифференциации.

Статьи, предлагаемые на суд читателя в настоящем сборнике, группируются вокруг трех тематических блоков, в которых рассматривается гендерный срез истории семьи как базовой ячейки общества, брачно-семейных (супружеских) отношений и отношений между родителями и детьми. Отнюдь не претендуя на попытку исчерпать тему, авторы в данном случае предпочитают крупным историческим полотнам казуальный подход, опираясь главным образом на микроанализ и раскрывая общее и уникальное в каждой конкретной ситуации — в браках, которые заключаются на земле, в семьях счастливых и несчастных по-своему, в контексте исторической повседневности и в «воображаемой реальности» культурных представлений.

ties and multiple masculinities: Men in the medieval West / Ed. by J. Murray. N.Y.; London, 1999; *Crawford, Sally*. Childhood in Anglo-Saxon England. Stroud, 1999; *Dockray-Miller, Mary*. Motherhood and mothering in Anglo-Saxon England. Basingstoke; London, 2000. См. также: *Арнаутова Ю. Е.* «Святой! Помоги мне, иначе я потеряю свое дитя» (дети и детские недуги в зеркале средневековых мифов XII–XIII вв.) // Социальная история. Ежегодник 2000. М., 2000. С. 285–306.

⁴² В этом ракурсе максимально высвечиваются различия в феминных и маскулинных стратегиях поведения. См., например: *Bailey, Joanne*. Unquiet lives: marriage and marriage breakdown in England 1700–1850. Cambridge, 2003; *Evans, Tanya*. ‘Unfortunate objects’: Lone mothers in eighteenth-century London. Basingstoke, 2005.

⁴³ Обзор ряда зарубежных работ по этой теме см. в статье: *Пушкарева Н.* Зарубежная историография “истории материнства” как проблемы социальной истории // Женщины в истории: возможность быть увиденными / Под ред. И. Р. Чикаловой. Вып. 3. Минск, 2004. С. 131–153. В особом контексте развития феминизма и борьбы женщин западноевропейских стран за равноправие в конце XIX–XX вв. ставится проблема материнства в книге: *Allen, Ann Taylor*. Feminism and motherhood in Western Europe, 1890–1970: The Maternal dilemma. N.Y., 2005. См. также: *Kent, Susan Kingsley*. Making peace: The Reconstruction of gender in Interwar Britain. Princeton, 1993; *Todd, Selina*. Young women, work, and family in England, 1918–1950. Oxford, 2005.

«ПОКА СМЕРТЬ НЕ РАЗЛУЧИТ ВАС...»

М. С. ПЕТРОВА

ИСТОРИЯ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЭЙНХАРД И ИММА*

В латинских текстах раннего Средневековья сведений о состоящих в браке женщинах, их повседневных занятиях и деятельности немного. В целом, их удел, в том числе и знатных¹, был невелик: собственно, замужество, часто из социальных или экономических соображений, рождение детей, их воспитание, присмотр за хозяйством. Однако случалось так, что женщина становилась единомышленницей, советчицей и другом своего мужа. Хороший пример являют собой отношения Эйнхарда (ок. 770–840)² и Иммы (ум. 836 г.), реконструируемые нами как по его текстам и письмам, составленным разным людям³ (и их ответов ему⁴), так и

* Работа выполнена в рамках коллективного проекта «Гендер и власть», а также при поддержке Фонда «Дом наук о человеке» (Fondation Maison des sciences de l'homme [FMSH], Paris). В основу статьи положены материалы лекции спецкурса «Культура эпохи Каролингов», прочитанного в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ), Москва (ноябрь – декабрь, 2007 г.).

¹ Здесь мы не рассматриваем случаев, когда находящиеся у власти женщины (например, императрица Юдифь, жена Людовика Благочестивого) проводили собственную политику, играя особую роль в обществе.

² О жизни Эйнхарда и его окружении см. Петрова М. С., «Эйнхард: историк в истории», в кн.: *Эйнхард, Жизнь Карла Великого* [далее, *Эйнхард, ЖК*] (М.: Институт св. Фомы, 2005), с. 7–26.

³ Среди корреспондентов Эйнхарда были и правящие особы (Людовик и Юдифь, их сыновья Лотарь и Людовик), и выдающиеся ученые и богословы (аббат Фульды Рабан Мавр, аббат монастыря в Ферье Серват Луп, епископ Вормса Бернарий, архиепископ Майнца Отгар, аббат Фонтанелл Ансегис, аббат монастыря св. Галла Госберт и др.).

посланиям, пусть весьма малочисленным, его жены Иммы⁵, а также по ряду иных документов.

Вероятно, Эйнхард женился на Имме (которая, возможно, была сестрой Бернария, епископа Вормского и аббата Вейзенбургского⁶) вскоре после смерти (814 г.) Карла Великого^{7/8}. На это указы-

⁴ Например, письма Бернария (см. *Einharti epistolae* 2 – 3, ed. K. Hampe (далее, *Einh. ep.* [Hampe]), Monumenta Germaniae Historica (далее, MGH): *Epistolae*, vol. 5 (Hanover: Weidmann, 1898–1899; reprint. 1974), p. 109–111; или см. *Eginhardi epistolae* (далее, *Eginh. ep.*) XXXI: *Ad N. Episcopum*, Patrologia Latina, ed. J.-P. Migne (далее, PL), vol. 104, Idid. XXXII: *Ad amicum*: 520D – 521AB); письма Сервата Лупа (см. PL 104, 119) и др.

⁵ Они помещены в собрание писем Эйнхарда. См. *Einh. ep.* 37 – 38 (Hampe, p. 128–129), или см. *Eginh. ep.* XV: *In persona Bomae ad Blidthrut* 514CD, PL 104 (перевод см. ниже).

⁶ В подтверждение можно привести фразу из письма (ок. 826 г.) Бернария Эйнхарду (см. *Einh. ep.* 3 (Hampe, p. 110–111): “Imma, soror dilectissima, his esto adiutrix; tibi que animam commedo”, или см. *Eginh. ep.* XIXII, 521AB, PL 104), интерпретация которой неоднозначна. Словосочетание “dilectissima soror” может не только указывать на родственные связи, но и быть общепринятым обращением к сестре по вере. Ср. *Einh. ep.* 37 [Hampe, p. 128] (см. ниже, примеч. 13).

⁷ Возможно, Эйнхард женился на Имме раньше — в конце правления Карла. Об этом свидетельствует сохранившаяся в *Лоршской хронике* история об одном любовном приключении. Ее действующими лицами являются «архикапеллан и нотариус императора Карла» Эйнхард и Имма, «дочь самого императора Карла, которую сватали за царя греков» (“... a filia quoque ipsius imperatoris, Imma nomine, regi Gregorum desponsata...”). Вероятно, их имена (которые и свидетельствуют об их браке по воле Карла), намеренно или по ошибке, были поставлены на место пары легендарных любовников — придворного поэта Ангильберта и дочери Карла Берты, которых сам Карл застиг при компрометирующих обстоятельствах: «Берта и влюбленный в нее Ангильберт (позднее он станет аббатом монастыря св. Рикье. — М. П.) утаивали свою связь от Карла. Но однажды ночью Ангильберт, не в силах сдержать свою страсть к Берте, прокрался в ее спальню, где и оставался до самого утра. Когда Ангильберт пожелал вернуться в свои покои, которые располагались в другом здании, то к своему великому ужасу, обнаружил, что не может это сделать незаметно. Ночью выпал снег, на котором отпечатлелись бы следы его ухода из императорских покоев. Дабы этого не случилось, Берта придумала хитроумный план сокрытия пребывания Ангильберта в своей спальне. Она посадила его к себе на закорки и несла на себе до его покоев — так, что на снегу остались только жен-

вает то, что сын Карла и его наследник Людовик 11 января 815 года пожаловал Эйнхарду и его жене в подарок земли в Михленштадте и в Муленхайме⁹.

О досуге и образованности Иммы можно строить лишь предположения: скорее всего, она, подобно своей знаменитой современнице Дуоде (IX в.), воспитывалась дома, где ее обучили письму и чтению.

Совместная жизнь супругов была достаточно долгой: с 815 года (или даже ранее) и до самой смерти Иммы в 836 г. О том, что отношения между супругами могли быть теплыми и нежными, свидетельствует личное письмо Эйнхарда, составленное по просьбе жены между 826–836 гг., в котором он называет ее «Бомой»¹⁰. У них не было детей; во всяком случае, документальных свидетельств не сохранилось. Впрочем, в составленной супругами 12 сентября 819 г. грамоте о дарении Михленштадта Лоршскому мо-

ские следы. Однако любовники забыли, что Карл не терял бдительности, даже когда спал. Случайно проснувшись и выглянув в окно, король увидел свою дочь Берту, движущуюся через двор с Ангильбертом на спине. Некоторое время Карл молчал об увиденном, но после, простив обоих, дал разрешение на женитьбу» (здесь и далее перевод наш). Скорее всего, реальная история впоследствии превратилась в легенду или анекдот; с течением времени могло стереться воспоминание о настоящих участниках этого события, или же автор хроники описал эту историю так, как услышал ее сам. См. *Chronicon Laureshamense*, ed. K. A. F. Pertz, MGH: Scriptorum (Hanover: Hahn, 1869; reprint. Leipzig, K. W. Hiersemann, 1925) vol. 21 (далее, *Chronicon Lauresh.*), p. 357-359. Также см. R. Folz, "Le souvenir et la légende de Charlemagne dans l'empire germanique médiévale", *Publications de L'université de Dijon* 7 (Paris, 1950), p. 342-243; Dutton, P. E., *The politics of dreaming in the Carolingian Empire* (Lincoln – London: University of Nebraska Press, 1994), p. 13-14, n. 29; p. 265.

⁸ Наш комментированный перевод сочинения Эйнхарда о Карле см.: *Эйнхард, ЖЖ*, с. 50-151. Там же приводится оригинальный текст по: *Einhardi Vita Karoli Magni*, ed. O. Holder-Egger, MGH: Scriptorum Rerum Germanicarum in usum scholarum (далее, SRG) (Hanover, 1911; reprint. 1965).

⁹ См. *Chronicon Lauresh.*, p. 359-360.

¹⁰ См. *Eginh. ep. XV: In persona Bomae ad Blidthrut* 514CD, PL 104 и примеч. i (514D) к этому месту, где указано чтение Петца (Petzsius), полагавшего, что под "Бомой" следует понимать Имму, жену Эйнхарда. В издании К. Гампа дано чтение "Imma" (см. *Einh. ep.* 37, v. 20 [p. 128] — перевод см. ниже).

настырю¹¹ содержится намек на то, что в то время у них еще мог быть ребенок, вероятно, мальчик¹².

Очевидно, в замужестве Имма вела хозяйство и надзирала за людьми, о чем свидетельствует упомянутое выше письмо, составленное Эйнхардом от ее имени и адресованное сестре Блитруде¹³:

«Дражайшей сестре Блитруде подруга Бома желает всего наилучшего и вечного спасения во Господе. Один ваш слуга из Мосбах по имени Вегилон взял себе в сожительницы некую свободную женщину и теперь, опасаясь Вашего гнева и гнева своего господина Альбина, бежал вместе с ней в церковь св. Марцеллина и Петра. Ради него я прошу Вашу Милость соблаговолить заступиться за него [перед Альбином] вместо меня так, чтобы с разрешения Альбина и Вашего, он мог оставить у себя женщину, которую взял. Желая Вам здравствовать вечно [во Господе].»

Однако об одном деле, в котором она, похоже, оказала мужу существенную помощь, и которое связано с даром Людовика супругам земель в Михленштадте и в Муленхайме, следует сказать особо. Именно в Михленштадте Эйнхард на свои средства постро-

¹¹ См. *Chronicon Lauresh.*, p. 360; или см. *Einhardi Chartae* I, 601A–602C, PL 104.

¹² На этот факт указал П. Даттон (см. Dutton, P. E., “An introduction to Einhard”, *Charlemagne’s courtier* (Broadview press, 1998) (далее, Dutton [1998]), p. xxxv–xxxvi). Мы же напомним о дарении родителями Эйнхарда земельной собственности Фульдскому монастырю, в котором их сын получил начатки образования. См. *Codex diplomaticus Fuldensis*, ed. E. F. J. Dronke (1850; reprint. 1962), p. 103: “Ego Einhart et coniux mea Engilfrit donamus et tradimus... quicquid in Urithorpfe proprietatis habemus...” («Я, Эйнхард, и жена моя Энгилфрит дарим и передаем [монастырю]... то, что имеем в собственности в Уриторфе»). Вполне возможно, что Эйнхард и Имма сделали то же самое ради своего ребенка.

¹³ См. *Eginh. ep. XV: In persona Bomae ad Blidthrut* 514CD, PL 104: “Dilectissimae sorori Blidthrut, Boma amica et bene cupiens tua, aeternam in Domino salutem. Quidam servus vester de Makesbah, nomine Wenilo, quamdam liberam feminam accepit sibi in conjugium, et modo timendo iram vestram, simul et domini sui Albin, confugit ad limina sanctorum Marcellini et Petri. Pro quo rogo charitatem tuam ut mea vice apud illum intercedere digneris, quatenus ei liceat, cum sua et tua gratia, feminam illam quam accepit, habere. Opto ut semper bene valeatis”; или см. *Einh. ep.* 37 (Hampe, p. 128).

ил часовню. Он думал, какому святому ее посвятить и «как получить для нее нечто из подлинных останков святых», покоящихся в Риме «в забытых и оставленных без внимания могилах»¹⁴. Желание Эйнхарда было мотивировано не только законом, согласно которому каждый монастырь, приход и церковь Франкии должна была владеть какими-либо реликвиями¹⁵, но и тем, что с их помощью он мог экономически возвысить построенную там церковь. Отправив своих людей в Рим за останками святых, Эйнхард в итоге получает «желанные сокровища» — мощи блаженных мучеников Марцелина и Петра — и «дает им покой в своих владениях»¹⁶.

Однако изложенные Эйнхардом обстоятельства извлечения останков из склепов и перенесения их в другие места похожи на обычное хищение, несмотря на то, что сам Эйнхард представляет дело так, будто оно осуществлялось не столько по его личному желанию, сколько по божественной воле. Он подробно рассказывает о «прибытии» святых во Франкию, торжественном и почетном перенесении, бегло упомянув о том, каким образом его посланники обнаружили останки; как они прятались в Риме, следя за обстановкой в городе, с какими предосторожностями шли по Италии¹⁷.

¹⁴ См. *Translatio et miracula sanctorum Marcellini et Petri auctore Einhardo* I, 1; I, 8, ed. G. Waitz, MGH: Scriptores (Hanover: Hahn, 1888), vol. XV. 1 (далее, *Einh. Translat.*). Наш комментированный перевод первой книги этого трактата см. в сб. *Средние века*, вып. 65 (М.: Наука, 2004) с. 295–310.

¹⁵ Речь идет о каноне *Item placuit* Пятого Карфагенского Собора (401 г.), согласно которому предписывалось иметь мощи в каждом алтаре... См. Петров В. В., «Мир живых и святые мертвецы в раннем Средневековье», в кн.: *Питер Браун, Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве* (М.: Росспэн, 2004) с. 195–197.

¹⁶ О том, что святые реликвии были доставлены во Франкию, было отмечено в *Анналах королевства франков*, хотя имя причастного к этому Эйнхарда в них не упомянуто. См. *Annales regni francorum* (a. 827), ed. G. H. Pertz, F. Kurze, MGH: SRG (Hanover: Hahn, 1895), vol. 6, p. 121; или см. *Annales regni francorum*, *Fontes ad historiam regni francorum aevi karolini illustrandam*, I–III, Pars prima (I), ed. F. Kurze, G. Waitz, G. H. Pertz, E. Müller, cur. R. Rau (Berlin: Rütten & Loening, [без указания года]) [далее. *Fontes HRFАKI* (I)], p. 150. Имя Эйнхарда, в связи с переносом останков, указано в трактате неизвестного автора — см. *Аноним, Жизнь императора Людовика* 41, *Fontes HRFАKI* (I); русск. пер. А. В. Тарасовой см.: Аноним, *Жизнь императора Людовика* 41, в кн.: *Историки эпохи Каролингов* (М.: РОССПЭН, 1999), с. 69.

¹⁷ Подробнее см. Петрова М. С., «Эйнхард и его святые мертвецы», *Средние века* 65 (2004) с. 289–295.

О том, что Имма знала об этом деле и имела к нему непосредственное отношение, можно судить по ее письму, адресованному неизвестному получателю. Контекст письма в сопоставлении с историей переноса мощей Марцеллина и Петра из Рима во Франкию, позволяет реконструировать степень ее участия в нем¹⁸:

«Имма, ваш преданный [друг] желает вечного спасения во Господе своему почтенному и возлюбленному господину и сыну N. После того как ваш преданный посланец N. прибыл к нам и передал мне ваше письмо для меня, я с удовольствием принялась делать [то], что, насколько я смогла понять [из вашего письма], нужно было делать. Вам решать и судить, покажется ли, что [дела], которые вы между собой решили исполнить, являются не только полезными, но и будут признаны благопритойными для обеих сторон, и что со стороны закона не будет порицаний к тем, кто совершил сие для блага многих... Насколько я понимаю, это [дело] может быть исполнено только будучи предпринято в подходящий момент, поскольку, как вы и сами хорошо знаете из сказанного Соломоном [Еккл 3:1] только те [дела] достигают успеха и считаются праведными, которые совершаются в должное время. Желаю вам, дражайший сын, всегда процветать во Христе».

Очевидно, это письмо — ответное и было написано Иммой после получения сообщения от неизвестного человека, которого она называет «сыном». (Можно предположить, что именно этот человек, весьма молодой и достаточно знатный, ранее уже писал ей по поручению Эйнхарда.) Из письма Имма узнала, что останки Марцеллина и Петра уже перенесены на территорию Франкии и что ей надлежит предпринять некие действия по подготовке места в монастыре для

¹⁸ См. *Einh. ep.* 38 (Hampe, p. 128–129): “Domino et filio venerando ac diligendo N. Imma fidelis [avia] vestra sempiternam in Domino salutem. Postquam fidelis missus vester N. ad nos venit et mihi litteras vestras reddidit, quicquid in his [utilitatis] cognoscere potui, libenter facere certavi. Vestrum [perpendere est et con]siderare, ut ea, que inter vos agere disponitis, non solum utilia, sed etiam honesta ex utraque parte inveniatur, et quod [iusta eorum non sit] reprehensio, qui ob multorum profectum id, quod agere u. s. ... os ... pronunciatus. Quod ita demum fieri posse video, si suo [quicquid tempore] fiat, quia, sicut vos optime nost[r]is, iuxta Salomonem [ea tantum profectum] habent et ea rectae fiunt, que in suo tempore fiunt. Opto te semper in Christo bene valere, fili carissime”.

их «вечного упокоения». Имма, извещая о получении письма и о том, что она из него поняла, не называя имен, выражает надежду, что *содейнное не только не нанесет вреда репутации участников тех событий, но и послужит на благо всего общества*. Возможно, это письмо было составлено Иммой незадолго до того, как сам Эйнхард, узнав, что его приказ выполнен, выехал навстречу своим посланникам, встретил их на территории Франкии и присоединился к торжественной процессии¹⁹. Нашу трактовку подтверждает письмо (826 г.) епископа Бернария Эйнхарду²⁰, в котором выражена надежда, что именно Имма окажет мужу помощь в насущных делах. Если это так, то Имма не только была посвящена в подробности всего предприятия, воодушевляла его исполнителей и помогала им советами, но и посильно участвовала в нем.

Примерно через три года после этого события (826–827 гг.) здоровье Эйнхарда стало ухудшаться. В начале 830 г. в письме к Герварду²¹ он пишет о болях в желудке и боку, жалуясь на продолжительное недомогание²². В следующем письме к некоему другу (вероятно, также к Герварду), написанном в апреле 830 г., он вновь говорит об одолевающих его болезнях²³. Несколько позже (в том же 830 г.) Эйнхард навсегда покидает Ахен и двор Людовика: переселившись в Муленхайм (впоследствии Зелигенштадт), он становится хранителем останков Марцеллина и Петра. Его жена Имма умирает в начале 836 года. Ее кончину Эйнхард тяжело переживает, о чем свидетельствуют его письма к Сервату Лупу²⁴. В одном из них, составленном в начале того же года, он упоминает о событиях, нарушивших его душевное спокойствие (здесь он, скорее всего,

¹⁹ См. *Einh. Translat.* I, 9.

²⁰ См. *Einh. ep.* 3 (Hampe, p. 110–111), или см. *Eginh. ep.* XXXII: *Ad amicum* 512AB, PL 104.

²¹ Гервард был придворным библиотекарем (ок. 828) Людовика. Позднее он отошел от дел и удалился в Лоршский монастырь.

²² См. *Eginh. ep.* XIV: *Ad Gerwardum bibliothecarium* 514AC, PL 104, или см. *Einh. ep.* 52 (Hampe).

²³ См. *Eginh., ep.* XLI: *Ad amicum* 526BD, PL 104, или см. *Einh. ep.* 14 (Hampe, p. 117).

²⁴ О встрече Эйнхарда и Лупа, их знакомстве и общих интересах см. Петрова М. С., «Из истории одного манускрипта (Parisinus Latinus 6370)», *Диалог со временем* 18 (2007), с. 365–369.

имеет в виду болезнь и недавнюю смерть Иммы) и пишет о душевной боли и страдании, которые испытывает со дня кончины Иммы — «той, что была не только преданной женой, но любящей сестрой и соратником во всех начинаниях»²⁵. Сам Эйнхард пережил супругу всего лишь на четыре года. Он скончался 14 марта 840 года, в возрасте около 70 лет. Спустя несколько лет Рабан Мавр написал эпитафию²⁶:

«Молю тебя, входящего в сей храм, не откажись узнать, кто лежит в этой могиле, и о ком напоминает это место. Здесь знатный муж лежит, покоясь в этом склепе, которого родитель нарек Эйнхардом. Мудрый, он выделялся умом, порядочностью в поступках, плавностью речи, был сведущ во многих искусствах. Государь Карл воспитал его при своем дворе. Благодаря ему [Эйнхард] совершил великое множество деяний. Он воздал должные почести святым [Марцеллину и Петру]. Разыскав в Риме их тела, он перенес их сюда, чтобы они откликнулись на многие молитвы, позаботились об исцелении [немоющих], а его душе даровали небесное царство. Христе, Боже, Спаситель, Правитель и Создатель человека, дай, Милосердный, [мужу] сему вечный покой на небесах.»

Гробница Эйнхарда находилась в базилике Зелигенштадта²⁷ (Бавария), к юго-востоку от Франкфурта.

²⁵ См. *Eginh. ep.* LXIII: *Ad Lupum amicum suum* 535C – 538A, PL 104; или см. *Einh. ep.* [Appendix] (Намре, р. 146-149). В ответном письме (апрель, 836 г.) Луп соболезнует Эйнхарду, в связи с утратой супруги. См. *Lupus Ferrariensis*, 9 *Ep.* IV: *Ad Eginhardum* 440C, PL 119.

²⁶ См. *Rabanus Maurus*. II *Epitaphia Einhardi* 1669 BD, PL 112: “Te peto, qui hoc templum ingrederis, ne noscere spernas // Quid locus hic habeat, quidque tenens moneat, // Conditus ecce jacet tumulo vir nobilis isto, // Einhardus nomen cui genitor dederat. // Ingenio hic prudens, probus actu atque ore facundus // Exstitit, ac multis arte fuit utilis. // Quem Carolus princeps propria nutrit in aula, // Per quem et confecit multa satis opera. // Nam horum sanctorum condigno functus honore, // Exquirens Romae corpora duxit et huc, // Ut multis prosint precibus cura que medela, // Ipsiusque animae regna poli tribuant. // Christe Deus, hominum Salvator, Rector et Auctor, // Aeternum huic requiem da super astra pius”.

²⁷ Об этом см. в примеч. (nota b) к тексту Рабана Мавра (1669D, PL 112).

ЛОНДОНСКИЙ ОЛДЕРМЕН XIV ВЕКА И ЕГО СУПРУГА: ДЖОН И ДЖОАН ПАЙЕЛ

Устойчивым клише стало представление о том, что Средневековье осознавало себя как общество, в котором господствует деятельный мужчина, и не принимается активная деятельность женщин. Однако, как справедливо замечает А. Л. Ястребицкая, такое неприятие женской активности не означало, что они действительно были не причастны к публичным делам¹. Реалии жизни далеко не всегда полностью соответствовали общественным установкам и нормативам. Это наглядно проявлялось в семье — структуре, в которой не только реализуется взаимодействие полов, но и перекрещиваются и воздействуют друг на друга приватная и публичная сферы жизни, осуществляется координация и взаимное регулирование репродуктивной и всех других форм человеческой деятельности², а также в полной мере дает о себе знать «гендерная идентичность». И далеко не случайно одним из востребованных направлений современных гендерных исследований становится проблема «гендер и семья»³.

Обратимся к истории жизни лондонского олдермена 1369–1382 гг. Джона Пайела и его супруги Джоан и попытаемся восстановить картину взаимоотношений между ними, наметив особенности двух моделей поведения — «мужской» и «женской». В качестве источников прежде всего будут привлечены: картулярий Джона Пайела⁴, два его завещания — от 25 июня 1377 г. и конца февраля 1379 г., и завещание Джоан Пайел, составленное в 1411 г.⁵.

¹ См.: Ястребицкая А. Л. Проблема взаимоотношения полов как диалогических структур средневекового общества в свете современного историографического процесса // Средние века. М., 1994. Вып. 57. С. 134–135.

² См.: Ретина Л. П. Гендер, власть и концепция «разделенных сфер» // Ретина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. С. 89.

³ О современной отечественной историографии гендерной истории см.: Ретина Л. Gender studies in Russian historiography in the nineteen-nineties and early twenty-first century // Historical Research. 2006. V. 79. № 204. P. 270–286.

⁴ См.: Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / Ed. by S. J. O'Connor. L., 1993. Camden fifth series. V. 2. P. 101–192. Картулярий Джона

Лондон XIV в. предстает перед исследователями как один из средневековых «мегаполисов» с населением, по разным оценкам, от 40 до 80–100 тыс. человек⁶, с многоотраслевым хозяйством. Это был город, благополучие которого основывалось на ремесленном производстве и обслуживающих отраслях, но в первую очередь — на морской и внутренней, распределяющей по характеру, торговле⁷. Именно торговля и теснейшим образом связанные с ней разнообразные финансовые операции и ремесла служили важнейшим фундаментом жизнеспособности и процветания английской столицы⁸.

Пайела представляет собой 120 бумажных свитков, содержащих 255 актов и грамот за период 1348–1369 гг., в оригинале написанных на латинском и французском языках. Все они в переводе на английский язык представлены в публикации С. О'Коннора. Подавляющее большинство грамот и актов касаются владельческих прав Джона Пайела и членов его семьи на земли в столице и графствах Англии. Важно отметить, что содержание картулярии значительно шире и не исчерпывается лишь вопросами землевладения. По оценке самого публикатора, картулярии дают возможность составить «персонифицированное представление о городском среднем классе, стремительно набиравшем силу и влияние» (*O'Connor S. J. The Cartularies: the Cartulary tradition // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 1*). Данный источник еще не введен в научный оборот отечественными медиэвистами, а британские авторы делают лишь первые шаги в этом направлении (см.: *Barron C. M. London in the Later Middle Ages. Government and People 1200–1500. Oxford, 2004; O'Connor S. J. Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of status among merchants in Fourteenth-Century London // Trade, devotion and governance. Papers in later medieval history / Ed. by D. Clayton, R. Davies and P. McNiven. Stroud, 1994. P. 17–35*).

⁵ См.: *Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A. D. 1258–1688 / Ed. by R. Sharp: in 2 v. L., 1889. V. 2. P. 381–382, 385–386, 416.*

⁶ См.: *Gray R. A History of London. L., 1978. P. 141; Barron C. M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain. V. 1. 600–1540 / Ed. by D. M. Palliser. Cambridge, 2000. P. 396.* В любом случае Лондон попадает (вместе с Брюгге, Гентом, Брюсселем, Тулузой, Бордо и Авиньоном) в группу «очень крупных городов» с населением от 25 тыс. человек (см.: *Репина Л. П. Демографические характеристики средневекового города // Город в средневековой цивилизации Западной Европы / Отв. ред. А. А. Сванидзе: В 4 т. М., 1999. Т. 1. С. 174–175*). В Англии ни один город и по этому показателю не мог сравниться с Лондоном.

⁷ См.: *Barron C. M. London 1300–1540. P. 412.*

⁸ Лондон располагался на большом перекрестке, где сходились торговые пути из Скандинавии, Прибалтики, Северного моря, Атлантического побережья. Уже в XII в. сфера его торговых интересов включала Северную Герма-

Обширным и сложным городским хозяйством, как и многоплановой коммерческой деятельностью горожан ведали члены муниципалитета — олдермены. Принадлежа в течение многих лет к управленческой верхушке города, они были непосредственно вовлечены в финансовые и хозяйственные структуры Лондона⁹. Одним из таких был торговец предметами роскоши Джон Пайел, олдермен 1369–1382 гг., шериф 1370–1371 гг., мэр Лондона 1372–1373 гг.¹⁰.

О Джоне Пайеле известно немного. С уверенностью можно утверждать, что он был родом из небольшого селения Итлинборо в Нортхэмптоншире¹¹. С. О'Коннор полагает, что Пайелы происходили из числа держателей аббатства Питборо, которые сумели многого добиться, став к концу XIII в. весьма зажиточными людьми¹². Архивные документы аббатства трижды упоминают Пайелов в связи с поземельными сделками последних десятилетий XIII в.¹³. К началу

нию, Скандинавию, Францию, Нормандию и Испанию (см.: *Baker T. Medieval London. N.Y. — Washington, 1970. P. 28; Richardson J. The Annals of London. A Year-by-Year Record of a Thousand Years of History. Berkeley — Los Angeles, 2000. P. 19*). Не меньшей была притягательность Лондона как важнейшего центра внутреннего обмена: во все стороны расходились проложенные еще римлянами дороги — в Ричборо и Дувр, в Сент-Олбанс и Честер, в Колчестер, Линкольн, Чичестер, Брэнтфорд, Чисвик. Судоходная на большом протяжении Темза облегчала и удешевляла доставку сюда продовольствия, ремесленных изделий и топлива (см.: *Inwood S. A History of London. L., 2000. P. 26*).

⁹ Подробно об этом см.: *Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков: олдермены в контексте экономической, социальной и политической практики. Саратов, 2005. Гл. 1–3*.

¹⁰ См.: *Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300–1500). Chicago, 1948. Appendix. P. 353*.

¹¹ Итлинборо, несмотря на незначительные размеры, находилось на главном торговом пути из Нортхэмптона в Питборо с выходом к порту Кингз Линн и служило важным пунктом при транспортировке выделанной кожи и шерсти (см.: *O'Connor S. J. Biographical background: John Pyel // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 24*).

¹² См.: *O'Connor S. J. Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of status among merchants in Fourteenth-Century London. P. 20*.

¹³ В сентябре 1285 г. Николас, сын Джона Пайела из Итлинборо, купил усадьбу с постройками в Питборо у некоего Уильяма Маршала и сразу же сдал ее в аренду продавцу. В 1289 г. тот же Николас приобрел ветряную мельницу со всем необходимым оборудованием в окрестностях Питборо, а в 1296 г. стал обладателем собственности в Питборо (см.: *O'Connor S. J. Biographical background: John Pyel. P. 23*).

XIV в. Пайелы предстают как довольно состоятельная семья, представители которой обладали деловой хваткой и предприимчивостью.

Отца Джона Пайела звали тоже Джон¹⁴. О матери ничего не известно. В документах сохранились свидетельства о его младшем брате Генри, знатоке канонического и гражданского права, получившем образование в Оксфорде. В декабре 1367 г. Генри Пайел стал архидиаконом Бекингема, а в 1374 г. — Нортхэмптона¹⁵.

Джон Пайел получил весьма качественное образование. Немаловажный штрих — грамоты и акты его картулярия написаны на латинском и французском языках. На всю жизнь Джон сохранил большую тягу к чтению. Именно чтение книг стало излюбленным способом проведения им досуга. В завещании Джона упомянуто немало книг, преимущественно это литургические тексты — бревиарии (католические требники), молитвенники, псалтыри, Библия, а также работы по каноническому и гражданскому праву¹⁶. Стремление к знаниям проявилось и в том, что Джон решил не только дать хорошее образование собственным детям, но и основать колледж в Итлинборо, где могли бы обучаться местные дети.

В лондонских городских регистрах имя Джона Пайела впервые упоминается в июне 1345 г. в качестве кредитора: некто признал ему солидный долг в 40 ф.¹⁷ Однако стоит обратить внимание на то, что Джон никогда не порывал связей со своей малой родиной. Более того, унаследовав от отца небольшой участок земли в Итлинборо, он постоянно наращивал свои владения в Нортхэмптоншире, став к середине 1370-х годов собственником внушительных земельных комплексов, включая маноры Уодфорд, Крэнсли, Крэнфорд и Садборо¹⁸.

К февралю 1349 г., в возрасте 30–35 лет, Джон женился. Поздний брачный возраст объясняется, видимо, тем, что в городе семья для молодого человека, стремившегося к материальному благополу-

¹⁴ Он скончался в 1348 г.

¹⁵ Умер в апреле 1379 г. и похоронен в Итлинборо.

¹⁶ См.: *O'Connor S. J. Biographical background: John Pyel. P. 26.*

¹⁷ *Ibid. P. 27.*

¹⁸ См.: *O'Connor S. J. Landed estates // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 37–48.*

чию и карьере, была, скорее, препятствием, чем поддержкой. Вступление в брак становилось возможным лишь после достижения требуемого уровня профессиональной подготовки и материального благополучия¹⁹, которых Джон Пайел сумел достичь в конце 1340-х гг. К этому времени он уже прочно обосновался в столице и вполне мог обеспечить супруге надежную защиту, доброе имя и положение в обществе. Его избранницей стала девушка по имени Джоан, о которой сохранились отрывочные сведения. Известно, что она родилась в Лондоне между 1330–1335 гг., скорее всего, в семье торговца готовым платьем²⁰. Следовательно, замуж Джоан вышла в 19–24 года, уже вполне взрослым человеком, с устоявшимися взглядами и отношением к действительности, что должно было стать основой ее определенной самостоятельности²¹.

Перед нами две личности, два человека — мужчина и женщина, связавшие себя узами семьи. Каждый из них к моменту женитьбы уже обладал неким «исходным багажом»: собственными представлениями о жизни и ее ценностях, о своем месте и предназначении в окружающем мире, осознавал свою гендерную принадлежность в специфическом культурно-историческом контексте — свою «гендерную идентичность». Все это, в том или ином объеме, так или иначе видоизменившись, было привнесено в их совместную жизнь и не могло не воздействовать на сложную систему отношений.

Важнейший, если не основополагающий аспект жизни Джона Пайела составляла его профессиональная деятельность, которая утверждала его социальную и личную ценность как мужчины. Само название компании, куда входил Джон, позволяет говорить о

¹⁹ См.: *Ястребицкая А. Л.* Средневековая культура и город в новой исторической науке. С. 183.

²⁰ Данное предположение основано на завещании Джоан Пайел, по которому она оставила 20 ш. «братству торговцев готовым платьем». С. О'Коннор полагает, что сама Джоан входила в эту компанию (см.: *O'Connor S. J.* Joan Pyel (d. 1412) // *Medieval London Widows, 1300-1500* / Ed. by C. M. Barron and A. F. Sutton. L., 1994. P. 74.

²¹ О брачной модели, господствовавшей в Англии этого периода, см. *Репина Л. П.* Гендерная асимметрия в браке и семье // *Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. С. 62–63).

том, что он играл большую роль в лондонской и английской торговле. Это была самая респектабельная и влиятельная ливрейная компания торговцев предметами роскоши (мерсеров), купеческая по своей сути. Ее представители осуществляли исключительную по охвату (Куртрэ, Брабант, Камбрэ, Париж, Вестфалия, Кельн, Милан, Неаполь и пр.) и ассортименту (шерстяные, льняные, шелковые и хлопчатобумажные ткани, шелковые и льняные нити, предметы текстильного производства, а также ювелирные изделия, вина, рыболовные сети и пр.) торговлю²².

Следует признать, что о торговле Джона Пайела сохранилось мало сведений. Мы можем наметить лишь ее общие контуры. Закономерно, что с середины XIV в. основу торговой деятельности этого купца составлял экспорт шерсти. Уже в начале XIII в. по объему и стоимости данная отрасль торговли превысила все остальные статьи экспорта, вместе взятые²³. Однако и в XIII в., и в первые десятилетия XIV в. английские (и лондонские) купцы, пусть стремительно, но еще только набиравшие силу, занимали подчиненное положение в торговле шерстью. Пальма первенства здесь принадлежала иностранцам, в первую очередь, итальянским купцам²⁴. Ситуация меняется примерно с середины XIV в., когда в английских городах активизировался крупный купеческий капитал, занявший ведущие позиции как во внутренней, так и во внешней торговле²⁵. Английские купцы смогли, по существу, захватить большую часть торговли шерстью, потеснив итальянцев²⁶. Продукция

²² Подробнее см.: Чернова Л. Н. Правящая элита Лондона XIV–XVI веков. С. 213–214.

²³ См.: Gray H. L. English Foreign trade from 1446 to 1482 // Studies in English Trade in the fifteenth century / Ed. by E. Power and M. Postan. N.Y., 1933. P. 10; McKisack M. The fourteenth Century. Oxford, 1959. P. 350.

²⁴ См.: Keene D. London from the Post-Roman period to 1300 // The Cambridge Urban History of Britain. V. 1. 600–1540. P. 197–198.

²⁵ Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record office. Edward I. V. 5. A. D. 1302–1307 / Ed. by W. H. Stevenson. L., 1908. P. 10, 50–56, 281–283, 358, 366–367, 455–456.

²⁶ См.: Childs W. The English export trade in cloth in the fourteenth century // Progress and problems in Medieval England: Essays in honour of Edward Miller / Ed. by R. Britnell and J. Hather. Cambridge, 1996. P. 136–137. Подсчитано, если в

английской шерстяного производства выходит на широкий внешний рынок: ее вывозят в Нидерланды, Флоренцию, Венецию, Прибалтийские страны²⁷. Шерсть вывозилась из всех ведущих портов королевства: Лондона, Бостона, Халла, Саутгемптона, Ярмута, Ньюкасла и Линкольна. Но при этом в 1332 г. через порт Лондона проходило уже более 32% всего экспорта шерсти, и почти половина экспорта находилась непосредственно в руках лондонских купцов²⁸. К их числу принадлежал и интересующий нас персонаж.

Джон Пайел совместно с Адамом Фрэнсисом²⁹, по меньшей мере, с 1350 г. закупали шерсть в аббатстве Салби в Нортхэмптоншире³⁰. Причем делали это при помощи своих агентов-факторов³¹, что свидетельствует не только о масштабности деятельности конкретных лондонцев в графстве, но и об организации торговли.

Являясь владельцем нескольких кораблей, Джон Пайел принимал активное участие в торговле на английских и иноземных рынках. Торговые агенты Джона действовали в Хантингдоне и Честере³². Известно также, что он занимался поставками в Лондон

1273 г. на долю английских купцов приходилось немногим более трети экспорта шерсти, то в 1362-1368 гг. — в среднем ежегодно до 71% (см.: *Репина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии. М., 1979. С. 43).

²⁷ См.: *Романовская В. Б.* Законодательство английского парламента XIII–XV веков (к вопросу формирования и развития сословно-представительной монархии в Англии): Дис. ...канд. юрид. наук. М., 1990. С. 95.

²⁸ См.: *An Historical Geography of England.* Cambridge, 1951. P. 249; *Репина Л. П.* Сословие горожан и феодальное государство в Англии. С. 46.

²⁹ Торговец предметами роскоши, олдермен 1352-1375 гг., дважды избиранный мэром Лондона, представлявший интересы столицы на шести парламентских сессиях, друг и деловой партнер Джона Пайела (см.: *Beaven A. B.* Aldermen of the City of London: in 2 v. L., 1908. V. 1. P. 387).

³⁰ См.: *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys.* P. 7. Аббатство Салби находилось на западе графства Нортхэмптоншир, почти на границе с Лестерширом. Оно было основано в XIII в. и владело более чем 1,500 акров земли. Аббатству принадлежали также некоторые земли и церкви в Итлингбороу. В период Реформации и секуляризации церковных и монастырских имуществ владения аббатства Салби были оценены в 305 ф. 8 ш. 5 п.

³¹ См.: *Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys.* P. 7. Фактор — представитель купца, полностью отвечавший за деятельность той или иной торговой конторы.

³² *Calendar of the Cartulary of John Pyel and Adam Fraunceys.* P. 28.

продуктов питания и товаров повседневного спроса, главным образом, из Восточного Мидленда и Сассекса, а также экспортировал сукно, одежду и другие товары в Бордо, Лиссабон и Испанию³³. С. О'Коннор полагает, что немаловажную роль в установлении торговых связей Джона Пайела с Испанией сыграло его путешествие в 1363 г. в Галисию, точнее — в Сантьяго-де-Компостела³⁴, который являлся не только одним из важнейших центров христианского паломничества, но и экономически развитым городом³⁵.

Очевидно, что участие Джона Пайела в наиболее выгодных отраслях торговли (шерстью, продуктами питания, предметами повседневного спроса и пр.) способствовало его обогащению, ускорило рост крупного состояния. С. Ригби называет купцов, подобных Пайелу, «капиталистами», имея в виду, что целью их деятельности было: «купить подешевле, продать подороже», т. е., получение прибыли³⁶. Безусловно, автор модернизирует действительность XIV–XV вв., о которых идет речь в его исследовании, однако суть и тенденции определены им верно.

Располагая немалыми денежными ресурсами, богатейшие купцы XIV в., среди них — и Джон Пайел, — активно осваивали еще одну сферу деятельности — кредитно-финансовую³⁷. Некото-

³³ Ibid. P. 28–29.

³⁴ См.: *O'Connor S. J. Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of status among merchants in Fourteenth-Century London.* P. 27–28.

³⁵ Сантьяго-де-Компостела был заветной целью бесчисленных набожных паломников, стекавшихся сюда со всей Европы. Здесь находился один из известнейших в Европе монастырей, где в IX в. якобы открылись мощи святого Иакова Старшего. Город считался (как и сегодня) третьим после Рима и Иерусалима центром христианства. Большую роль в его развитии сыграла дорога, ведущая сюда из Франции, а также близость столиц — Леона, Овьедо, Бургоса, что, безусловно, привлекало сюда и паломников, и деловых людей.

³⁶ *Rigby S. H. English Society in the Later Middle Ages. Class, status and gender.* L., 1995. P. 151.

³⁷ Хорошо известно, что одним из следствий развития товарного производства в городе явилось появление и интенсивное развитие различных видов кредита. Речь идет о товарном кредите, когда товары продавались, а оплата их предполагалась в течение более или менее длительного срока. Имело место и авансирование под товары, или фактически денежный кредит. Оформляется также коммерческий кредит, который включал в себя и денежный, и товарный

рые из кредитных операций он осуществил совместно с Адамом Фрэнсисом. В частности, 20 октября 1352 г. они выступили кредиторами Уильяма, сына рыцаря Джона де Ностофта, предоставив ему 40 ф.³⁸. 28 ноября 1353 г. Джон и Адам предоставили кредит на 200 ф. аббатству Салби³⁹. А 22 февраля 1369 г. Джон Пайел, Адам Фрэнсис и еще три олдермена (Джон Оскин, Уильям Хэлден и Джон Эш) кредитовали рыцаря Ламбета де Уэстона на 800 марок (более 533 ф.)⁴⁰. Объединение средств и усилий нескольких купцов-олдерменов было одним из следствий развития товарно-денежных отношений, внутренней и внешней торговли, что приводило к появлению в Лондоне XIV в. мелких компаний⁴¹.

Джон Пайел активно субсидировал корону. За период своей деловой карьеры (примерно 1345–1382 гг.) он привлек на эти цели

кредит, что связано с возникновением элементов раннекапиталистических отношений. Необходимость его в условиях расширяющегося товарооборота, по мнению М. М. Ябровой, была обусловлена целым рядом обстоятельств, в первую очередь несовпадением времени производства товаров и возможности их реализации: у одного купца может накопиться значительное количество товаров для продажи, у другого как раз в это время нет денег, нет необходимых наличных средств, а вместе с тем, он заинтересован в приобретении данного товара (см.: Яброва М. М. Развитие коммерческого кредита в Англии XIV–XV вв. // Средневековый город. Саратов, 1978. Вып. 5. С. 39–50). Основной чертой коммерческого кредита, независимо от того, было ли это денежное или товарное кредитование, являлось то, что он никогда не использовался для личного потребления, всегда шел в производство, в расширение торговли. Роль коммерческого кредита состоит в том, что он позволяет ускорить реализацию товаров и весь процесс оборота капитала. В любом случае развитие кредита связано с увеличением потребности в деньгах, как средстве платежа и обмена, самых разных слоев общества по мере товаризации их личного потребления в изменившихся условиях, а также вызвано необходимостью роста производства и торговли, что отчетливо проявилось в английских городах уже в XIV в.

³⁸ См.: O'Connor S. J. Recognizances of debt to Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 97.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Этой проблеме посвятила специальные исследования М. М. Яброва (см.: Яброва М. М. Из истории семейных торговых компаний в Англии XV века. Семья Сели // Средневековый город. Саратов, 1987. Вып. 8. С. 105–116; Она же. Некоторые особенности структуры английских семейных компаний конца XV века // Средневековый город. Саратов, 1991. Вып. 10. С. 129–137).

22 тыс. ф.⁴². Конечно, ссужать деньгами королей было небезопасно: они иногда не возвращали ссуду. Но выгоды были очевидны и, в первую очередь, — это право беспошлинной торговли, откупная система и спекуляции на шерсти, чем активно пользовались лондонские олддермены⁴³. Трудно утверждать, что Джон Пайел участвовал в такой схеме погашения займов короной. Тем не менее, следует признать, что это была сложившаяся практика, и вряд ли в отношении данного финансиста делались исключения.

Джон Пайел активно действовал на рынке недвижимости Лондона. Его лондонская собственность располагалась преимущественно на севере и востоке города. В северной части Джон проявлял интерес, по меньшей мере, к семи помещениям: четырем на Коулмен-стрит⁴⁴, двум вдоль Лосбери и одному на Олд-Джури-стрит. К югу от данного комплекса собственность Пайела находи-

⁴² См.: *O'Connor S. J. Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of status among merchants in Fourteenth-Century London.* P. 21.

⁴³ Красноречивое свидетельство тому — история соглашения 1337 г., которое было заключено между королем и компанией из 105 английских купцов во главе с Уильямом де ля Полем и виноторговцем и олддерменом Реджинальдом Кондюи. Согласно условиям этого соглашения, купцы должны были закупить в Англии 30 тыс. сэков шерсти и выплатить королю из денег, полученных от монопольной продажи ее за границей, 200 тыс. ф. При этом, закупая шерсть по цене, примерно, 5 ф. за сэк, предполагалось реализовать ее по 8–9 ф. Однако к осени 1337 г. удалось собрать в Дордрехте только часть шерсти — 11 тыс. 500 сэков: производители шерсти не желали продавать ее по столь грабительским ценам. Остро нуждаясь в деньгах, Эдуард III конфисковал собранную шерсть в казну. Эта акция, имевшая весьма печальные для большинства купцов последствия, получила название «Дордрехтский захват». Купцы получили по 2 ф. за сэк, это притом, что в среднем он стоил 5 ф., да еще необходимо учитывать расходы на сбор и перевозку — примерно 1 ф. На сумму 65 тыс. ф. король выдал купцам долговые обязательства: они должны были покрываться за счет освобождения от части вывозных пошлин, если торговцы и впредь будут экспортировать шерсть (см.: *Fryde E. B. William de la Pole. Merchant and King's banker.* L.-Ronceverte, 1988. P. 57, 91–93). Вполне естественно, что большая часть купцов была разорена, но наиболее крупные, среди которых — Уильям де ля Поль и Реджинальд Кондюи, смогли извлечь немалую выгоду из создавшегося положения: они скупили долговые обязательства и благодаря этому монополизировали торговлю шерстью (см.: *Calendar of Close Rolls. 1337–1339 / Ed. by W. H. Stevenson.* L., 1909. P. 148–150).

⁴⁴ Район Коулмен-стрит населяли в большинстве своем башмачники, поясники, мастера — изготовители булавок и гребней для чесания шерсти.

лась в Паултри, где он владел ею на паях с Адамом Фрэнсисом, а к западу — она примыкала к Сопер Лэйн. Это была небольшая торговая лавка с комнатой (или комнатами) в верхних этажах, затерявшаяся среди дюжины или более того лавок в северной оконечности Сопер Лэйн, около Чипсайда⁴⁵. Принимая во внимание востребованность этой территории у торговцев предметами роскоши, возможно, что, Пайел мог иметь и более значительную собственность в данном районе. К востоку от Коулмен-стрит Пайелу принадлежала целая группа строений, главным образом на Брод-стрит⁴⁶, и на Бишопсгейт. Именно на Брод-стрит, примыкающей также и к Лосбери, у Джона Пайела был дом, где он провел значительную часть своей жизни. По соседству находились внушительных размеров жилые дома других богатейших купцов, наподобие Томаса Легги, меховщика и мэра, и Бартоломео Босано, купца из Лукки, тесно связанного с работниками по металлу⁴⁷.

У Джона Пайела имелись еще помещения на Ломбард-стрит, земли и некие строения на Грэйсчерч-стрит⁴⁸. Судя по материалам картулярия, покупка и продажа земли и разного рода строений составляла важную часть «бизнеса» Джона Пайла. Экономический рост Лондона в рассматриваемый период, превративший его в крупнейший торгово-ремесленный центр, и связанный с этим широкий приток населения⁴⁹ неизбежно способствовали росту интереса богатой городской элиты к земле. При этом владение землей в городе фактически превращалось во владение домами: гораздо выгоднее было использовать земли под застройку, и извлекать доходы от арендной эксплуатации жилых домов и производственных помещений. Известно, например, что с 1371 г. Сдача в аренду

⁴⁵ Чипсайд — богатый, густонаселенный район Лондона, где проживали ремесленники самых разных специальностей: поясники, свечных дел мастера, изготовители подсвечников, кошельков, оружейники, седельщики, портные, мясники, пекари, пивовары.

⁴⁶ Брод-стрит — ремесленный район, где жили пивовары, сапожники, столяры и золотых дел мастера.

⁴⁷ См.: Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 72.

⁴⁸ Ibid. P. 66.

⁴⁹ Если в XIV в. население Лондона составляло 40 тыс. человек, то к концу XVI в. оно увеличилось до 200 тысяч.

только части помещений на Коулмен-стрит приносила Джону Пайелу немалую сумму в 5 ф. ежегодно⁵⁰.

Говоря о причинах инвестирования в недвижимость денежных средств купечества, необходимо напомнить, что развитие города происходило в условиях общества, где возможности вложения значительных средств в ремесло, торговлю и кредит были ограничены рамками мелкого производства, узостью рынка. Земля оставалась главной формой общественного богатства. В таких условиях избыточные средства вынуждены были постоянно перетекать в сферу землевладения. Земля в XIV в. оставалась наиболее устойчивым видом собственности, объектом наиболее надежного помещения капитала, позволявшим получать регулярный доход⁵¹. Экономический и социальный риск профессии побуждал даже самых богатых купцов помещать деньги в более обеспеченную и стабильную сферу землевладения. Тем не менее, давали о себе знать и другие факторы, выходящие за рамки экономической выгоды. Немаловажное значение, особенно для олдермена, имели соображения престижа: скупка земельных участков в городе и за его пределами являлась одним из способов приобрести влияние и власть, произвести впечатление на общество, в котором традиционно высоко ценились знатность происхождения и обладание землями⁵².

Таким образом, Джону Пайелу было свойственно разнообразие видов коммерческой деятельности. Прежде всего — это торговля шерстью и прочими товарами внутри Англии и далеко за ее пределами; кредитование представителей рыцарства и монастырей;

⁵⁰ См.: Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 64.

⁵¹ Как отмечает И. А. Краснова применительно к реалиям Флоренции XIV–XV вв., земельные фонды в большинстве случаев играли роль не столько источника наживы, сколько гарантии капитала, вложенного в торговлю и производство: на земельном имуществе основывался принцип ответственности в компаниях, оно выступало в качестве залога, под который брали кредит, и средства возмещения долгов, создавало материальную базу репутации, необходимой для получения кредита. (См.: Краснова И. А. Деловые люди Флоренции: В 2 ч. М-Ставрополь, 1995. Ч. 1. С. 45). Все это применимо и к истории Лондона XIV столетия.

⁵² См.: Horrox R. E. The urban gentry in the fifteenth century // Towns and townspeople in the fifteenth century / Ed. by J. A. Thomson. Gloucester, 1988. P. 22; Hunt E. S., Murray J. M. A History of Business in Medieval Europe, 1200–1550. Cambridge, 1999. P. 53.

субсидирование короны, сделки с недвижимостью. Очевидно, что многоплановость функций, которые приходилось выполнять этому купцу, было необходимым условием успеха его профессиональной карьеры и политического влияния. Не будем забывать, что Джон Пайел являлся не только олдерменом, в руках которого были сосредоточены основные нити управления Лондоном, но и мэром, возглавлявшими городское самоуправление.

О жизни Джоан до смерти ее супруга в мае 1382 г. достоверно почти ничего не известно. Скорее всего, она вела достаточно скромный и размеренный образ жизни. Сохранились лишь отрывочные упоминания об этой женщине в период с 1349 по 1382 гг. В частности, известно, что в феврале 1349 г., вскоре после заключения брака, она и Джон Пайел получили полное отпущение грехов, а в 1355 г. Джоан добилась особого разрешения папы, предоставившего ей право по своему усмотрению выбрать духовника для предсмертной исповеди⁵³. Уже эти факты показывают, сколь большое внимание в жизни Джоан Пайел занимали религиозные вопросы.

Несмотря на мизерность информации, необходимо признать, что Джоан была компетентной, умной женщиной, способной полностью взять на себя инициативу в деле управления домом, домашним хозяйством и, возможно, присматривала за «бизнесом» мужа в Лондоне во время его довольно частых поездок. Документально засвидетельствовано участие Джоан в делах мужа, связанных с движением недвижимости в Лондоне: в 1363–1367 гг. ее имя упоминается вместе с именем супруга в нескольких сделках по приобретению земли в городе. Джоан и Джон являлись совладельцами земель и рент в Итлинборо и Нортхэмптоншире в целом.

В силу своей профессии Джон проводил много времени вне дома. И это не могло не сказаться на его семейной жизни и на взаимоотношениях супругов. С течением времени Джон и Джоан отдалялись друг от друга, их отношения становились все более прохладными и официальными. Показательно, что Джоан с большим нежеланием согласилась последовать за мужем в Итлинборо в конце 1370-х годов⁵⁴. Безусловно, здесь сказались ее привязанность к Лондону, который она никогда не хотела покидать. Видимо, ее совершенно не прельщала перспектива сельской жизни. Но была и

⁵³ См.: *O'Connor S. J. Joan Pyel (d. 1412). P. 71.*

⁵⁴ См.: *O'Connor S. J. Joan Pyel (d. 1412). P. 75.*

еще одна причина, объясняющая такое поведение Джоан. Видимо, в Итлинборо у Джона была дама сердца — некая Маргарет Джой, возможно, местная вдова, получившая по завещанию Пайела не только 10 ф. наличными все земли, строения и ренты в Файндоне, графство Нортхэмптоншир, но и личные вещи, в т. ч. кровать, скатерть, салфетку, кубок и плоскую чашу. Весьма показательно, что упоминание о Маргарет и ее наследства следует сразу же за перечислением доли Джоан⁵⁵. Супруга, скорее всего, получила личные вещи на основании устного распоряжения Джона. Но в данном случае любопытен контраст — «лично окрашенное» наследство, предназначенное Маргарет, и официальный, «обезличенный» характер, присущий имуществу, отписанному жене.

В целом бросается в глаза исключительно скупой тон завещательных распоряжений в отношении Джоан, который резко контрастирует с великодушием и щедростью, проявленным к друзьям и их женам в графстве и несколькими религиозным домам.

Сложными были и отношения Джоан с детьми. У нее и Джона родились два сына — Джон (умер в 1385 г.) и Николас, главный наследник (прожил до 1406 г.). В браке Николаса и некой Элизабет родились тоже двое детей: сын Джон, скончавшийся примерно в 1406 г., и дочь Элизабет, дважды выходящая замуж и умершая после 1445 г.⁵⁶. При жизни супруга Джоан не принимала активного участия в воспитании и обучении сыновей. Это была прерогатива Джона. После смерти Пайела эти обязанности взял на себя друг и деловой партнер Джона Пайла Николас Брэмбр. Именно он был назначен опекуном обоих мальчиков, которые поселились в Нортхэмптоншире, и ответственным за их воспитание и обучение⁵⁷. И позже Джоан редко виделась со своими взрослыми сыновьями и внуками.

⁵⁵ См.: Calendar of wills. V. 2. P. 385-386.

⁵⁶ См.: O'Connor S. J. The Pyel Family // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys. P. 96.

⁵⁷ Олдермен с 1372 г. сэр Николас Брэмбр был наиболее последовательным сторонником Ричарда II в его борьбе против «партии» Джона Гонта, герцога Ланкастерского, и его брата Томаса Вудстока, герцога Глостерского, господство которого при дворе пришлось на период 1386-1388 гг. Его стремительному экономическому и политическому возвышению во многом способствовал брак с одной из дочерей богатого лондонского виноторговца и олдермена Джона де Стодея, к моменту заключения которого в 1369 г. сэр Николас уже был весьма состоятельным и успешным человеком: жил в огромном до-

Таким образом, с точки зрения человеческих отношений брак Джона и Джоан Пайел нельзя назвать счастливым. Не был он и союзом единомышленников. Возможно, сказывалась разница в возрасте: возрастной интервал между супругами составлял 11–14 лет. И, тем не менее, несмотря на все сложности, Джон ценил свою супругу, что наглядно проявилось в его завещаниях.

Джон Пайел назначил Джоан душеприказчицей обоих своих завещаний — первого, составленного 25 июня 1377 г. и касавшегося недвижимости в Лондоне и его предместьях⁵⁸, и второго — от конца февраля 1379 г., содержавшего детальные распоряжения относительно имущества в Нортхэмптоншире⁵⁹.

По первому завещанию всю свою недвижимость в Лондоне и предместьях Джон Пайел оставил жене в пожизненное владение. Во втором завещании Джоан упоминается только однажды — как совладелица наследства, очищенного от долгов и прочих завещательных отказов, в виде движимого имущества сыновей. Правда, в дополнительном распоряжении к завещанию, сделанном 25 июня

ме, тесно сотрудничал с торговцами вином из Гаскони. Женившись на дочери сэра Джона, Брэмбр обеспечил себе вхождение в очень влиятельную среду лондонских виноторговцев. К укреплению этих связей привел также брак сестры его жены с небезызвестным Джоном Филпотом (см.: *Nightingale P. A medieval mercantile community. The Grocers' Company and the politics and trade of London. New Haven — L., 1995. P. 230*). С 1377 по 1386 гг. Николас Брэмбр четырежды избирался мэром. Жизнь его закончилась трагично: он сполна поплатился и за свои политические пристрастия, и за собственные неблагоприятные поступки. Политикой, сопровождавшейся многочисленными злоупотреблениями, он вызвал массовое недовольство в Сити. К этому времени сумели укрепить свое положение и противники короля — главного покровителя Брэмбра. Третьего февраля 1388 г. в Вестминстер-холле собрался так называемый «Беспощадный парламент», объединивший противников короля. 14 февраля сторонники Ричарда II были приговорены к смерти. Три дня спустя обвинение в измене было предъявлено Николасу Брэмбру. После трехдневного судебного разбирательства он был осужден и предан казни (см.: *Beaven A. B. Aldermen of the City of London. V. 1. P. 476; Documents touching John of Northampton and Sir Nicholas Brembre // A Book of London English, 1384-1425 / Ed. by R. W. Chambers and M. Daunt. Oxford, 1931. P. 18*).

⁵⁸ См.: *Calendar of wills. V. 2. P. 381-382*. Вторым душеприказчиком назначался брат Джона — Генри, архидиакон Нортхэмптона.

⁵⁹ См.: *Calendar of wills. V. 2. P. 385-386*. Генри был оставлен в качестве душеприказчика (скончался спустя шесть недель), а Джоан упоминается совместно с еще четырьмя душеприказчиками и двумя надзирателями.

1379 г., она получала в пожизненное пользование 50 марок ежегодного дохода от земель мужа в Нортхэмптоншире⁶⁰.

Джон Пайел умер в мае 1382 г. Это событие, несмотря на весь свой трагизм, внесло новые краски в жизнь Джоан. Ведь, как известно, основной составляющей статуса женщины было ее положение по отношению к мужчине (дочь, жена, вдова), и потому именно для женщин вдовство означало особый социальный статус: определенную правоспособность, самостоятельность в решении имущественных вопросов⁶¹.

Как и подобает вдове, Джоан получила полную самостоятельность в распоряжении своим имуществом, домашним хозяйством и даже — в какой-то степени самой собой, конечно, с учетом строгих правил приличия. В материальном отношении годы вдовства Джоан Пайел были благополучными и даже комфортными. В 1411 г. ее годовой доход только от лондонского имущества составлял 23 ф. 9 ш. 4 п.⁶², что позволяет говорить о ней как о состоятельной женщине. Именно теперь в полной мере проявился, как оказалось, сильный характер этой женщины, ее понимание долга и смысла земного бытия. Джоан показала себя женщиной выдающейся в своем роде.

Она овдовела в возрасте 47–52 лет, осталась жить в доме мужа на Брод-стрит в приходе св. Варфоломея и замуж больше не вышла. Хотя, по подсчетам Б. Хэнуолт, в 1309–1458 гг. две трети вдов олдерменов вновь вступали в брак, причем очень быстро, в период между смертью супруга и регистрацией осиротевших детей и их имущества у мэра и чемберлена⁶³.

⁶⁰ См.: Calendar of wills. V. 2. P. 386.

⁶¹ См.: Попова Г. А. Вдова — беззащитная жертва или свободная женщина? // Судьбы и образы женщин Средневековья. СПб., 2001. С. 167.

⁶² См.: O'Connor S. J. Joan Pyel (d. 1412). P. 74.

⁶³ См.: Hanawalt B. The Widow's Mite: Recovery of Dower in Late Medieval London // Upon my Husband's Death: Widows in the literature and history of Medieval Europe / Ed. by L. Mirrer. Ann Arbor, 1992. P. 36. Объяснение этому факту довольно простое, и находится оно по большей части в материальной сфере. Столь повышенный интерес к горожанкам, оставшимся без попечения богатых и влиятельных мужей, не случаен. По городскому обычаю, они наследовали так называемую «вдовью долю», которая, как правило, составляла треть движимого имущества умершего купца. А вдовы с малолетними детьми получали еще и треть недвижимости скончавшегося супруга, которая закреплялась за его несовершеннолетними детьми. В такой ситуации мэр и олдермены несли ответственность за эту собственность и назначали опекунов, обычно мать или мать

Джоан Пайел нашла себя в другом. После смерти мужа она занялась созданием колледжа в Итлинборо — мечты последних лет жизни Джона Пайела. Он начал эту процедуру в 1373 г., когда папа Григорий XI в ответ на его просьбу отдал епископу Линкольнскому Джону Бекингему распоряжение предпринять конкретные шаги, необходимые для возведения приходской церкви св. Петра в Итлинборо. Королевский патент был получен в феврале 1375 г., а в ноябре аббат и конвент Питборо, являвшиеся патронами св. Петра, написали епископу Бекингему, попросив созвать специальную, полагающуюся в подобных случаях, комиссию. Однако епископ всячески затягивал процесс, ссылаясь преимущественно на технические сложности. К моменту составления второго завещания в 1379 г. Джону Пайелу стало ясно, что он может и не увидеть зримого результата своих усилий. И он не ошибся. Однако Джоан посчитала своим долгом завершить начатое мужем богоугодное дело и с невероятной энергией и упорством принялась за осуществление его проекта. Ей пришлось преодолеть серьезные препятствия, чинимые главным образом епископом Линкольнским, проявив всю свою мудрость и даже хитрость. Джоан добилась того, что папа Урбан VI 10 июня 1386 г. не только подтвердил первоначальное распоряжение Григория XI, но и направил новое распоряжение, но уже не Джону Бекингему, а Томасу Бэйктому, архидiakону Лондона. Основанием для этого послужило то, что Джон Пайел был горожанином Лондона. Джоан смогла 12 марта 1388 г. купить за 20 марок новый королевский патент. После длительных препирательств и ожесточенных споров упорное сопротивление епископа Линкольнского было сломлено. В феврале 1393 г., спустя 11 лет после смерти Джона Пайела, было принято окончательное решение об учреждении колледжа в Итлинборо. Основная заслуга в том, что замысел Джона получил таки свое воплощение, принадлежит его вдове — Джоан, которая с честью справилась с тяжелой обязанностью, которую фактически сама на себя возложила.

совместно с ее новым супругом. Естественно, опекунство могло служить и служило источником доходов опекуна, и олдермены не желали упускать такую привлекательную, с точки зрения материальных выгод, возможность (см.: *Barron C. M. The Widow's World in Later Medieval London // Medieval London Widows, 1300–1500 / Ed. by C. M. Barron and A. F. Sutton. L., 1994. P. XXV*).

Окончание этой миссии ознаменовало начало нового этапа в жизни Джоан Пайел. Возможно, она поселилась в монастыре. Известно, что в 1392 г. Джоан сделала щедрые дарения в пользу приорства св. Варфоломея в Лондоне и женского монастыря в Хартфордшире⁶⁴. Больше о ней ничего не известно вплоть до 1 февраля 1412 г.: достигнув 80-летнего (или более) возраста, она умерла, пережив мужа на 30 лет, сыновей, Джона и Николаса, и внука Джона. Ее пережила только внучка Элизабет. Интересно, что в своем завещании Джоан называет себя «бывшей женой Джона Пайела, умершего горожанина Лондона»⁶⁵. Она оставила подробные инструкции относительно своих похорон — «напротив южного входа в монастырскую церковь св. Елены на Бишопсгейт»⁶⁶, где был похоронен и ее супруг. Этой церкви Джоан завещала две свечи, чтобы «горели в день ее похорон». Основную часть своего имущества она оставила монахиням монастыря св. Елены и других религиозных домов Лондона. Исключение составляют ее служанка Джоан Лукас, возможно, родственница одной из монахинь, персонально упомянутая в завещании, и бывший слуга Джон Шарп. Предусмотрены также «помертвенные дарения» на помин души⁶⁷.

Большую часть жизни Джоан Пайел жила в тени мужа, одного из самых успешных лондонцев своего времени. Неудивительно, что больший интерес она проявляла к религии. Очевидно, Джоан была женщиной исключительно набожной. Все, что мы знаем о ней, так или иначе связано с церковью. Получение полной индульгенции, разрешение самостоятельно выбрать духовника, рвение, проявленное в деле основания колледжа в Итлинбороу, личные пожертвования, поддержка монахинь и, наконец, ее завещание — своеобразный каталог религиозных домов Лондона — все это позволяет говорить о ней как о женщине горячо верующей. И, несмотря на все сложности во взаимоотношениях супругов, Джоан выполнила свой долг перед Джоном, тем более что это было сознательно ее внутренним запросам и переживаниям.

⁶⁴ См.: *O'Connor S. J. Joan Pyel (d. 1412)*. P. 74.

⁶⁵ *Calendar of wills*. V. 2. P. 416.

⁶⁶ *Ibidem*.

⁶⁷ См.: *Calendar of wills*. V. 2. P. 416.

А. Г. СУПРИЯНОВИЧ

ГЕНДЕРНЫЙ КОНФЛИКТ В СЕМЬЕ МАРДЖЕРИ КЕМП*

Марджери Кемп — особа небезызвестная современному историческому сообществу главным образом благодаря усилиям феминистски ориентированных ученых, видевших в ней пример женщины, героически отстаивавшей право на самореализацию в публичном пространстве в ролях, не ассоциировавшихся у ее современников с женскими, а также благодаря вниманию исследователей средневековой литературы, упражняющихся в определении жанра и решении проблем авторства средневековых текстов на материале *Книги*, записанной под ее диктовку¹. Именно этот источник — т.н. *Книга Марджери Кемп*², составленная женщиной на склоне жизни, где-то в 30-е годы XV в., является основным материалом для воссоздания ее бурной биографии³, довольно хорошо описанной историками.

* Исследование проведено в рамках проекта «Гендер и власть в истории» программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество в истории».

¹ Библиография, посвященная Марджери, довольно велика и постоянно продолжает пополняться. См., напр.: *Atkinson C. Mystic and Pilgrim: The Book and the World of Margery Kempe. Ithaca: Cornell University Press, 1983; Lochrie K. Margery Kempe and Translations of the Flesh. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991; Staley L. Margery Kempe's Dissenting Fictions. State College: Pennsylvania University Press, 1994; Goodman A. Margery Kempe and her World. London, New York, 2002; McAvoу L. H. Authority and the Female Body in the Writings of Julian of Norwich and Margery Kempe. Cambridge, 2004 etc. Подробнее библиографию см., напр. *Goodman A. Op. cit. P. 263–268; McAvoу L. H. Op. cit. P. 238–261*. Наряду с внушительной библиографией существуют различные, посвященные ей интернет-сайты. Среди них наиболее крупные: <http://www.luminarium.org/medlit/margery.htm>, <http://www.holycross.edu/departments/visarts/projects/kempe>*

² Сохранилась лишь одна полная копия и два фрагмента текста XV в., а также печатные фрагменты книги, опубликованные в начале XVI в. Подробнее см.: *Goodman A. Op. cit. P. 2–3*.

³ Существует версия, что Марджери — не более чем литературный образ, в связи с чем ее часто сравнивают с героинями Чосера. Но и в этом вариан-

Марджери получила известность как визионерка и паломница, но мы остановимся в данной статье не столько на ее социальной активности, сколько на семейных отношениях⁴. Очевидно, что у такой «нетипичной» женщины в эпоху, когда главной областью социальной активности представительниц ее пола оставалась семья, семейные отношения должны были складываться особым образом. То, как они формировались, и какие условия их определяли — вот основной предмет нашего интереса в рамках данной статьи.

Марджери происходила из состоятельной и почтенной семьи портового города Линна (графство Норфолк). Как полагают, она родилась около 1373 года. Отец ее, о котором она неоднократно вспоминает в Книге, состоял в одной из наиболее влиятельных в городе гильдии Святой Троицы, где, судя по всему, был не последним человеком — как с гордостью замечает Марджери, он неоднократно избирался мэром (Book 46)⁵.

Надо полагать, что и мужа для дочери он должен был бы подобрать соответствующего. В двадцатилетнем возрасте она была выдана замуж за добропорядочного горожанина Джона Кемпа (Book 1). Судя по всему, это был добрый и любящий человек, уважавший свою жену и доверявший ей. Однако с ее стороны, судя по тем фактам, что излагает в *Книге* сама Марджери, он не всегда встречал аналогичное отношение. Хотя на склоне лет она вспоминает о любви и удовольствиях, доставленных ей Джоном в молодости

те ее биография не менее показательна для рассматриваемой темы, поскольку как в случае, если книга Марджери Кемп является биографической, так и в том, если это художественное произведение, она отражает в первую очередь представления о супружеских взаимоотношениях, воспринимаемых и представленных и в той, и в другой ситуации субъективно, а также в любом случае, если и не реальных, то возможных.

⁴ В данной статье мы рассматриваем лишь один сюжет из богатой биографии Марджери Кемп. К некоторым другим ее аспектам мы уже обращались в опубликованных ранее статьях: Суприянович А. Г. Опыт прочтения духовой биографии // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005. С. 167–187; Она же. Гендерная идентичность и гендерный «сбой»: случай Марджери Кемп // Социальная идентичность средневекового человека. М., 2007. С. 150–165 и др.

⁵ Все ссылки и цитаты здесь и далее приведены по изданию: The Book of Margery Kempe / Ed. Lynn Staley. Kalamazoo, 1996 (далее — Book).

сти (Book 76), она нередко вела себя с ним в то время капризно и заносчиво. Марджери очень гордилась своим происхождением, требуя признания превосходства над окружающими и, по видимому, не всегда оказывала мужу полагающееся главе семьи послушание и уважение. Его советы, в частности отбросить гордость и напыщенность, игнорировались, даже разговаривать с ним она иногда позволяла себе «грубо и кратко», недвусмысленно подчеркивая их неравный статус (Book 2). Возможно, таким образом она предполагала мотивировать его на социальное продвижение, хотя скорее дискредитировала этим перед окружающими. Марджери репрезентировала свое превосходство через роскошные наряды и высокомерное поведение, наивно полагая таким образом подчеркнуть свой высокий статус и вызвать уважение соседей, а Джон Кемп очевидно лишь мягко увещевал жену (другого обращения она бы и не потерпела, и, наверное, не промолчала бы о том в *Книге*), терпеливо снося ее дурной характер.

В остальном их семейная жизнь поначалу складывалась вполне нормально, и Марджери довольно быстро забеременела. Возможно, что ее поведение объяснялось не столько противным характером, сколько гормональными изменениями, вызванными беременностью, протекавшей с серьезными осложнениями. Она постоянно болела и роды, видимо, тоже проходили тяжело, так что женщина отчаялась, полагая, что не сможет жить дальше. Эмоциональным перепадам должны были способствовать и голодные посты, которые она сама себе устраивала, сядя на хлеб и воду (Book 1). Составляя на склоне лет *Книгу*, Марджери осуждает свое поведение, признавая, что «не была довольна тем добром, что Бог послал ей» в виде ее мужа, и порицает свое недостойное отношение к нему (Book 2). Вряд ли бы она столько лет отчетливо помнила те эпизоды, когда обижала его, если бы такое поведение квалифицировала как абсолютно нормальное для себя.

Впрочем, хотя понятие нормальности для нее сильно отличалось от аналогичного представления окружающих, и дело не только в предъявляемых ею претензиях на исключительность, но в самом прямом смысле этого слова. Вскоре после родов Марджери повредила в уме, чем доставила любящему мужу немало хлопот и переживаний. У нее начались видения дьяволов, которые так

приступили к ней, что она забыла свою веру, отца и мать, порочила мужа, друзей и себя саму, «не знала ни добра, ни добродетели» и «стремилась ко всему нечестивому», послушно выполняя все требования злых духов. Из-за ее склонности к суициду и травм, которые она наносила себе, мужу пришлось пойти на крайние меры и связать ее. Несмотря на затянувшуюся болезнь, — по свидетельству Марджери, она проболела восемь месяцев — Джон всегда относился к ней с «нежностью и состраданием» и с готовностью поверил в ее выздоровление, как только она о том сообщила, невзирая на недоверие со стороны других, окружавших ее людей (Book 1). По первому требованию ей были возвращены свобода действий и бразды правления в доме.

Марджери «по достоинству» оценила долготерпение и любовь мужа: она отдала свои чувства «другому», о чем однажды и сообщила Джону. Конкурировать с «другим» ему было трудно, в этом случае не спасали даже его законные права супруга, ведь Марджери решила посвятить себя Богу. Однажды ночью она услышала райскую музыку, изменившую ее отношение к жизни, цели и приоритеты. С тех пор она презрела все земное и мечтала лишь о небесном. Телесное общение с мужем стало вызывать у нее отвращение до такой степени, что ей казалось, что она наелась грязи из придорожной канавы (Book 3).

Конечно такая «неблагодарность» могла быть вызванной не столько черствостью по отношению к заботливому супругу, сколько проблемами со здоровьем, в том числе психическими. Эмоциональные перепады, которые она описывает, оставляют сомнения в ее полном излечении, а самоистязания, которым она себя подвергала, вряд ли способствовали улучшению ее состояния. Можно было бы предположить и неудовлетворенность женщины в браке, что, как кажется, иллюстрирует одна из рассказанных Марджери историй.

Один из ее друзей, желая испытать ее, откровенно выразил ей свои чувства. Будучи до того совершенно уверенной в том, что поборола похоть, во всяком случае в отношениях с мужем, Марджери, недолго помучившись, готова была поддаться на это искушение. Конечно, по ее мнению, виноват во всем был недремлющий злой дух, не оставляющий людей в покое и ввергающий в сомнения

и отчаяние (Book 4), но хотя она представляет себя в этой ситуации жертвой, как кажется, эта роль более подходила ее мужу.

Видимо, Марджери переносит на интимные отношения недовольство Джоном, лежащее в иной плоскости. Он не был способен доставить ей то социальное положение, которого требовали ее амбиции. Обеспечить его сама иными средствами она также не смогла, хотя такая попытка и была ею предпринята, что как раз и питает сомнения в исключительно духовных мотивациях ее последующего обращения. До того как удариться в духовные поиски Марджери пыталась вести собственное дело, но потерпела неудачу, которую опять же связывает не с собственным поведением, а с вмешательством внешних сил.

Карьеру деловой женщины Марджери начала с организации пивоварни, не имея в том, как сама признавалась, достаточного опыта. Три или четыре года она была крупным производителем пива, но, «потеряв много добра» и рассорившись с работниками, вынуждена была прекратить это занятие. Последующие деловые надежды она возложила на мельницу, но и тут не преуспела. «Чудесным образом» лошади отказались работать на мельнице Марджери, человек, который за ними следил, не только не смог заставить их, но и сам ушел, и никто «ни человек, ни животное» не хотел служить ей. Она связывает это с расползшимися слухами о том, что это мечь Господня, и она проклята (Book 2), хотя истинным проклятьем вполне мог быть ее тяжелый характер. Но сейчас важны не причины ее провала, а сам факт попытки предпринимательской деятельности. Совершенно очевидно, что женщина искала способы для самореализации вне дома, и ее религиозная стезя — лишь один из опробованных, и не первым, жизненных путей.

Не достигнув успеха на предпринимательском поприще, она начинает строить духовную карьеру. Это вовсе не означало, что Марджери обязательно должна была кривить душой, устремившись к новому призванию, и разыгрывала святошу. Предыдущие разочарования и неудачи вполне могли сформировать у нее ощущение предназначенности к иным, духовным свершениям, а посты на фоне неустойчивой психики способствовать появлению видений. Но ее личная глубокая убежденность в том, что она делала, и своем избранничестве, не отменяла стремления к властвованию над

людьми, а лишь усугубляла это качество. Ее претензии на роль духовной матери предполагали активное руководство окружающими, она требовала от них все того же признания и уважения.

Мы не склонны считать ее феминисткой, сознательно борющейся против предписанных ей гендерных ролей, скорее она делала это вынужденно. Поскольку глава семьи ее социальных претензий не оправдал, дочь мэра сама всеми силами начала бороться за принадлежность к элите, даже если это вело к семейным проблемам. Ее социальная идентичность значила для нее больше, чем гендерная. Вместо того, чтобы помогать мужу и заботиться о нем, удовлетвориться тем местом, что он мог ей обеспечить, как того требовали социальная мораль и религиозные предписания, Марджери берет на себя функции семейного лидера, пренебрегает его интересами и им самим, фактически нарушая гендерную иерархию, пытается руководить им и окружающими мужчинами, впрочем, опираясь на поддержку мужчин же. Она не восставала против их гегемонии, а пыталась использовать их авторитет для наращивания собственного. И первым мужчиной, ставшим помехой на этом пути, был ее собственный муж.

Гендерный конфликт в семье Кемп разворачивался на протяжении длительного времени и выразился в борьбе Марджери за свободу распоряжения своим телом. Ее замужнее положение стало помехой на пути реализации ее амбиций. Чтобы стать полноценной невестой Христовой, как она того хотела, ей нужно было соблюдать требование телесной чистоты, что было трудно сочетать с выполнением супружеского долга, к тому же это был бы «хороший» способ «наказать» Джона за свои неудовлетворенные амбиции. Но сам Джон не спешил отказываться от своих законных прав, галантно отвечая жене, что воздержание конечно благо, но он не готов к нему, пока того не пожелает Бог (Book 3). И поскольку состояние его здоровья, видимо, о таком желании Господа не свидетельствовало, Марджери продолжала рожать детей (всего их было четырнадцать). Впрочем, в остальном он как всегда доверял ей и шел навстречу, даже если ее желания были связаны с хлопотами и неудобствами для него.

Марджери проводила значительную часть времени в церкви, где то громко каялась в своих грехах, то обличала чужие, в ближ-

них и дальних поездках, требовавших средств, очевидно, что времени на выполнение обязанностей хозяйки и матери у нее не должно было оставаться. Впрочем, вряд ли в системе приоритетов Марджери дети занимали главные позиции, во всяком случае, в ее *Книге* о них вспоминается редко. Джон, видимо, терпеливо сносил все это, если бы он еще каким-то образом «затруднял» служение своей жены, она скорее всего сообщила бы о том читателю, обычно она не упускала случая пожаловаться на своих недоброжелателей.

Когда она решила посетить Йорк и другие места и нуждалась в его разрешении, то, не сомневаясь в том, что желания жены инспирированы свыше, Джон отправился вместе с ней (Book 10). Повидимому, он оказывал ей большую помощь, организовывая их путешествия. Марджери описывает эпизод, случившийся в Кентербери, когда он, не выдержав ее воплей, ушел, оставив ее одну. В результате, она не только подверглась опасности, будучи заподозрена присутствовавшими монахами в лоллардизме, но и после не смогла вспомнить, где находилась гостиница, в которой они с мужем остановились. Ее выручили два молодых человека, отведя к мужу (Book 13). Это событие, рассказанное Марджери с понятной досадой, хорошо иллюстрирует ту немалую помощь и поддержку, которую Джон оказывал ей во время путешествий. Да и сама она признает, что муж ее всегда был хорошим и покладистым человеком, правда, «из пустого страха» иногда покидал ее, но всегда возвращался, и даже заступался за нее перед людьми настолько, насколько позволял его страх (Book 15 и др.). На фоне того, что другие люди вовсе покидали ее, и Марджери периодически подвергалась обвинениям в лоллардизме, страх Джона совсем не выглядит «пустым». Скорее можно предположить, что это были тактические маневры с его стороны, призванные несколько сгладить эксцентричное поведение его жены. Одна вопящая женщина вполне могла сойти за сумасшедшую и вызвать жалость окружающих, проповедовавшая женщина в сообществе мужчин создавала угрозу для них всех. Марджери воспринимала рассудительное поведение мужа как слабость и продолжала требовать от него содействия и понимания.

Женщина не оставляла попыток отделаться от выполнения супружеского долга. При этом она не собиралась покидать мир и запирались в уединении. Наоборот, ее привлекали поездки и обще-

ние с единомышленниками. Компания мужа, как кажется, тоже вполне ее устраивала, за исключением лишь упомянутых отношений. Не будучи в состоянии решить эту проблему сама, женщина обратилась к высшим силам. По ее свидетельству, не безуспешно, и призывы «Иисус, помоги мне», вполне срабатывали, лишая мужа известной силы (Book 9).

Она не готова была уйти от мира, но вполне согласна пожертвовать мужем. Похоже, именно осознание этого факта убедило, в конце концов, Джона Кемпа оставить жену в покое. На пути из Йорка, видимо, желая выяснить ее истинное отношение к нему, он поинтересовался, что она предпочтет, видеть его мертвым, или продолжать телесное общение. Ответ его не порадовал. Все, что он мог сказать ей в сердцах: «Ты дурная жена» (Book 11). Было ли это для него жестоким открытием, или к этому моменту он уже был морально (а, может, и физически) готов обойтись без близости с ней? Поскольку до того они уже восемь недель просто спали в одной кровати, он вполне мог решить, что способен обходиться и этим, а вот финансовая поддержка жены была ему действительно необходима. Джон предложил супруге сделку: она продолжает ночевать вместе с ним, покрывает его долги и трапезничает с ним по пятницам, в ответ он обещает выполнить ее заветное желание. После этих договоренностей взаимопонимание супругов, в передаче Марджери, отнюдь не ухудшилось, они вкушали трапезу в полном согласии духа, и Джон продолжил сопровождать жену в поездке (Book 11 и далее).

Громко манифестировавшая перед всем миром свои духовные достижения, Марджери с особой помпой обставила начало «чистой» супружеской жизни. Три недели она ждала аудиенцию у Филиппа, епископа Линкольна, чтобы просить его совершить церемонию принесения обета целомудрия и обрядить ее в белые одежды. Судя по всему, и Джон вместе с ней, поскольку по первому зову епископа он явился и не только подтвердил свое согласие, но и принес соответствующую клятву, «вложив свои руки, между руками епископа» (Book 15). Обет воздержания, принесенный прилюдно набожным Джоном Кемпом, должен был значительно повысить вотум доверия к ее собственной духовной чистоте и, вероятно,

также был нелишней гарантией ее дальнейшего соблюдения со стороны мужа. Впрочем, представление достигло своих целей лишь частично, окружающие продолжали подозрительно относиться к ним, так что даже многие годы спустя, после возвращения Марджери из паломничества по святым местам, пожилым супругам под давлением слухов и обвинений в нарушении клятвы некоторое время пришлось жить порознь. Правда, еще одной причиной, о которой Марджери также упоминает, было создание тишины и покоя для ее медитаций (Book 76). Как и ранее, ее интересы и пожелания стояли на первом месте. Затем престарелый Джон получил серьезную травму, и соседи как всегда обвинили его жену, на этот раз в том, что она плохо заботилась о нем. Супруги поневоле воссоединились, и Марджери до конца жизни Джона, впавшего напоследок в детство, ухаживала за ним (Book 76).

Итак, семейный гендерный конфликт был разрешен в пользу Марджери. Она закрепила за собой не только право распоряжения собой, но и лидерство в семье. Муж, признавший жену орудием высших сил, должен был уступить. Конечно, она обладала и существенным материальным ресурсом, способствовавшим убеждению, и поддержкой влиятельной семьи, но и силу ее властного и целеустремленного характера не стоит недооценивать. К тому же эта незаурядная женщина, очевидно, действительно была способна вызвать и сохранить любовь своего мужа, на крайний случай готового удовольствоваться хотя бы общением с ней. В том, что касается ее руководящей роли в семье, Марджери не была исключением, средневековые пьесы полны такими примерами. Но она стремилась руководить не только мужем. В опасную для таких экспериментов эпоху она преуспела на мужском профессиональном поприще больше многих, окружавших ее мужчин, заставила некоторых из них действовать в ее интересах и по ее желанию. И началась ее карьера с победы в собственной семье. Отстояв право на мужские решения и поступки в глазах собственного мужа, ставшего ее преданным сторонником, она снискала такое право и признание со стороны других, окружавших ее людей.

М. В. КУЗЬМИНА

«ДОБРЫЙ МИР» В СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ВО ФРАНЦИИ

ПО ТРАКТАТУ КОНЦА XIV В.
“LE MÉNAGIER DE PARIS”

Анонимный французский трактат конца XIV века, известный в историографии как “Le Ménagier de Paris traité de morale et d'économie domestique”¹, традиционно относят к жанру дидактической литературы. Его автор так определял одну из целей своего труда: помочь юной супруге придерживаться в браке такого поведения, которое поможет ей в снискании любви Бога и спасении

¹ Le Ménagier de Paris, traité de morale et d'économie domestique composé vers 1393 / Intr. de J. Pichon. P., 1846. 2 tt. , т. е. «Парижский домовод, трактат о морали и домашней экономии, написанный около 1393 г.», но по указанным ниже причинам предпочтительнее, на наш взгляд, оставить название на французском языке (далее — *Le Ménagier*). Адекватный перевод слова “le ménagier” на русский язык весьма затруднителен, хотя Ж. Фавье и говорит, что «слово это означает просто-напросто «хозяин дома» (Фавье Ж. Франсуа Вийон / Пер. с фр. В. А. Никитина. М., 1999. С. 185). Однако значение его ближе к тому, что вкладывается в русский термин «домостроительство». «Словарь старофранцузского языка и всех его диалектов с IX по XV век» Ф. Годфруа (*Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècles*. P., 1938. P. 291-294) начинает ряд синонимов со слова “mesnage” — дом, манор, члены одного хозяйства, а “mesnagier” определяет как «домочадец, эконом, управляющий». Другой словарь — “Le Grand Robert de la langue française” дает такие значения слова “ménager”: домашняя жизнь, включающая все материальные аспекты, все, что касается внутренней жизни семьи и доходов, а также управление домашними делами, экономия. С XIII в. слово “ménage” означает совместную жизнь между мужчиной и женщиной в рамках супружеской пары (*Dictionnaire historique de la langue française*. P., 2000. P. 2190-2191). Кстати, автор, называл свой труд не трактатом, а “escripte”, т.е. скорее «сочинением», что в какой-то мере сближает его со Священным Писанием (Escripture), так как для него важно дать всеобъемлющее наставление: c'est assavoir que une leçon generale vous sera par moy escripte” (...это означает, что благодаря моему сочинению вы получите всеобъемлющее наставление ...) / *Le Ménagier*. Т. I. P. 4.

души. Юная супруга должна также узнать, чем обретается любовь мужа и мир, который должно иметь в замужестве². О каком мире идет речь? С точки зрения человека нашего времени, это довольно просто и понятно и чаще всего лишено аллюзий к метафизическим проблемам. «Мир» означает спокойствие в семье, уважительное отношение супругов к друг другу, условия для саморазвития, материальное благополучие. Но для человека XIV столетия понятие «мир» было гораздо более сложным. О. Г. Эксле, анализируя то, как в период Средневековья люди воспринимали, истолковывали и меняли действительность, указывает, что мир понимали как

«...удачным образом созданное Богом целое, отдельные части которого взаимосвязаны и различаются между собой иерархически... Принцип миропорядка (вместе с включенным в него социальным устройством) состоит... в гармонии неравенства... Мир (в смысле рах) — это упорядоченное сосуществование частей в согласии... Этот принцип действителен как для мира вообще, так и для совместной жизни людей в нем»³.

Существующее неравенство естественно и не должно порождать никаких противоречий — так, в интерпретации Эксле, считали люди Средневековья, основываясь на том знании, которое давало Священное Писание, воспринимаемое и как некая реальность, и как идеал. Разумеется существовало несовпадение знания о том, как «должно быть», с действительностью. Но наличие различных моделей истолкования существующей действительности, то есть и поступков, несоответствовавших высоким нравственным идеалам, делало возможным, считает Эксле, примирение этих противоречий⁴.

Автор «Le Ménagier» дает пример своего собственного понимания жизни, ее согласованности с христианскими нравственными нормами. Он предлагает молодой жене (а вместе с ней и другим женщинам) следовать определенному кодексу поведения, который поможет согласовать то, что в определенном социальном кругу

² Op. cit. P. 4. «...pour asquerir l'amour de Dieu et la salvation de vostre âme et aussi nécessaire pour asquerir l'amour de vostre mary et donner à vous en ce monde la paix que l'en doit avoir en mariage...».

³ Эксле О. Г. Действительность и знание: Очерки социальной истории Средневековья / Пер. с нем. Ю. Арнаутовой. М., 2007. С. 42.

⁴ Там же. С. 23-95.

требуется от супруги, и то, что в принципе понимается как долг христианки.

Прежде всего, по убеждению автора “Le Ménagier”, мир держится на том, что каждое сословие «делает свое дело». Это определяет структуру сословного мышления, обоснование специфического образа жизни, особый образ воспитания⁵. Автор трактата скорее всего принадлежал либо к адвокатам Парламента, либо к каким-то другим королевским чиновникам, но определенно можно сказать, что он — из круга буржуа⁶. Для него как для человека из высших слоев городского общества важны вопросы происхождения, принадлежность к знаменитому роду, и задача сохранения чести рода (lignage), чести сословия (estat) во многом определяют характер советов, даваемых им своей жене, а в ее образе — и всем женщинам своего сословия.

«Я хорошо понимаю, — пишет он, — что Вы приходите из более знатного рода, чем я, и тем не менее, это Вас не защищает, но, слава Богу, женщины Вашего рода столь хороши, что и без меня ими Вы будете сурово исправлены, если они что узнают или от меня, или еще как-нибудь...»⁷.

По его мнению, можно и нужно быть в доверительных, близких отношениях лишь со своим мужем. Менее близкие отношения следует поддерживать своими родственниками и родственниками мужа. Ко всем другим мужчинам нужно быть безучастной, и совсем никакого внимания не обращать на «праздных молодых людей, у которых расходы чересчур велики по сравнению с доходами, нет земли или знатного родства». Крайне сдержанно надо относиться «к очень знатным придворным сеньорам, особенно к тем мужчинам и женщинам, кои имеют репутацию ведущих сладкую, веселую и распутную жизнь»⁸.

Парижские чиновники, имеющее отношение к Парламенту, и по своему происхождению часто принадлежавшие к буржуа, уже к

⁵ Там же. С. 41-42, 43-44.

⁶ По некоторым косвенным данным, довольно редким, можно сделать вывод, что автор труда принадлежал к верхушке городского сословия, возможно, он был буржуа, а по своим профессиональным занятиям, вероятно, адвокатом или государственным чиновником.

⁷ Le Ménagier. P. 3.

⁸ Ibid. P. 76-77.

концу XIV в. сформировали совершенно особое сословие, выходящее за рамки традиционного деления общества на три части. Семьи чиновников Парламента образовывали своеобразную корпорацию⁹, принадлежность к которой также определяла специфическое мировосприятие и отношение к жизни. Для них было важно прежде всего соблюдение интересов государства, хотя и личное благополучие было далеко не на последнем месте. Например, вся система организации работы в Парламенте была направлена на поощрение рвения чиновников, так как получаемое ими жалование зависело от количества дней присутствия и от объема выполненной работы¹⁰. Обособленность этой корпорации явно прослеживается в советах автора «Le Ménagier» своей супруге:

«...мне довольно, чтобы Вы поступали и служили так, как Ваши добрые соседки поступают по отношению к своим мужьям, которые похожи на нас и из того же сословия (estat), и как Ваши родственницы поступали по отношению к своим мужьям того же звания (estat), что и мы с Вами»¹¹.

Границы дозволенного общения очерчиваются им довольно ясно. Ему будет приятно наблюдать за женой и когда она ухаживает за розами и фиалками, и изготавливает шляпки, танцует и поет, но он желает, чтобы все это она делала среди «наших друзей и нам подобных»: «Не стоит танцевать со слишком знатными сеньорами, ибо это неприлично и не соответствует ни Вашему положению (estat), ни моему»¹². Ведь сословная честь — это прежде всего подобающее поведение мужа и жены. Их взаимные обязательства по сохранению чести сословия диктуют и соответствующие взаимоотношения.

«Милая сестра, Вы увидите, что мудрый мужчина смягчит свое сердце, чтобы сохранить честь своей жены, которую она передает и ему, и своим детям, и потому от Вас зависит,

⁹ Цатурова С. К. Офицеры власти. М., 2002. С. 23. «Понятие «парламентская корпорация» правомерно употреблять с середины XIV в., с ординасов 1342-1345 гг., когда были отменены ежегодные наборы нового состава и чиновники Парламента получили статус корпорации».

¹⁰ Там же. С. 41.

¹¹ Le Ménagier. P. 2–3.

¹² Ibid. P. 2.

чтобы и мудрый мужчина, и мудрая женщина делали бы один для другого, чтобы сохранить свою честь»¹³.

Сохранение чести — одна из составляющих «доброто мира» между супругами¹⁴, а следовательно, и мира в обществе.

В конечном счете это как раз то, к чему призывает Господь: мир достигается через подчинение жены мужу (и мужа — жене, но покорность жены важнее). Согласно Библии, она плоть от плоти Адама — первого мужчины, она его часть, а части сосуществуют упорядоченно. Согласно сосуществование мужа и жены в семье (супружеской паре), таким образом, вытекает как из христианских нравственных установок, так и установок сословного характера. «... И, ради Бога, помните, никогда не может быть причин говорить своему господину “я ничего этого делать не буду”, это неразумно, лучше подчиниться», — наставляет автор трактата свою молодую жену¹⁵. Далее он приводит пример Девы Марии, принявшей волю Господа, которую донес до нее архангел Гавриил. Как это отмечал еще Й. Хейзинга, возвышенные темы в текстах того времени легко сочетались с почти бытовыми¹⁶.

Сословное мышление воспринимало мир как иерархический порядок, где каждому сословию было присуще наличие «по его “качеству” морали в ее отношении к абсолютному идеалу»¹⁷. Беречь мужа, заботиться о нем, хранить свой брак необходимо еще и потому, что потеряв мужа, овдовевшей женщине будет, по словам автора, сложно выйти замуж за человека того же сословия:

«...если у Вас будет после меня другой муж, знайте, что Вы должны очень заботиться о нем еще и потому, что женщина, потерявшая мужа, вряд ли сможет найти согласно своему положению второго подходящего, так и будет жить она длительное время одинокая и без совета ...»¹⁸.

Вероятно, браки внутри сословия ограничивались нехваткой кандидатур подходящего возраста.

¹³ Ibid. P. 183.

¹⁴ Ibid. P. 169.

¹⁵ Ibid. P. 128.

¹⁶ Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988.

¹⁷ Эклс О. Г. Указ. соч. С. 92-93.

¹⁸ Le Ménagier. P. 168.

Мир в семье подвергается многим испытаниям. Особенно же не следовало беречь честь мужа, даже и скрывая его грехи.

«Если Вы знаете о каких-либо дурных делах, пороках и грехах, скрывайте их даже без ведома мужа, дабы он не был опозорен»¹⁹.

И хотя средневековый человек особенно остро переживал свою греховность, постоянно пребывая в борьбе души и тела, т.е. перед искушением — первоосновой греха, понятие «грех» постепенно приобрело сословный характер. Если изначально грех был понятием прежде всего нравственным, то постепенно он обретает и социальное значение. С XII–XIII вв., по мере утверждения сословной картины христианского общества, распространяется представление о существовании особых, сословно специфичных, дьявольских оболещений. «Каждому “état” отводились свои грехи и пороки. Как об этом писал Ж. Ле Гофф, моральная и духовная жизнь людей социализировалась, и происходило это согласно сословному порядку общества²⁰. Так, в рамках христианского верования сокрытие грехов само заслуживает порицания. Однако для автора «Ménagier» в отношениях супругов это вполне допустимо. Более того, интересы семьи и сословия требуют сокрытия грехов, этот вопрос не видится автором с позиций общехристианской морали. Например, грех прелюбодеяния — один из семи смертных грехов — автор трактата однозначно осуждает, но считает, что если жена непокорностью и небрежением о своем муже толкнула его на этот грех, то муж не может быть обвинен в прелюбодеянии. Автор рассказывает о знакомом адвокате Парламента, имевшего и жену, и любовницу, которая родила ему дочь. Жена адвоката, прознав о любовнице, посетила ее и пришла в ужас от увиденной в доме любовницы нищеты. Она решила взять заботу о второй семье мужа на себя, чтобы он не был опозорен. «Вот так, — констатирует автор “Le Ménagier”, — поступают хорошие жены по отношению к своим мужьям, и хорошие мужья по отношению к своим женам»²¹. Он

¹⁹ Ibid. P. 144, 169, 177-181.

²⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 246-247.

²¹ Le Ménagier. P. 185-186.

смотрел на вещи прагматично²². Как отмечает Ж.Фавье, жены видели в супружеских отношениях угрозу деторождений, поэтому они были заинтересованы в изменах, «коль скоро они утихомирили мужа, а рисковала при этом другая»²³. Покорность и смирение помогут избежать ненужных ссор и сохранить мир.

«Ведь из того, что Церковь есть подданная Иисуса Христа, своего главы, и подчинена его приказаньям, в великом и малом, точно также жены должны подчиняться своим мужьям и выполнять любые их приказанья. Вы не должны ни быть надменной и дерзкой, ни возражать тому, кто будет Вашим мужем, ни противоречить ему, особенно при людях, ибо, согласно предписанному Богом, жены подчинены своим мужьям как сеньорам»,²⁴ — не устаёт поучать автор трактата.

Добродушие, которое противостоит гневу, способствует установлению мира повсюду, считает автор “Le Ménagier”. Мир побеждает все зло и весь гнев, поэтому не стоит гневаться. Справедливость же есть орудие мира²⁵. Имеется в виду прежде всего справедливость в отношениях близких людей. Ведь и муж, и жена должны стараться быть мудрыми людьми. Наличие социального аспекта в рассуждениях автора трактата указывает на то, что отношения супругов в рамках нуклеарной семьи и рода не мыслятся без включенности каждой отдельной семьи в схему устройства общества в целом. Связи горизонтальные, такие как семья, родство, сословие пересекаются и сочетаются со связями вертикальными: сеньора и подданного, Бога и человека. Отношения по вертикали предполагают, что один подчиняется, а другой осуществляет свое господство. Подчинение здесь само собой разумеется и обеспечивает мир в обществе. Как пишет Эксле, обоснование такой формы миропорядка создал Блаженный Августин, «связав мир в политическом, правовом и социальном смысле с космосом и его порядком..., а тем самым — с практикой приказаний и послушанья»²⁶. Августин, один из наиболее цитируемых в трактате авторов, имел в виду прежде всего отношения между государем и народом, но, указывает Эксле, в Средние века формы

²² См.: Фавье Ж. Указ. соч. С. 185.

²³ Там же. С. 200.

²⁴ Le Ménagier. P. 97.

²⁵ Ibid. P. 56-57.

²⁶ Эксле О. Г. Указ. соч. С. 160.

мира могли осмысливаться и реализоваться «также и в форме мира, созданного группами на основе взаимного согласия»²⁷.

Мир, который создает автор “Le Ménagier” в своей семье, тоже строится на основе взаимного договора между женой и мужем. Если мир в обществе гарантируется договором между государем и подданными и предписывает правителю защиту народа, а народу — послушание правителю,²⁸ то и жене обеспечивается защита и благополучие через послушание и подчинение мужу. «Ибо многие женщины выигрывают через свое смирение, а другие из-за своей непокорности отдаляют этим мужей от себя, и те их отталкивают»²⁹. Мир в семье для автора – главное:

«Если Вы не будете покорны во всех делах, больших и малых, мужу, он будет Вас укорять и накажет, как и любого другого, кто его ослушается, а ведь Вы ему ближе всех. Если Вы будете недостаточно послушны, то Ваша служанка из усердия или в виде услуги, или по какой другой причине ему услужит и, найдя в ней такое послушание, он, покинув Вас, доверит ей исполнение особых дел»³⁰.

На бытовом уровне формулу «доброе мира» в семье он подтверждает пословицей: «...три вещи существуют, которые удерживают добропорядочного мужа вдали от дома: неубранный дом, дымящий очаг и сварливая жена»³¹.

Христианские идеалы, социальная действительность и представления самого автора о том, что такое мир в семье, переплетаются между собой, давая нам такую картину, в которой все эти компоненты играют свою роль, не создавая явных противоречий или сглаживая их. Для автора трактата семья — гарант его успешной деятельности вне дома, залог реализации его притязаний, которые он предъявляет как представитель сословия, о чести которого он так печется. Взаимные чувства супругов занимают не последнее место в схеме мира автора “Le Ménagier”.

²⁷ Там же. С. 160-161.

²⁸ Там же.

²⁹ Le Ménagier. P. 99.

³⁰ Ibid. P. 130.

³¹ Ibid. P. 169.

«Бог свидетель, я считаю, что, когда два добрых честных человека женятся, все другие увлечения (amours) отдаляются, прекращаются и забываются, кроме тех, которые связывают этих двух людей, и мне кажется, что, когда они находятся один подле другого, они оберегают друг друга ...И все их особенные удовольствия, их главные желания и их чудесные радости будут в том, чтобы доставлять удовольствия друг другу и быть верными друг другу, и если они любят друг друга, им не составит затруднения ни послушание, ни взаимное уважение, ...чего слишком мало между некоторыми...»³².

Кризис конца XIV в., затронув все стороны жизни средневекового общества, не мог не затронуть и семью. Автор трактата выразил это беспокойство по поводу грядущих перемен, пытаясь дать такое поучение, которое бы обеспечило, по его мнению, мир в семье. Семья и брак выступают у него такой ценностью, которую стоит беречь. И это при том, что в обществе преобладал мужской взгляд на отношения полов, литературно оформленный еще задолго до появления «Le Ménagier» в весьма популярном «Романе о Розе» (вызвавшем в конце XIV в. весьма оживленную полемику относительно роли женщин в обществе). Надо лишь исполнять то, что предписано Богом, что считается приличным в своей социальной среде и что считает необходимым мудрый муж (каковым автор себя считает). Насколько его советы были приемлемыми для других членов рода и тем более сословия, остается вопросом открытым.

Идея христианской любви (недаром автор трактата называет жену «сестрой»), имея в виду их родство во Христе), так же как идея осуществления мира посредством власти, что характерно прежде всего для общественных отношений, очень близки автору «Le Ménagier». Он также полагает, что будет понят всеми женщинами, близкими ему и его супруге по положению. Мир в семье обеспечивается через следование определенным правилам, которые, вероятно, принимались большинством в его среде. В противном случае такой трактат просто не появился бы именно в этот кризисный период, когда приверженность некой традиции воспринималась как залог мира в семье и между супругами.

³² Ibid. P. 139.

А. Ю. СЕРЕГИНА

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПИСЬМО СЭРА УОЛТЕРА РЭЛИ ЖЕНЕ, ЭЛИЗАБЕТ ТРОКМОРТОН (1603 г.)*

Предлагаемый вниманию читателя документ представляет собой глубоко личное послание, отправленное сэром Уолтером Рэли жене из Винчестерского замка, где он, приговоренный к смерти за государственную измену, ожидал казни. В то время ни он сам, ни адресат не могли предполагать, что судьба подарит ему еще 15 лет жизни, а письмо, отражающее самые интимные переживания, будет использовано в качестве одного из важнейших аргументов в публичной кампании за восстановление честного имени его автора.

Чтобы понять, какие обстоятельства вынудили вдову использовать письмо мужа подобным образом, необходимо обратиться к бурной истории брака сэра Уолтера Рэли, тесно связанной с политическими событиями эпохи Елизаветы I и Якова I.

Уолтер Рэли, младший сын в семье местного дворянина, Уолтера Рэли, родился в 1552 г. в Девоне. Его мать, Кэтрин Чампернаун, приходилась племянницей любимой гувернантке Елизаветы I Кэт Эшли. Благодаря ей Уолтер-

* Исследование проведено в рамках проекта «Гендер и власть в истории» программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество в истории».

младший впоследствии был представлен ко двору. Семья Рэли относилась к числу убежденных протестантов; отец Уолтера едва не лишился жизни из-за своих религиозных убеждений в годы правления Марии I Тюдор. Неприязнь Уолтера Рэли к католикам, вероятно, может быть объяснена воспоминаниями детства и историями, рассказывавшимися в семье.

Сведения о юности героя довольно туманны. Существуют упоминания о том, что он в 1567 г. отправился во Францию, присоединившись к отряду добровольцев, набранных его родственником, графом Монтгомери, и сражался на стороне французских гугенотов при Жарнаке и Монконтуре (1569 г.). После Варфоломеевской ночи (1572 г.) он вернулся на родину и был зачислен в Оксфордский университет (Ориел колледж), хотя не вполне ясно, посещал ли он занятия. В 1575 г. имя Рэли появляется в списках студентов одного из Судебных иннов — Миддл Темпл. Знание риторики и законов страны помогли Рэли впоследствии выступать в собственную защиту. Однако до этого было еще далеко.

Рэли был не слишком прилежным студентом: его влекла жизнь воина и первопроходца, а не юриста. Под влиянием старшего сводного брата Хэмфри Гилберта он проявил интерес к морским экспедициям и завоеваниям. Именно брат заронил идею основания английской колонии в Северной Америке. В 1578 г. из Плимута к берегам Северной Америки отправилась первая экспедиция. Ее постигла неудача, и на некоторое время правительство отказалось от планов колонизации. Однако впоследствии были организованы еще две экспедиции (в 1583 и 1587 гг.), в ходе которых была основана колония Виргиния.

В 1579–1583 гг. Уолтер Рэли воевал в Ирландии, участвуя в подавлении восстания против власти Англии. Участие в боевых действиях обеспечило ему репутацию опытного офицера, принесло умение владеть шпагой, а также и существенное вознаграждение в виде земель в графстве Манстер. Впрочем, земельное пожалование не было результатом исключительно ратных подвигов: с начала 1580-х гг. Уолтер Рэли — поэт и воин, стал одним из фаворитов стареющей королевы Елизаветы I. Вознаграждение не заставило себя ждать: в 1585 г. Рэли был возведен в рыцарское достоинство. Королева даровала ему монополию на продажу вина (главный источник дохода), а также прибыльную должность попечителя оловянных рудников в Девоне и Корнуолле, сделала лордом-лейтенантом Корнуолла и вице-

адмиралом флота (отвечавшим за защиту юго-западного побережья Англии). Сэру Уолтеру были пожалованы земли, конфискованные у казненных участников заговора Бабингтона (1586 г.), а также поместье Шерборн в Дорсете (1592 г.) и принадлежавший королеве Дарэм Хаус (бывшая лондонская резиденция епископов Дарэмских). Однако головокружительный взлет Рэли был прерван совершенным им тяжким проступком. Уже немолодая Елизавета терпеть не могла, когда ее фавориты женились, да и еще и без ее разрешения (получить которое, впрочем, было невозможно). А сэру Уолтеру совершил именно это преступление — осенью 1591 г. он сочетался браком с одной из фрейлин королевской опочивальни, Элизабет (Бесс) Трокмортон (1565–1648).

Бесс Трокмортон по рождению относилась к придворному кругу. Ее отец — сэру Николас Трокмортон (1515–1571) принадлежал к большому католическому клану, но отказался от веры своей семьи, перейдя в протестантизм. В последние годы царствования Генриха VIII он входил в число придворных королевы, Екатерины Парр, и знал Елизавету еще ребенком. Восшествие Елизаветы на престол способствовало карьере сэра Николаса, который в 1560-х гг. представлял свою правительницу при французском и шотландском дворах. Мать Бесс, Энн Кэрю (ок. 1520–1587), была дочерью сэра Николаса Кэрю (1496–1539), придворного и друга Генриха VIII, поплатившегося головой за стремление восстановить принцессу Марию в правах наследования. Во втором браке (1571 г.) леди Энн стала женой Эдриена Стоукса, и, тем самым, мачехой наследниц английского престола — Кэтрин и Мэри Грей.

Семейные связи обеспечили девушке одно из самых завидных (в силу близости к королеве) мест при дворе — должность фрейлины королевской опочивальни (1584 г.). В силу служебных обязанностей Бесс постоянно приходилось сталкиваться с другими придворными, в том числе и с сэром Уолтером Рэли. Последний — фаворит королевы и один из богатейших придворных, обладавший репутацией покорителя женских сердец, — не мог не привлечь ее внимания. Возможно, впрочем, что к влечению примешивался и политический расчет: Бесс Трокмортон, как и все протестантское крыло ее семьи, принадлежала к сторонникам графа Эссекса. В конце 1580-х гг. Эссекс и Рэли соперничали между собой за милости королевы, однако в начале 1590-х гг. между ними наметилось

сближение, так толком и не объясненное ни одним из исследователей. Возможно, одной из сторон этого сближения стал тайный роман Бесс и Рэли. Забегая вперед, следует сказать, что именно Эссекс стал одним из крестных первенца этой четы, что вполне объяснимо, если он сам способствовал их отношениям.

Связь Бесс и Рэли хранилась в такой тайне, что историки до сих пор спорят между собой о том, когда она началась, и когда, собственно, был заключен брак. Самая ранняя из возможных дат — осень 1588 г. Единственное, что известно точно, — в июне 1591 г. Бесс забеременела, и спустя несколько месяцев, осенью того же года, она стала законной женой сэра Уолтера Рэли. Дата бракосочетания неизвестна. Но в ноябре 1591 г. о браке был поставлен в известность старший брат Бесс и глава семьи — сэр Артур Трокмортон (1557–1626 гг.). Его помощь была необходима сестре, чтобы избежать скандала. Именно в дом брата — в Беддингтон (графство Сарри), — отправилась Бесс в феврале 1592 г. в ожидании родов. Там 29 марта 1592 г. родился ее первенец — мальчик, которого назвали странным именем Дамерей. Его крестными были сэр Артур Трокмортон и, как уже говорилось, граф Эссекс. Спустя месяц молодая мать была вынуждена оставить сына и вернуться ко двору. Отец мальчика так и не увидел — он был слишком занят подготовкой морской экспедиции, отправлявшейся к берегам испанских колоний (в Панаму).

Однако слухи постепенно разошлись по Лондону, и в конце мая 1592 г. дошли до ушей Елизаветы I. Она немедленно приказала арестовать Рэли и его жену и поместить их сначала под домашний арест — сэра Уолтера в Дарэм Хаусе, под надзором его кузена Кэрю, а его жену — в дом вице-камергера, сэра Томаса Хинеджа. Несмотря на все мольбы Рэли, королева не смягчалась: в августе 1592 г. она приказала отправить супругов в Тауэр. Уолтер Рэли, правда, оставался там недолго. Уже в сентябре 1592 г. он смог «купить» себе свободу, передав королеве все свои доходы от захвата испанского галеона «*Мадре де Диос*» (тем самым увеличив ее долю до 80 000 фунтов). Бесс же вместе с сыном оставалась в тюрьме. Ее сын там и умер в октябре 1592 г., не прожив и шести месяцев. Леди Рэли вышла на свободу только в декабре 1592 г., и отнюдь не благодаря помощи мужа: ей оказали покровительство лорд-камергер,

барон Хансдон, и сэр Томас Хинедж, в свою очередь подавшие мольбу брату Бесс, Артура Трокмортону.

С придворной карьерой Бесс было покончено — королева не желала ее видеть. Молодая женщина отправилась в поместье мужа — Шерборн. Следующие десять лет своей жизни она без остатка посвятила себя делам управления имуществом мужа. Именно она, а не вечно занятый сэр Уолтер, надзидала за строительством Шерборн Лодж — загородного дома, выдержанного в духе французской архитектуры. В Англии 1590-х гг. это была еще новинка. Другой сферой ее деятельности было воспитание сына Уолтера, родившегося в Шерборне 25 апреля 1594 г.

Его отец снова отсутствовал — в 1594–1595 гг. он возглавил экспедицию к верховьям реки Ориноко. Хотя золотые копи обнаружить не удалось, сэр Уолтер не сомневался в их существовании, а его книга *«Открытие Гвианы»* побуждала не одно поколение англичан к заморским странствиям. Гвианская экспедиция вновь изменила положение Рэли. Постепенно он возвращал себе утраченное расположение королевы. Этому способствовали и другие экспедиции, в которых он принял участие — взятие Кадиса (1596 г.), а также морской поход к Азорским островам (1597 г.). Елизавета назначила Рэли капитаном ее личной охраны (1597–1603 гг.) и губернатором острова Джерси (1600–1603 гг.). Кроме того, под его управлением оказывался и Запад Англии. Неудивительно, что Рэли был только рад переложить на жену распоряжение имуществом. Бесс оказалась хорошим управляющим и быстро завоевала доверие мужа. Союз, заключенный по страсти (и, возможно, политическому расчету) со временем скрепился дружбой и деловым партнерством. Бесс делила свое время между Шерборном (который она теперь считала своим домом) и Дарэм Хаусом. Но в отличие от мужа возвращение ко двору для нее оказалось невозможным.

Благополучие четы Рэли закончилось вместе с царствованием Елизаветы I. Ее преемник, Яков I и его первый министр, Роберт Сесил, стремились заключить мирный договор с Испанией. В такой ситуации Рэли, поддерживавший агрессивную политику по отношению к католическим державам, был только помехой. Почти с самого начала стало ясно, что для него нет места в кругу приближенных нового короля. Со смертью Елизаветы Рэли автоматически поте-

рял должность капитана личной охраны. Яков I, кроме того, лишил его основного источника дохода, не возобновив винную монополию. А в начале июня Рэли было предписано в течение двух недель выехать из Дарэм Хауса, который король решил вернуть епископу Дарэмскому. Предчувствуя дальнейшие бедствия, Рэли передал оставшиеся у него земли (поместье Шерборн) в доверительное управление (траст) своим друзьям, которые затем должны были передать Шерборн его сыну (или другому наследнику по мужской линии) по достижении тем совершеннолетия. Подобная уловка защищала семейную собственность от возможной конфискации — у сэра Уолтера нельзя было отнять того, чем он формально не владел.

Тревожное предчувствие оказалось верным. 19 июля 1603 г. Уолтер Рэли был арестован по обвинению в государственной измене и помещен в Тауэр. Его арест был связан с раскрытием в течение лета 1603 г. серии заговоров против Якова I. Первый из них, так называемый «заговор священников», объединял группу католиков — священников Уильяма Уотсона и Уильяма Кларка, дворян Джервеза Маркэма, Энтони Копли, Джордж Брука и даже протестанта лорда Грея. Заговорщики планировали собрать вооруженный отряд (под предлогом подачи королю петиции перед его коронацией), захватить Якова I и его семью и потребовать веротерпимости для католиков, возвращения им гражданских прав и предоставления им серии крепостей в качестве гарантии. Заговор был раскрыт в июне 1603 г., а в ходе допросов Джордж Брук упомянул о том, что его старший брат Генри, лорд Кобэм, вынашивал свои собственные изменнические планы.

В свою очередь арестованный, лорд Кобэм, показал, что он и его близкие друзья — граф Аремберг, посол правителей Нидерландов (Альбрехта и Изабеллы), и сэр Уолтер Рэли, — планировали убить Якова I и его семью и посадить на престол Арабеллу Стюарт. Лорд Кобэм должен был отправиться в Брюссель и Мадрид, для того, чтобы получить финансовую поддержку (в 500 000 или 600 000 крон) своему проекту. На обратном пути он собирался остановиться на Джерси и обсудить с губернатором острова, как лучше распределить средства. Показания лорда Кобэма довольно противоречивы; кроме того, он их неоднократно

менял. Поэтому сейчас большинство исследователей сходится на том, что вина Уолтера Рэли заключалась в том, что он слушал лорда Кобэма, рассуждавшего о свержении монарха, и не донес об этом. Кроме того, по признанию самого Рэли, он действительно говорил о деньгах — о том, что хотел бы получить пенсию от испанского двора (а испанцы платили многим английским придворным, начиная с Сесиля).

Как бы там ни было, против Уолтера Рэли было выдвинуто обвинение в государственной измене, и 17 ноября 1603 г. он предстал перед судом в Винчестере (куда двор перебрался, спасаясь от вспышки чумы в Лондоне). Находясь в заключении, Рэли пал духом и даже пытался покончить с собой, ударив себя в грудь ножом (клинок скользнул по ребру, нанеся лишь незначительную рану). Но, когда дело дошло до суда, к нему вернулись былые храбрость и самообладание.

Сэр Уолтер защищался блестяще, указав на все слабости обвинения, основанного на показаниях всего лишь одного свидетеля (чего по закону было недостаточно) и упомянув о своих подвигах в сражениях против Испании. Уж его, ветерана-протестанта, вряд ли можно было считать сторонником вторжения войск католической державы в Англию. Обвинитель, сэр Эдвард Кок, на его фоне выглядел бледно, постоянно сбиваясь на прямую грубость в адрес обвиняемого. Тем не менее, Рэли был признан виновным и приговорен к смертной казни. Ожидая казни в Винчестерском замке, он и написал свое предсмертное письмо жене, представляющее собой соединение признаний в любви (обращенных к жене и сыну) с хозяйственными распоряжениями. Последнее объясняется тем, что в завещании он Бесс не упомянул; в письме же он говорит о средствах, на которые, по его мнению, могла бы существовать его вдова.

Но Яков I не решился казнить Рэли, во многом потому, что речь последнего на суде сделала его весьма популярным в стране. Казнь национального героя в самом начале нового царствования могла плохо отразиться на стабильности нового режима. Поэтому сэр Уолтер был переведен в Тауэр, где и прошли следующие 13 лет его жизни. Казнь не состоялась; но Рэли не получил ни королевско-

го помилования, ни свободы. Над ним по-прежнему висел смертный приговор, а все имущество изменника было конфисковано.

Условия заключения Рэли не были слишком тяжелыми. Он регулярно виделся с сыном и женой, настолько регулярно, что в 1605 г. у него родился второй сын, Кэрю (1605–1666 гг.), читал книги и писал собственные труды (в частности, *«Всемирную историю»*). Однако тюремное заключение тяжело сказалось на человеке, по-прежнему стремившемся к активным действиям — морским походам, новым открытиям и т.п.

Леди Рэли оказалась замужем за человеком, который в глазах закона был мертв. Всю свою немалую энергию она употребила на то, чтобы восстановить утраченное — возродить семейное состояние и вернуть мужу его законное имя и титулы. Ей пришлось столкнуться с немалыми трудностями, вызванными как нехваткой денег, так и другими проблемами.

В 1609 г. фаворит Якова I Роберт Карр (впоследствии — граф Сомерсет) выказал желание получить поместье Шерборн. Король, бывший не в состоянии отказать Карру, повел с леди Рэли переговоры о передаче поместья короне. Благодаря хватке Бесс в обмен на Шерборн она получила 8000 фунтов (немалая сумма, несравнимая, однако, с ее собственными затратами на строительство, сделавшими поместье столь привлекательным), а также пенсию для себя размером в 400 фунтов, выплачивавшихся ежегодно. Заполучив Шерборн, Карр отнюдь не желал, чтобы его бывший владелец вышел на свободу и, чего доброго, предъявил свои претензии. Кроме того, граф Сомерсет был связан узами родства с кланом Ховардов, известным своим католическими и испанскими симпатиями. Поэтому положение Рэли изменилось лишь после того, как Карр перестал быть королевским фаворитом, и его в 1615 г. сменил «на посту» Джордж Вилльерс (будущий герцог Бекингем). Новый фаворит был связан с протестантской партией, поэтому он способствовал освобождению того, кого многие в стране считали героем прежнего царствования (которое чем дальше, тем больше превращалось в их глазах в подобие «золотого века»).

Сам Рэли предложил королю сделку — свою свободу и честное имя в обмен на золотые копи Ориноко. Яков I, вечно нуждавшийся в

деньгах, согласился, и в 1616 г. сэра Уолтера было освобождено из Тауэра и начал подготовку новой экспедиции на Ориноко. Испанский посол заявил протест, и, чтобы успокоить его, Рэли было предписано ни под каким предлогом не нападать на испанские поселения или корабли.

Почти целый год Рэли собирал средства и готовил свой флот. Жена помогала ему. Она также готовилась к новой кампании за возвращение Шерборна — граф Сомерсет был обвинен в убийстве и сам находился в заключении, а все его имущество конфисковано. Однако Яков I и не думал отдавать поместье бывшим владельцам. Он поспешил продать его за 10 000 фунтов члену Тайного Совета сэру Джону Дигби.

Весной 1617 г. Рэли, наконец, отплыл к берегам Ориноко. Поначалу его экспедиция казалась успешной. Осенью 1617 г. корабли достигли берегов Венесуэлы и поторопились переправить сообщение об этом в Англию — по всей видимости, леди Рэли, которая поспешила его опубликовать. Однако радость вскоре обернулась катастрофой: золота на Ориноко так и не нашли. Но, столкнувшись с трудностями и болезнями, часть отряда взбунтовалась. Кроме того, вопреки прямому приказу Рэли, один из его отрядов поддался на провокацию испанцев и напал на форт Сан-Томе. В этой стычке погиб старший сын Рэли Уолтер (1594–1618), сопровождавший в походе отца.

В июле 1618 г. Рэли, полностью сломленный, вернулся в Англию. Жена встречала его в Плимуте. Она прекрасно знала, что испанцы, возмущенные нападением на Сан-Томе требуют выдачи ее мужа, и попыталась убедить сэра Уолтера бежать во Францию. Однако в последний момент тот отказался скрыться и прибыл в Лондон, где его немедленно арестовали и вновь (уже в который раз) препроводили в Тауэр. Рэли был обвинен в попытке спровоцировать войну с Испанией и приговорен к смерти (вернее, вспомнили о его предыдущем приговоре, который никто не отменял). 29 октября 1618 г. сэра Уолтера Рэли был казнен в Лондоне.

Его казнь вызвала возмущение множества англичан, недовольных политикой Якова I, сближавшегося с Испанией и стремившегося женить своего наследника на испанской инфанте. Англичанам-протестантам все это вкуче с казнью героя войны против Испании казалось предательством дела веры. Негодование было

настолько сильно, что королю пришлось опубликовать памфлет, разъяснявший подданным причины казни Рэли. Однако пропагандистская кампания была проиграна благодаря активности вдовы казненного: после смерти мужа Бесс вознамерилась вернуть сыну права наследования и семейные владения (Шерборн). Для восстановления в правах и возвращения имущества требовался акт парламента, одобренный королем. Чтобы склонить на свою сторону парламент, леди Рэли шла на все средства, включая взятки (удачные вложения средств, полученных за Шерборн, и также выплаченных в счет пенсии, помогли ей опять сколотить значительное состояние), а также и манипуляцию общественным мнением. Последнее осуществлялось от имени мужа: уже в 1618 г. леди Рэли показывала своим друзьям и знакомым рукописи мужа, в которых тот обосновывал свои действия. Эти рукописи вскоре стали циркулировать в Лондоне и за его пределами. В их числе оказалось и написанное в 1603 г. прощальное письмо Рэли. Делая письмо достоянием гласности, Бесс давала своей аудитории понять, что поместье Шерборн было отдано в доверительное управление, и король никоим образом не имел права распорядиться им и отнимать его у наследника. Так личное письмо оказалось свидетельством против королевского произвола.

Якова I подобные действия, понятно, в восторг не приводили. Он отказался подписать билль о восстановлении Кэрю Рэли в наследственных правах. Это сделал только его сын, Карл I, в 1628 г. Кэрю Рэли унаследовал все титулы отца и сделал неплохую придворную карьеру, заключив брак с кузиной герцога Бекингема Филиппой Эшли (урожденной Шелдон), он в 1635 г. стал джентльменом королевской опочивальни, отчасти повторив судьбу матери. Однако вожделенный Шерборн Кэрю Рэли так и не смог получить: стараниями Джона Дигби (теперь — графа Бристоля) поместье осталось в руках его семьи. А в 1645 г. дом был разрушен. От дома, построенного Бесс, остались одни руины. Трудно сказать, испытывали ли он и его мать грусть от известия о разрушении Шерборна залпами из орудий парламентской армии (1645 г.), или же удовлетворение от возмездия, настигшего наконец их гонителей.

Скончалась Элизабет Трокмортон в 1648 г., пережив всех своих врагов и оставив своему сыну значительное наследство.

Леди Рэли

Винчестер 4-8 декабря 1603 г.

ПРОЩАНИЕ В ПРЕДДВЕРИИ СМЕРТИ

КОПИЯ ПОСЛАНИЯ, НАПИСАННОГО СЭРОМ УОЛТЕРОМ РЭЛИ ЖЕНЕ В НОЧЬ НАКАНУНЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ КАЗНИ В ВИНЧЕСТЕРЕ (1603Г. *)

С этими последними строками ты, моя дорогая жена, получишь мои последние слова. Я посылаю тебе свою любовь, — ее ты сможешь сохранить после моей смерти, — а также мои наставления, о которых ты вспомнишь, когда меня уже не будет. По своей воле я никогда бы не сделал тебя несчастной (дорогая Бесс). Пусть горе уйдет со мной в могилу и упокоится в прахе. Господь не позволяет мне еще раз увидеть тебя в этой жизни; перенеси это с терпением, как подобает твоему храброму сердцу.

Во-первых, я шлю тебе всю благодарность моего сердца, которую только можно выразить словами, за твои труды и заботу обо мне. И хотя они и не достигли желаемой тобой цели, мой долг тебе от этого не становится меньше. Однако я никогда не смогу оплатить его на этом свете.

Во-вторых, я умоляю тебя, во имя той любви, что ты дарила мне живому, — не скрывайся от мира надолго после моей смерти, но своими трудами постарайся улучшить свое отчаянное положение и упрочить права твоего несчастного ребенка. Твой траур не может меня коснуться: я — всего лишь прах.

В-третьих, тебе надлежит понять, что мои земли были переданы *bona fide* моему ребенку. Документы были составлены в середине лета, 12 месяцев назад. Мой почтенный кузен Бретт может это

засвидетельствовать, и Делбери тоже сможет об этом вспомнить. Я надеюсь, что моя кровь утолит злобу моих жестоких убийц, и они не захотят убить также и тебя, и ребенка крайней нищетой. Я не знаю, к кому из друзей тебя направить, ведь все мои друзья покинули меня в час подлинного испытания. Я ясно вижу, что моя смерть была предопределена с первого дня.

Господь знает, как я сожалею о том, что, внезапно встретив смерть, не могу оставить тебя в лучшем положении. Бог свидетель, я собирался оставить тебе дарованную мне монополию на вина, или же все то, что я приобрел бы, продав ее, а также половину моего движимого имущества и все драгоценности, кроме тех, что предназначены для мальчика. Однако Господь не дал мне исполнить мои намерения; ведь Он повелевает всем и вся. Но если ты сможешь жить, не впадаю в нужду, не стремись к большему: остальное — лишь суета.

Люби Господа и старайся в трудные времена верить себя Ему; так ты найдешь истинное, непреходящее богатство, и бесконечное утешение. Иначе, когда ты устанешь от мирских трудов и измучишь себя мыслями о всевозможных делах, тебе останется лишь погрузиться в отчаяние. Научи также и своего сына любить Бога и бояться Его; пока он еще молод, в нем может возрасти страх Господень. Господь будет мужем тебе и отцом ему, отцом, которого нельзя отнять.

Бейли должен мне 200 фунтов, а Эдриен Гилберт — 600 фунтов. Кроме того, мне также должны деньги на Джерси. Остатки платежей за вино покроют мои долги. И как бы ни обстояли дела, ради моей души, заплати всем несчастным. Когда я умру, тебя будут преследовать многие, поскольку свет считает, что я очень богат. Но цени не слова мужчин, или их любовь, — ведь они долго не живут, — но выбирай почтенных и достойных людей. Ведь нет большего несчастья в жизни, нежели стать добычей, которую потом станут презирать. Господь знает — я пишу это не для того, чтобы отговорить тебя от замужества, ведь это будет лучшим выходом для тебя в глазах света и Бога.

Что же до меня я уже не твой, а ты — не моя. Смерть разлучила нас, и Господь отделил меня от этого мира, а тебя от меня. Заботься о своем несчастном ребенке во имя его отца, избравшего и любившего тебя в более счастливые дни.

Добудь (если возможно) те письма, что я писал Лордам, умоляя сохранить мне жизнь. Господь свидетель, я желал этого только ради тебя и твоего ребенка. Правда, теперь я презираю себя за то, что просил оставить меня в живых. Знай, дорогая жена, что твой сын — сын настоящего мужчины, который — ради самого себя — презирает смерть и все ее уродливые формы.

Я не могу больше писать. Господь знает, я с трудом нашел для этого время, пока другие спят. Сейчас мне пришла пора отворотить мысли от мира. Умоли их отдать тебе мертвое тело того, кого тебе не отдали живым, и похороны его Шерборне (если эта земля останется у тебя), или в церкви в Эксетере, рядом с моими родителями. Я не могу больше ничего сказать, время и смерть зовут меня.

Господь вечный, бесконечный и всемогущий, Господь — истинное благо, жизнь и свет истины, да сохранит тебя и твоего сына. Будь милостив ко мне и научи меня простить моих преследователей и обвинителей, и позволь нам встретиться в Твоем славном царстве.

Моя дорогая жена, прощай. Благослови моего бедного мальчика. Молись за меня, и пусть Господь в своей благодати хранит вас в своих объятиях. Написано рукой умирающего, который некогда был твоим мужем, но теперь (увы!) повергнут.

Уот Рэли

Прежде — твой, теперь — не принадлежащий себе
У.Р.

Т. А. ОПАРИНА

БРАК И СВОБОДА ВЕРЫ: ЗАВИСИМОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО ВЫБОРА БРИТАНОК В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В. ОТ ИХ СЕМЕЙНОГО СТАТУСА

В первой половине XVII в. позиция русских властей к инославиям существенно изменилась по сравнению с предшествующим периодом. Как и ранее, католикам и протестантам из Западной Европы официально позволялось жить в России и поступать на службу к верховному правителю. Однако с 20-х гг. XVII в. значительно усилилось скрытое давление, подталкивающее иностранцев к обращению. Результатом реальных устремлений правительства стало увеличение числа иммигрантов, желающих принять «русскую веру».

Обращения были сопряжены с колоссальным стрессом для иностранцев. Неофитам приходилось не только отказываться от веры отцов, но и признавать прежнее вероисповедание нехристианским. Переход в православие с этого периода происходил только через первый чин (перекрещивание). Требование повторного крещения западных христиан зафиксировал Московский церковный поместный собор 1620 г.

Канонические определения тесно переплетались со светскими правовыми нормами. Перекрещивание накладывало на неофита обязательства не только перед церковью, но и перед государством. Особенностью русского законодательства того времени было сопоставление значений таинства крещения и присяги государю. Вступая в русскую церковь первым чином, иностранец одновременно становился и православным, и полноправным подданным верховного правителя. Но таинство, а вместе с ним и подданство, были необратимы. Отказ от православия являлся серьезнейшим государственным и церковным преступлением. Уход из русской церкви и выезд из государства для новообращенных оказывались невозможными. Они навсегда оставались в стране.

Несомненно, под эти правила подпадали многие группы людей. В настоящей статье мы остановимся на одном аспекте

перехода иностранцев в православие. Иммигранты принимали православие большими семьями. Поэтому дошедшие документы позволяют увидеть гендерные различия при смене веры.

Еще современник, голштинский посол Адам Олеарий, говорил о расхождениях. Нечестивые вероотступники, которым он давал наименование «мамлюки русской веры», представлены в его *Записках* лишь мужчинами. Действительно, случаев религиозного протеста мужчин не зафиксировано. Но такая линия поведения не случайна. Как глава семьи мужчина ответственен за социальный статус своего рода и всегда стремился максимально инкорпорироваться в русское общество. Соответственно, мотивация его поступков обусловлена карьерой, желанием подняться по иерархической лестнице. Если для этого требовалось изменение веры, мужчина шел на вероотступничество.

Решение мужчины неминуемо отражалось на женщинах. Русское церковное право не допускало смешанных браков. Согласие мужчины перейти в православие означало, что вся семья, включая детей, обязана была отказаться от веры предков. Различные вероисповедания супругов означали развод, а решение о прекращении брака исходило только от мужа. Таким образом, глава рода — отец или супруг определял все основные правовые вопросы за женщин своей фамилии, в том числе и в выборе веры.

Даже в этой системе правовой и имущественной зависимости от главы рода дочерей и жен известны случаи сопротивления женщин обращению и борьбы за свои убеждения. Сохранившиеся документы позволяют реконструировать некоторые парадигмы женской религиозности.

Источники зафиксировали два запоминающихся примера борьбы за веру и отстаивания религиозности, связанных с британскими иммигрантками протестантского вероисповедания. Эти женщины привлекли к себе пристальное внимание Адама Олеария.

Первая из них — Кэтрин Скотт, супруга известного полковника, шотландца Александра Лесли¹. Переселившись в Москву в 1647 г., прославленный военачальник возглавил крупные regimenty ино-

¹ Более подробно об обращении семьи Лесли см.: *Опарина Т. А.* Полковник Александр Лесли и Православие // *Иноземцы в России XV–XVII. Материалы международной конференции.* М., 2006. С. 25–39.

странцев. В 1650–1651 гг. он был награжден огромным поместьем в Ярославском уезде², в Верховском стане. Узнав о достигнутом финансовом благополучии, в Москву из шведской Прибалтики, где до этого служил офицер и члены его семьи, перебралась Кэтрин Скотт.

Вскоре произошел инцидент, имевший значительные последствия для положения иностранцев в России. В центре всеобщего внимания оказалась супруга полковника, занявшаяся управлением поместьем. В своем Ярославском имении она вступила в религиозный конфликт с крестьянами. Материалы церковного суда России в XVI–XVII вв. до настоящего времени не сохранились. Документов следствия над членами семьи Лесли не существует. Судить о конфликте возможно лишь по *Запискам* Адама Олеария и посланиям шведского агента де Родеса.

Оба иностранца отмечали, что разбирательство началось (как это часто случалось в России) с челобитья православных слуг о богохульстве и ущемлении их религиозных прав. По донесениям шведского агента, тщательно информировавшего о событиях в России, не позднее 23 марта 1652 г.³ крестьяне поместья Александра Лесли донесли на его жену, сообщив, что она облагала их непомерными налогами, избивала и ограничивала свободу вероисповедания. Крестьяне жаловались, что помещица-иностранка трудной работой удерживала их от исполнения религиозных обрядов. Они говорили об отсутствии условий для утренней молитвы и посещения церкви, принуждению есть скоромное и работать в пост, а также в воскресенье. К такого рода обвинениям власти всегда относились с повышенным вниманием, поскольку они затрагивали религиозные права русских людей. На следствии супруга Лесли соглашалась с тем, что «строго требовала работы», не находя в этом, однако, преступления. Олеарий видел в челобитной выражение лени русских, не желающих трудиться над обучающей западной дисциплиной «ум-

² Лантева Т. А. Новые дворянские роды в России в XVII в. // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 555–586; РГАДА. Ф. 233 (Печатный приказ), кн. 64. Л. 47об.

³ Родес де И. Донесения шведского резидента Родеса королеве Христине 1650–1655 гг. // Курц Б. Г. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 97–98.

ной и аккуратной хозяйки»⁴. Вопрос избиения крестьян во время следствия был обойден.

Главное же, челобитная завершалась описанием страшнейшего преступления — святотатства над иконой. По словам крестьянок, Кэтрин Скотт схватила со стены икону и бросила ее в огонь⁵. Центральный для следствия факт сожжения образа супруга Лесли категорически отрицала. Протестантская прислуга подтверждала слова хозяйки, православные крестьянки настаивали на глумлении над святыней⁶.

Сейчас невозможно с точностью определить, совершала ли Кэтрин Скотт глумление над православной святыней, было ли дело сфабриковано и являлось частью планов властей, или, наоборот, стало поводом к сокращению юридических прав иммигрантов западного вероисповедания. Среди иностранцев ходили слухи о том, что жалоба крестьян и все судебное разбирательство были спровоцированы боярами, мечтавшими о присвоении поместий⁷.

На имеющемся материале не представляется возможным установить действительный факт профанации иконы, но возможно реконструировать внутреннюю религиозность Кэтрин Скотт. Ярая приверженность к протестантизму, истовая вера и неприятие догм восточного христианства являлись характерной чертой ее сознания. Это видно не только из обвинительного приговора. Личные убеждения супруги полковника восстанавливаются по *Запискам* Адама Олеария, и, главное, по письмам ее родных. Дошли переводы посланий от 1 февраля 1653 г. брата Кэтрин — Якова Скотта, а также мужа ее сестры — Томаса Киненмонта. Все они адресованы полковнику Александру Лесли⁸.

Из сохранившихся документов наиболее насыщено богословскими построениями второе послание Томаса Киненмонта. Зять

⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М., 1996. С. 297.

⁵ Там же. С. 298.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Морозов Б. Н. Частная переписка семьи Лесли и внешняя политика России в середине XVII в. // Молодые обществоведы Москвы — Ленинскому юбилею. Материалы III-ей Московской городской конференции молодых ученых по общественным наукам. М. 1982. С. 110–112.

Кэтрин Скотт выставил целый ряд догматических доказательств глубокой нечестивости православия. Центральной темой оказался вопрос отношения к иконным образам. В послании поклонение иконам отождествлялось с идолоклонничеством (что традиционно для протестантизма), а православие — с «папезской ересью», категорически им не принимаемой. Томас Киненмонт детально остановился на вопросе «о приношении и о молении образом и кумиром, которые русские люди выше почитают самого Господа Бога»⁹. Он привел библейские свидетельства, подтверждающие, с его точки зрения, Божественный запрет на создание священных изображений: Евангелие от Матфея, из Пятикнижия Моисея 2 книга 20 глава; 5 книга, и, конечно, 3 книга 26 глава — вторая заповедь «не сотвори себе кумира». На их основе он говорил о том, что написание антропоморфных священных изображений «заказано в Святом Божии Писании». Кроме того, вопрос об иконах с неизменностью затронул тему почитания святых. Протестант был уверен, «что умершие святые про нас ничего не ведают и не знают». Он ссылаясь на книгу пророчеств Исаия, и 115 псалом Давида. В целом, Томас Киненмонт настаивал на идолопоклонничестве русского православия, в котором усмотрел и совсем языческие черты обрядности¹⁰. Он подводил к выводу о самоустановленности вероучения и обрядности русской церкви, по его убеждениям, никоим образом не связанными с изначальной, древней христианской традицией¹¹. Наиболее вероятно, что проблема принципиальной значимости отказа протестантизма от почитания и поклонения икон столь подробно обговаривалась для оправдания поступка Кэтрин Скотт.

Письма очерчивают круг людей, среди которых выросла будущая воительница с русскими крестьянками. Томас Киненмонт постоянно ссылаясь на мнение тещи, т.е. матери Кэтрин Скотт, категорически не принимавшей возможности перехода дочери в православие. Наиболее вероятно, что супруга Томаса — сестра Кэтрин, — полностью соглашалась с мужем и матерью в принципиальном превосходстве протестантизма над «русской верой». В таком случае письмо Киненмонта отражает взгляды всех женщин

⁹ РГАДА. Ф. 196 (собр. Мазурина), оп. 3, № 178. Л. 5.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же.

семьи Скотт. Отношение к православию мужчин рода фиксирует послание брата Кэтрин — Якова Скотта. Оно не столь пространно, как Томаса, в нем нет развернутой проповеди и глубоких богословских обоснований. Тем не менее, позиция глубокого неприятия православия читается в тексте со всей очевидностью.

В целом, послания родных позволяют реконструировать религиозность семьи Скотт. Они свидетельствуют о характере наставлений, преподанных в детстве матерью самой Кэтрин, ее сестре и брату Якову. В них видна ревностная приверженность к протестантизму и полное неприятие иконопочитания. Письма говорят о глубокой набожности фамилии, придававшей огромное значение запрету на использование иконного образа. Очевидно, жена Александра Лесли разделяла взгляды своей семьи и явно не ободряла молитвы перед иконами собственной русской прислуги. Она могла открыто высказывать зависимым от нее холопкам и крестьянкам свои религиозные убеждения, порицая их за «идолопоклонничество».

Комплекс косвенных свидетельств дает основания выдвинуть предположение о деноминации протестантизма, к которой принадлежала семья Скотт. Убеденный протестант Томас Киненмонт, видимо, не был шотландцем. Его письма написаны на немецком языке: переводчик Посольского приказа назвал его язык «цесарским». Прочие члены семьи и все окружение Томаса Киненмонта: супруга (сестра Кэтрин), теща (мать Кэтрин) и свояк (брат Кэтрин), сослуживец Яган Урхворт, являлись шотландцами (сохранившиеся письма составлены на «шкотском» языке). Томас Киненмонт мог быть членом реформатской церкви, в то время шотландцы Скотты, и породнившийся с ними Александр Лесли, наиболее вероятно, придерживались пресвитерианства (т.е., все они были кальвинистами).

Приехав в Россию, шотландские пресвитериане Александр Лесли и его супруга Кэтрин Скотт сблизилась с представителями реформатской кирхи Москвы. Их участие в жизни именно этой кирхи тем более вероятно, что до 1650 г. в ней проповедовал шотландский кальвинист доктор богословия Андрей Гардин. «Шкотскому» пастору покровительствовал приехавший ранее другой шотландский полковник — Александр Краферт (Крауффорд). Последний, видимо, возглавил в России общину пресвитериан и стал

церковным старостой¹². Логично предположить вхождение Александра Лесли и его набожной жены в приход земляков¹³. В таком случае, реформатская община объединила шотландцев-пресвитериан подразделений Крауффорта и Лесли.

Андрея Гардина в реформатской кирхе сменил пастор Иоганн Кравинкель. Поведение шотландских полковников, оказавшихся перед необходимостью стать духовными детьми немецкого проповедника, неизвестно. Но и никаких сведений об их переходе в лютеранскую кирху (также немецкую) не сохранилось. Наиболее вероятно, военные сохранили свой религиозный статус. Можно предположить, что к реформатскому приходу принадлежали и их подчиненные.

Судя по судебному разбирательству, Александр Лесли и офицеры его полка разделяли взгляды на русскую религиозность. В ходе процесса над Кэтрин Скотт расследование затронуло полковника и лейтенанта его подразделения. Дело о сожжении иконы продолжалось, и под подозрение в святотатстве подпали сам Александр Лесли, а также гостивший в Ярославском поместье Вильям Тамсен, якобы стрелявшие по церкви и кресту¹⁴. По словам русских судей, военные развлекались в имении, соревнуясь в меткости. Мишенью они будто бы выбрали крест православной церкви: сельский храм находился на попечении помещика-протестанта.

Таким образом, трое возможных членов реформатской общины Москвы попали под следствие. 14 апреля 1652 г. был вынесен приговор:¹⁵ преступление для властей было доказано. Лесли и вся его семья (а также подчиненный) пострадали в ходе процесса о богохульстве, но не столь существенно, как можно было ожидать. В Уложении 1649 г. кощунственные действия по отношению к иконе карались смертью¹⁶. Суд, признав шотландцев виновными, тем не

¹² Опарина Т. А. Пастор на службе русского государя (в печати)

¹³ Существуют свидетельства неуважительных действий полковника Александра Лесли по отношению к приходу лютеранской кирхи св. Михаила. Так, в 1630-е годы он отказался стать крестным отцом и принять участие в крестинах. Кроме того, какие либо сведения о его пребывании в этой лютеранской кирхе отсутствуют.

¹⁴ Родес де И. Указ. соч. С. 97–98.

¹⁵ Там же. С. 104–105.

¹⁶ Смелянская Е. Б. Волшебники. Богохульники. Еретики. М., 2003. С. 206; «Буде кто иноверцы какия ни буди веры или русский человек возложит хулу на

менее, только лишил одного из них поместья. В сентябре 1652 г. земельные владения Лесли были конфискованы. Никаких иных наказаний не последовало. Постановления церковного суда не предусматривали насильственных действий над богохульниками. Речь не шла ни о сожжении на костре, как того требовало русское законодательство, ни даже о ссылке.

Однако в сложившейся ситуации полковник нашел наиболее целесообразным принять православие. Перекрещивание состоялось 18 сентября 1652 г. Несомненно, офицер принял решение в результате следствия. Быть может, он опасался серьезных последствий для себя и членов своей семьи, сопряженных с угрозой жизни. Можно выдвинуть предположение об обещании вступить в русскую церковь, сделанном Александром Лесли в период разбирательств. По Олеарию, переход в православие произошел в искупление действий жены. В настоящее время мы располагаем лишь информацией о потере полковником земли. В таком случае, перед Александром Лесли стояла и дилемма: поместье или вера. Олеарий, хотя и вносит Лесли в число злочестивых отступников, оправдывает его поступок, полагая, что в противном случае он не имел средств для обеспечения семьи. При этом необходимо учитывать, что в случае отказа от перекрещивания он не остался бы без средств к существованию, а был бы переведен в статус «кормового иноземца», или же уехал из России. Лесли был немолод и не рискнул продолжить карьеру наемника в других странах, а положение «кормового иноземца» с небольшим окладом его, видимо, не устраивало. Наиболее вероятно, что ему были даны гарантии будущих привилегий. Дары, очевидно, стали дополнительным мотивом обращения Александра Лесли. Мотивация его поступков при обращении полностью соответствовала мужскому типу поведения.

Полковник и члены его семьи удостоились колоссальных вознаграждений за переход в православие. По подсчетам С. Сторожева, фамилии было определено «приблизительно на 23.310 рублей, не считая годового жалованья, назначенного отцу (12.580 рублей) и

Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа или на рождшую его Богородицу и присно Деву Марию или на честный крест или на святых его угодников — и про то сыскивати всякими сыски накрепко. Да будет сышется про то допряма, и того богохульника обличив, казнити, зжечь» (ПСЗ. 1. Т. 1. Гл. 1).

сыну (6.562 рублей) на год»¹⁷. Щедрость даров свидетельствует об огромном значении, придаваемом властями его шагу. Полковник был произведен в генералы и получил, как отмечалось, весомую прибавку к жалованью. Однако имение в Ярославском уезде Лесли не вернули. (Новое поместье Лесли предстояло заслужить в готвящейся войне с Речью Посполитой. После победы в битве за Смоленск, ему были отведены в завоеванном им уезде значительные земельные владения, он стал родоначальником смоленской дворянской династии). Место оглашения и восприятия таинства крещения также подчеркивало статус: полковнику был выбран престижный Чудов монастырь. Крестным отцом знаменитого полковника стал второй человек в государстве — царский тесть, боярин Илья Данилович Милославский (являвшийся и судьей Иноземского приказа).

Пойдя на изменение вероисповедания, православный генерал предпринял попытку собрать вокруг себя детей. От первого брака с Анной Унзинг (Виггерсин) он имел сыновей Густава и Александра, а также дочь Маргарет. Первенец Густав, возможно, остался в Шотландии наследником поместья. Александр приехал в Москву из Голландии, где начал службу, в 1651 г., еще до разразившегося скандала. Дочь Маргарет оставалась на попечении семьи Скотт в лютеранской Прибалтике.

Александр Лесли-старший стремился вернуть дочь. Он обратился к родным с просьбой об отправке к нему Маргарет. Желая убедить родственников в правильности избранного пути, Лесли сопроводил письмо полемическим трактатом в защиту восточного христианства. Образованный и начитанный в богословии военачальник, ссылаясь на библейские тексты, говорил о близости протестантизма и православия. Вступление в русскую церковь он аргументировал ссылками на близость двух конфессий: «будто та вера, которую русские люди ныне до днесь хвалятся, что есть прямая спасительная христианская вера, которая в христианских церквах при апостолах утвержена в греческом законе непорочно пребывая»¹⁸. Не исключено, что Александр Лесли предполагал перлюст-

¹⁷ *Сторожев В.* Подарки царя Алексея Михайловича полковнику Лесли «для крещения и за подначальство». М., 1895. С. 6.

¹⁸ РГАДА. Ф. 196 (собр. Мазурина), оп. 3, № 178. Л. 4.

рацию своей переписки, осуществляемой, в таком случае, под контролем чиновников Посольского приказа.

В ответ полковник получил отповедь бывших единоверцев. Томас Киненмонт в первом письме высказывал глубокое сожаление о случившемся:¹⁹ Во втором он доказывал глубинные различия двух вероисповеданий²⁰. Свояк Лесли был убежден, что поместье не стоит веры²¹. Порицая Лесли за корысть, Томас Киненмонт полагал, что земные богатства не сопоставимы с потерей вечного блаженства. Еще более резко выступил сослуживец и соотечественник Яган Урхворт. С точки зрения офицера, Лесли обесчестил сообщество земляков-шотландцев²².

Во имя спасения души девушки, родные категорически отказывались отпустить ее в Россию, где она неминуемо подпала бы под перекрещивание. Несмотря на то, что Маргарет не являлась кровной родственницей семьи Скотт, члены семьи второй жены Александра Лесли не согласились выслать к отцу-вероотступнику его дочь от первого брака. Яков Скотт подчеркивал, что Маргарет в клане Скотт «будет столько же добра, сколь и нашим детям»²³.

Несомненно, опасения близких не были случайны. Как отмечалось, нормы русского церковного права требовали перехода в православие всех членов рода. Дети, даже взрослые, не могли избежать перекрещиваний. Как результат, сын Александр сменил веру. Вместе с отцом он вступил в русскую церковь и получил огромные пожалования. Трехлетняя дочь Александра Лесли от второго брака с Кэтрин Скотт приняла православие вместе с матерью.

Мотивы обращения детей были целиком связаны с выбором веры отца. Переход главы семьи заставил близких повторить его путь. Шаг Александра Лесли-старшего определил их решение. Духовные поиски членов рода никем не брались во внимание.

Безусловно, в русскую церковь вступила и супруга, являвшаяся главной виновницей процесса о богохульстве. Кэтрин была наречена

¹⁹ Там же. Л. 1.

²⁰ Письмо Томаса Киненмонта от 1 февраля 1653 г.: РГАДА, Ф. 196 (собр. Мазурина), оп. 3. № 178. Л. 4.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 7.

Евдокией. Ее восприемницей стала жена И. Д. Милославского, вознаградившая крестницу в монастыре (на сумму 100 рублей). За таинством крещения последовало таинство брака: предшествующее венчание в кирхе согласно церковному законодательству признавалось недействительным. Авраам и Евдокия Лесли совершили обряд бракосочетания в православном храме. Для светских торжеств по случаю свадьбы И. Д. Милославский и его супруга предоставили крестникам свои палаты²⁴.

Русские документы сохранили разнообразную информацию. Однако сведения об огромных дарах сочетаются с полным молчанием источников о действиях самой Кэтрин Скотт. Супруга Лесли, в систему ценностей которой входило непримиримое иконоборчество, должна была, как и ее русская прислуга, теперь поклоняться сакральным образам и целовать иконы во время таинства. Никаких данных о сопротивлении обращению в недавнем прошлом истовой кальвинистки тексты не зафиксировали. Быть может, она смирилась и послушно выполнила предписания, отказавшись от горячо любимой веры. В таком случае, судебного разбирательства оказалось достаточным для подавления ее религиозности. Она осознавала, что слишком истово продемонстрировала убеждения, проявив ненужную и, как выяснилось, опасную нетерпимость к русской традиции. Перекрещивание стало жестокой расплатой за проявление набожности, сочетавшееся с пренебрежением к вере оппонентов. В любом случае обращение происходило под принуждением. Однако не ясно, проявилось ли принуждение внешне.

Не исключено, что русских чиновников просто не заинтересовало ее поведение во время оглашения и таинства. Возможно, протест оказался не замечен. Пунктуально перечислив количество шуб и дорогих тканей, переданных ей за вероотступничество, подьячие могли опустить факт насильственного крещения как неприятную, и, главное, ненужную деталь. Сопротивление являлось неважным для русского судопроизводства. Таинство свершилось. Этого было достаточным, чтобы признать его необратимым.

Невнимание русских источников к религиозному протесту иностранцев, подлежащих перекрещиванию, подтверждает история

²⁴ *Цветаев Д.* Обрусение западноевропейцев в Московском государстве. Варшава, 1903. С. 17.

другой знаменитой британки — англичанки Анны Барнсли. Для Олеария она стала подлинным образцом любви к вере (протестантской), христианского мученичества и подвижничества. Голштинский посол, восхваляя ее, считал Анну единственным примером праведности и религиозного подвига. На фоне мужчин-вероотступников, изменившим убеждениям по вполне прагматическим соображениям, Анна Барнсли выглядит почти святой в описании голштинского посла. Адам Олеарий передает идеальный образ истинной, глубокой религиозности.

Как и в случае с Кэтрин Скотт, мы многое знаем об окружении Анны Барнсли²⁵ и ее религиозных устремлениях. Она была старшей дочерью английского купца Джона Барнсли, дворянина из Барнсли Холл в Бромсгроув (графство Вустершир)²⁶. Время ее рождения предположительно относится к 1612 г.: согласно *Запискам* Олеария в 1627 г. ей было 15 лет. Труднее выяснить место рождения и имя матери Анны. Известно, что в России Джон Барнсли был женат на ливонской дворянке фон Дюкер (Dücker), дочери Анны и Андрея (Heinrich) Ульянова Дюкер²⁷. Несомненно, от этого брака происходила Доротея²⁸ (Дарья Ивановна Бернзли русских документов). Другие дети Джона Барнсли: Елизавета²⁹ (Алена в русских документах), Генри (Андрей³⁰ в русских документах) и Вильям

²⁵ Дочерью Ивана Ульянова Бярнзли она названа в: РГАДА. Ф. 35 (Сношения с Англией), оп. 1, стб. 126. Л. 261. О ней см.: Amburger Archiv № 6665; Phipps G. M. Britons in Seventeenth-century Russia: a Study in the Origins of Modernization. PHD Dissertation, University of Pennsylvania: Philadelphia, 1971. Свидетельства Адама Олеария противоречивы. В первом издании *Записок* отцом Анны он называет Вильяма Барнсли. Во втором издании отцом уже представлен Джон Барнсли, а Вильям — дедушкой: Baron S. (ed.). The Travels of Olearius in Seventeenth Century Russia. Stanford, 1976. P. 240.

²⁶ History of Worcestershire. Nash, 1799. P. 100; *Самуэль Коллинс*. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1997. С. 219.

²⁷ Имена семейства Дюкер восстанавливаются по делу: РГАДА. Ф. 141, Приказные дела старых лет, 1643 г. № 31.

²⁸ Дочерью Джона Барнсли она названа в: РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет), 1643 г., № 31; Amburger Archiv, № 6666.

²⁹ Дочерью Джона Барнсли она названа в: Public Record Office, State Papers 29/48–6. Phipps G. M. Op. cit. P. 392.

³⁰ Его имя как сына упомянуто в РГАДА. Ф. 35 (Сношения с Англией), стб. 127. Л. 185.

(William Barnesley, в русской транскрипции — Вилим Бярнзл или же Вилим Иванов)³¹, родились в России, однако точных данных об их матери не сохранилось. Что касается Анны, то здесь можно высказать два предположения. Она могла появиться на свет в России (если предположение о пребывании здесь английского купца в 1613 г. верно) в семье Джона Барнсли и фон Дюкер. Однако в том случае, если Джон Барнсли оказался в России позже (что тоже имеет основания), то Анна была рождена в Великобритании от английского брака, а затем привезена ребенком в Россию отцом, где тот вступил в следующий союз.

Безусловно, брак с фон Дюкер определил религиозные предпочтения Джона Барнсли. В 20-е годы XVII в. он принадлежал к лютеранской кирхе св. Михаила, где Дюкер были верными прихожанами. В лютеранской кирхе в 1622 и 1626 гг. Джон Барнсли крестил двух своих детей. При этом Анну Барнсли Адам Олеарий постоянно относил к кальвинисткам³². Этот факт, как и множество других сведений об окружении, позволяет предположительно говорить о принадлежности Джона Барнсли к умеренному пуританизму³³.

Религиозные устремления Джона Барнсли выявил первый же брак его детей. В мужа Анны он выбрал единоверца — французского дворянина Пьера де Ремона, судя по комплексу косвенных данных — гугенота. Барон де Ремон приехал в Россию в 1625 г. и через два года обзавелся на новой родине семьей. Он венчался с Анной Барнсли 26.7.1627 г. в лютеранской кирхе св. Михаила, где чуть ранее происходили крестины сестры и брата Анны³⁴.

³¹ Вариант написания имени Вильяма Барнсли как Вилим Иванов подтверждает, что его отцом был Джон. Кроме того, имя Вильяма, как сына Ивана Ульянова Барнсли названо в РГАДА. Ф. 35 (Сношения с Англией), стб. 127. Л. 185; О нем: *Amburger Archiv* № 6667.

³² *Олеарий А.* Указ. соч. С. 300.

³³ В роду Барнсли присутствовали и иные религиозные диссиденты. Так, другой Джон Барнсли (John Barnesley), родившийся в том же Барнсли-Холле (графство Вустершир) в 1631 г., перешел из протестантизма в католицизм и прославился как видный полемист. В качестве псевдонима он избрал девичью фамилию матери — Джон Перрот (John Perrot). См.: *British Biographical Index*. London, 1990. P. 109.

³⁴ *Цветаев Д. В.* Памятники к истории протестантизма в России. Ч. 1. М., 1888. С. 180.

В том же 1627 году по просьбе группы голландских купцов к Амстердамскому управлению реформаторских церквей в Москве была основана реформаторская кирха³⁵. Наиболее вероятно, в новую кирху перешли члены семьи Барнсли–де Ремон (в то время как Дюкеры остались лютеранами).

Однако супруг Анны недолго находился в кругу протестантской семьи. Союз англичанки и француза оказался неудачным. Пьер де Ремон вскоре покинул реформатский приход, как и сообщество иностранцев в целом. Уже через год после венчания барон принял решение о переходе в православие. Его мотивы полностью отражают мужскую линию поведения. Дилемма Пьера де Ремона, как и большинства неофитов, лежала между религиозными убеждениями и выгодой. Он склонил свой выбор к последней. Его поступки показывают, что барон более ориентировался на карьеру, чем духовные искания. Он отказался от прежних воззрений. Следует помнить, что в этот момент барон сам являлся главой семьи, которой должен был обеспечить соответствующий дворянскому сословию достаток. Не нашедший службы знатный Пьер де Ремон строил благополучие на вероотступничестве.

Но как раз семью подобный выбор веры категорически не устроил. Клан Барнсли не согласился с решением Пьера де Ремона. Супруга отказалась принять православие. На момент принятия православия семья имела ребенка, и барон не согласился на расторжение брака. Как отмечалось, в России смешанные браки не допускались, следовательно, Анна Барнсли и сын Давид (Дэвид) подлежали обязательному перекрещиванию.

Действия Анны и ее родных в этой ситуации передают только западные источники: Адам Олеарий, представители фамилии Барнсли и купцы английской Московской компании. Можно предположить, что информатором для голштинского и

³⁵ *Huussen A. H. jr.* The relations between the classis of the reformed church at Amsterdam and the congregations in Muscovy during the 17th century// Russians and Dutchment. Proceedings of the conference on the relations between Russian and the Netherlands from the 16th to the 20th century. Groningen, 1993 (Baltic Studies, Bd. 2). P. 138; *Цветаев Д.* Из истории иностранных вероисповеданий в России. СПб., 1887.

английских авторов в России послужил один и тот же человек — известный переводчик Посольского приказа Иван Фомин (Элмис, John Helmes, Алмазенев), англичанин, протестант³⁶. В таком случае, репрезентативность *Записок* Адама Олеария и английских посланий, описывающих процесс Анны, чрезвычайно высока. Сохранившиеся иностранные документы позволяют достаточно точно восстановить реальное поведение Анны Барнсли.

Супруга барона и ее отец не принимали аргументов необходимости отхода от кальвинизма. Английский купец добился аудиенции у главы русской церкви, чтобы ходатайствовать за дочь и внука. Но был выдворен с оскорблениями, недостойными дворянина³⁷.

Несомненно, развернулась борьба за души Анны и маленького Давида. Решение об обязательности их перекрещивания принял сам глава русской церкви. К обращению склонял и супруг. В версии английских родственников, де Ремон заманил жену в монастырь, предлагая показать глубокую набожность и отшельнический образ жизни русских монахинь. (Она не знала лишь, что для инославных вход в русские обители невозможен). Быть может, Анна предполагала диспут, но оказалась в ловушке. Двери монастыря захлопнулись за ней. Оказавшись в стенах монастыря, Анна попала в безвыходное положение. Церковные власти подвергли супругу Ивана Деремонтова насильственному заключению, означавшему оглашение. После шести недель обучения, Анну приготовили к совершению таинства³⁸.

Олеарий воссоздает процедуру, когда связанную Анну трехкратно погружали в воду под ее непрекращающиеся проклятия³⁹. Голштинский посол-протестант настойчиво подчеркивает нарушение канона: принятие православия Анной было не только неис-

³⁶ Лисейцев Д. В. Переводчик Посольского Приказа Иван Фомин и источники по истории приказной системы Московского государства конца XVI — середины XVII века // *Иноземцы в России XV–XVII веков. Материалы международной конференции*. М., 2006. С. 245; *Он же*. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003. С. 357–358.

³⁷ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 299.

³⁸ РГАДА. Ф. 35, оп. 1, стб. 126. Л. 258.

³⁹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 299–300.

кренним, но и искажало саму последовательность чиноприема. Клятвы за новообращенную зачитывала монахиня. Анна же при прочтении анафематствований в момент произнесения имени Кальвина плюнула не в подразумеваемого основателя вероучения, к которому она принадлежала, а в лицо монахине. (Близкие Анны также постоянно настаивали на искажении смысла и хода таинства). Таким образом, несмотря на категорический отказ креститься, благодаря явному насилию, Анна и ее сын стали членами русской церкви. Перекрещивание, согласно Олеарию, произошло 26 июля 1628 г.⁴⁰ Анне было дано имя Аграфена, Давиду — Иван.

Важно подчеркнуть, что по русским документам ничего невозможно узнать о сопротивлении перекрещиванию Анны Барнсли. Упоминания об ее борьбе за веру отсутствуют. В русских текстах представлен лишь перечень богатых даров за обращение, соответствующих социальному статусу главы семьи⁴¹. Если бы не записки Олерия и английская переписка, то переход в православие Анны Барнсли выглядел бы вполне благополучно. В действительности происходило насильственное обращение. Оно воспрещалось церковным канонами, но, как явствует из ситуации, молчаливо допускалось в России. Поэтому взаимоисключающими оказались аргументы двух сторон: Анна говорила об отношениях со Всевышним, ей выдавались сафьяновые сапоги, которые никак не могли покрыть ее духовных запросов.

Несмотря на нарушение правил, таинство произошло и являлось действительным для русской стороны. Анна находилась в православном браке, где, помимо первого сына Давида родились Михаил и Иван⁴². Дети против воли матери были крещены по православному обряду⁴³. В целом, жесткие предписания требовали от Анны внешне православного поведения. Несомненно, на супругу православного дворянина возлагалась обязанность соблюдать обычаи русского общества. К ним относился и обряд крещения новых

⁴⁰ Цветаев Д. В. Памятники к истории протестантизма в России. Ч. 1. С. 180; Amburger Archiv, № 6665.

⁴¹ РГАДА. Ф. 396 (Архив Оружейной палаты), оп. 2, кн. 283. Л. 397об.

⁴² РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 120. Л. 157–158; АМГ. Т. 2, СПб., 1894. С. 11–12.

⁴³ Оларий А. Указ. соч. С. 299.

членов рода. Но неизвестно, насколько ревностно Анна Барнсли выполняла нормы православия внутри семьи.

Зависимость от мужа сказывалась и в перемещениях по стране. Иван Деремонтов вскоре получил назначение в Свяжск⁴⁴. Анна вместе с супругом и тремя детьми отправилась на окраину России, населенную мусульманами. Служба длилась около года. После 1634 г. барон с семьей вернулся из Свяжска в Москву. Олеарий передает, что по окончании срока службы, барон вернулся в столицу, где вскоре умер. Английский документ говорил о «жестокой смерти»⁴⁵. Вдова называла дату смерти как 1634/1635 г.⁴⁶ (Олеарий имел в виду 1633 г.) Следовательно, через девять лет после венчания фамилия Деремонтовых лишилась главы семьи. По сведениям Олеария на тот момент Анне был 21 год, исходя из сохранившихся дат, — 23 года. Супруга православного воеводы, не обладавшего доходами от земельных владений, могла рассчитывать на жалованье от властей. Анна Барнсли подала в Иноземский приказ челобитье с просьбой об определении размера оклада для нее, троих сыновей и семнадцати слуг. Прошение было удовлетворено. Из приказа Большого Прихода Анне Деремонтовой было выделено пособие в 15 рублей на месяц⁴⁷ (на следующий, 1635/1636 г. Анна подала новую челобитную о продлении выплат⁴⁸). Назначенный оклад гарантировал обеспеченность, но, видимо, не разрешил всех вставших перед супругой Пьера де Ремона проблем.

Вдова барона искала утешения в церкви, но не православной. Она оказалась в Москве свободной от семейных православных уз и в кругу кальвинистской семьи.

Русские власти предполагали строить судьбу русской дворянки иначе. Родственники Анны передавали, что ей был определен новый супруг, очевидно, русский дворянин. Надо полагать, перекрещивание показалось Анне достаточным насильем над ее волей. Перенести нежеланный брак она не захотела. По версии ее близких, именно планируемый союз послужил толчком к религиозному протесту.

⁴⁴ В переводе Олеария ошибочно указана Вятка.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 35, оп. 1, стб. 126, л. 258.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 120. л. 157.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

После смерти мужа Анна Барнсли публично возвратилась в реформатский приход. Несомненно, в выборе Анны значительную роль сыграли и изменения, которые она нашла по возвращении из Свияжска. В реформатской кирхе, с которой, судя по ее дальнейшим поступкам, она мысленно продолжала себя связывать, ее семья заняла высокое положение, а подросшие сестры нашли женихов. Джон Барнсли через оставшихся дочерей породнился с влиятельнейшими представителями нидерландского купечества. Английский купец выдал их за богатых голландских купцов-кальвинистов. Доротея Барнсли была замужем за одним из самых значительных купцов своего времени, представителем «консорциума Марселисов» в России — Петром Марселисом (Peter Marselius).⁴⁹ Венчание состоялось в 1636 г. К этому времени Петр Марселис возглавил московскую конгрегацию Амстердамской реформаторской церкви, став церковным старостой⁵⁰. Благодаря его усилиям кальвинистские общины в России обеспечивались постоянной финансовой и дипломатической поддержкой. Елизавета Барнсли стала женой голландского купца кальвиниста Еремея Андреева (Иеремея) Фентцеля (Harman Fentzel, Fenzel), который в 30–40 гг. XVII в.⁵¹ представлял в Россию известную голландскую компанию де Вогелар-Кленк.

Таким образом, на службах в реформатской кирхе должны были собраться⁵² все члены семьи: Джон Барнсли, его дочери

⁴⁹ *Amburger E.* Die Familie Marselis. Giessen, 1957. S.77; *Демкин А. В.* Западноевропейское купечество в России XVII в. Вып. 2, М., 1994. С. 92, № 99; *Ангерманн Н.* Предприниматели из Германии в Москве XVII в. // *Немецкие предприниматели в Москве.* М., 1999; С. 31–33, 40; *Мартенс А.* Гамбургские купцы в Москве XVII в. // Там же. С. 44–48, 57, 60; *Ковригина В. А.* Родственные связи немецких промышленников Москвы XVII — первой четверти XVIII вв. // Там же. С. 74, 80, 81, 84, 90.

⁵⁰ *Цветаев Д. В.* Протестанты и протестантство в России до эпохи преобразований. М., 1888. С. 392; *Amburger E.* Op. cit. S. 77; *Huussen A. H. jr.* Op. cit. P. 138.

⁵¹ *Демкин А. В.* Западноевропейское купечество в России XVII в. Вып. 2. М., 1994. С. 80. № 594.

⁵² Можно отметить, что у кальвинистки Доротеи Марселис с дядей лютеранином Андреем Ивановым Дюкер складывались не столь теплые отношения, какие могли бы характеризовать родственников. Безусловно, конфликтная ситуация была осложнена спором за наследство (о чем ниже), но могли сказаться

Елизавета и Доротея с мужьями и сын Вильям, тесно связанный с Марселисом. К ним после возвращения в Москву стремилась примкнуть и Анна Барнсли: «начала ходить со своими единоверцами в реформатскую церковь»⁵³. Прекращение брака означало для Анны Барнсли возможность получения открытой религиозной свободы. Зависимость, как ей казалось, была прекращена. Она попыталась исправить ошибку, вызванную переходом в православие супруга, и вернуться к прежнему вероисповеданию. Анна Барнсли предполагала, что предписания о запрете смешанных браков уже ее не касались.

Она не знала, что подпадала под действия других правовых норм. Как оказалось, Анна Барнсли не имела права покинуть как церковную общину, так и государство. Ее действия означали отказ от православного таинства крещения и подданство. Анна Барнсли попыталась отказаться от православия, стремясь исповедовать ту конфессию, которую признавала единственно истинной. С точки зрения властей она являлась церковной преступницей.

Повторный протест Анны зафиксирован уже не только иностранными, но и русскими источниками. В конце 1635 — начале 1636 г. патриарх Иоасаф организовал следствие. (В сентябре 1635 г. Анна Барнсли еще получала положительное решение на просьбу о продлении жалованья на следующий год⁵⁴). Как отмечалось, документация церковного суда России XVII в. не сохранилась. Однако до настоящего времени дошли две патриаршие грамоты по делу вероотступницы.

По решению суда Анна была направлена в Новодевичий монастырь⁵⁵, расположенный в окрестностях Москвы. Вдову выслали с грудным ребенком, не способным существовать без материн-

и религиозные расхождения. Кроме того, наметился острый финансовый конфликт между супругом Доротеи Петром Марселисом и его компаньоном Андреем Виниусом. Их коммерческий союз распался, совместное дело расстроилось. Обострение отношений между партнерами повлекло разрыв не только торговый, но и конфессиональный. Андрей Виниус, порвав с Марселисом, перешел из реформаторской в лютеранскую церковь. См. *Цветаев Д. В.* Памятники к истории протестантизма в России. Ч. 1. М., 1888. С. 181.

⁵³ Олсариус А. Указ. соч. С. 300.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 120. Л. 158; АМГ. Т. 2. СПб., 1894. С. 11–12.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 196 (собр. Мазурина), оп. 2, № 15. Л. 2.

ского попечения. Забота властей имела обратный результат. Младенец Иван скончался во время долгой епитимьи. Кроме того, наказание лишило ее старших сыновей — Давида и Михаила. Православные мальчики-дворяне были отданы на воспитание русскому дворянину⁵⁶, наиболее вероятно, их крестному отцу (под которым предположительно можно видеть члена рода Голохвастовых). О насильно отобранных детях с возмущением писали родственники Анны⁵⁷. Царь Михаил Федорович толковал эту ситуацию как пример доброго расположения к семье⁵⁸.

Вероятно, власти первоначально рассчитывали решить проблему без жесткого наказания, не вызывая международной огласки. Но в заключении Анна оказалась непреклонна. Олеарий с восторгом пишет, что в условиях изоляции и давления она «тем не менее, не хотела ни кланяться перед русскими иконами, ни сгибаться перед ними; напротив, скорее она сама начала приводить монахинь к своим воззрениям, чем поддалась их увещаниям»⁵⁹. Русские власти иначе, чем голштинский лютеранин, воспринимали поступки Аграфены Деремонтовой. В изложении русских документов она «воровала в том нашем крещении многими своими дьявольскими кознями и государю и патриарху лгала»;⁶⁰ и «православную вѣру ... самовольством обругала»⁶¹.

Видимо, в Новодевичьем монастыре с Анной произошла описанная Олеарием история с кровельщиком. В соответствии с русскими нормами права находящейся на епитимье Анне были запрещены любые контакты и переписка с родными. Однако вдова смогла передавать письма старшим сыновьям с наставлениями в вере и получать от них послания при помощи немца-единоверца, работавшего в монастыре на ремонте крыши⁶². Таким образом, Анна встретила единомышленника даже в православной обители и не

⁵⁶ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 300.

⁵⁷ *Kononov S.* Seven Letters of Tsar Mikhail to King Charles I, 1634-8 // *Oxford Slavonic Papers*. Vol. IX, 1960. P. 36-38, 62-63.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 35, оп. 1, стб. 126. Л. 280

⁵⁹ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 300.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 196 (собр. Мазурина), оп. 2, № 15. Л. 2.

⁶¹ РГАДА. Ф. 35, оп. 1, стб. 126. Л. 280.

⁶² *Олеарий А.* Указ. соч. С. 300.

утеряла духовную связь с сыновьями. Возможно, ее контакты стали все же известны игуменье монастыря (Олеарий пишет о хитром обмане англичанки, когда незадачливые монастырские власти, не понимающие иного языка, помимо русского, слушали лишь ее перебранку с мастером-иноземцем). В любом случае, в Новодевичьем монастыре Анна пробыла недолго.

Анна не смирилась с разрывом со старшими сыновьями и прерванной с ними духовной связью. Ей удавалось, скорее всего из Ново-Девичьего монастыря, какое-то время передавать письма с убеждениями хранить веру⁶³. Возможно, судьба внуков не оставила безучастным и Джона Барнсли. Адам Олеарий свидетельствует о действенности тайных посланий Анны Барнсли.

Стойкость к прежней вере Анны и нарушение правил для церковных преступников повлекли ужесточение епитимьи. Она была отправлена в более тяжелые условия. В 1636 г. по указу патриарха Иоасафа «новокрещена немка» Аграфена была переведена в находящийся в ведении Кирилло-Белозерского монастыря Воскресенский Горицкий женский монастырь⁶⁴. Патриаршая грамота, направленная в Кирилло-Белозерский монастырь вместе в Анной, донесла текст вынесенного судебного определения:

«послана ...новокрещена жонка нѣмка Огрофенка за то, что она при блаженные памяти при великом государе святейшем патриархе Филарете Никитиче крестилася в православную крестьянскую вѣру и ныне нарушила и впред в православной крестьянской вѣре быть не хочет, [а хочет] на свое поставить, чтоб истинную нашу православную вѣру впред нарушить и обругать»⁶⁵.

Глава русской церкви предписывал игуменье Евранье разъяснять основы православия непокорной англичанке. Он рекомендовал «послать черного попа или старца искусна довольно исполнен велели ему тое новокрещенную жонку нѣмку Огрофенку в обходе и игуменьею и с сестрами навещати и от правил Святых апостоль и Святых отец и ото всех Божественных писа-

⁶³ Там же.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 196 (собр. Мазурина), оп. 2, № 5. Л. 1–2.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 196 (собр. Мазурина), оп. 2, № 15. Л. 1.

нии в разум истинные нашей православные христианские вѣры греческаго закона приводить и наставляти ко истинному пути спасения, чтоб она, помнячи наше русское крещение в нашу православную христианскую вѣру греческаго закону. А велели бы еѣ навещать почасту и не одному, чтоб хто умел болши говорит о крещении и православной крестьянской вѣре»⁶⁶. Безусловно, что «исправление в вере» в далеком северном монастыре не ограничилось увещеваниями духовного отца, приставленного к Анне. Ее родные рисовали картину ужасающих бедствий, постигших отстаивающую веру протестантку. По их словам, оторванная от детей на 500 миль, Анна была брошена в темницу на хлеб и воду. Но страшнее голода оказался холод, столь невыносимый, что не позволял сомкнуть глаз. Испытания превышали пределы человеческих сил, и, по словам близких, Анна находилась на грани смерти⁶⁷.

Дело Анны Барнсли приобретало международный резонанс. Информация, видимо, благодаря Ивану Фомину, удивительно быстро пересекала границы. Сведения о направлении Анны в монастырь сразу же были доставлены ее родным в Англию. Члены семьи Анны известили о происшедшем своего короля. В 1636 г. королю была направлена первая петиция клана Барнсли. Как результат, 20 декабря 1636 г. Карл I составил ноту царю Михаилу Федоровичу. Текст королевской грамоты не сохранился, судить о содержании документа возможно по русскому переводу, осуществленному в Посольском приказе⁶⁸. Дошедшая версия королевского послания дает основание реконструировать текст обращения родных. Король прямо указывал на источник своих сведений: «нам объявлено по покорному челобитью от урожденных наших подданных старинного родства Барнслив в нашей аглинской землѣ». К посланию семьи Барнсли восходили рассказы о хитрости Пьера де Ремона, завлекшего Анну в монастырь; о намерении русских властей выдать вдову замуж. Со ссылкой на прошение семьи Барнсли, король повторил требование родственников Анны:

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ *Kononov S. Op. cit.*

⁶⁸ РГАДА. Ф. 35 (Сношения с Англией), оп. 1, стб. 126. Л. 256–260; *Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. Ч. 1. М., 1894. С. 111.*

«мы розсуждая ту бѣдность тои неповинной шляхтичнѣ и покорной челобитие племяни еѣ, пишем о еѣ тяжкой бѣдности к вашему величеству, чтоб вы то милостивно розсудили по нашему сердечному печалованью к вашему величеству..., чтоб вы приказали вскоре тоѣ изтесненную шляхтичну Анну Бернслееву с еѣ детьми ис тюрьмы освободити и опростати на прежнюю волю совести еѣ»... «или отпустить еѣ в наше государство еѣ природную землю»⁶⁹.

В 1636–1639 гг. вокруг дела Анны сплотилось английское купечество и в России, и в Британии⁷⁰. Королевская грамота 1636 г. указывала на дядю (дядей?), вступившихся в Англии за страдающую Анну. Джон Барнсли имел несколько братьев (Томаса, Вильяма, Ричарда, Эдмунда и Генри). Кто именно из них включился в дело Анны на родине, сказать невозможно. К просителям за Анну примкнули и другие английские купцы, связанные с семьей Барнсли сословными и коммерческими интересами. Правительство Великобритании также активно занималось разрешением проблемы Анны. Спасение бедствующей англичанки входило в прерогативу властей. Действовал и сословный корпоративизм: нарушение прав королевской подданной, причем дворянки, не могло остаться незамеченным.

Вопрос контролировал один из правительственных (генеральных) секретарей Джон Кок. Он следил за ходом процесса, к нему стекались вся переписка английских купцов и дипломатов с информацией о положении Анны Барнсли. Джон Кок неизменно оказывал покровительство всем заинтересованным в ее освобождении лицам, к которым, не исключено, относился и сам. Секретарь был известен своими антикатолическими выступлениями, и его личные конфессиональные пристрастия, вероятно, не оставили его безучастным к борьбе за веру протестантки. Все это обеспечило составление королевского документа, поддержку правительства и Московской компании.

Тем не менее, в силу неясных причин королевское послание было доставлено в Россию только через год после составления. Как оказалось, оно включало ошибки в титулатуре русского царя. Оформление прошения вызвало гнев русского правительства. Высочайшее

⁶⁹ Там же. Л. 259.

⁷⁰ В этой сложной ситуации возвращается в английское сообщество Ивана Ульянов Барнсли. С 1642 г. он именуется уже английским купцом.

письмо было вручено на специальной царской аудиенции 29 января 1637 г. агентом Московской компании Симоном Дигби⁷¹. Текст был переведен в Посольском приказе⁷² и оглашен государю. Свое решение монарх высказал посольским дьякам,⁷³ которые передали его Симону Дигби на приеме 31 января 1637 г.⁷⁴ Королевское письмо не возымело действия. Торговому и дипломатическому представителю британской короны в данном случае было отказано. С обоснованием невозможности освобождения Анны царь Михаил Федорович обратился в ответном послании к Карлу I от 7 марта 1638 г. (значительно больше места уделяя ошибкам в титулатуре, чем положению англичанки)⁷⁵. Царскую грамоту направил в Англию Симон Дигби, сопроводив ее собственным комментарием в письме к Джону Коку от 4 сентября 1638 г.⁷⁶

Отрицательный ответ русского правителя повлек составление родными Анны (видимо, как из России, так и из Англии) нового обращения к королю⁷⁷. Судя по цитатам в королевской грамоте 1636 г., по содержанию новая петиция во многом повторяла первое прошение.

⁷¹ РГАДА. Ф. 35 (Сношения с Англией), оп. 1, стб. 126. Л. 247–251. *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России. Ч. 1. М., 1894. С. 111.

⁷² Там же. Л. 256–260.

⁷³ Там же. Л. 261. Именно сейчас было указано на родство Анны с Иваном Ульяновым Барнзли: «А в жонке в Аннице Иванове дочери Ульянова Бярнзли велѣл гдрь отказать, потому, что она в православную христианскую вѣру крестилася своею волею и еѣ отдати непригоже».

⁷⁴ РГАДА. Ф. 35 (Сношения с Англией), оп. 1, стб. 126. Л. 262–270.

⁷⁵ Черновой отпуск: РГАДА. Ф. 35 (Сношения с Англией), оп. 1, стб. 126. Л. 271–280; Беловой вариант: Public Record Office, State Papers 102/ 49–37, опубликован: *Kononov S.* Seven Letters of Tsar Mikhail to King Charles I, 1634–8 // *Oxford Slavonic Papers*, vol. IX, 1960. P. 49–52. *Historical Manuscripts. Cowner Report.* II. London, 1874. P. 177–179.

⁷⁶ Public Record Office, State Papers 91/3-39f-40v. *Phipps G. M.* Op. cit. По версии делопроизводства Посольского приказа, Симон Дигби полностью согласился с царским решением, сославшись на недостоверность информации, полученной от родных Анны (РГАДА. Ф. 35 (Сношения с Англией), оп. 1, стб. 126. Л. 269–270), и никогда более к этому вопросу не возвращался. Его истинная позиция была изложена в письме к Коку от 4 сентября 1638 г.

⁷⁷ Текст послания сохранился в: Public Record Office, State Papers 91/3 – 76f-v, опубликован в: *Kononov S.* Op. cit. P. 62–63. Документ не датирован. Обычно исследователи относят его к 1638 г.

Близкие настаивали на необходимости дальнейшего королевского заступничества и продолжения борьбы за свободу несчастной англичанки, находящейся уже двенадцать лет в «русской вере» (последние четыре из которых стали настоящей ссылкой)⁷⁸.

Протест родственников поддержал из России английский купец, гость, член Московской компании Джон Картрайт⁷⁹ в письме к Джону Коку от 26 мая 1639 г.⁸⁰ Но нового королевского прощения не последовало. Разразившийся внутривластный кризис отодвинул частную проблему на второй план.

Однако параллельно английской, в деле освобождения Анны действовала иная линия. По семейным связям в России 30-х гг. XVII в. Анна принадлежала к конкурентам англичан — голландцам. По церковному приходу семьи (и ее самой в идеале) она была связана с британской конфессиональной группой пуритан и конгрегацией Амстердамской реформаторской церкви. Поэтому конфессиональные права англичанки (возможно, наполовину немки) активно отстаивали не только британские, но и голландские родственники — соплеменники. Петр Марселлис сразу включился в противостояние и оказал заметное влияние на ход ее дела. Таким образом, корпоративизм по отношению к Анне Барнсли проявили противники: члены английской и нидерландской Московских компаний. Борьба за Анну примирила злейших торговых конкурентов. Свободу борющейся протестантки в равной мере отстаивали как Симон Дигби, так и Петр Марселлис и Иеремия Фентцель. В основе единства их действий лежала общность конфессиональных позиций. Анна Барнсли являлась символом мученичества за веру для всех протестантов.

Вероятно, Петру Марселлису, фактору королевских домов Швеции и Дании, удалось вывести проблему на новый уровень ди-

⁷⁸ Konovalov S. Op. cit. P. 38.

⁷⁹ О нем: Демкин А. В. Западноевропейское купечество... Вып. 2. № 142. С. 85; возможно, он же — Джон Ватр (там же. № 56. С. 83.). Русские документы передавали его имя «Джон Карт Врейт» или «Карт Врайт». В таком случае, это одно лицо и с английским рудознатцем Джоном Ватером. См.: Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке. У истоков российской промышленной политики. М., 2005. С. 105–107, 109, 112, 113, 119, 120, 125, 127, 129–132, 134, 135, 301.

⁸⁰ Public Record Office, State Papers 91/3–49r–50v. Phipps G. M. Op. cit.

пломатических отношений. В 1638 г. последовали королевские грамоты в Россию шведской королевы Христины и датского короля Христиана IV (не опубликованы). С. Коновалов указывает на посредничество английского купца Джона Картрайта⁸¹. Более вероятной представляется инициатива Петра Марселиса, обладавшего связями «консорциума» Марселисов, а с ними и возможностью организовать поддержку правительств этих протестантских государств. Можно отметить, что Олеарий также говорил о «стараниях зятей Фентцеля и Марселиса»⁸².

Датская и шведская линии прошений могли оказаться в России в этот момент более действенными, чем английская. Около 1639 г. у верховного правителя вызрел замысел династического брака великой княжны Ирины Михайловны и сына короля Дании Христиана IV от второго морганатического брака, графа Вальдемара⁸³. Таким образом, царь сам решил на союз собственной дочери и датского лютеранина. Причем последний должен был остаться в России, что с неизбежностью ставило вопрос о его дальнейшем вероисповедании. Планируемый брак определил на какое-то время новый виток конфессиональной политики России. Ситуация ненадолго качнулась в сторону протестантов Москвы, что и отразилось в деле Анны.

Анна Барнсли должна была находиться в монастыре до «исправления веры», т.е. признания своих прегрешений и покаяния, в противном случае — до конца жизни. Обычно решение о прекращении епитимьи выносили царь и патриарх. Об этом говорилось и в грамоте, отправленной с Анной в монастырь: «быть под началом до государева и патриаршего указу». Инициатива освобождения Анны, безусловно, исходила от светской власти. Духовный владыка под давлением правительства, стремящегося погасить дипломатический конфликт, предпринял попытки добиться скорейшего раскаяния Анны.

Известно, что 1 октября 1638 г. патриарх Иоасаф направил в Кирилло-Белозерский монастырь грамоту: «велено исповѣдать но-

⁸¹ *Kononov S.* Op. cit. P. 38.

⁸² *Олеарий А.* Указ. соч. С. 300.

⁸³ *Цветаев Д. В.* Из истории брачных дел Московского периода. М., 1884; *Голубцов А.* Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1888.

вокрещеную нѣмку Огрофѣну Ивановскую жену Дериментова»⁸⁴. Глава русской церкви напомнил новому игумену монастыря — Антонию, о необходимости скорейшего приведения англичанки к покаянию. Он рекомендовал игумену: «и ты б ...послалѣ...доброво и искусного попа, хтоб Божественныхѣ книг навьчен, а велѣл ему новокрещеную нѣмку Огрофѣну исповѣдатѣ по правилом Святых апостолѣ и Святых отецѣ: вѣрует ли она, Огрофѣна, греческаго закона в нашу истинную православную христѣянскую вѣру и образомѣ Божиимѣ, написаннымѣ на иконех Спасу и Пречистой его Богоматери и всѣмѣ святымѣ покланяется ли и впредѣ в православної нашей христѣянскои вѣре быть хочет ли и истинною ли душею своею и сердцемѣ вѣрует и впредѣ хочет вѣровати»⁸⁵. Документы говорят, что патриарх ожидал от Анны признания виновности и готовности искреннего возвращения в лоно русской православной церкви (отмечалось и почитание икон бывшей протестанткой). Согласно принятой церковной практике отступнице предлагался вопросник о вере⁸⁶. При положительных ответах и признании принадлежности к московскому православию, раскаявшаяся преступница произносила Символ православной веры. После этого духовный отец зачитывал разрешительную молитву, а затем приводил к причастию. По завершении таинства, власти монастыря извещали о совершении исповеди патриарха.

Грамота 1638 г. предписывала в случае примирения Анны Барнсли с православием выслать в патриаршую канцелярию заверенный подписями ее и духовного отца текст православного исповедания веры: «Да что та Огрофѣна в исповеди отцу своему духовному скажет и ты б велѣл ему тѣ еѣ рѣчи написатѣ в столбецѣ, да к тѣмѣ рѣчемѣ велѣть отцу духовному и еи Огрофѣне руки приложить и запечатать особѣ в столбецѣ»⁸⁷. Как отмеча-

⁸⁴ РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.), № 10973/47. Л. 1.

⁸⁵ Там же. Л. 1.

⁸⁶ О вопроснике см.: *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX вв. СПб., 2006. С. 278–284, 543–546.

⁸⁷ РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.), № 10973/47. Л. 2.

лось, комплекс документов Патриаршего приказа безвозвратно утерян в начале XVIII в. Исповедный текст Анны, если и существовал, не сохранился. Поэтому невозможно ответить на ключевой вопрос: ответила ли в 1638 г. Анна Барнсли отказом на призыв патриарха (как следует из записок Олеария) или же произнесла покаяние. В том случае, если и в этот момент она проявила религиозную стойкость (на чем настаивают протестантские источники), то прекращение епитимьи произошло без участия главы церкви. В подобной ситуации освобождение Анны из-под «начал» могло произойти лишь при бездействии — по болезни или же отсутствию — главы церкви. Трудно предположить, что патриарх Иоасаф I, а тем более Иосиф, интронизированный в 1642 г. и известный своей непреклонностью к инославным, допустили бы прощение нераскаявшейся грешницы.

Таким образом, до сих пор неясно, при каких обстоятельствах был вынесен оправдательный вердикт Анне Барнсли. Можно лишь отметить, что патриаршая грамота была доставлена в монастырь 6 декабря 1638 г., а уже весной 1639 г. англичанка находилась в Москве. Получается, что вероотступницу выпустили из монастыря вскоре после получения наставления патриарха Иоасафа. Совпадение дат (как и последующее положение Анны) наталкивает на предположение о совершении Анной в монастыре таинств исповеди и причастия и полученном вследствие этого разрешении духовных властей. Следует отметить, что Воскресенский Горицкий монастырь располагался вблизи торговых путей, соединяющих Архангельск и Вологду. Подобное соседство места епитимьи Анны с компактным поселением единоверцев: английских и голландских купцов (в Вологде и Архангельске), создавало возможность переписки. Возможно, родственники смогли известить Анну в монастыре о ходе дипломатической борьбы за ее свободу. Не исключено, что они призывали ее согласиться (пусть формально и внешне с их точки зрения) выполнить требования русских властей. Убедить Анну могли и сила холода и отчаяние.

В любом случае, в 1639 г. усилия всех родных Анны Барнсли возымели успех, и царь согласился облегчить ее положение. Михаил Федорович пошел на уступки Петру Марселису. Последний в этот период пользовался особым покровительством правительства. От него во многом зависел успех столь важного для государя династического

брака. Бунтующая (или бунтовавшая?) протестантка получила долгожданную свободу. Она прибыла из Воскресенского Горицкого монастыря в Москву, хотя точные даты несколько противоречивы. Симон Дигби извещал Джона Картрайта, что Анна, наконец, покинула монастырь 1 апреля 1639 г.⁸⁸ Быть может, письмо долго искало адресата, по крайней мере, сам Картрайт еще 26 мая 1639 г. писал Джону Коку о заключенной Анне⁸⁹. Олеарий связывал прекращение наказания со смертью патриарха Филарета⁹⁰ (скончавшегося в 1634 г). Бесспорно, в данном случае произошла ошибка. Речь явно идет о патриархе Иоасафе I, ушедшем из жизни в 1640 г. Голштинский посол указывал также, что по возвращении в Москву Анне была возвращена собственность ее семьи. Она поселилась с детьми, Давидом и Михаилом в Москве, очевидно, в доме, принадлежавшем барону Пьеру де Ремону. Вдове с двумя сыновьями-недорослями было определено жалованье, превысившее прежнее (20 рублей против 15 рублей). Давид сообщал в 1645 г.: «по указу...Михаила Федоровича... давано матери моеи и мнѣ з братом моим меньшим... месячной кормѣ на месяц 20 рублей из Большого приходу»⁹¹. Таким образом, ей, наконец, удалось соединиться с детьми, которых она не видела много лет.

После многолетней борьбы и страданий Анна Барнсли вернулась в столицу. Для единоверцев ее возвращение стало символом победы протестантизма. С их точки зрения силу ее веры не удалось сломить жестокими испытаниями и настойчивыми убеждениями. Как истовую кальвинистку, пережившую многое за свои воззрения, встречает в ее в Москве, очевидно, в начале 1644 г., Олеарий. Голштинский посол в сопровождении зятьев — Марселиса и Фентцеля два раза посетил дом Анны и с ее слов записал историю ее судьбы⁹².

⁸⁸ Public Record Office, State Papers 31/8/198–505-6. Дигби к Картрайту 1 апреля 1639 г. Historical Manuscripts. Cowner Report. II P. 113. *Phipps G. M.* Op. cit. P. 394.

⁸⁹ Public Record Office, State Papers 91/3–49f–50v. *Phipps G. M.* Op. cit. P. 394.

⁹⁰ *Олеарий А.* Указ. соч. С. 300.

⁹¹ РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 195. Л. 350; о том же окладе — РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 199. Л. 26.

⁹² *Олеарий А.* Указ. соч. С. 301.

Однако следует отметить, что Анну Барнсли отпустили из монастыря, но не из страны. Русское подданство было сохранено, и до конца своих дней она пребывала в Российском государстве. С точки зрения русской стороны не произошло и нарушения таинства православного крещения.

Очевидно, был достигнут некий компромисс. Анна или же родные за нее, формально признали ее православие, что и послужило причиной завершения церковного наказания. Для русских же властей она являлась одумавшейся православной. Об этом свидетельствуют и высокие назначения сыновей — Давида и Михаила Деремонтовых, случившиеся как раз во время визита Олеария. По версии голштинского посла приблизительно с 1640 по 1650 гг. вся семья Деремонтовых придерживалась кальвинизма. Однако протест наследников принявшего православие барона не зафиксирован ни одним документом. Картины Олеария противоречат и действия правительства по отношению к семье барона. Одновременно с возвращением матери из Воскресенского Горицкого монастыря, т.е. снятия с нее церковного наказания, сыновья были приближены к царскому двору⁹³.

Старший из них — тринадцатилетний Давид Деремонтов 22 марта 1641 г. был пожалован в стряпчие⁹⁴. За успешную службу при дворе царицы он получил повышение. В апреле 1642 г. его чин был еще раз повышен: Давид был переведен в стольники⁹⁵. В 1645 г. первенец Анны Барнсли и Пьера де Ремона являлся стольником царицы Евдокии Лукьяновны⁹⁶. В 1646 г. он вновь стал царским стольником⁹⁷. Михаил Иванов Деремонтов был определен в

⁹³ Amburger-Archiv, № 89113.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 210, столбцы дополнительного отдела, № 45. Л. 84. Сведения указаны А. П. Павловым.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 1064, столпик 1. Л. 26. Сведения указаны А. П. Павловым.

⁹⁶ Боярская книга 1639 г. М., 1999. С. 109. См. также: *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского Архива Министерства Юстиции. М., 1853. С. 113.

⁹⁷ Там же. Другие документы называют 1647 г.: Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 41; РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 217. Л. 428; РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 245. Л. 31. Сведения указаны А. П. Павловым.

стряпчие в 1641/1642 г.⁹⁸, в 1647 г. он достиг, как и брат, чина царского стольника. С 18-летнего возраста сыновья Анны Барнсли вошли в элитные части московской конницы. Таким образом, по социальному статусу, определенному родовитостью отца, православные сыновья Пьера де Ремона были наделены высоким званием. Получение чинов определило вхождение молодых дворян-иноземцев в царскую свиту. В качестве придворных они стали постоянными участниками дворцовых церемониалов, в частности, свадьбе царя Алексея Михайловича⁹⁹. Трудно предположить, что правительство поощряло бы детей церковной преступницы.

Принадлежность Анны к православию с точки зрения властей с бесспорностью доказывают и сами Записки Олеария, как и письма Симона Дигби к Джону Картрайту. Оба автора отмечали мало-значительные, с их точки зрения, детали пребывания Анны в Москве, в действительности важные для русского права. Как сообщает голштинский посол, ей было предъявлено требование нанимать лишь русских работников¹⁰⁰. Обязательное наличие православной прислуги говорит о православии хозяйки. Согласно указу 1627 г., неоднократно повторяемому в 40-х гг. XVII в.¹⁰¹, инославные не имели права нанимать русских людей. Кроме того, авторы утверждают, что Анне был оглашен запрет на публичное протестантское богослужение. Западные христиане не имели ограничений на посещение кирхи. Дигби добавляет факт изоляции Анны и детей не только от пастора, но и от других иностранцев¹⁰².

Можно отметить, что вдова русского администратора (непременно православного), до конца своих дней вместе с сыновьями находилась на содержании правительства. Согласно русским документам в 1650 г. Анна, ставшая почти легендой для протестантов, получала из Разрядного приказа кормовое жалованье¹⁰³. Скончалась Анна Барнсли около 1651 г. (примерно в возрасте 40

⁹⁸ РГАДА. Ф. 210, оп. 9, стб. 590. Л. 317.

⁹⁹ Древняя Российская Вифлиотика. Т. 13. С. 199, 201.

¹⁰⁰ Олеарий А. Указ. соч. С. 301.

¹⁰¹ Опарина Т. А., Орленко С. П. Указы 1627 и 1652 годов против «некрещеных иноземцев» // Отечественная история, 2005. Вып. 1. С. 22–39.

¹⁰² См. примеч. 91.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 210, оп. 13, стб. 277. Л. 368.

лет: видимо, перенесенные страдания не прошли безрезультатно). Олеарий так же указывает на начало 50-х гг. XVII в.: «ныне (в издании 1656 г. — *Т.О.*) я слышал, что два года назад она умерла»¹⁰⁴. Наиболее вероятно, для членов реформатского прихода она умерла протестанткой, для членов московской патриархии — православной. Более того, ее русские сыновья, всю свою взрослую жизнь действовавшие в соответствии с русской традицией, должны были отпевать Анну Барнсли в православном храме и похоронить на православном кладбище. Можно отметить, что сразу после смерти матери Давид и Михаил вступили в брак, причем женились они на русских дворянках.

В целом компромисс определил двойственный конфессиональный статус Анны Барнсли от ее возвращения из монастыря до кончины. Очевидно, формально она жила по законам православной церкви, но дома оставалась кальвинисткой. Надо полагать, что русские власти на какое-то время предпочли не видеть истинных религиозных воззрений Аграфены Деремонтовой в семейном окружении. Свобода вероисповедания ограничивалась территорией дома. Видимо, вдове удавалось избежать и посещения исповеди в православной церкви (не столь регулярно совершаемой в XVII в. даже русскими православными), и, соответственно, получения причастия (неясна ситуация в монастыре). Эти факты и служили основанием восприятия ее единоверцами кальвинистской. Для протестантов она сохранила твердость до конца дней. Между тем с точки зрения глав московской церкви Анна Барнсли не изменяла статуса русской православной, что и должно было отразиться в последних таинствах — соборовании и отпевании.

Не исключено, что схожая ситуация сложилась и у Кэтрин Скотт. Какую степень религиозной свободы допускал ее новообращенный супруг, мы не знаем.

Истовые кальвинистки Кэтрин Скотт и Анна Барнсли, могли встречаться и быть знакомы. Кэтрин появилась в Москве в 1647 г., до смерти Анны Барнсли. Анна уже 7 лет как вернулась из монастыря и жила в вынужденной изоляции от единоверцев в Москве. Анна могла видеть посещения Кэтрин реформатского храма, по-

¹⁰⁴ Олеарий А. Указ. соч. С. 301.

кровительствоемого родственником Анны — Петром Марселисом. В свою очередь, Кэтрин в реформатской кирхе могла быть слышана о примере Анны и, не исключено, благоговейно относилась к ее борьбе за веру. Однако в таком случае Кэтрин должна была знать и о наказании, постигшем Анну. Печальный опыт англичанки не дал Кэтрин далеко зайти на пути подражания. Тем не менее, шотландка решилась на религиозный конфликт. Дожила ли Анна Барнсли до громкого процесса о богохульстве Кэтрин Скотт и ее последующего перекрещивания, сказать сложно.

Их многое объединило, прежде всего — глубокая вера. Обе британки были воспитаны в набожных семьях и были очень религиозны. Шотландка, столь яростно отстаивала в России основы своей веры, что ее поведение привело к обращению всей семьи. Англичанка стойко держалась за свои убеждения, упорно пытаясь возвратиться к вере предков. Анна Барнсли не принимала вероотступничество мужа и дважды сопротивлялась перекрещиванию: во время обращения и после смерти супруга.

Кроме того, Анна Барнсли и Кэтрин Скотт открыто проявляли свою религиозность. И способ демонстрации этих взглядов имел общие черты. Страстный порыв к вере, которую они считали единственно истинной, характеризовал их поведение. Их действия говорят о представлениях личной избранности, религиозном индивидуализме и подчеркивают мотив проповедничества. Кэтрин Скотт, возможно, не жгла икону, но, несомненно, очень негативно высказывалась об иконопочитании. Безусловно, она стремилась открыть русским подданным свои знания о Боге, показать совершенство своих взглядов, доказать ложность иных воззрений, доводя свою проповедь до столкновения. Анна Барнсли, теряя детей, разрыв с которыми она глубоко переживала, пыталась сохранить с ними контакты. Связь с детьми она понимала, прежде всего, как конфессиональное единство. Главной заботой матери становится наставление сыновей в вере. Более того, Анна Барнсли начала проповедовать даже монахиням в монастыре. Быть может, давая согласие войти в русский монастырь, ею двигало не только любопытство, но и готовность к спору, убежденность в превосходстве собственных воззрений. Несомненно, подобный прозелитизм Анны и Кэтрин русской стороной рассматривался только как богохульство. Но фа-

натично верующими британками двигало желание донести истину, открывшуюся им и узкому кругу их соприхожан.

Очевидно, представления об уникальности собственного религиозного опыта, своей богоизбранности и черты воинственного проповедничества были не случайны для Кэтрин Скотт и Анны Барнсли. Для кальвинизма, к деноминациям которого принадлежали Анна Барнсли и Кэтрин Скотт, был характерен прозелитизм.

Единство в их судьбах сказалось и в том, что, несмотря на глубокую веру, они вошли в лоно русской церкви. Кэтрин последовала за Анной и вынуждена была принять православие. Их религиозность была подавлена. Обе британки попали в ситуации, когда должны были изменить своим взглядам, предать убеждения семейного круга и пойти на вероотступничество. Анну Барнсли и Кэтрин Скотт объединяет принудительное обращение.

Но существуют и различия в их судьбах. Кэтрин Скотт осталась до конца дней в православном браке и, соответственно, внешне действовала как православная. Анна со смертью мужа попыталась изменить свой православный статус и вернуться в реформаторский приход. Их отличает религиозный протест, на который Анна Барнсли могла решиться, лишь будучи вдовой. Но сопротивление религиозному насилию было подавлено, и умерла Анна, очевидно, тоже как православная.

Нахождение женщины вне брака все же не гарантировало ее свободы в конфессиональном самоопределении. Совсем иной путь религиозного поведения демонстрировала разведенная иностранка. На фоне примеров двух британских кальвинисток интересен выбор веры еще одной британки — Кэтрин Нельсон. Как и Анна Барнсли и Кэтрин Скотт она являлась протестанткой. Однако англичанка относилась к иному течению Реформации. Кэтрин Нельсон в России принадлежала к приходу лютеранской кирхи св. Михаила (где крестил детей Джон Барнсли, венчались Анна Барнсли и Пьер де Ремон, а Александр Лесли отказался участвовать в крестинах). Русский документ фиксировал ее деноминацию как «лютерская вера». Привилегированная иноземческая церковь, «кирха старых немец», объединяла чаще всего людей по знатности и высокому социальному положению. В лютеранскую общину входил супруг Кэтрин — поручик Андрей (Эндрю) Нельсон, а также его командир — драгунский пол-

ковник Андрей Фалентов Росформ. Вероятно, принадлежность к данной кирхе четы Нэльсон была обусловлена выбором его командира — Росформа. Все участники дела (и, видимо, полка Росформа) являлись духовными детьми известного лютеранского пастора Балтаза Фадемерхта. Скорее всего, Кэтрин и ее супруг были англичанами, которые часто были связаны с данной кирхой.

В русских источниках сохранилась очень скудная информация о Кэтрин Нэльсон. Нет сведений о семье, как и девичьей фамилии; известно лишь имя ее отца — Александр. Однако коллизия судьбы чрезвычайно интересна.

В отличие от Кэтрин Скотт и Анны Барнсли, Кэтрин Нэльсон являлась церковной преступницей не с позиции русских властей, а в глазах иностранцев. Причиной крайне отрицательного отношения к ней единоверцев и соотечественников стало нарушение морали.

Кэтрин Нэльсон была уличена в супружеской неверности. Муж потребовал развода с изменницей. Обвинив Кэтрин в адюльтере, Эндрю Нэльсон 2 ноября 1642 г. обратился к пастору Балтазару Фадемерхту. За жалобой супруга последовало приглашение Кэтрин в храм. Она созналась на исповеди: «в духовной сказала, что она блудница и венец свои порудила: воровала от мужа с ыными»¹⁰⁵. Во время таинства Кэтрин покаялась духовному отцу в прегрешениях и признала факт измен. Вина супруги поручика была доказана, и глава лютеранского прихода обличил и наказал преступницу в соответствии с лютеранскими устоями. Церковный суд кирхи св. Михаила расторг брака: «и потому с ним порутчиком та жена иво Катерина розведены»¹⁰⁶.

Разведенная Кэтрин Нельсон была обесчещена и с позором изгнана из своего прихода, как и сообщества иностранцев в целом. Ей было трудно найти место в прежней социальной группе. Она оказалась в изоляции от своего круга, но, видимо, не имела возможности вернуться на родину: слухи об ее преступлении непременно достигли бы Британских островов. Однако как иностранка она более не могла жить в Москве. Она попала в категорию маргиналов, отторгнутых миром соотечественников. Когда

¹⁰⁵ РГАДА. Ф. 21, оп. 9, стб. 911. Л. 100.

¹⁰⁶ Там же.

сообщество иностранцев оказалось для нее закрытым, она перешла в русское общество.

Выход для нее оказался лишь один и был сопряжен с религиозным выбором. 12 декабря 1642 г. Кэтрин Нэльсон составила челобитную на имя царя Михаила Федоровича с просьбой о принятии православия¹⁰⁷. Документ она, видимо, в соответствии с требованиями судопроизводства, подала по месту службы бывшего супруга — в Иноземский приказ. Военное ведомство начало подробное духовное разбирательство. Чиновники Иноземского приказа не сразу признали допустимость обращения иностранки. Их беспокоил один вопрос: русское каноническое право о запрете смешанных браков не должно было быть нарушено. Замужняя женщина не могла вступить в Московскую церковь без супруга. Для дачи показаний в Иноземский приказ последовательно приглашались иностранцы, связанные с Кэтрин: бывший муж Эндрю Нэльсон, его начальник Андрей Фалентов Росформ, видимо, дававший согласие сначала на брак, а затем и развод подчиненного, и духовный отец. Эндрю Нэльсон заверил показания подписью. Дал расписку и Андрей Росформ¹⁰⁸. Он одобрял ход дела и действия офицера своего полка.

В Иноземский приказ к ответу был призван и Балтазар Фадемрехт. Пастор засвидетельствовал факт нарушения лютеранских норм и совершенный им в кирхе развод. Он раскрыл сказанное на исповеди как в своем приходе, так и в русском приказе. Лютеранский пастор был готов подтвердить расторжение брака и оставил в русских бумагах свою подпись (к сожалению, подлинный документ не сохранился, сведения о данных расписках дошли лишь в пересказе русских чиновников)¹⁰⁹. Таким образом, важнейшие для Кэтрин члены иноземческого сообщества отвернулись от нее, в том числе духовный отец. Три иностранца выразили полное согласие с уходом Кэтрин Нэльсон в православие.

Ответы трех главных лиц с бесспорностью доказали для русских чиновников факт измены и развода иностранки, пожелавшей вступить в русскую церковь. Они удостоверились, что Кэтрин более не является супругой Андрея Нэльсона, и свободна от лютеран-

¹⁰⁷ Там же. Л. 99.

¹⁰⁸ Там же. Л. 97.

¹⁰⁹ Там же. Л. 100.

ского брака. Удивительно, но расписка пастора в прелюбодеянии и разводе оказалась достаточным основанием для перехода в православие. Убедившись в преступлении, совершенном Кэтрин, и понесенном ею наказании, русские власти приняли решение. Только теперь они дали согласие на принятие православия. Рукой дьяка Ивана Гавренева было записано: «государь указал крестить»¹¹⁰. Дальнейшая судьба Кэтрин Нэльсон неизвестна. Можно предположить, что власти подыскали ей нового супруга среди прихожан русской церкви. В таком случае англичанка продолжила свою жизнь в качестве жены русского дворянина.

Только эта черта и роднит Кэтрин Нэльсон с Анной Барнсли и Кэтрин Скотт. Ее история не привлекла внимания оказавшегося в Москве сразу после бракоразводного процесса Адама Олеария. Голштинский посол не отметил столь неприятный факт. Он ни разу не обмолвился о коллизии Кэтрин Нэльсон, бросавшей тень на благочестие протестантов: она изменила мужу, вере, устоям иностранного сообщества. Она никогда не боролась за веру. Для протестантов Кэтрин Нэльсон должна была стать подлинным нечестивым примером.

Три британки, три протестантки — замужняя дама, вдова и разведенная демонстрировали разные пути религиозного выбора. Замужняя дама всегда следовала за мужем в вопросах вероисповедания и была лишена религиозной свободы. Свобода могла быть достигнута женщиной лишь вне брака — когда она оказывалась вдовой. Но в русских условиях это проявлялось в ярком протесте и его жестком подавлении. Разведенная женщина, как и вдова, не зависела от мужа и не была связана его решениями. Но поведение женщины, оказавшейся маргиналом в мире иностранцев, изгнанной из кирхи и из общества, не соотносилось с поведением благочестивой вдовы. После расторжения брака ею руководил прагматизм, необходимость выжить в сложившихся условиях, а не религиозные убеждения. Она несла ответственность за себя и свой социальный статус. Это означало, что разведенная женщина оказывалась на месте мужчины. Поэтому она повторяла мужскую линию поведения: предпочла выгоду религиозному чувству.

¹¹⁰ Там же. Л. 101.

Л. Н. ДЕНИСОВА

БРАК И СЕМЬЯ В РОССИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

«Жена не лапоть – с ноги не сбросишь»

(Русская народная пословица)

Огромные потери во Второй Мировой войне оставили поколениям сельских женщин мало надежд относительно брака. Однако каждая мечтала о романтической встрече. В послевоенной деревне, где женихи были особенной редкостью, такие желания были не менее сильны, чем в городе, где возможностей выйти замуж по любви было значительно больше. Стать явью такой мечте удавалось не для всех молодых женщин послевоенного времени.

Война деформировала структуру населения страны. Преобладание женщин во всех возрастных группах, особенно от 16 до 49 лет приводило к трудностям, а порой и невозможности вступления в брак. После войны демографическая ситуация в сельской местности оставалась «неблагоприятной»: в среднем в деревнях России в 1945–1946 гг. на одного молодого человека в возрасте от 21 до 23 лет, т.е. 1923–1925 года рождения, приходилось по 5 девушек-сверстниц. Это снижало шансы даже самых молодых деревенских невест на создание семьи. Положение стало выравниваться во второй половине 1950-х гг., когда взрослыми стали поколения мужчин, родившиеся во второй половине 1930-х гг.¹

Многие с благодарностью принимали любого мужчину, повстречавшегося им на жизненном пути. Конечно, мужчины в послевоенной деревне имели больший выбор, но и в этих условиях девушки нередко «отказывали» женихам, которые особенно долго не расстраивались по этому поводу. «Большой дружбы мы не ищем, девушка понравилась, ну и женимся», — говорил один из незадачливых женихов из села Вирытина Тамбовской области, для которого растянувшиеся поиски невесты завершились деревенской

¹ *Вербицкая О. М.* Население российской деревни в 1939–1959 гг. Проблемы демографического развития. М., 2002. С. 100–103.

свадьбой лишь с третьего предложения². В послевоенной деревне неженатых мужчин практически не было.

В 1960–1980 гг. возросла подвижность населения, был осуществлен переход ко всеобщему среднему образованию, в результате отношение к браку изменилось. Более благоприятная демографическая ситуация, воздействие средств массовой информации принесли иные представления о семье. Молодые люди главным в семейной жизни считали эмоциональные отношения. Несмотря на ограниченность выбора, на селе стремились вступить в брак по любви³.

Деревня того времени едина во взглядах на семью и брак: «семьей надо дорожить», но существовали различия в понимании ее роли. Молодежь считала главным в брачном союзе соединение единомышленников. Среднее и старшее поколение большее значение придавали взаимопомощи и поддержке семьи в ее хозяйственной деятельности и воспитании детей — «без семьи прожить трудно». Сельская интеллигенция залог благополучия и семейного счастья видела во взаимопонимании, а деревенские жители с низким уровнем образования большее значение для сохранения хороших семейных отношений придавали положению в обществе, заработку, они чаще заключали браки по соображениям материального порядка⁴.

Браки заключались по желанию самих молодых людей, без давления старшего поколения. Молодые люди считали своим правом свободно выбирать супруга и при сомнении родителей твердо отстаивать свой выбор: «Ну, мама, как хочешь, а я на ней женюсь!» или «Вы как хотите решайте, а мы уже решили!», — как считали вирятинские жители Тамбовской области. Не останавливало и наличие в семье старшей незамужней сестры, что по деревенским традициям нарушало последовательность устройства жизни девушек⁵.

В российской деревне повсеместно при заключении брака учитывалось желание самих вступающих в него, а основным мотивом

² Село Вирятино в прошлом и настоящем. Опыт этнографического изучения русской колхозной деревни. М., 1958. С. 226.

³ Bridger S. Soviet Rural Women: Employment and Family Life // Russian Peasant Women. N.Y., 1992. P. 281.

⁴ Власова И. В., Шмелева М. Н. Семейно-брачные отношения в 1917–1990 гг. // Русские. М., 1997. С. 439.

⁵ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 226.

вом для женитьбы или замужества служила любовь. В некоторых случаях, когда старшие бывали особенно недовольны выбором жениха или невесты, они пытались создать в деревне общественное мнение, стараясь повлиять на молодежь, но, как правило, безуспешно⁶. Согласно исследованиям 1987 г., в Орловской области всего 1% молодых женщин познакомились со своим будущим супругом с помощью родителей или участия родственников⁷.

Менялись времена, иными становились и возможности для знакомства молодых людей. Больше половины тех, кто живут в городе, познакомились на работе, в учебном заведении или в кафе, театре, на вечере. Лишь каждой десятой паре горожан знакомству содействовала близость проживания, а каждый двадцатый мужчина познакомился с избранницей во время летнего отдыха или при случайных обстоятельствах⁸. В деревне своя специфика. Хотя треть семейных пар вместе учились или работали, нередко они и знакомы с детства или жили по соседству. Их брак обычно основан на длительном знакомстве и хорошем знании друг друга⁹.

В основном молодые люди женятся по возвращении из армии, в возрасте 21–25 лет. Девушки выходят замуж раньше, в 18–20 лет¹⁰. В то же время, можно отметить явную связь между временем заключения брака и уровнем образования. Молодые люди, получающие среднее или высшее образование, долго учатся и сравнительно поздно начинают трудовую жизнь. Как правило, начало постоянной трудовой деятельности приходится на возраст 18–24 года. Следует отметить, что большинство сельских жителей, родившихся до 1917 г., начинали постоянную трудовую деятельность с 11–12 лет. Образование и начало трудовой жизни находятся в непосредственной зависимости с возрастом вступления в брак. Женщины с высшим образованием выходят замуж позже, чем имеющие сред-

⁶ Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Культура и быт колхозников Калининской области. М., 1964. С. 225.

⁷ Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. М., 1990. С. 123–125.

⁸ Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования. М., 1964. С. 215; Чуйко Л. В. Браки и разводы. М., 1975. С. 98.

⁹ Панкратова М. Г. Указ. соч. С. 123–125.

¹⁰ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 226; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ соч. С. 224.

нее или более низкое образование. Это характерно как для города, так и для деревни. Однако, поскольку в среднем уровень образования сельских невест ниже, чем городских, замуж они выходят раньше. Почти половина сельских девушек вступают в брак в возрасте 18–20 лет. До 27 лет почти все сельские женщины создают семью. В деревне, как и в городе, часто не соблюдается традиция, требующая, чтобы невеста была моложе жениха. В Орловской области в каждой седьмой паре невеста, по опросам социологов 1980 года, была старше жениха, хотя и ненамного (как правило, на 1–4 года). Отсутствие материальной заинтересованности в браке, первенствующее значение взаимопонимания и духовной близости у ровесников — основные причины создания семьи. Браки с большой разницей в возрасте супругов очень редки.

Другой особенностью сельского брака является значительное количество социально смешанных семей, таких, где муж и жена принадлежат к разным общественным группам: жена — учитель, муж — механизатор; жена — врач, муж — бригадир и т.д.¹¹, и реже жена — доярка, муж — инженер; жена — полевод, муж — зоотехник и т.д. С конца 1950-х гг. социально неоднородные семьи стали обычным для деревни явлением¹². Молодые люди, выросшие в одной деревне или по соседству и после окончания вуза или техникума вернувшиеся домой, не придавали значения разнице в образовании, они в большей мере исходили из детской привязанности и любви, хотя впоследствии очень часто ощущали эту разницу и пытались помочь учиться или делать «карьеру» супругу. Это не всегда находило понимание в семье, а нередко и приводило к конфликтам.

Юноши и девушки при вступлении в брак в основном руководствуются мотивами взаимной любви и дружбы, симпатии, общности интересов и увлечений. Социологические исследования свидетельствуют, что женщины, прежде всего, ценят в мужьях интеллигентность, отношение к женщине как к другу, заботливость, трудолюбие, трезвость, чувство юмора, стремление к совершенствованию и лишь затем физическую красоту. В свою очередь, юноши ценят в своих невестах верность, искренность, интелли-

¹¹ Панкратова М. Г. Указ. соч. С. 123–125.

¹² Вербницкая О. М. Указ соч. С. 65.

гентность, ласковость, нежность, красоту, духовное богатство, умение вести домашнее хозяйство¹³. Счастье для большинства — это хорошая семья, в которой есть дети¹⁴.

Замужние женщины в ходе опросов в большинстве своем в качестве основных мотивов вступления в брак назвали «стремление к любви и взаимопониманию» (76%), «желание иметь и воспитывать детей», «стремление жить вместе» (60%), «стремление к интимности (сексуальной, эмоционально-нравственной, психологической) в нравственно определенной форме» (36,8%)¹⁵.

Согласно социологам, треть сельских жителей определенно считали, что если бы пришлось начать семейную жизнь сначала, то они выбрали бы в супруги того же самого человека (опрос проводился среди людей с большим семейным стажем, имеющих детей не моложе пятнадцати лет). Почти у половины семейных пар мысль о разводе никогда не возникала, большинство считали свои супружеские отношения хорошими или очень хорошими¹⁶. Стабильности брака содействует «любовь к детям и обязанности по их воспитанию», чему способствует «дружеская расположенность» и «общность взглядов и интересов»¹⁷, то есть долг и ответственность перед семьей. Так, по крайней мере, ориентируют нас приведенные социологические материалы и обычная практика семейной жизни. Если в первые годы семейной жизни эмоциональный фон преобладает, то по прошествии времени главным компонентом «хорошо построенной семейной жизни» становится ответственность за семью, будущее детей и внуков. Это один из сближающих факторов для создания модели удачного брачного союза.

Деревенская жизнь открыта. Замкнутое пространство села, хорошее знание друг друга, любопытство, пересуды, создававшие общественное мнение, разлетавшееся по домам, делало семейную жизнь далеко не частным делом. Как считали в деревнях, «любой и

¹³ Соловьев Н. А. Семья в социалистическом обществе. М., 1981. С. 33–35.

¹⁴ Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. С. 71–72; *Она же*. Сельские жители России. Судьбы и семьи в XX веке. М., 1995. С. 46.

¹⁵ Янкова З. А. Советская женщина. М., 1978. С. 79.

¹⁶ Панкратова М. Г. Сельская семья: традиции и современность // Крестьянка. 1982. № 6. С. 25.

¹⁷ Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984. С. 42–43.

каждый»¹⁸ житель все и про всех знал или почти все и почти про всех. Любое незначительное событие в деревне, не избалованной яркостью жизни, особенно во времена отсутствия телевидения и даже радио, а иногда и света, да еще зимой в бездорожье и время относительной рабочей не занятости многих женщин, превращалось в «событие» общедеревенского масштаба. Чужая «личная» жизнь была сверхинтересна, и деревня с этим мирилась.

Городские нравы и нормы поведения для деревни, даже современной, не всегда и не во всем приемлемы. Традиционное отношение, особенно старших поколений, к взаимоотношениям не связанных семейными обязательствами мужчин и женщин было более строгим и не допускавшим добрые и незаконные связи. Обычно молодые люди вместе ходили в кино, на танцы, в клуб, небольшими компаниями бывали друг у друга¹⁹. Деревенские девушки дорожили своей репутацией и по сложившейся традиции в дом парня, с которым дружили, даже не заходили, поскольку в селе могла пойти «дурная слава»²⁰.

Молва играла важную, а иногда определяющую роль в судьбе девушки, серьезно влияла на ее отношения с родителями и окружающими. В условиях замкнутого деревенского пространства опорочить невесту, в том числе в корыстных целях, означало в любом случае бросить тень и на ее семью, и на ее репутацию, поставить доброе имя девушки под сомнение в глазах односельчан и ближайшей округи.

Логичное завершение ухаживания для деревни — свадьба. Она готовилась всей деревней с соблюдением местных традиций и обрядов и обязательными задорными частушками.

Как правило, для невесты готовилось приданое. Эта традиция имеет давние корни: поскольку до петровского времени женщина не имела права наследования, то родители выделяли ей некоторую долю добровольно. Обычно это одежда, ткани, предметы быта, но некоторые женщины могли похвастаться приданым, включавшим деньги, землю, скот, мебель. Бесприданница находилась в униженном социальном положении. Советская власть изменила законода-

¹⁸ Белов В. Медовый месяц. М., 2002.

¹⁹ Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ соч. С. 225.

²⁰ Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 250.

тельство, но не смогла отменить традиции и привычные стереотипы поведения, особенно в деревне. Касалось это и приданого. В 1920–1930-е гг., когда уровень жизни в деревне был низким, от приданого практически отказались. Сказывалась и советская агитация за новые обычаи, относившая приданое к пережиткам прошлого. Невеста приходила в дом мужа с небольшим количеством вещей, и подбор их носил «случайный» характер: «что нашлось», «что достали», в основном это были ткани и домашняя утварь. Одна из крестьянок, выходящая замуж в голодном 1933 г., рассказывала, что ее приданое состояло из нескольких фунтов муки, что по тем временам считалось «царским подарком»²¹. Деревня не придавала этому большого значения, тем более что и другие свадебные традиции были нарушены. Но с ростом материального благосостояния колхозников стало входить в обычай приносить в дом мужа хорошие вещи. Даже вырабатывается определенный перечень вещей, и в зависимости от материального благосостояния семьи невеста покупала шкаф, швейную машину, велосипед, но обязательно постельные принадлежности, вещи для убранства дома (занавески на окна, скатерти, полотенца, салфетки, диванные подушки и т.д.). В некоторых деревнях приданое выставляли напоказ, чтобы гости могли осмотреть и оценить хозяйственность и умение невесты, достаток ее семьи. Многие девушки, собирая для себя приданое, советовались между собой и стремились, чтобы оно ни в коем случае не было хуже, чем у подруги. Приданое шилось несколько лет и помогали будущей невесте ее мать, вкладывая иногда последние средства, «чтобы люди не осудили»²². В измененной форме приданое существует и в современной деревне. «С пустыми руками» невеста может быть осуждена своими соседями, и особенно матери стараются поддержать престиж семьи хорошим и дорогим приданным для дочери.

Развод — не типичное для деревни событие. Терпеливая сельская женщина свыкается с мыслью о постоянной жизни с избранником молодости и, как правило, иной жизни не ищет. Да и круг знакомств в деревне ограничен. Связь с женатыми мужчинами становилась общеизвестным фактом, осуждалась и всячески пресекалась. Нередким явлением в деревне стало при официальном разво-

²¹ *Ransel D. L. Op. cit.*

²² Село Вирятино в прошлом и настоящем. С. 226–227; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Указ соч. С. 224–225.

де фактическое совместное проживание бывших супругов. Как правило, причиной распада семейных отношений было злоупотребление алкоголем, а причины для воссоединения семьи каждая женщина видела свои.

Незарегистрированные браки в 1990-е гг. составляли в России до 7%²³, то есть примерно как в 1920-е гг., хотя в некоторых регионах, например, на Севере «фактических» браков было до 10%²⁴. Традиционно в деревнях взгляды на жизнь и на семью являются более строгими, и количество таких браков – наименьшее. Постепенно влияние на молодежь городской культуры и уверенность в супруге, с учетом замкнутости деревенского общества, сделали возможным для средних поколений нерегистрацию брака при совместном проживании семьей. Большинство женщин среднего возраста, возможно, и хотели бы изменить свой статус на семейный, но молодежь относится к этим вопросам много проще, а старшее поколение, как правило, осуждает такое «сожитительство»²⁵. Современная деревня по числу незарегистрированных браков опередила город: в 1994 г. по данным микропереписи среди городского населения 58 браков из 1000 не были зарегистрированы юридически, в сельской местности — 88²⁶. Но при такой тенденции демографы не видят «пока» в фактическом браке реальной альтернативы зарегистрированному²⁷. И это при том, что число детей, родившихся у женщин, не состоящих в зарегистрированном браке, резко возросло: за 1970–1990-е гг. в три раза в городе и в 2,5 раза в деревне, достигнув к 2001 г. показателя 27,83 в городе и 30,94 в деревне²⁸. Каждого третьего ребенка сегодня рождает россиянка, не состоя-

²³ Население России. 1996. Ежегодный демографический доклад. М., 1997. С. 70–72.

²⁴ Северные регионы России: социально-демографические и этнические процессы. Сыктывкар, 2000. С. 59–60.

²⁵ Мацковский М., Бодрова В. Ценность семьи в сознании различных слоев населения // Семья в представлениях современного человека. М., 1990. С. 157–163.

²⁶ Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М., 1995. С. 8–13.

²⁷ Население России на рубеже XX–XXI веков. Проблемы и перспективы. М., 2002. С. 82.

²⁸ Российский статистический ежегодник. 2002. Статистический сборник. М., 2002. С. 125.

щая в зарегистрированном браке. При этом на Севере, в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке эти показатели еще выше и сопоставимы с данными по странам Северной Европы, где от 40 до 50% детей рождаются вне юридического брака²⁹.

Усиливающиеся тенденции несемейного характера не могли оставаться без внимания государства и правительства. Результаты микропереписи населения 1994 г. выявили необходимость изучения и анализа общественного мнения о браке и семье для формирования целенаправленной просемейной политики. ВЦИОМ при научной и финансовой поддержке Комиссии по делам женщин, семьи и демографии при президенте Российской Федерации провел в августе 1994 г. всероссийское исследование «Семья и изменение гендерных отношений в России и экономически развитых странах мира: сравнительный анализ». Общественное мнение целиком поддерживало семейные отношения. На ценность семьи в глазах населения указывают ответы на вопрос: «Если бы Вы давали совет юноше или девушке, какой образ жизни Вы бы посоветовали избрать?» только 3% респондентов сочли возможным дать совет жить одному без семьи, 6% — жить с постоянным партнером, но необязательно вступать в брак, 74% респондентов предпочитали жить в браке и 17% затруднились дать какой-либо совет в отношении создания семьи. Установка на вступление в брак высока как у женщин (77%), так и у мужчин (69%), у женщин в возрасте до 24 лет она значительно выше, чем у молодых мужчин (соответственно 84 и 70%). Уровень образования женщин не оказывает существенного влияния на их стремление вступить в брак, у мужчин значимость брака возрастает с повышением уровня образования³⁰.

Стремление официально оформить брак в российском обществе всегда было велико, причем это было связано и с более высоким государственным социальным обеспечением, и психологическим комфортом и самоутверждением³¹. Сами женщины тоже считают, что статус замужней женщины выше. Эта традиционная установка нача-

²⁹ Население России на рубеже XX–XXI веков. С. 83.

³⁰ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень М., 1995. № 2. С. 48.

³¹ *Clements B. E. Later Development: Trends in Soviet Women's History, 1930 to the Present // Russia's Women. Accommodation, Resistance, Transformation. Berkeley, 1991. P. 276.*

ла разрушаться в конце XX века. Однако желание иметь семью и иметь ответственность перед семьей не всегда совпадали.

Неравенство в семье, выражающееся в различном участии в домашнем труде, не может рассматриваться как элемент «старого менталитета крестьянина», который постепенно исчезнет. Безусловно, сельский традиционализм и консерватизм имели значение, это существенно влияло на позицию родителей, дававших советы молодым супружеским парам не участвовать в равной степени в домашних делах³², однако государственная политика советского времени не подвергала сомнению, что дом, быт и дети — исключительно женская обязанность. Это при том, что трудовая занятость женщин достигала 90%. Проблема чрезмерной загруженности женщин домашними делами усугублялась неразвитостью сферы услуг, отсутствием автоматизации быта, постоянно меняющимся торговым дефицитом. Руководство партии признавало и высокую женскую трудовую активность, и заметное отставание сферы услуг и быта, и постепенно снижающийся уровень рождаемости. Все партийные и государственные форумы, касавшиеся женского вопроса, обязательно указывали на нерешенность социальных вопросов. Н. С. Хрущев напоминал об улучшении условий быта в колхозах и совхозах как о возможности освобождения женщин от домашнего труда³³. Брежневское либеральное законодательство позволило женщинам больше находиться с малолетними детьми, увеличило пособия, и таким образом успешно боролось за рождаемость параллельно с вовлечением женщин в производственную деятельность. Расширялась сеть детских дошкольных учреждений, совершенствовались условия бытового обслуживания, и именно в этом правительстве видело пути улучшения и облегчения положения женщины. Развернувшаяся горбачевская «перестройка» оценила женскую занятость как «вопрос государственного значения» и признала существование «забот», которые «во многом мешают женщинам в полной мере использовать свои права». К ним вновь

³² Литературное обозрение. 1977. № 5. С. 51; *Bridger S.* Op. cit. P. 284.

³³ *Хрущев Н. С.* Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством. М., 1962. С. 259.

отнесли неустроенность быта, нехватку детских учреждений, недостатки в работе сферы услуг и торговли³⁴.

И политические деятели, и социологи решение проблемы видели, как правило, в улучшении бытового и коммунального обслуживания, расширении сети детских учреждений. Несмотря на наличие полной и достоверной информации относительно мужской бездеятельности дома и понимание, что улучшение общественных услуг стоили немалых денег, которых во многих семьях не было, средства массовой информации неохотно писали в негативном плане об отношении мужчин к семейным делам, не считая их мужской обязанностью, а если и писали, то скорее иронично³⁵.

В популярных изданиях участие мужчины домашних делах превозносилось в редких интервью с женщинами-передовиками производства: «Мой муж помогает мне во всем»³⁶. Если в отношении роли мужчины в семье СМИ сдержанны, то в создании портрета идеальной жены и матери они весьма многословны. Особой популярностью пользовались сюжеты о поддержке больших семей. Многие статьи в газетах и журналах были озаглавлены «Самое большое счастье», «Деревня Героинь» и т.д.³⁷ В них рассказывалось о матерях-героинях, которые имели 10 и больше детей. Для сельской местности это звучало призывом, примером для подражания. Для подавляющего большинства селянок такие образы были непривлекательны, тем более, что и официальная демографическая доктрина ориентировала женщин на малую семью с тремя детьми³⁸. СМИ также начали перестраиваться. В интервью с женщинами подчеркивалось, что только достижений на работе для счастливой жизни недостаточно. Такой акцент особенно явно прослеживается в публикациях, где предлагались советы молодым супружеским парам в преодолении конфликтов и разногласий. В советское время литература на психологические, семейные темы, особенно научно-популярного характера, была редкостью. Не существовало и служб или центров поддержки семьи, аналитических

³⁴ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 года. М., 1988. С. 68–69.

³⁵ Bridger S. Op. cit. P. 284.

³⁶ Сельская жизнь. 1979. 18 августа.

³⁷ Там же. 19 августа; 14 сентября.

³⁸ Bridger S. Op. cit. P. 285.

или кризисных центров. Каждый полагался на собственный опыт, либо решал личные проблемы в кругу друзей или родственников. Помимо простых деревенских разговоров между собой, сельские женщины искали советы на наболевшие жизненные и семейные вопросы в полюбившихся им журналах «Крестьянка», «Сельская новь», «Сельская молодежь».

Женщине рекомендовалось следить за внешностью, чтобы всегда оставаться привлекательной и, как бы она ни была занята на работе и по дому, «не забывать, что мужчинам очень нравится, когда жена вкусно готовит, с удовольствием угощает, старается удивить и порадовать каким-то диковинным блюдом. Вообще, старайтесь развивать в себе женские добродетели, не стыдясь их мнимой старомодности, не объявляйте публично, что вам противно чистить картошку, неинтересно варить суп или смешно тратить время на пироги с капустой. Не надо, разумеется, возводить готовку обеда в культ, но и отрезаться от нее — противоестественно,»³⁹ — наставлял редакционный совет сельского журнала. Давались советы и мужу: он должен заботиться о супруге, проявлять знаки внимания. Мягкое указание на участие мужчин в домашних делах для большинства читателей оставалось незамеченным. Традиционно считалось, что муж — главный кормилец семьи. Жена, независимо от того, работает она или нет, обычно вносит в семью меньший доход. Она же отвечает за дом, воспитание детей, хозяйство — в свободное от работы на производстве время. Такая ситуация складывалась в большинстве семей.

Анализ сельских семейных отношений, особенно в молодых семьях, где женщины имели хорошее образование, приводит к выводу, что они не хотели мириться с безразличием отцов к детям, грубостью и пьянством. Женщины в деревне полагали, что только дом и дети — их главная жизненная потребность и обязанность. Но не единственная. Тем не менее, и они отмечали, что подавляющее большинство мужчин помогало женам нерегулярно и не во всем⁴⁰.

³⁹ Сельская новь. 1979. № 10. С. 33.

⁴⁰ Панкратова М. Г. Сельская семья в СССР и некоторые проблемы планирования. М., 1970. С. 4; Ермоленкова Т. Д. Изменение социального положения женщины-крестьянки в процессе строительства социализма // Вестник Белорусского госуниверситета им. Ленина. 1973. № 1. С. 56; Bridger S. Op. cit. P. 285–286.

Руководствуясь установками на «охранительную» политику в семье, где женщина как источник гармонии не должна провоцировать конфликты особой требовательностью, строгостью и даже обязана часть вины за семейные неурядицы брать на себя, известный социолог М. Г. Панкратова рекомендовала со страниц популярной «Крестьянки» щадить самолюбие мужа: «не быть слишком категоричной, не выражать свои требования в резкой форме, ибо у супруга может развиться комплекс неполноценности, вины перед семьей, а выливается это все порой в пьянство и скандалы»⁴¹. Журналы получали тысячи писем о личной и семейной жизни, полные отчаяния и просьб помощи. Редакции создавали специальные рубрики, принимались и командировки к наиболее отчаявшимся женщинам, но большинству приходилось ограничиваться ответом из отдела писем или открытой публикацией письма с комментарием.

Мужчина в семье в основном становился объектом женского внимания, заботы и участия⁴². Характерно, что матери, давая советы дочерям и невесткам как сохранить семью, опять-таки главным считали женское терпение, умение промолчать, смягчить конфликт, и только, может быть, позже пробовать постепенно подводить супруга к участию в семейных делах. Такого рода советы публиковались в женских журналах. Женщина как «хранитель домашнего очага» отвечала и за характер мужа, за его становление хорошим отцом и даже за его карьеру. Она должна проявлять черты дипломата для предотвращения конфликтов, проявлять понимание, иметь снисходительность к разного рода неудачам мужа. Короче говоря, она должна стать мужу матерью, как и своим детям⁴³.

Вопрос о власти в семье с точки зрения гендерных отношений является одним из самых спорных. Власть в мусульманской семье принадлежит мужчине⁴⁴. Мужское главенство преобладает и в русских семьях⁴⁵. Большинство супругов молодого и среднего возраста настроены на равные права в решении семейных и всех других во-

⁴¹ Крестьянка. 1982. № 6. С. 25.

⁴² Bridger S. Op. cit. P. 286.

⁴³ Bridger S. Op. cit. P. 286.

⁴⁴ Советская этнография. 1979. № 1. С. 38; Демография семьи. Ташкент, 1980.

⁴⁵ Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. С. 137; Goode W. Family disorganization // Contemporary Social Problems. N.Y., 1961. P. 396–397.

просов совместной жизни. Доля мужчин, имеющих установку на партнерство, во всех возрастных группах выше, чем соответствующая группа среди женщин, за исключением самых молодых в возрасте до 24 лет. Однако опыт брака быстро «съедает» мужские предрассудки: толерантность мужчин в возрасте 25–39 лет повышается в четыре раза по сравнению с юношами и молодыми мужчинами. 25% женщин полагают, что власть в семье принадлежит им, и с ними согласны 13% мужчин. Власть мужчин признали 12% женщин и 21% мужчин. Иначе говоря, как мужчины, так и женщины в два раза чаще считали себя главой семьи, чем их супруг⁴⁶.

Сельские жители более высокого мнения о своих семейных отношениях, чем горожане. Здесь сказываются и изменение взглядов на семью, и возрастающая роль эмоциональной стороны семейной жизни, особенно сильно проявляющейся у людей с высоким уровнем образования и в урбанизированных регионах.

На оценку отношений в семье значительное влияние оказывает возраст: в молодых семьях отношения оцениваются выше, чем в семьях, где супруги среднего и пожилого возраста.

Сравнение мнений представителей различных социально-профессиональных групп при проведении социологического исследования в 1986–1987 гг. показало, что и в городе, и на селе, больше всего высоких оценок своим семейным отношениям дали специалисты и руководители с высшим образованием. Полярной оказалась группа работников неквалифицированного физического труда. Видимо, более высокий культурный уровень способствует установлению дружеских, равноправных отношений между супругами. Кроме того, специалисты высшей квалификации и руководящие работники несколько позже создают семью. С возрастом, как правило, повышается требовательность к будущему спутнику жизни, поэтому браки заключаются позже, после более основательных размышлений.

Такого же типа различия в оценке семейных отношений заметны у опрошенных в зависимости от величины поселения. В столицах республик оценки несколько ниже, чем в средних городах. В селах оценки семейных отношений часто выше, чем в городах.

⁴⁶ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. 1995. № 2. С. 48.

В сельской местности также имеются различия в том, как оценивают свою семейную жизнь жители разных поселений. В селах с возрастающим, стабильным или убывающим населением живут люди, разные по возрасту, по уровню образования, занятиям. Наиболее квалифицированная часть сельских жителей сосредотачивается в поселках с возрастающей численностью населения. Соответственно, там наблюдается наибольшая доля респондентов, оценивающих свои семейные отношения как «очень хорошие».

В то же время, чем крупнее поселение, тем сложнее и многообразнее жизнь в нем, пестрее население, сильнее чувствуются социально-психологические сдвиги, вызываемые интенсивной миграцией, и больше бытовых трудностей, связанных с тем, что жилищное строительство и благоустройство отстают от роста населения и его потребностей. Поэтому, наряду с большой долей высоко оценивающих свою семейную жизнь респондентов, мы встречаем больше семейных конфликтов в более крупных поселениях, чем в мелких⁴⁷. Большинство конфликтных семей, тем менее, сохраняют свою целостность. Традиционная крестьянская семья и традиционный сельский образ жизни в небольших и отдаленных деревнях сохранились в большей степени, особенно среди старшего и среднего поколений селян.

В 1980-е годы базисом благополучия в семье служат эмоциональные отношения супругов. «Крестьянка», «Сельская молодежь» открыли специальные рубрики «1001 раз про любовь», «Девичник», «Личная переписка», где приводились обзоры писем, обсуждались наиболее сложные, порой драматические жизненные ситуации, свое мнение высказывали здесь психологи, журналисты.

Многие читательницы в письмах рассказывали, что вышли замуж «не по любви», а в силу ряда причин и обстоятельств: потребность иметь друга, разочарование в людях, жалость к себе, иногда из чувства мести.

Стремление к вступлению в брак не сделало его в глазах женщин обязательным и при всех условиях неизменным на всю жизнь. Женщина оставляла за собой и право на развод.

Высоко оценивая роль семьи, большинство респондентов (70% женщин и 78% мужчин по данным ВЦИОМ 1994 г.) скорее

⁴⁷ Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. С. 74–75.

отдавали предпочтение жизни вне брака, чем пытались сохранять неудачный брак⁴⁸. Пережив глубокое разочарование в близком и любимом человеке, некоторые женщины, преодолев личную драму и духовный кризис, по прошествии времени считали такие переживания чрезмерными, нерациональными. Но они не прибегали к помощи извне, преодолевая кризис в одиночку.

Государство, обеспокоенное снижением рождаемости, несмотря на огромную нагрузку на женщину на работе и дома, выступало за многодетные семьи. Женщины были крайне недовольны огромными нагрузками, и единственный выход сократить их виделся в ограничении размера семьи. В связи с этим возникли новые конфликты, продиктованные повышенными требованиями к членам семьи. Мужу и жене были не так важны, как прежде, строгое разделение ролей или материальный вклад, вносимый каждым. Высокую ценность приобрели общение, одинаковый взгляд на мир.

Материальное благополучие не закрывает потребности в любви, взаимопонимании, дружбе. Их отсутствие приводит к дискомфорту в жизни семейных пар, порой это заканчивается разводом. Переплетение установок, пришедших из прошлого и выработанных современной жизнью, приводит к психологическим конфликтам. Психологический характер носят и жалобы на вмешательство родителей в семейную жизнь молодой брачной пары. Традиционная семья строилась на строгой иерархии, где родители имели веское слово и возможность серьезных санкций в случае непокорности. Структура семейных отношений оставляла мало возможностей для открытого конфликта. В современной семье молодожены по уровню образования, по заработку часто превосходят родителей и обладают юридической и фактической возможностью самим определять свою жизнь. Поэтому они не считают для себя обязательным соглашаться с любым мнением старших. Конфликты психологические, основанные на разнице ценностных ориентаций и культурных представлений, более характерны для образованных слоев населения⁴⁹.

В советском обществе на каждую тысячу человек соответствующего пола приходилось 38 мужчин и 36 женщин в возрасте 40–

⁴⁸ Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень. М., 1995. № 2. С. 48.

⁴⁹ Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. С. 76–77.

45 лет, никогда не состоявших в браке⁵⁰. Еще до вступления в брак 41% невест и 50% женихов не отрицали возможности развода⁵¹. Государственная политика однозначно стояла на охране семьи. Развод в условиях крестьянского менталитета большинства населения страны воспринимался только как крайний и вынужденный шаг для прекращения семейной жизни и для его оправдания требовались веские причины. Тем более, если в семье воспитывались дети. Возрастающее число разводов заметно беспокоило руководство страны. Оно видело именно в устойчивой семье источник повышения рождаемости⁵².

И в городе и в деревне к разводу прибегали сравнительно молодые люди — мужчины в возрасте от 30 до 39 лет и женщины — от 25 до 29 лет. В 1940–1950-е гг. в общем числе распадавшихся семей эти возрастные категории составляли почти две трети. Большая часть браков распадалась после 1–4 (треть) и 5–9 лет совместной жизни (еще треть). В конце 1950-х гг. по доминировавшей среди разводящихся группе 25–29-летних развод коснулся 3 мужчин и 3 женщин на 1 тыс. сельского населения⁵³.

Количество разводов в деревнях было намного меньше, чем в городах. Традиционно деревня осуждала разведенных людей, главным образом виновников распада семьи⁵⁴. Среди причин развода значились прежде всего пьянство, как правило, мужа, связанная с этим супружеская неверность, значительные культурно-бытовые различия, часто называли длительное отсутствие мужа вследствие отъезда в город на заработки, разногласия со свекровью... В большинстве случаев инициаторами развода в деревне были мужчины. Они по-прежнему считались «хозяевами и кормильцами», без которых содержание дома и семьи заметно ухудшится⁵⁵. Кроме того, малочисленность мужчин усиливала их значимость. С повышением статуса женщин их влияние в семье возрастало, как и требования к

⁵⁰ Вестник статистики. 1986. № 7. С. 68.

⁵¹ Аргументы и факты. 1988. № 44. С. 5.

⁵² Bridger S. Op. cit. P. 287.

⁵³ Вербницкая О. М. Указ соч. С. 228–229.

⁵⁴ Власова И. В., Шмелева М. Н. Указ. соч. С. 439.

⁵⁵ Вербницкая О. М. Указ соч. С. 230–231; Рязанское село Кораблино. (История, экономика, быт, культура, люди села). Рязань, 1957. С. 144.

супругу, и тем не менее, фактически до конца XX в. к разводу, распаду семьи общественное мнение было настроено однозначно негативно. Хотя треть населения страны проживала в сельской местности, только один из шести разводов приходился на деревню. В течение 1970-х гг. число разводов на селе возрастало более быстрыми темпами, чем в городах⁵⁶. Эта тенденция развивалась и в последующие годы.

В 1980-е гг. на территории СССР заключалось более 2,6 млн. браков и распадалось около 1 млн. Наблюдался устойчивый рост разводов, составивший в среднем за год 938 тыс. по сравнению с 757 тыс. в 1970–1979 гг. Одним из последствий было большое количество неполных семей, число которых составило, по данным переписи населения 1989 г., более 9 млн. (свыше 12% общего числа семей), из них 5,3 млн. — с детьми моложе 18 лет. В 1989 г. на 1000 разводов приходилось 829 общих детей. Только в течение 1989 г. добавилось 775 тыс. детей лишившихся в результате развода одного из родителей, как правило, отца. Всего в 1989 г. было учтено 13 млн. разведенных и разошедшихся. По итогам переписи 1989 г., в стране насчитывалось более 8 млн. разведенных женщин, их доля в общей численности женщин старше 16 лет несколько увеличилась⁵⁷. В последующее десятилетие при снижающемся числе официально зарегистрированных браков с 1319,9 тыс. в 1990 г. до 1001,6 тыс. в 2001 г., увеличивалось количество юридически оформленных разводов: с 559,9 тыс. до 763,5 тыс. т. е. почти в полтора раза. За 1990-е гг. количество разводов на 100 заключенных браков возросло на селе в 1,8 раза, а в городе в 1,3 раза⁵⁸.

В РСФСР 1980-х гг. около половины мужчин и женщин в течение жизни расторгали брак. В среднем из каждых пяти зарегистрированных браков расторгалось два. Более 30% разводов приходилось на молодые семьи, просуществовавшие менее пяти лет⁵⁹.

⁵⁶ Волков А. Г. Семья как фактор изменения демографической ситуации // Социологические исследования. 1981. № 1. С. 38.

⁵⁷ Вестник статистики. 1991. № 8. С. 52, 64; Человек и труд. 1992. № 3. С. 11.

⁵⁸ Социально-экономические проблемы агропромышленного комплекса России. М., 2002. С. 21.

⁵⁹ Народное хозяйство РСФСР в 1989 г. Стат. ежегодник. М., 1990. С. 92.

Казалось бы, значительное и постоянно возрастающее количество разводов приведет и к возрастанию повторных браков. Фактически же для многих неудачный опыт супружеской жизни послужил негативной оценкой брака вообще, женщин останавливало отношение к детям будущего мужа и, как фиксировали демографические исследования середины 1990-х гг., «в течение двадцати пяти лет число повторных браков в условных поколениях снижается»⁶⁰. Многие разведенные предпочитали фактические семейные отношения, не считая обязательным их официальное оформление. Это больше типично для города⁶¹, но современная деревня также ориентируется на этот тип семьи после развода.

Современная женщина ориентирована на любовь и уважение к мужу, и со своей стороны проявляет повышенную требовательность и не мирится с неустраивающими ее сторонами семейной жизни, с какими еще мирились ее бабушка или даже мать. Нередко демографы интерпретируют развод как трагедию, свидетельство дезорганизации семьи, обращая внимание исключительно на негативные последствия, особенно для детей. Между тем, дети, чьи родители продолжали жить в конфликте и не развелись, испытывали на себе все последствия этих взаимоотношений. Отметим при этом, что наличие детей в целом не сказывается на интенсивности расторжения браков⁶². В складывавшихся ситуациях непримиримости лучшим выходом становится развод супругов, от которого, в конечном счете, выигрывают все члены семьи⁶³.

В первые годы брака причины и мотивы развода в основном связаны с нравственно-психологической и экономической неготовностью супругов к совместной жизни, неумением психологически адаптироваться друг к другу. Браки продолжительностью от 5 до 9 лет имеют несколько иные причины и поводы разводов. Бракоразводные дела пестрят многочисленными и разнообразными случаями, приведшими к распаду семьи. Среди причин часто встречаются:

⁶⁰ Население России 1996. Ежегодный демографический доклад. М., 1997. С. 68.

⁶¹ Голод С. И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. СПб., 1998. С. 203.

⁶² Бурова Н. С. Социология и право о разводе. Минск, 1979. С. 29.

⁶³ Голод С. И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. С. 78.

«моральное разложение», хулиганство, грубость, пренебрежение своими обязанностями, несговорчивый характер одного из супругов, различное понимание семейных обязанностей. Нередко причиной распада семьи становится неверность, создание другой семьи, бесплодие. К разводу приводит ревность, ссоры и конфликты с родственниками, неравномерное распределение обязанностей в семье. Причинами распада брака становится эгоизм, упрямство, подозрительность, жестокость, грубость, черствость одного из супругов⁶⁴.

Инициатива расторжения брака прочно перешла к женщинам. Многочисленные социологические исследования и анализ бракоразводных дел фиксируют их большую настойчивость и отказ от примирения для сохранения семейных отношений⁶⁵. В более 40% случаев в качестве причины расторжения брака указывался «алкоголизм мужа»⁶⁶.

Второй причиной разводов выступало несходство характеров. Под данной формулировкой скрываются разные причины семейных конфликтов. По мнению медиков, чаще всего речь идет о неудовлетворенном стремлении иметь ребенка и др. Однако выборочные исследования судебной практики показали, что к разводу ведет чаще нежелание иметь детей, а не невозможность. Причинами расторжения брака служили и плохие отношения с родителями супруга. Одним из серьезных аргументов в пользу развода являлась супружеская измена. Отмечалась прямая зависимость между образовательным уровнем и уровнем разводов⁶⁷. Однако в каждой второй молодой семье (среди попавших в исследование) супруги имели одинаковый уровень образования; в каждой четвертой — образование жены выше образования мужа; в каждой шестой — образование мужа выше, чем у жены⁶⁸. Если высшее образование чаще встречается у мужей, то незаконченное высшее и среднее

⁶⁴ Сысенко В. А. Устойчивость брака. Проблемы, факторы, условия. М., 1981. С. 140–141.

⁶⁵ Чуйко Л. В. Браки и разводы. М., 1975. С. 139; Седельников С. С. Позиции супругов и типологические особенности реакций на развод // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 40.

⁶⁶ Социологические исследования. 1976. № 3. С. 78; Коллектив колхозников. М., 1970. С. 215–216.

⁶⁷ Королев Ю. А. Брак и развод (современные тенденции). М., 1978. С. 131.

⁶⁸ Вестник статистики. 1986. № 4. С. 60–61.

специальное — у жен. С низким уровнем образования (неоконченное среднее) мужей было больше, чем жен.

Встречались и такие причины разводов, как тяжелое материальное положение. Многие молодые женщины изначально были настроены на хорошее финансовое обеспечение за счет будущего мужа. Они полагали, что именно мужчина как глава семьи обязан обеспечивать материальное благополучие, тогда как женщина — привносить в дом тепло, уют, покой.

Для некоторых молодых семей непреодолимым препятствием для семейной жизни оказались трудные жилищные условия. Особенно часто в разладе они винили родителей, с которыми им приходилось совместно жить. Однако из числа обследованных молодых семей за время брака лишь 3,3% объединились с родителями и другими родственниками, а 42,8% отделились⁶⁹.

В первый период брака мужья уступают при разрешении спорных проблем более чем в 2,5 раза чаще женщин. При этом в стабильных семьях муж уступает в 21 случае из 100, жена — только в 9; в нестабильных семьях соответственно 14 и 7. Более чем в 17% нестабильных семей ни муж, ни жена не идут на мелкие уступки.

Мужчины чаще женщин идут на компромисс. Если 33% женщин, недовольных поведением мужа, реагируют резко негативно, то 44% мужчин стремятся избежать открытого конфликта⁷⁰. Объединение многих ролей одной женщины приводит к физическим и психологическим перегрузкам. Проводившиеся социологические обследования подтверждали, что в конце рабочего дня большинство женщин жаловались на усталость, а впереди предстоял труд дома и по хозяйству⁷¹. Труд в полеводстве — практически полностью ручной и в животноводстве — при средней механизации не более 30-40% — был очень тяжелым и изнуряющим.

Многочисленные социологические обследования фиксировали, что почти 80% сельских женщин считали трудным, а иногда очень трудным справляться с нагрузкой по дому и на работе. Доход от приусадебного участка позволял свободнее чувствовать себя в

⁶⁹ Там же. С. 58.

⁷⁰ Социологические исследования. 1986. № 6.

⁷¹ Bridger S. Op. cit. P. 286.

материальном плане, и не жалея сил и времени трудились сельянки по хозяйству. Анализ результатов социологических исследований за 1980–1990-е гг. показал, что около трети женщин находились под постоянным воздействием отрицательных факторов, связанных как с их трудовой деятельностью, так и с условиями быта. Это подтвердили исследования в других отраслях экономики: сверхурочная работа названа как причина возрастания психологического напряжения женщин, что влечет за собой и снижение рождаемости, и невнимание к детям, и брачные конфликты⁷².

При взаимном согласии брак супругов, не имеющих несовершеннолетних детей, расторгается в органах записи актов гражданского состояния. В этих случаях оформление развода и выдача супругам свидетельства о расторжении брака производится по истечении трех месяцев со дня подачи супругами заявления о разводе. Жилищные, имущественные и иные претензии супругов друг к другу могут быть в общем порядке рассмотрены в суде после расторжения брака в органах ЗАГС.

На первый взгляд, может показаться странным, что граждане предпочитают судебный порядок расторжения брака, а не в органах записи актов гражданского состояния. Анализ динамики бракоразводных дел выявил увеличение из года в год числа поступающих в суды исков о расторжении брака супругов, не имеющих несовершеннолетних детей.

В 1980-е гг. в органы ЗАГС на регистрацию по взаимному согласию супругов поступал только каждый шестой развод. Так, в 1985 г. было зарегистрировано 800,7 тыс. разводов по решению суда и 133,3 тыс. по взаимному согласию. Из числа лиц, не имеющих несовершеннолетних детей, 60% прибегали к судебной форме расторжения брака и только 40% обращались в органы записи актов гражданского состояния.

В 90 случаях из 100 супруги, расторгающие брак, не имели друг к другу материальных и иных претензий. На этом основании

⁷² Охрана труда женщин в сельском хозяйстве. Орел, 1979. С. 73; Шишкан Н. М. Социально-экономические проблемы женского труда в условиях развитого социализма. Автореферат докторской диссертации. М., 1978. С. 12; Певреденцев В. И. 270 миллионов. С. 32; Вестник статистики. 1992. № 1. С. 54.

можно предположить, что обращение расторгающих брак супругов, не имеющих несовершеннолетних детей, в суд, а не в органы ЗАГС, было вызвано не наличием претензий, и не отсутствием согласия на развод, а иными причинами⁷³.

Следует отметить, что бракоразводный процесс, пройденный супругами через судебное разбирательство — явление достаточно длительное и сопряженное с глубокими эмоциональными переживаниями, во всяком случае, для одного из них. Советская система гражданского суда предусматривала неоднократный вызов «истца» и «ответчика» в зал судебного заседания и на беседу к судье, ведущему данное дело. Судья имел право приглашать супругов трижды для выяснения «обстоятельств» дела. После чего следовало краткое заседание с оглашением постановления суда о разводе. Многочасовые ожидания в обществе друг друга, публичные выяснения отношений, взаимные упреки, а иногда и оскорбления, а до 1968 г. еще и публикация в газете факта предстоящего развода — для большинства разводящихся влекли за собой серьезные психические и психологические травмы, которые лечились годы и не забывались никогда. Кроме того, отсутствие у судьи психологического образования, руководство лишь собственными жизненным опытом и моральными принципами часто приводило к болезненному и ненужному выяснению причин и поводов для расторжения брака, особенно если супруги приняли обоюдное и твердое решение о разводе. В других же случаях судьи в силу загруженности и отсутствия интереса к данному делу не проявляли инициативы для «примирения сторон», хотя законом такие действия судьи предусматривались. Многие семьи при внимательном и чутком подходе могли бы быть сохранены, а их разногласия преодолены, но поскольку ни психологической, ни моральной поддержки получить они не могли, единственной их надеждой оставался судья народного суда.

Традиционные представления о браке и разводе распространялись также на супружескую неверность. В деревне большинство считало, что брак не должен разрушаться, если в семье муж или жена любит кого-то другого. Это фиксировали многочисленные

⁷³ Труд, семья, быт советской женщины. М., 1990. С. 209.

социологические опросы, анализ потока писем, написанных в женские и молодежные журналы, нашло это отражение и фольклоре⁷⁴.

В условиях деревенской жизни тайны часто становились явью, особенно если речь шла о деревенских «романах». Абсолютное большинство деревни не принимало никаких аргументов в пользу разрушения прежней семьи и построения новой. Особой строгостью в этом вопросе выделялись разведенные: среди них 80% опрошенных отстаивали прочность семьи, среди состоящих в браке — 70% и не женатых и не замужних — 60%⁷⁵. Кроме того, на селе значительно меньше возможностей вступления в повторный брак.

Различия в установках на семью проявляются и в ответах на вопрос о том, как быть семейному человеку, если у него появилось новое сильное чувство — оставить семью или выполнять свои семейные обязательства во что бы то ни стало. Браки, в которых супруги духовно близки друг другу, — наиболее прочные. Одинаково тяжело и муж, и жена переживают новое увлечение супруга⁷⁶, но именно понимание другого, взаимопонимание и духовная близость, боязнь причинить другому боль и страдание останавливает от трудного выбора оставить семью, формирует ответственность за близких людей, их покой и благополучие. Большинство участников социологического опроса 1986–1987 гг. считали, что разрушать семью, оставлять детей ради нового брака не стоит ни при каких обстоятельствах⁷⁷. Изучение общественного мнения на селе показало, что оно поддерживало сохранение брака.

Треть замужних женщин оценивает измену мужа как «предательство» и больше половины не могут смириться с таким поворотом их судьбы, хотя и понимают, что «всякое в жизни может случиться». Лишь каждая десятая спокойно относится к внебрачным связям и не считает, что из-за этого следует прибегать к разводу⁷⁸.

⁷⁴ Bridger S. Op. cit. P. 288.

⁷⁵ Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992. С. 164-165.

⁷⁶ Голод С. И. Семья и брак: Историко-социологический анализ. С. 128–131.

⁷⁷ Панкратова М. Г. Сельская женщина в СССР. С. 72; Bridger S. Op. cit. P. 287.

⁷⁸ Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? М., 2002. С. 48.

Женщины в подавляющем большинстве считают, что труднее перенести факт духовной, эмоциональной измены. Для большинства мужчин невыносима мысль о физической измене. Психологи объясняют эти расхождения так: мужчины в большей степени собственники, а женщины больше ценят эмоциональную близость⁷⁹.

Для людей, живущих в деревне, общественное осуждение являлось существенным тормозящим фактором при расторжении брака и создании новой семьи. Наверное, ни на один сюжет не сложилось такое количество грустных и задорных и часто язвительных частушек как о разлучнице, сопернице, «супостатке» и «лиходейке». Как правило, им доставалось в частушках, доставалось им и в реальной жизни. «Борьба» за сохранение семьи поддерживалась деревней, часто вся местная «общественность» была в курсе семейных разногласий и в разной степени участвовала в примирении сторон, всегда отстаивая интересы обиженной жены, начиная с душевных разговоров старших родственников и соседей и заканчивая партийными собраниями. Для деревенской действительности, не богатой на события, это был законный повод посудачить обо всем и обо всех. Правда жизни оставалась на стороне обиженной. Общественное мнение формировало образ обязательно гордой и безусловно лучшей, чем соперница, жены, по недоразумению или навету оставленной, не смилившейся и поддержанной сочувствующей деревней как бы предупреждая, что такая ситуация может (не дай, Бог!) возникнуть еще в чьей-то судьбе!

*«Супостатка – девка бойка,
Ну и я – девчонка – бой.
Ты не думай, супостаточка,
Не будет дроля твой.*

*Лиходейка, юбку черную
Короче надевай.
Ягодиночку отбила
С радости не захворай.»*

Измена в семье одним из супругов, даже прощенная, надолго, а иногда навсегда оставалась неизгладимой трещиной в отношениях между супругами и часто преследовала их долгие годы совместной жизни. Часто в новой семье после пережитого развода, преодоления кризиса супружеских отношений, разрушения иллюзий зарождалась ревность, нередко и необоснованная. Преодолеть страх быть преданной дважды удавалось не всем.

⁷⁹ Женский вопрос. 37 основных тем о здоровье. СПб., 2002. С. 80.

Не будем касаться ситуаций, когда возникает пресловутый треугольник: он или она полюбили другого человека. В таких случаях ревность вспыхивает по вполне понятной причине, но бывает, что подозрительность овладевает человеком беспричинно. Это не способствует укреплению брака, установлению хороших отношений в семье, а часто способствует ее разрушению.

При отсутствии психологической помощи, кризисных центров для большинства лишь поделиться с родственниками и подругами было моральным выходом из трудной для них жизненной ситуации. Но не все хотели и могли рассказать свою жизнь знающим их людям, и потому обращение в средства массовой информации, часто анонимно, особенно в немногочисленные женские журналы, было приемлемым выходом для очень многих. Даже не обратившиеся сами всегда могли почитать журнал и увидеть подобную или близкую собственной ситуации и услышать слова разъяснения, понимания, а может, и осуждения. Большинство писем-откликов, поступивших в «Крестьянку» и «Сельскую новь», а также редакционных статей на тему «Любовь и ревность», были полны советов как спокойно и мудро решить жизненные проблемы.

В деревне в силу замкнутости жизненного пространства, ограниченности общения, большой осведомленности друг о друге и привычке поговорить обо всех и обо всем, поскольку все известно о каждом, поводом для разговоров, дальнейших семейных конфликтов, а иногда расставания и даже развода служили различные деревенские «пересуды». Нередко они ломали судьбы уже в юности.

Умение любить, доверять и помогать любимому человеку, не обращая внимания на сплетни, — это, наверное, тоже своего рода талант. Но не все могли оценить ситуацию и выйти из нее победителем. Для некоторых деревенская молва сыграла решающую роль в построении отношений с любимым человеком. Но жалеть позже приходилось многие годы и двоим.

Серьезным сторонником сохранения семьи стали советские, профсоюзные и особенно партийные организации. Пожаловаться можно было различными способами: пойти на прием к местному или вышестоящему начальству, написать в районную, областную, центральную прессу, обратиться в партийные или советские орга-

ны (очень редко в профсоюзные) лично или анонимно. И ждать ответ. Он приходил всегда. В некоторых случаях назначалась проверка, командировка по письму. Очевидно, что для деревни это событие. Лишиться членства в КПСС и даже запятнать свою биографию выговором с занесением в учетную карточку коммуниста или «просто» вызовом в партком для личной беседы означало если не конец служебной карьеры, то очень серьезные осложнения. Многие женщины активно пользовались этим методом восстановления семейных отношений. Они писали в вышестоящие организации, вплоть до ЦК КПСС. Начиная жаловаться с местного колхозного, районного руководства и в случае «непонимания ситуации» писали выше. О своих семейных проблемах в 1950 г. решила рассказать районному, городскому и Вологодскому областному начальству жена, оставленная мужем ради учительницы, с которой он совместно работал в сельской школе и жил фактическим браком. Не найдя должного понимания, женщина написала в ЦК ВКП(б) уже жалуюсь и на обидчика и на не принявших меры местные власти. Высказала она и конкретные предложения: «Перевести кого-либо: либо учительницу, либо моего мужа в другую школу, другой район», очевидно, полагая таким образом повлиять на «заблудшихся коммунистов», восстановить «справедливость», то есть разрушенную семью⁸⁰. Немалое число семей благодаря воздействию общественности были таким образом восстановлены.

Случалось, что дело не ограничивалось обсуждением недостойного поведения коммуниста в узком кругу парткома, выносили личные дела на партийные собрания. Для деревни упоминание в повестке дня для некоторых и немногих обязанных присутствовать на собрании, становилось всеобщим достоянием и обсуждалось недели. Опасение за карьеру, спокойную жизнь, боязнь открытых пересудов толкали провинившихся коммунистов как можно скорее прекратить партийные разбирательства. Нередко случалось, что приходилось отказываться, публично каяться и возвращаться к прежней жизни. Причем женщины в этих ситуациях проявляли большую стойкость, принципиальность, последовательность. Протокол от 11 января 1965 г. партийного комитета одного из совхозов

⁸⁰ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 17. Д. 85. Л. 27-29.

Вологодской области зафиксировал «партразложение двух членов КПСС». Девять членов парткома, а вслед за ними вся деревня живо обсуждали чужую жизнь управляющего фермой и бухгалтера. Медленный деревенский роман перерос в скандальную историю с вовлечением членов двух семей и всей совхозной общественности, а затем и жителей деревни. Дело рассматривалось как на суде с дознанием, выяснением мест встречи, времени, намерений сторон. В результате запутавшийся заведующий фермой невнятно «отказывался», за что был обвинен в «неискренности». Партком совхоза стоял за сохранение всех семей в деревне и этих двух конкретно, затем последовали два выговора с занесением в учетную карточку, перевод одного из них на другую работу⁸¹. Бухгалтер, которая подверглась и физическому и публичному унижению со стороны своих и чужих родственников и осудивших ее деревенских жителей, не захотела ни отказываться от полюбившегося ей человека, ни перекладывать на него вину. Деревня всегда была более традиционна в вопросах сохранения брака, тем более видимых причин с ее точки зрения для развода не было.

Подавляющее число сельских мужчин, не присутствовавших на партийных собраниях не будучи коммунистами, для себя делали вывод в пользу беспартийной жизни. Для них разбор всех конфликтов мог происходить только в семье, в самом крайнем случае на глазах у деревни. Женщина-коммунистка, общественница — всегда на виду, она вполне могла и пожаловаться на пьющего или разгуливавшего мужа. С этой точки зрения членство в партии жен не приветствовалось и не поощрялось, за редким исключением, если в семье и муж и жена являлись «ответственными» работниками и оба были членами КПСС. Но «ответственных» постов в колхозном производстве было немного. Выдвижение передовиков и ударников являлось делом большой важности и обращения внимания на свой колхоз и района, и области, и, может быть, даже Москвы, поэтому выдвигались и доярки, скотницы, работницы полеводства, немногие оставшиеся женщины-механизаторы. Рядовые по должности, но не рядовые по производственным показателям. Мужья у

⁸¹ Там же. Оп. 63. Д. 51. Л. 39–41.

них, как правило, были простые труженики, не замеченные в высоких рекордах на ниве сельского хозяйства. Продвижение жены по служебной и общественной лестнице вызывало у большинства из них активную отрицательную реакцию, которая нередко выражалась и в побоях и уничтожении партийного билета. Не особенно разбираясь в тонкостях партийной жизни, но зная об обязательности посещения женой партийных собраний и строгостях, вплоть до исключения из партии за утрату партийных документов, некоторые из них прибегали к этому способу заставить жену-коммунистку вернуться домой и не опасаться ни при каких семейных конфликтах быть осужденным партийным собранием⁸².

Однако не все женщины-коммунистки оправдывали оказанное им доверие. Среди них были некоторые, кто вел свободный образ жизни. Он проявлялся не только в том, что они не посещали партийные собрания, не участвовали в общественной жизни деревни, но и имели нарекания на производстве, вели аморальный образ жизни. Дела таких коммунисток разбирали на партийных собраниях. Прения по таким вопросам были длительными и бурными, выслушивались все желающие и не только коммунисты и сама виновница, как, например, на открытом партийном собрании в 1969 г. в колхозе «Россия» Вологодской области. В обвинениях говорилось о недобросовестном отношении к производственным обязанностям, «ни одного наряда не выполнила, несколько раз оставляла коров не доенными, часто оставляла скотный двор на сторожа», кроме того, «уходила на трое суток на гулянку, оставляла детей одних», не посещала партийных собраний, чем, по мнению выступавших «очень часто нарушала устав партии и неаккуратно платила членские взносы». Далее последовало предложение, «если в будущем коммунист А. не исправится, тогда нужно будет исключить ее из партии и лишить материнских прав»⁸³. Бюро Вологодского РК КПСС поддержало решение местной партийной организации и доярка А. была исключена из рядов КПСС⁸⁴. Далее ее моральным обликом никто не интересовался.

⁸² Там же. Ф. 9435. Оп. 1. Д. 8. Л. 68–70.

⁸³ Там же. Ф. 6734. Оп. 1. Д. 71. Л. 22–23 об.

⁸⁴ Там же. Д. 72. Л. 96, 97.

Вполне этичным считалось обсудить среди товарищей чью-то судьбу, коллективно и по-партийному разобравшись в ней. Называлось это «персональным делом». Как правило, инициатором открытия его было устное или письменное обращение в партийную организацию по месту работы или жительства коммуниста. Без внимания это никогда не оставалось. Наиболее популярными были обращения-жалобы «покинутых» или «обманутых» жен на коммунистов-мужей. Однозначно вина за «разбитую семью» перекладывалась на соперницу. Если же та была еще и членом КПСС — виноватой считалась вдвойне.

Не всегда для коммунистов, попавших в трудные семейные ситуации, выбор оказывался в пользу сохранения прежнего брака. Многие, невзирая на предстоящие партийные взыскания и даже исключение из рядов КПСС, отстаивали свое право на создание новой семьи. Им приходилось пройти через рассмотрение своей кандидатуры в качестве «персонального дела», публичное разбирательство личной жизни, лишение возможности сделать карьеру. Они делали такой выбор.

При любых обстоятельствах, удавалось ли восстановить семейные отношения или семья распадалась, виновницей считалась женщина. Если она была членом КПСС, то помимо публичного разбирательства ее «персонального дела» она могла быть в лучшем случае наказана — «выговором с занесением в учетную карточку», в худшем — исключена из рядов КПСС. За последним следовало прекращение карьерного роста, лишение премий, снятия с очереди на жилье, детсад. И, конечно, всеобщее обсуждение и осуждение большинством деревенского населения. Мужчины оставались вне критики и внимания парторганов в этом вопросе.

Возмущение партийного собрания, состоявшегося в октябре 1969 г. в совхозе «Плодопитомнический» Вологодской области было направлено на двух коммунистов, «хороших производственников», но, будучи женатым и замужем, решивших начать новую семейную жизнь. За связь с женатым мужчиной Галина Д. была охарактеризована разбравшимися в ее личной жизни следующими эпитетами: «Занялась недостойным поведением, разбила семью рабочего совхоза Р., нечего таких принимать в партию и там дер-

жать». Партийное собрание постановило: «За моральное разложение как на производстве, так и в быту, и неискреннее признание при разборе, постановили: просить общепартийное собрание исключить члена КПСС Галину Д. и уволить ее из совхоза, если она не изменит свое поведение, то по просьбе коллектива направить дело в народный суд о лишении ее материнства». Характерно, что относительно члена КПСС-мужчины партсобрание никакого решения не выносило и никакого разбирательства не предпринималось. Пройдя партийное обсуждение, рабочие совхоза, как и планировали, решили соединить свои судьбы и переехать в другой поселок вместе с двумя детьми Галины Д. от первого брака. Но по решению РК КПСС Вологодской области Галина Д. была исключена из рядов КПСС⁸⁵. Любовь к близкому человеку стала для нее выше продвижения по производственной и общественной лестнице.

Интерес к чужим судьбам в деревнях не уменьшился и с роспуском КПСС и прекращением партийных собраний. Пересуды, осуждения и обсуждения были переадресованы к местам общего сбора: в магазины, службы быта, поликлиники и т.д. Но после таких деревенских разговоров ничья судьба никому не была подотчетна.

Большинство российских женщин в постсоветское время в круг своих жизненных ценностей включают надежных друзей, уважение к себе окружающих людей, настоящую любовь, честно прожитую жизнь, счастливую семью, отдельную квартиру, занятие любимым делом и воспитание хороших детей. Эти цели назвали в числе того, чего они уже добились или хотели бы добиться в жизни более 93% опрошенных женщин⁸⁶.

Россия, заявившая себя как правовое и демократическое государство, может подтвердить конституционные положения реальной практикой равного участия во власти женщин и мужчин.

⁸⁵ Там же. Ф. 3646. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–24.

⁸⁶ Женщина новой России. С. 11–12.

«ОТЦЫ И ДЕТИ»

Ю. П. КРЫЛОВА

В СЕМЕЙНОМ КРУГУ: КОРОЛЕВСКИЕ ПОУЧЕНИЯ ДЕТЯМ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФРАНЦИИ

Поучительные сочинения были излюбленным жанром во Франции на протяжении Средневековья. Те или иные морализаторские идеи содержались практически во всех произведениях эпохи: от военных трактатов до авантурных романов. Собственно наставительная литература — поучения детям, женам, будущим правителям — всегда оставалась популярной. Авторами, как правило, были лица духовного звания, и видимо поэтому от всей эпохи до нас дошло не так много французских поучительных сочинений, адресованных собственным детям. Их можно насчитать около десятка.

Два самых ранних свидетельства родительской заботы — материнские послания сыновьям. Поиски истоков родительского наставления приводят нас в меровингскую эпоху. Первыми сохранившимися поучительными сочинениями являются письма Херхенфреды своему сыну Дезидерию, будущему епископу Кагора (VII в.). «Набор» ее правил, останется традиционным, как минимум, на ближайшее тысячелетие. Мать рекомендует сыну, живущему при дворе, пребывать постоянно в мыслях о Боге, любить и страшиться Его; остерегаться недобрых дел; быть милосердным и целомудренным, заботиться о душе; быть верным сюзерену; вдумчиво выбирать друзей, быть осторожным в словах и поступках¹. От каролингской эпохи сохранилось «Поучение сыну Вильгельму» (840-е гг.) графини Септиманской Дуоды. Глубокая любовь к детям, переживание за их

¹ MGH SSRM. T. IV. Hannover, 1902. S. 569-570. См. также: Textes // *Riché P.* Les écoles et l'enseignement dans l'Occident chrétien de la fin du Ve siècle au milieu du XIe siècle. P., 1979. P. 389–390.

судьбу приводит Дуоду к написанию оригинального, хотя и в духе христианской традиции, сочинения. Графиня призывает сына стремиться к Богу; настоятельно советует «понравиться и в миру, и Создателю»; возлюбить отца — первое лицо после Бога; быть верным сеньору, каким бы он ни был².

Эти и последующие сочинения, большая часть из которых приходится на XIV-XV вв., предстают довольно разными по замыслу, целям и стилю. Несмотря на то, что подавляющее большинство трактатов относятся к этологическому жанру, написаны на французском языке и в достаточно короткий промежуток времени — около ста тридцати лет — они не образуют стабильного сравнительного ряда, и говорить об устойчивой традиции в жанре родительских поучений собственным детям представляется затруднительным.

Между тем, следование некоторой семейной наставительной традиции можно усмотреть в произведениях нескольких представителей одного семейства: королей Франции. Это Людовик XI и его дочь Анна Французская — истинный «король Франции», регентша при малолетнем брате Карле VIII. Для них примером короля-моралиста и отца, поучающего своих детей, мог служить Людовик Святой, дед основателя их рода Карла Валуа. Именно Святой король возобновил забытый более чем на сто лет жанр поучений собственным отпрыскам³, став, вместе с тем, новатором в этом жанре. Его письма-поучения детям являются первыми подобными сочинениями, написанными по-французски, а не на латыни. Кроме того, его наставление дочери и вовсе открывает новую страницу в истории французской дидактической мысли, поскольку это первое известное обращение отца к дочери.

Людовик IX Святой

Людовик IX (род. 1215, правил в 1226–1270 гг.) составил два поучения: одно — старшему сыну Филиппу, другое — старшей до-

² См. подробнее: *Бессмертный Ю. Л.* Мир глазами знатной женщины IX в. (К изучению мировосприятия каролингской знати) // *Художественный язык средневековья* / Отв. ред. В. А. Карпушин. М., 1982. С. 83–107.

³ Хронологически предшествует письмам Св. Людовика лишь написанная веком ранее поучительная поэма Пьера Абеляра сыну Астролябию. См. *Peter Abelard. Carmen ad Astralabium* / Ed. J. M. A. Rubingh-Bosscher. Groningen, 1987.

чери Изабелле⁴. Оригиналлов обоих сочинений не сохранилось, об их существовании известно от биографов-современников короля: Жоффруа де Болье, Гийома де Сен-Патюса, Гийома де Нанжи, Ива де Сен-Дени и Прима де Сен-Дени⁵. Все они сообщают о королевском поучении наследнику престола, приводя имеющийся у них текст, но только Гийом де Сен-Патюс, приводит в жизнеописании Людовика оригинальный, с точки зрения исследователей, текст его письма-наставления дочери Изабелле. Считается, что оба текста были написаны одновременно, между 1267 и 1269 годами, когда принималось решение о Крестовом походе⁶. Письмо Людовика IX дочери отличается от других существующих родительских наставлений дочерям то, что оно было составлено для взрослой, уже замужней женщины, королевы Наваррской. По мнению исследователей, король, ценивший дидактические сочинения, стремился не высказать что-то новое, но формально зафиксировать традиционные наставления для потомков⁷. В его памяти возникал образ его деда короля Филиппа Августа, наставляющего наследника⁸. Для Людовика Святого дед — образцовый правитель, пример для подражания, он единственный, на кого Людовик ссылается в своем «Поучении» сыну. Филипп Август умер, когда мальчику было восемь лет, и он хорошо помнил деда и беседы с ним. В его восприятии деда-короля политическое отношение смешивалось с родственным чувством⁹.

Другим образцом для подражания была мать Людовика Святого — Бланка Кастильская. Своими достоинствами, по мнению биографов, король был обязан именно ей¹⁰. В описаниях со-

⁴ Издатель обоих поучений Людовика Святого приводит тексты еще двух поучений, адресованных дочерям Агнессе и Женеьеве. Подлинность этих документов вызывает большие сомнения у исследователей. См.: *O'Connell D. The instructions of Saint Louis. Chapel Hill, 1979. P. 91–98.* А. Антш ссылается на поучение еще одной дочери (кроме Изабеллы), считая, что оно адресовано Бланке или Маргарите. *Hentsch A. De la littérature didactique au Moyen Age s'adressant spécialement aux femmes. Genève, 1903. P. 82–83.*

⁵ *O'Connell D. Op. cit. P. 20.* Там же см. историю рукописной традиции обоих сочинений.

⁶ *Ibid. P. 60.*

⁷ *Ibid. P. 62–64.*

⁸ *Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001. С. 534–535, 33, 326–327.*

⁹ Там же. С. 535.

¹⁰ Там же. С. 536.

временников образ королевы неидеален, она была личностью неординарной, далекой от стандартных представлений о совершенстве, и тем не менее нельзя отрицать присущую ей огромную любовь к семье, мужу и детям, и это могло передаться Людовику. Его биографы, Гийом де Нанжи и Жуанвиль, повествуют о непосредственном участии короля в воспитании собственных детей. Каждый вечер перед сном он рассказывал им поучительные истории из жизни государей былых времен¹¹.

Наставления Людовика IX представляют собой два небольших текста, каждая поучительная мысль которых выражается несколькими строками и начинается с непрямого обращения — «Chiere(s) fille (filz)» (Дорогая(-ой) дочь (сын)). Нужно отметить, что письмо Изабелле, которое позднее будет почти дословно воспроизведено как первая часть поучения Филиппу, состоит в основном из наставлений в благочестии. Основа, на которой все строится в мире, — любовь к Богу: «возлюбите Господа всем вашим сердцем и всеми силами (rooig)»¹². Большая часть поучения посвящена отношениям Бога и человека: следует избегать того, что может Ему не понравиться; не так страшна утрата какой-либо из частей тела, как совершение смертного греха; нужно часто исповедоваться и охотно (volentiers) посещать службу, на которой надо молиться, а не болтать и заниматься посторонними делами (muser); за любые страдания (а они всегда заслужены) следует благодарить Господа¹³.

Несколько правил Людовика касаются общения в «своем кругу» и за его пределами. Слово «гордыня» (orgueil), привычное моралистам XIV–XV вв., король не использует, однако ясно намекает на нежелательность подобного стиля поведения: «ведите себя так, чтобы ваш исповедник и прочие ваши друзья осмеливались запросто (osent hardiement) вас поучать и критиковать (reprendre)»¹⁴. Людовик советует избегать частных бесед с кем-либо, кроме людей, известных добротой и святостью. За разрешением затруднений он рекомендует обращаться к исповеднику или человеку, которому мож-

¹¹ Цит. по: *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 558.

¹² Li enseignement ke li bons rois Sains Loÿs escrit de sa main à ma dame Ysabel, sa fille, qui fu roine de Navarre // *O'Connell D.* Op. cit. P. 78.

¹³ Ibid. P. 78–79.

¹⁴ Ibid. P. 79.

но доверять, умеющему хранить секреты. Нужно быть смиренной и жалостливой, любить всех добрых людей, церковных или мирян, которые славят Господа и служат Ему¹⁵. Несколько последних пунктов король-отец отводит вопросам частной жизни. Он рекомендует Изабелле повиноваться мужу, отцу и матери, замечая, что «против Бога она не должна никому подчиняться»¹⁶; стараться быть настолько совершенной (*parfaite*), чтобы увидевшие или услышавшие о ней могли бы последовать ее хорошему примеру. Особая тема отцовских наставлений на протяжении позднего Средневековья — и Людовик IX здесь не исключение — увлечение женщин нарядами и украшениями. Не следует иметь избытка платьев и драгоценностей, лучше раздать лишнее на милостыню. Он предостерегает от излишества в украшениях: «лучше меньше, чем больше», и вообще не советует тратить ни много времени, ни сил (*estuide*) на прихорашивание¹⁷.

Король считает нужным отметить, что наставление написано его «собственной рукой» (*escris de ma main*)¹⁸. Он просит Изабеллу никому, кроме брата, не показывать рукопись (*nus ne voie chest escrit sans mon congiet excepte vostre frere*)¹⁹. Это свидетельствует о сугубо личном характере послания, не имеющем целью дальнейшее распространение изложенных идей среди других читателей.

Первая часть наставления для Филиппа, как уже говорилось, почти дословно повторяет письмо к Изабелле. В продолжение король обращается к сыну уже как к дофину и добавляет наставления, которым должен следовать будущий суверен. В данном случае король не говорит, что написал все собственноручно, здесь также нет просьбы держать текст в тайне²⁰. Хотя послание четко структурировано и лаконично, оно содержит два пространных эпизода-*exempla*: один — из жизни Филиппа Августа, что придает тексту вид семейной хроники, другой — из жития Св. Мартина Турского.

¹⁵ Ibid. P. 79-80.

¹⁶ Ibid. P. 80.

¹⁷ Ibidem.

¹⁸ Ibid. P. 78.

¹⁹ *Li enseignement ke li bons rois Sains Loÿs*. P. 81. Оговорка не совсем ясная, ведь кроме Изабеллы и Филиппа, у Людовика IX были и другие дети.

²⁰ Жак Ле Гофф объясняет этот факт тем, что будущий король — публичный человек, тогда как королева Наваррская — частное лицо. См. *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 321.

В основном же вторая часть поучения носит публичный характер, ее можно поставить в один ряд с «Зерцалами государей».

Наставления детям Людовика IX не стали началом традиции, последующие французский короли, вплоть до Людовика XI, не оставили после себя подобных текстов.

Людовик XI

Историческая память сохранила неоднозначные суждения о личности Людовика XI (род. 1423, правил в 1461–1483 гг.). В юности он восставал против отца, Карла VII, затем подавлял выступления знати, под конец жизни занялся поучением сына. Среди прочих французских родительских наставлений книга Людовика XI «Розарий войн» («Le Rosier des guerres», 1481–1482)²¹, написанная для дофина, занимает особое место. Хотя трактат адресован мальчику 11–12 лет (дофин родился в 1470 г.), он является скорее политическим сочинением, ориентированным на наставление будущего правителя, нежели на простое воспитание добродетельного человека.

Вопрос об авторстве книги окончательно не решен. Существует предположение, что текст был составлен придворным врачом и астрологом короля Пьером Шуане²². «Розарий войн» отчасти схож со второй частью поучения Людовика Святого сыну Филиппу и значительно отличается от других родительских наставлений. Этот трактат, написанный за год до кончины короля, иногда называют политическим завещанием Людовика XI²³.

Первая после пролога часть трактата содержит размышления автора о мире, смерти и душе²⁴. Его мысли вполне соответствуют макабрическому духу времени. Жизнь коротка, она есть лишь бес-

²¹ Rosier des guerres, enseignement de Louis XI, roy de France, pour Dauphin son fils / Ed. M. Diamantberger. P., 1925 (Далее — Rosier).

²² В частности, этой точки зрения придерживался Ш. Самаран. Samarant C. Pierre Choisnet. Le «Rosier des guerres» et le «Livre des trois eages» // Bibliothèque de l'École des chartes. Т. 87. 1926. P. 372–373. В одном из последних отечественных исследований проводится мысль, что авторство принадлежит именно Людовику XI. См.: Доронина Л. Л. Людовик XI и его представления об обязанностях государя (по «Наставлениям» дофину Карлу) Автореферат дис... канд. ист. н. Саратов, 2004.

²³ См.: Stegmann A. Le Rosier des guerres: testament politique de Louis XI // La France de la fin du XVe siècle. P., 1985.

²⁴ Rosier. P. 11–14.

конечное страдание (*la reine sans fin*). Не стоит привязываться к мирским радостям (*ne mettre son cueur trop au monde*), ибо, в конце концов, их придется оставить. В этом преходящем мире ценна лишь душа²⁵. Автор использует расхожий мотив уподобления жизни игре в шахматы, взятый из книги Жака де Сессоля (начала XIV в.) или более ранних обработок этого сюжета: у каждого, согласно положению, — свое место на игральной доске и в жизни, но когда игра заканчивается, все фигуры в беспорядке опять возвращаются в мешок, откуда их взяли²⁶. Так же и с людьми: никто не может остаться в этом мире или взять с собой нажитые здесь блага.

В основной части автор рассматривает обязанности королей и принцев, чья первоочередная задача — «защищать общественное благо»²⁷; объясняет, что такое закон и справедливость; рассказывает о королевском окружении, баронах и рыцарях. Подробно говорится о том, по каким внешним «признакам» распознать сильного, мудрого или смелого рыцаря²⁸. Каждый тип людей можно узнать по особым чертам, которые детально описываются. Так, у мудрого рыцаря должен быть непременно зеленый или черный цвет глаз²⁹.

В заключительной части сочинитель описывает войска, способы их построения, правила ведения боя, способы опознания неприятелей. В пассаже, посвященном поведению во время битвы, неожиданно появляется обращение автора к адресату — «ты», которое так же внезапно исчезает к началу следующей главы («О количестве войска»³⁰). Скорее всего, это может свидетельствовать о том, что над книгой работали несколько авторов. Так, например, общую часть мог составить Пьер Шуане, а сам король затем дополнил текст рассуждениями по вопросам военной стратегии³¹ и несколькими лично окрашенными эпизодами.

²⁵ Ibid. P. 11–12.

²⁶ Ibid. P. 12–13.

²⁷ Ibid. P. 15 ff.

²⁸ Ibid. P. 30, 34, 35 соотв.

²⁹ Ibid. P. 35.

³⁰ Ibid. P. 48–53.

³¹ Вызывает сомнения, что Пьер Шуане, служивший у короля врачом и астрологом, был в состоянии описать способы построения войск в битвах. Тогда как сам король, изощренный политик и стратег, реформировавший французское войско, мог хорошо разбираться в вопросах ведения войны.

«Розарий войн» существенно отличается от прочих позднесредневековых наставлений детям. В нем нет рекомендаций, как вести себя при дворе, хотя в других подобных текстах этот вопрос занимает важное место. Лишь в последней главе о «поведении принца в своих владениях» (*que le prince doit faire et considerer en sa seigneurie*)³² король вспоминает о невоенных аспектах жизни: покровительстве церкви и служителям Бога, вдовам и сиротам³³. Тем самым, он делает круг и возвращается снова к вопросам справедливого правления и «защиты общественного блага». Людовик XI видел в своем сыне прежде всего будущего воина, а не светского человека, для стареющего короля было важнее наставить будущего Карла VIII в делах государственного управления, а не в нравах аристократического общества. Для этого существовали сочинения иного рода.

Анна Французская

Анна де Божё (1461–1522), герцогиня Бурбонская и Овернская, по рождению имевшая право называться Анной Французской, была одной из влиятельнейших и уважаемых дам своего времени. Старшая дочь короля Людовика XI и Шарлотты Савойской, Анна, по выражению ее собственного отца, была «наименее глупой среди женщин Франции»³⁴. После смерти Людовика XI в 1483 году она стала регентшей при малолетнем брате Карле VIII. Она имела «вкус» к власти и была реальной правительницей, которую называли «королем Франции»³⁵. Образованная и умная, она приглашала в свой замок в Мулене, выстроенный по последним итальянским образцам, известных ученостью людей. Сохранившийся каталог ее библиотеки неординарен для женщины той эпохи³⁶. Анна была замужем за Пьером II де Божё (1438-1503), герцогом Бурбонским.

³² Ibid. P. 62.

³³ Ibidem.

³⁴ Это высказывание сохранил для потомков историк Брантом в мемуарах. Его неизменно цитируют все исследователи, когда заходит речь об Анне Французской. См: *Cluzel J. Anne de France. P., 2002. P. 31.*

³⁵ См. *Varenes J.-Ch. Anne de Bourbon, roi de France. P., 1979.*

³⁶ См. *Inventaire des Livres qui sont en la librairie du chasteau de Moulins // Les Enseignements d'Anne de France à sa fille Susanne de Bourbon / Ed. A. H. Chazaud. Moulins, 1878. P. 221–253.*

Именно ему Людовик XI, умирая, передал все королевские полномочия и поручил заботу о дофине³⁷.

Герцог и герцогиня Бурбонские были известны не только близостью к трону. Их двор считался у современников лучшим для воспитания детей благородных родителей. Многие мечтали передать своих детей в эту «школу добродетели и совершенства»³⁸. Кроме Карла VIII при бурбонском дворе воспитывались Луиза Савойская, племянница герцога и герцогини, ее брат Филибер, невеста Карла VIII Маргарита Австрийская (дочь Максимилиана Габсбурга и Марии Бургундской) и крестник Анны, будущий зять Бурбонов Шарль де Монпансье. При их дворе также воспитывалась сирота Диана де Пуатье, изучала французские манеры юная Мария Английская, третья жена Людовика XII³⁹.

Герцог и герцогиня Бурбонские имели единственную дочь Сюзанну (1491–1521). В 1505 году, уже после смерти мужа, Анна устроит ее брак с Шарлем де Монпансье, коннетаблем Франции и другом детства короля Франциска I. Незадолго до замужества дочери, которой тогда было около 13 лет, Анна де Боже написала для нее поучение (1503–1504)⁴⁰. Воспитание и поведение Сюзанны, наследницы богатых земель, становилось в некотором смысле делом государственной важности⁴¹. Интересно, что это не единственное поучительное сочинение, ей посвященное. Получив трактат от матери в подарок ко дню свадьбы, в период ожидания рождения первенца (1517 г.) Сюзанна принимает в дар от доминиканца Пьера Мартена, исповедника ее матери, трактат о воспитании детей⁴². Любопытно, что вместе с этим текстом в кодексе переписаны Поучения Людовика IX сыну. Сюзанне, потомку Святого короля по

³⁷ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986. С. 252.

³⁸ Цит. по: *Lequain É.* La maison de Bourbon, «*escolle de vertu et de perfection*». Anne de France, Suzanne de Bourbon et Pierre Martin // *Medievales*. № 48, 2005. <http://medievales.revues.org/document893.html>

³⁹ Ibid. Интернет-версия: <http://medievales.revues.org/document893.html>

⁴⁰ Анна Французская составила еще одно произведение, названное позднейшими издателями «История осады Бреста». Также известно, что именно она поручила лионскому гуманисту Симфорею Шампье сочинение «Корабль добродетельных женщин».

⁴¹ *Lequain É.* Op. cit.

⁴² Единственный экземпляр «*Traité de l'érudition et de l'enseignement des enfants des nobles*» хранится в Париже (Библиотека Св. Женевьевы. Ms. fr. 2221).

отцу и по матери⁴³, не дают забыть о текущей в ней крови, которой надо быть достойной. Среди образцовых родителей, на которых необходимо равняться принцессе, доминиканец называет ее собственную мать Анну, деда и бабушку Агнес Бургундскую и Карла I Бурбона, а также далеких идеальных предков Бланку Кастильскую и Людовика VIII — родителей Святого короля. Вообще, Бурбоны любили всячески подчеркивать свое происхождение от Людовика IX. Пьер Мартен напоминает Сюзанне о ее славных предках, «начиная с доброго короля Святого Людовика»⁴⁴.

Анна Французская писала свое наставление, готовя дочь к жизни после замужества. В кратком прологе она говорит о любви к дочери и опасностях «нынешнего скверного времени» («*meschante vie presente*»), которые вынуждают ее заняться написанием поучения⁴⁵. В этой связи особенно волнует ее «неопытность и малолетство» Сюзанны⁴⁶. Наставление Анны позволяет проследить меняющееся со временем соотношение тем «земного» и «божественного» в поучениях детям. Почти все советы Людовика Святого посвящены «общению» с Богом. Через сто лет в популярной в то время «Книге поучений дочерям» Жоффрау де Ла Тура Ландри обоим ипостасям человеческого существования уделено примерно равное внимание. В начале XVI века у Анны Французской «божественный» аспект занимает уже существенно меньше места, чем мирские интересы.

Анна Французская, по мнению А. Шазо, не только знала трактаты Людовика IX и Людовика XI, но и, возможно, многое заимствовала из них⁴⁷. Согласиться с издателем сложно, поскольку оба сочинения отсутствовали в библиотеке Анны и не были выявлены конкретные цитаты. Анна скорее воспроизводит в целом расхожие в позднем Средневековье представления: она цитирует многих других известных авторов, таких как Августин, Бозций, святые Бернар и Амвросий, Катон, Овидия, апостол Павел, Иоанн Златоуст и др.⁴⁸

⁴³ Анна Французская была внучкой Людовика Святого в десятом поколении. Герцоги Бурбоны — потомки шестого сына Людовика IX Роберта, графа Клермона.

⁴⁴ *Lequain É.* Op. cit.

⁴⁵ *Les Enseignements d'Anne de France.* P. 1.

⁴⁶ *Ibid.*

⁴⁷ *Ibid.* P. XVI–XVIII.

⁴⁸ Особенно часто сочинительница ссылается на некоего «доктора Лиенара» (*docteur Lienard*). А. Антш полагает, что, скорее всего, это Леонардо из

Образованная, умудренная жизненным и политическим опытом сочинительница придает большое значение воспитанию и обучению детей. «В этом мире, — считает Анна, — нет большей радости для отца и матери, чем разумные и хорошо воспитанные дети»⁴⁹. Она советует дочери читать благочестивую литературу и называет некоторые книги: сочинения «Святого Людовика, святого Петра Люксембургского, Сумму короля», жития святых, речи философов и мудрецов⁵⁰. Это «благородное занятие и приятное времяпрепровождение»⁵¹.

По строгости и простоте стиля Поучения Анны Французской близки к Поучениям Людовика Святого. «Примеров»-exempla, собственных воспоминаний и историй у Анны совсем немного, этим ее текст схож с другими поучениями. Отличается текст Анны тем, что она не размышляет вслух, не беседует дружески с адресатом, как это делает, например, Жильбер де Ланнуа (1386–1462) в своих «Родительских наставлениях», адресованных сыну. В отличие от своих предшественников, использовавших в обращении эпитеты «tres chier(es)», «tres belles», «tres ame» («дражайший(ие)», «красивейшие», «горячо любимый»), Анна говорит просто: «моя дочь» («ma fille»). Анна много рассуждает о благочестии, но самое важное для нее — научить дочь поведению в этом мире, в придворном обществе, которому она принадлежит по рождению. В книге нет четкой композиции. Анна пишет обо всем подряд: тему о молитве сменяет эпизод об одежде; за образованием следует сюжет о гордыне и зависти и т.д. Можно выделить следующие основные тематические блоки, к которым Анна постоянно возвращается:

– общение с окружающими людьми. Не следует много говорить и смеяться. С людьми нужно беседовать на интересные для них темы, примеры которых приводятся. Слуг выбирать разумных и постоянных.

– поведение в обществе. Не вертеть головой по сторонам («ça et là»), не бегать, не прыгать, не смеяться над другими, поскольку сама, в конце концов, можешь быть осмеяна. Держаться со всеми

Удине, итальянский проповедник-доминиканец XV в., чьи проповеди неоднократно печатались. См. *Hentsch A.* Op. cit. P. 199.

⁴⁹ Les Enseignements d'Anne de France. P. 104.

⁵⁰ Ibid. P. 8–9.

⁵¹ Ibid. P. 9.

вежливо, почтительно, куртуазно вне зависимости от положения собеседника. В светском обществе вести себя прилично, чтобы не вызывать толки.

– умение одеваться. Это следует делать в соответствии с принятым в стране и согласно положению. Зимой нужно одеваться тепло, чтобы не умереть от холода (это, с ее точки зрения, — тяжкий грех самоубийства). В одежде, как и в поведении в целом, лучше всего придерживаться золотой середины («*moyen estat*»).

Отдельную главу Анна посвящает теме любви. На плотскую любовь налагается категорический запрет, обосновываемый тем, что любовь может быть лишь к Богу. Также можно быть любимой людьми за добродетели, все остальное «лживая дьявольщина и лицемерие» («*faulce deablerie et ypocrisie*»)⁵².

В наставлениях Анны Французской часто повторяется выражение «*selon son estat (или degre)*», то есть в жизни следует поступать в соответствии со своим положением. В этой формулировке, безусловно, отражается королевское происхождение и воспитание сочинительницы. Однако достойное поведение принцессы крови не может выражаться в гордыне и высокомерии по отношению к другим. Наоборот, Анна учит дочь открытости и лояльности, целомудрию и милосердию, вежливому и приятному для других поведению. Подобные качества будут оценены и в «ином» мире.

Мы не знаем, в какой мере Сюзанна в своем повседневном поведении следовала советам матери. Однако возможно, что именно Сюзанна распорядилась опубликовать сочинение Анны де Боже с целью распространения ее поучительных идей.

В заключение можно сказать, что члены французского королевского рода в позднем Средневековье рассматривали наставления детям как своего рода семейную традицию. Они стремятся собственноручно составлять воспитательные сочинения детям, пусть даже излагая в них общепринятые и общеизвестные мысли. Видимо, предполагалось, что подобные книги должны стать неизменными спутниками дочерей и сыновей в то время, когда родителей уже не будет рядом. Они должны были напоминать родительские заповеди и впоследствии стать своеобразной книгой-памятью о добродетельных предках.

⁵² Les Enseignements d'Anne de France. P. 31.

А. Б. ГЕРШТЕЙН

ПРАВИТЕЛЬ КАК «СКОРБЯЩИЙ ОТЕЦ»: СИМВОЛИКА ПЛАЧА ФРИДРИХА II

*«Сын мой, сын мой Авессалом!
о, кто дал бы мне умереть вместо тебя, Авессалом,
сын мой, сын мой!»*

2 Цар. 18:33

В феврале 1242 г. Фридрих II Штауфен, император Римлян, король Сицилии и Иерусалима, рыдал о смерти своего старшего сына Генриха (VII), бывшего короля Римлян. Необычность ситуации заключалась в том, что умерший был низложен отцом за бунт против императора за семь лет до своей гибели. После добровольной сдачи на милость отца-победителя Генрих находился под стражей в суровых условиях до самой своей смерти. К ее моменту младший Штауфен уже давно не был значимой, самостоятельной фигурой в политической жизни Италии и Империи.

Сюжет о царе-отце и мятежном сыне широко известен в политической культуре Западной Европы, России, Востока. Достаточно вспомнить Генриха II Плантагенета и его сыновей, Петра I и царевича Алексея, ветхозаветного царя Давида и Авессалома. Последний пример имел неоспоримое значение для людей средневековой Европы, ценностные установки которых были пропитаны христианством, а цитаты из Священного Писания использовались для доказательства правоты убеждений. В документе любого жанра и предназначения можно было, с помощью отсылок к священным текстам, дать оценку происходящему, например, намекнуть на вину правителя или оправдать его. Сами же правители в различных жизненных ситуациях стремились подражать общеизвестным библейским образцам с целью вызвать эффект «узнавания» канона. Но главное: широкое использование прямых цитат из Ветхого Завета и Евангелия и апелляция к нему было средством конструирования истории, способом ангажированного «представления» событий. Средневековые документы часто отсылают читателя к библейским историям-примерам. Построение же эмоционального подобиya требовало от создателей

текста большего искусства, чем простое сравнение нынешней ситуации с древней. Использование «культурных кодов» Священного Писания в репрезентации власти было необходимо для того, чтобы слушатели и читатели сочинений правильно поняли заложенные в послании (письменном или устном) эмоциональные послылы и через них уяснили значение того символического поведения, которое демонстрировали правители приближенным и народу.

В последние 10–20 лет в историографии наблюдается пристальное внимание к такой теме, как эмоции в средневековой Европе¹. В ее рамках активно исследуется проблематика мужского плача, в частности его символичность². Слезы являлись выражением глубокой скорби, связанной с потерей (смертью или расставанием) близкого человека³. Это же проявление личного горя считалось в средневековье допустимым элементом публичного поведения правителя. Достаточно вспомнить слезы Карла Великого по поводу кончины своих сыновей⁴ или его же плач в эпосе «Песнь о Роланде»⁵. Однако в случае Фридриха II Штауфена и его сына Генриха (VII) слезы императора стали не только и не столько выражением скорби, сколько определенным посланием обществу, мотивы которого были продиктованы вполне насущными политиче-

¹ См. например: *Alexandre-Bidon D. Gestes et expression du deuil // A reveiller les morts. La mort au quotidien dans l'Occident medieval / Sous la dir. D. Alexandre-Bidon et autres. Lyon, 1993. P. 121–131; The history of the emotions: a debate. Early Medieval Europe, V. 10. № 2. July 2001; Knuuttila S. Emotions in Ancient and Medieval Philosophy. Oxford, 2004.*

² Необходимо отметить работы отечественных медиевистов. См.: *Бессмертный Ю. Л. Риторика рыцарской скорби по данным англо-французской литературы XII–XIII вв. // Человек и его близкие на востоке и западе Европы (до начала нового времени). / Под ред. Ю. Л. Бессмертного и О. Г. Эксле. М., 2000. С. 64–83; Суприянович А. Г. Слезы рыцаря: штрихи к представлениям о мужественности в средневековых романах // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2002. № 3. С. 173–195.*

³ *Бессмертный Ю. Л. Скорбь о близких в XII–XIII веках (по материалам англо-французской литературы) // Человек в мире чувств. Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала Нового времени. / Отв. ред. Ю. Л. Бессмертный. М., 2000. С. 248, 251–252; Суприянович А. Г. Указ. соч. С. 178, 181–182.*

⁴ См. напр. о слезах Карла Великого по поводу смерти сыновей: *Einhardi Vita Karoli Magni, 19.*

⁵ *La Chanson de Roland, LXI, LXVI, LXVIII, CLX, CLXXXIV, CCV, CCVII, CCX, CCXI, CCLXVIII.*

скими задачами правителя. Чтобы дать подробный анализ «плача» Фридриха, необходимо вписать слезы Штауфена в общеполитический контекст истории второй четверти XIII в. и подробно остановиться на деталях взаимоотношений императора и его сына.

В 1220 г. Фридрих II, получив имперскую корону ценой многих привилегий духовным князьям⁶, добился выбора в германские короли своего старшего сына Генриха. Фигура восьмилетнего короля, вершившего суд под опекой регента, архиепископа Кёльнского Энгельберта⁷, устраивала духовных князей и создавала благодатную почву для князей светских, предоставляя им свободу в сохранении своих прав и отвоевании еще больших. После убийства Энгельберта⁸ в 1225 г. новым регентом стал светский князь Людвиг Баварский. Однако уже через три года отношения между Генрихом и его опекуном дошли до военных столкновений, причем победа осталась за молодым королем. Планы семнадцатилетнего правителя ограничить власть князей, поддерживать города в борьбе с их сеньорами⁹, а также присоединить Эльзас к родовым владениям Штауфенов не могли остаться без внимания князей. На хофтаге в Вормсе в 1231 г. светские князья вынудили Генриха дать им привилегии подобные тем,

⁶ «Confederatio cum principibus ecclesiasticis» («Договор с духовными князьями»), по которому право открытия новых монетных дворов, влияние на назначение епископов переходило от короля к князьям, также было ограничено право короля объявлять любое лицо вне закона. Кроме того, духовные князья получили гарантии неприкосновенности их земельных владений и другие привилегии. Подробнее см. напр.: *Неусыхин А. И.* Германия при Фридрихе II Гогенштауфене. Очерки по истории Германии в средние века (до XV в.) // Проблемы европейского феодализма: Избранные труды. М., 1974. С. 328.

⁷ Традиционно имперским регентом был архиепископ Майнца. Фигура Энгельберта, пользовавшегося доверием и императора, и папы, казалась Фридриху оптимальной. Еще одной причиной подобного выбора могла быть традиционная вельфско-английская ориентация кёльского архиепископства, которую Фридрих II хотел изменить.

⁸ Пытаясь осадить фогтов, Энгельберт нажил себе много врагов, среди которых был и его собственный племянник, граф Фридрих Изенбургский. Его свита и убила архиепископа, когда тот с небольшим сопровождением прибыл в Швельм, чтобы освятить церковь.

⁹ Результатом активной политики Генриха и знаком его первых расхождений с отцом стало то, что Фридрих в 1226 г. запретил образование рейнского союза городов, которые боролись против Майнцкого архиепископа. Генрих выступал за союз, и император приказал сыну лично объявить горожанам о невозможности создания объединения.

что получили в 1220 г. князья духовные. В частности, отныне городам было запрещено вступать в какие-либо союзы без разрешения их сеньора. Объединившиеся против излишне самостоятельного Генриха, князья не преминули также написать его отцу жалобные письма. Покровительственная политика Генриха в отношении немецких городов не могла найти сочувствия ни у Фридриха, борющегося с североитальянскими коммунарами, ни у князей-феодалов. Фридрих II был связан долгом благодарности князьям за их посредничество при примирении его с папой в 1230 г. Кроме этого, в 30-х годах XIII в. он был занят обустройством Сицилийского королевства, и германские земли интересовали его только как источник войск; важны были также Фридриху «мир и порядок», которые князья обещали поддерживать в своих владениях.

Убийство Людвиг Баварского, противника Штауфенов, последовавшее за соглашением Генриха с князьями, бросало тень на династию. Фридрих не мог ссориться с князьями: борьба на два фронта и угроза нарушения перемирия с папой были весьма безрадостной перспективой для императора. Чтобы успокоить князей, Фридрих II счел за благо подтвердить выданные сыном привилегии светским князьям и оформил их в знаменитый «*Statutum in favorem principum*» («Постановление в пользу князей»). Это произошло на хофтаге в Аквилее в 1232 г. Свое раздражение политикой сына Фридрих выразил уже тем, что призвал сына к ответу, а не пригласил того на хофтаг как германского короля¹⁰. Фридрих повелел, чтобы по прибытии Генрих далеко не сразу отправился на аудиенцию к императору, а расположился со своей свитой в Чивидале, неподалеку от города, где проходил хофтаг. Только когда Генрих известил отца и императора о своей полной покорности, Фридрих допустил его до своих глаз, переместив хофтаг в Чивидале. Там Генрих поклялся в присутствии императора и князей соблюдать «*Statutum in favorem principum*», в противном случае соглашался, чтобы с ним обращались, как с мятежником. Если как император Фридрих дал германскому королю второй шанс и не лишил трона сразу, то как отец — не упустил ни одного случая унижить достоинство сына, как королевское, так и человеческое.

¹⁰ Глогер Б. Император, Бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде. СПб., 2003. С. 131.

Меры, укреплявшие позиции князей, способствовали укоренению федерализма в Германии, тогда как объединение городов в союзы и развитие торговой инфраструктуры — за что ратовал Генрих, — создавало предпосылки для объединения немецких земель в единое централизованное государство по образцу Франции или Англии. От «статута» выиграли князья, но проиграли и города, и королевская власть, и, в долгосрочной перспективе, император. Чеканка монеты, эскортное право, судебный суверенитет — все эти права были переданы королевской властью князьям. Но главное — была порвана связь германского короля и городов. Так, горожанами отныне не могли стать крестьяне-крепостные князя, министеряла или церкви. Король терял право основывать новые города, рынки или прокладывать новые торговые пути в ущерб уже существующим. В городах запрещалось самовольно образовывать городской совет, профессиональные объединения и т.д.¹¹ На Worms, которому король Генрих ранее разрешил образовать городской совет и построить ратушу (в обход епископа), Фридрих наложил имперскую опалу, причем заставил сына лично огласить свое решение жителям. Для императора эта процедура, видимо, служила некой гарантией дальнейшего соблюдения его приказа. Для самолюбия Генриха же это было еще одним унижением и испытанием для авторитета королевской власти.

Снова прибыв в Германию, Генрих стал возвращать себе утраченных союзников, так как территориальные князья, получив привилегии от императора, не нуждались в милостях короля. В епископских городах, таких, как Worms, Шпейер, Вюрцбург и Аусбург, король сумел посадить на епископские кафедры своих бывших министериалов, страсбургского епископа и горожан он сделал своими союзниками. В Бремене и Меце Генрих взял сторону горожан в их борьбе с епископом. Особой темой политики правителя стала поддержка монастырей против духовных князей. Генрих усиленно искал пути обретения реальной, а не номинальной власти германского короля, за которым не стояла бы тень императора, к которому обра-

¹¹ Здесь дан краткий перечень привилегий князьям. Сам «Статут» заслуживает отдельного исследования. В данной статье я упомянула те решения, которые оказали непосредственное влияние на дальнейшую судьбу короля Генриха и на дальнейшее поведение императора Фридриха II.

щаются князья при первых же трениях. Политическая ситуация в германских землях была такова, что для достижения этого королю нужно было действовать против интересов князей, и Генрих продолжил военные действия против Оттона II Баварского, маркграфа Германа V Баденского, графов фон Гогенлое¹², как и раздачу городам некоторых привилегий. Действия германского короля были, видимо, столь активны, что спустя почти год после событий в Чивидале князья снова обратились к Фридриху с жалобой на Генриха. Император вынудил сына написать папе письмо, в котором тот сам просил понтифика отлучить его от церкви без предупреждения, если Генрих нарушит клятвы, данные отцу в Чивидале¹³.

В 1233 году, известном как год «Великой Аллилуйи»¹⁴, и в Италии, и в Германии набирала силу папская инквизиция. Королю Генриху пришлось вступить в противостояние с Конрадом Марбургским, исповедником Елизаветы Тюрингской, впоследствии причисленной к лику святых. Вормские анналы приписывают Конраду знаменитые слова, свидетельствующие о его рдении за веру:

«Мы желаем сжечь тысячу невиновных, если среди них есть хоть один виновный»¹⁵. «И тут, — повествуют Вормские анналы следом, — задрожала вся земля, и властные стали бессильными»¹⁶.

¹² Маркграф Баденский и братья фон Гогенлое были друзьями императора. Конфликт с ними не мог не вбить еще один клин между отцом и сыном.

¹³ MGH.Constitutiones et acta publica imperatorum et regum inde ab a. MCXCVIII usque ad a. MCCLXXII (1198-1272) / hg. von Ludwig Weiland. Hannover, 1896. P. 427.

¹⁴ На фоне противоборства вельфской и гибеллинской партий, вражды между городами, которые раздирали Италию, под влиянием эсхатологических настроений, в начале 30-х гг. XIII в. по всему Апеннинскому полуострову распространилось религиозное движение за мир и покаяние. Апогей его пришелся на 1233 г. Множество людей в белых одеждах с зажженными свечами и зелеными ветвями в руках ходило по дорогам Италии, проповедуя покаяние и восхваляя Бога. Церковь скептически наблюдала за этими проявлениями религиозного рвения, и расширение полномочий инквизиторов со стороны папы не заставило себя ждать. Движение «Великой Аллилуйи» угасло через 1–2 года так же внезапно, как и появилось. Подробнее см.: Карсавин Л. П. Аллилуйя и флагелланты // Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII вв. СПб., 1912; Гуковский М. А. Итальянское возрождение. Л., 1990. С. 32.

¹⁵ «Vellemus comburere centum innocentes inter quos esset unis reus». См.: MGH. SS. T. 17. P. 39.

¹⁶ «Tunc tota terra tremuit, et volentes non valebant» // Ibidem.

После того, как жертвой инквизиции пали союзники Генриха (VII), графы фон Зайн, фон Зольмс, фон Арнсберг, графиня фон Лоц, германский король перенес в королевский суд дело еще одного своего знатного друга, также схваченного по обвинению в ереси, графа Генриха фон Сайна, чтобы спасти его. Конрад Марбургский был на этом процессе только обвинителем, а не обвинителем и судьей в одном лице, и потому граф фон Сайн обрел свободу: королю было угодно отложить рассмотрение дела. Неистовый инквизитор через несколько дней был убит.

Образ «короля-защитника», который принес Генриху Штауфену всеобщую популярность в Германии, весьма скоро ушел в тень фигуры отца-императора. В то время как король Генрих боролся против фанатичного инквизитора, император Фридрих II издавал суровые законы против еретиков, приравнивая их к мятежникам. Таким образом старший Штауфен рассчитывал привлечь на свою сторону понтифика в противостоянии с городами Ломбардской лиги. Папа Григорий IX в этот момент нуждался в помощи императора против восставших римлян, поэтому 5 июля 1234 г. понтифик написал архиепископу Трирскому Теодориху письмо об отношениях короля Генриха и его отца. Вначале понтифик указывал, что у него имеется письмо Генриха от 10 апреля 1233 г., где тот просит без предупреждения отлучить его от церкви и освободить князей от данной ему присяги верности в том случае, если германский король нарушит свою клятву повиноваться отцу-императору. Далее папа уполномочил архиепископа незамедлительно отлучить Генриха от церкви и сообщить об этом по всей Германии, если младший Штауфен не сойдет с ложного пути и будет противиться выполнению своих обязанностей¹⁷.

Оставшись без поддержки отца, понтифика, князей, Генрих увидел единственный способ сохранения власти в союзе с Ломбардской лигой. 13 ноября 1234 г. он заключил первое тайное соглашение с северо-итальянскими городами, а 17 декабря они оформили союз¹⁸. Король Генрих и некоторые князья признали законность Ломбардской лиги (что решительно отвергал император), стороны

¹⁷ См.: Regesta Imperii. V. 2,3: Staufer, Päpste und Reichssachen. № 7028.

¹⁸ Тексты см.: MGH. Constitutiones et acta publica imperatorum et regum inde ab a. MCXCVIII usque a. MCCLXXII (1198-1272) / ed. L. Weiland. Hannover. 1896. P. 435–438.

обязались помогать друг другу против врагов. Соответственно, Милан, Брешия, Болонья, Новара, Лоди, маркграфство Монферрат¹⁹ и другие дружественные им города могли рассчитывать на помощь Генриха, прежде всего против Кремоны и Павии, а сами, в свою очередь, обещали содействовать королю против его врагов, в том числе и императора, однако только на территории Северной Италии. В хронике Роландина Падуанского об этом событии написано так:

«Князья Германии заключили союз с ломбардцами и говорили также, что сын императора Генрих должен был стать королем ломбардцев и правителем, не поставив отца в известность»²⁰.

Свидетельство Падуанских анналов Св. Юстины еще более красноречиво:

«В этот же год миланцы направили прошение в Германию к королю Генриху, сыну императора Фридриха, и другим, кто ненавидел империю, и заключили с ним крепчайшую коалицию против императора. Поистине, причинил король горе и зачал неправду²¹ против родного отца...»²²

С заключением этого союза была пройдена точка невозврата в отношениях Генриха и Фридриха. Фактически, это был мятеж²³.

«Он вступил в альянс со смертельными врагами своего отца, деда и всего дома Гогенштауфенов: с Миланом и Ломбардской лигой, — отмечал Э. Канторович. — После этого примирение стало невозможным»²⁴.

¹⁹ Ibid. P. 437.

²⁰ «...barones Alemanie contrahebant amiciam cum Lonbardis, et dictum fuit, quod filius imperatoris Henricus debeat constitui rex Lonbardorum et principes preter conscienciam patris». См.: Chronica Rolandini Patavini // MGH. SS. T. 19. P. 61.

²¹ Ср.: Пс. 7:15.

²² «Eodem etiam anno ad petitionem Regis Henrici, filii Federici imperatoris, Mediolanenses et alii odientes imperium legatos in Alemaniam direxerunt et cum eo contra imperatorem societatem firmissimam statuerunt. Conceptit enim rex dolorem et peperit iniquitatem contra proprium genitorem...» См.: Annales Sanctae Iustinae Patavini. MGH. SS. T. 19. P. 154.

²³ См. например, хронику Рикардо Сен-Джерманского: «Nos anno, quod Henricus rex contra imperatorem patrem suos seditionem in Alemania fecerit, fama fuit». — «В этом году [1234], как говорит молва, король Генрих поднял мятеж в Германии против своего отца, императора». MGH. SS. T. 19. P. 372.

²⁴ Kantorowicz E. Kaiser Friedrich der Zweite. Berlin, 1931. S. 368.

Узнав о сговоре Генриха с ломбардцами, Фридрих попросил папу отлучить Генриха от церкви, и Григорий IX сделал это. Именно тайный союз короля Генриха со злейшими врагами императора стал главной причиной вмешательства Фридриха в германские дела²⁵. Стоило ему вступить в свое северное королевство, как союзники его сына, и без того немногие, отпали от германского короля. Генриху ничего не оставалось, как броситься к ногам отца, надеясь на его милость.

Вторая встреча императора Фридриха и его сына короля Генриха (VII) дает наглядное представление о чувствах отца к мятежному сыну. Отказавшись от королевского достоинства и всего, чем он владел, Генрих склонился к ногам отца и пребывал в такой унижительной позе довольно долгое время, пока Фридрих II не позволил, чтобы был дан приказ подняться²⁶. И опять Фридрих не упустил возможности подвергнуть сына публичному унижению. Император сместил сына с королевского трона²⁷. Генрих пробыл около полугода в заключении в Германии. В январе 1236 г. «император препроводил своего сына Генриха под надежной стражей маркиза Ланче из королевства в Апулию, в горную крепость, называемую Сан-Феличе»²⁸. Так в 24 года король Генрих (VII) сошел с политической сцены Германии.

Примечательно, что со сторонниками своего сына Фридрих II повел себя достаточно великодушно. Через некоторое время кафедру Вормского епископа снова занял Ландольф, бывший министр Генриха. Последнему же не суждено было получить прощение отца вплоть до своей смерти. Тяжесть его преступления, по мнению Фридриха, заключалась не столько в мятеже против императора, сколько в неповиновении отцу. Сюда же прибавлялась док-

²⁵ На это дважды указывает в хронике Салимбене де Адам. Ср.: «Фридрих, римский император, захватил и долго держал в оковах непокорного своего сына Генриха, короля Германии, за то, что тот вопреки его воле примкнул к ломбардцам...» // *Салимбене де Адам*. Хроника. М., 2004. С. 96–97 и «... его первенец Генрих, который должен был править после него, вопреки его воле примкнул к ломбардцам...» // Там же. С. 374.

²⁶ *Kantorowicz E.* Op. cit. S. 371.

²⁷ *Annales Moguntini* // MGH. SS. T. 17. P. 2.

²⁸ *Ryccardi de Sancto Germano notarii chronica* // MGH. SS. T. 19. P. 373. См. об этом также: *Chronica Rolandini Patavini* // MGH. SS. T. 19. P. 61.

трина христианской субординации, формальное нарушение которой позволило Фридриху сравнительно легко привлечь на свою сторону папу в этом вопросе и добиться для мятежного сына еще и церковного проклятия. Судебные функции императора сыграли в этой истории далеко не последнее дело. Он позиционировал себя как источник и служитель права²⁹, и потому соблюдение буквы закона для Фридриха было делом принципиальным для сохранения престижа своей власти.

В Апулии Фридрих держал Генриха заключенным в тюрьме вплоть до самой его смерти, как изменника, за то, что он заключил союз с ломбардцами³⁰. В 1240 г. император решил перевести сына из крепости Сан-Феличе в замок Неокастро в Калабрии. К этому же времени относится короткое письмо Фридриха, в котором тот, узнав, что его сын одет неподобающе, просит изготовить Генриху соответствующую одежду³¹. В феврале 1242 г. император распорядился перевести сына в крепость Сан-Марко в Валеграта. Существуют разные версии смерти Генриха. В хронике Роландина Падуанского сообщается, что по дороге в Валеграта Генрих, как «некоторые говорят, от ярма отцовского, бросился с горы в отвесную пропасть вместе с конем и так умер, избежав отцовского наказания; другие говорили, что он скончался в мрачной темнице»³². Весьма нелицеприятное заключение для реноме Фридриха дается в хронике Джованни Виллани: находясь в апулийской тюрьме, «Генрих умер от голода в страшных мучениях»³³. Взвешенные слова Матвея Парижского намекают на суицид Генриха:

«В то же время один из сыновей императора, Генрих, который искупал свои совершенные провинности длительным заключе-

²⁹ MGH. Die Konstitutionen Friedrichs II. für das Königreich Sizilien / hg. W. Stürmer. Hannover, 1996. S. 185.

³⁰ «...in Apuliam ibique fecit ipsum usque ad diem mortis sicut proditorem in carcerem custodiri, ideo quia confederates fuerat cum Lombardis...» См.: Annales Sanctae Iustinae Patavini. // MGH. SS. T. 19. P. 154.

³¹ Regesta Imperii. V. 1, 1 № 2967.

³² «...dicunt quidam, quod de iugo cuiusdam montis cum toto equo se proiecit in quoddam antrum et in profundam latebram sive clivum et sic motruus pertransivit patris supplicium et aufugit; alii dixerunt, quod obit in carcere tenebroso». См.: Chronica Rolandini Patavini // MGH. SS. T. 19. P. 61.

³³ Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции. М., 1997. С. 146.

нием, которое, согласно приказу отца, все продолжалось, испустил бедный дух. Говорилось же, что он умер от собственной руки»³⁴.

Версию самоубийства поддерживает и Салимбене:

«И когда Генриха переводили из замка Сан-Феле в другой замок, чтобы держать его в оковах и там, он от досады и скорби бросился в какую-то пропасть и погиб»³⁵.

Учитывая категорическое осуждение христианской моралью самоубийства, странно выглядит траурная панихида, устроенная по Генриху. Она была санкционирована Фридрихом и совершена духовными лицами Сицилийского королевства. Были также проведены торжественные похороны, а в Козенце был установлен саркофаг. Логично предположить, что причиной смерти должны были стать либо несчастный случай, либо убийство. Продолжая свой рассказ, пармский монах Салимбене замечает, что на похороны Генриха «в отсутствие императора собрались князья, бароны, рыцари и городские магистраты»³⁶. Итак, император не присутствовал на похоронах сына. Еще один штрих к портрету «любящего отца» Фридриха II.

Изложение исторических событий 30-х гг. XIII в. необходимо, чтобы подчеркнуть весьма суровые решения отца-императора по отношению к своему сыну, также облаченному властью. Замечу, что резкая перемена в поведении Фридриха II после смерти Генриха заставляет усомниться в искренности отцовских слез.

Как упоминалось выше, некоторые хроники, повествуя о гибели низложенного германского короля, намекали на причастность Фридриха к его смерти, если не прямую, то моральную. Обвинения Фридриха в политическом убийстве были не столь уж редкими в современных ему текстах³⁷, притом, что доказательства часто не

³⁴ Matthaei Parisiensis, monachi Sancti Albani, Chronica majora / Ed. H. R. Luard. V. 4. London, 1877. P. 194: «Et eodem tempore, unus filiorum imperatoris, Henricus, qui exigentibus meritis suis diuturno carcere, jubente patre, detinebatur, miseram animam exhalavit; perhibetur enim se ipsum manu propria peremisse».

³⁵ Салимбене... С. 97.

³⁶ Ibid.

³⁷ См. напр. обвинение Фридриха в убийстве Людвига Баварского в булле Иннокентия IV об отлучении императора в 1245 г.: «...clare memorie ducem Bavarie, specialem ecclesie Romane devotum, fecit, sicut pro certo asseritur, Christiana religione dispecta per assisinos occidi...» // MGH. Epistolae saeculi XIIIe reg-

предоставлялись вовсе. Как бы то ни было, взоры подданных устремились на Фридриха в ожидании реакции венценосного отца на смерть сына. И она не замедлила последовать. В том же месяце, в феврале 1242 г., когда скончался Генрих, из канцелярии Фридриха II вышло 4 послания: итальянскому духовенству, своим сторонникам, невестке Маргарите, вдове Генриха, и жителям Мессины, главной темой которых было горе безутешного отца от потери своего первенца. Традиция публичных плачей правителя по своему сыну была почерпнута из Ветхого Завета, где Давид рыдает об Авессаломе³⁸. Фридрих II нашел еще более древнюю параллель, на которую не преминул указать:

«Ведь оплакивал Давид своего сына Авессалома, и патриарх Иаков своего сына Иосифа, как мы читали, горько оплакивал с разными причитаниями»³⁹.

Перед Фридрихом была готовая модель поведения, знакомая всему христианскому миру — знатым и простолюдинам, светским и духовным лицам. У этого ветхозаветного сюжета был важный семантический посыл: Давид — великий царь, Авессалом — проигравший. Не завершись победой Давида и Фридриха их выступления против мятежных сыновей, сравнения были бы неуместны.

Несмотря на то, что слова «слезы», «оплакивать», «скорбеть» и подобные встречаются в этих «скорбных письмах» Фридриха чаще других, эпистолярное искусство Штауфена пошло намного дальше призывов оплакивать «нашего первенца». Немецкие авторы исторических трудов о Фридрихе II склоняются к следующей трактовке эпизода со слезами императора: скорбь Фридриха искренна, и они призывают оценить, «какую боль он вынес»⁴⁰, и «каково было у императора на душе»⁴¹. В последнее время, правда, намечается

istes pontificum romanorum selectae. T. 2: Innocentii IV Epistoles [1243–1250]. München, 1883. P. 92.

³⁸ См. 2 Цар. 18:33, 19:4.

³⁹ Historia Diplomatica Friderici Secundi sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius, imperatoris et filiorum ejus / Ed. J. L.-A. Huillard-Breholles. T. 6. P. 1. Parisiis, 1860. P. 32. (Далее — HD).

⁴⁰ Kantorowicz E. Op. cit. S. 372.

⁴¹ Глогер Б. Император, Бог и дьявол. Фридрих II Гогенштауфен в истории и легенде. СПб., 2003. С. 151.

тенденция к пересмотру устоявшегося стереотипа. Так, Э. Вис считает плачи Фридриха показными⁴². На мой взгляд, такое поведение императора выходит далеко за рамки представлений об искренности или лицемерии проявленных эмоций. В данном случае целесообразнее поставить вопрос о том, что хотел сказать и показать — и в этом он, несомненно, был искренен — Фридрих своими «плачами», каким образом и насколько успешно он ответил на такой общественно-политический «вызов», как смерть сына.

Позиционируя себя как горюющего отца, Фридрих не забыл о том, что он прежде всего император. Поэтому на фоне постоянного мотива о плачах и «тоске природы» по смерти Генриха в посланиях императора получили развитие несколько политических сюжетов. Во-первых, Фридриху II требовалось оправдаться за свое поведение, касающееся как подавления мятежа, низложения сына и сопряженных с этим унижений Генриха, так и условий содержания его под стражей⁴³. В этой ситуации необходимо было: а) дать оправдание собственным действиям, четко оговорив при этом границы своей компетенции и б) показать безукоризненность своего поведения. Во-вторых, император должен был продемонстрировать, что, несмотря на мятеж, власть его достаточно сильна и по-прежнему неколебима. Это было важно и для противников из папского лагеря, и для непокорных городов Ломбардской лиги, и для бывших сторонников Генриха, пусть и перешедших, по большей части, на сторону Фридриха.

Для решения первой задачи Фридрих II начал серию «скорбных писем» на смерть сына с того, что назвал случившееся «приговором сурового Судьи»⁴⁴. Таким образом, «ответственность» за

⁴² Вис Э. В. Фридрих II Гогенштауфен. М., 2005. С. 210.

⁴³ См. выше цитаты из хроник.

⁴⁴ «*Misericordia pii patris severi iudicis exuberante iudicium...* (курсив мой. — А.Г.)» См.: HD. P. 28. Показательно также, что эта фраза Фридриха может рассматриваться как цитата 2 Цар. 18:19. Ср. с текстом Вульгаты: «...*iudicium fecerit ei Dominus de manu inimicorum eius...*» (в синодальном переводе: «...*Господь судом Своим избавил его от рук врагов его...*») В строках Фридриха под «Судьей» однозначно подразумевается Бог. Роднит эти фразы еще и то, что обе они являются сообщением о смерти восставших сыновей: Генриха в первом случае и Авессалома во втором. Этим Фридрих проводит параллель между своей персоной и царем Давидом.

гибель Генриха возлагалась императором на Всевышнего, а сам Фридрих уходил от любых спекуляций по поводу своей причастности к произошедшему. Уже упоминавшаяся метафора Давида и Авессалома, к которой прибег Фридрих II, послужила императору в том числе и как «знак» его невиновности в убийстве сына⁴⁵. Также оставался актуальным упрек в суровости приговора Фридриха и жестоком обращении, судя по тому, что апология на эту тему заняла у императора гораздо больше места в его письмах-плачах. Во втором послании, адресованном сторонникам, император объясняет причины своей строгости по отношению к сыну:

«Каждый проступок, в силу своей природы, покажется не таким тяжелым от посторонних — [куда] тяжелее вина за насилие, которое [сын] совершил по отношению к отцу, презрев благочестие. И нет оправдания оскорбительной нечестивости этого проступка, если он непочтительно направлен на родителя»⁴⁶.

Непокорность сына отцу — вот что, как подчеркивает император, в первую очередь подвигло Фридриха на столь суровые меры. Рассматривая эту черту характера Генриха как качество политика, Фридрих создал для своего сына образ «несправедливого правителя», которого отец вправе лишить трона⁴⁷. Генрих (VII) также отступил от церковного идеала «послушного сына». Таким образом, Фридрих II не оставил сыну пространства для сохранения власти, ни в политическом, ни в идеологическом полях. Император, уделявший первостепенное внимание пропаганде, буквально вынужден был отреагировать на действия сына и в такой сфере, как ре-

⁴⁵ Ср.: 2 Цар. 18:5, 12, где Давид приказывает своим военачальникам сохранить жизнь Авессалому.

⁴⁶ «Omne grave, commissum in patris injuriam efficitur violatae pietate gravissimum, nec ab impietatis asperitate defenditur si quid in parentem per irreverentiam committatur». См.: HD. P. 29.

⁴⁷ Показательно, что в посланиях на смерть Генриха Фридрих II не называет восстания сына мятежом: только «высокомерием короля», «гордостью», «ненавистью», «недоброжелательством», «ревностью к власти отца», «подлостью», «неблагочестивостью». Весь этот набор качеств относится к характеру сына, но не характеризует Генриха как правителя. Фридрих принципиально не давал оценок правлению Генриха: отношения с первенцем, по крайней мере, на официальном уровне, строились по принципу жесткой семейной субординации, которая для Фридриха не ослабла и с совершеннолетием Генриха.

презентация власти. Штауфен признал, что кара сына была демонстративной, сознательно показной:

«Следовательно, наше наказание свершилось публично для мира, чтобы оно послужило защитой отцов от сыновей и послужило сыновьям примером»⁴⁸.

Так Фридрих играл роль «правильного правителя», поступающего, как должно.

Образ «идеального правителя» многогранен, и для каждого государя некоторые составляющие этого образа были специфичными. Отдельные черты его сознательно конструировались и подерживались правителем постоянно. Для Фридриха II в этот образ обязательно входил «император, отец и сын юстиции⁴⁹». В опубликованном за три года до мятежа Генриха своде законов для Сицилийского королевства император представал как источник и служитель права⁵⁰, высший законодатель. Став на путь буквального исполнения законов, Фридрих II оказался заложником собственной твердости, сделав условия для жизни сына невыносимыми⁵¹. Подчеркнутую строгость можно объяснить также простым отсутствием любви к сыну⁵², о наличии которой так много говорил Фридрих в своих письмах-плачах, либо отсутствием надежд императора на дальнейшую политическую карьеру Генриха, то есть тем, что сын после отстранения от власти стал «политическим трупом», и Фридрих не собирался возвращать его на политический небосклон. Рас-

⁴⁸ HD. P. 30.

⁴⁹ MGH. Die Konstitutionen Friedrichs II. für das Königreich Sizilien / Hg. W. Stürmer. Hannover, 1996. S. 185.

⁵⁰ Kantorowicz E. The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton, New Jersey, 1997. P. 143.

⁵¹ См. выше письмо императора к крепостному кастеляну (сноска 31).

⁵² См. об этом свидетельства хроник. Анналы Св. Юстины: «Император в большей степени любил и лелеял своего сына Конрада, чем его [Генриха]. («Conceptit enim rex dolorem et peperit iniquitatem contra proprium genitorem ideo, qua videbatur, quod imperator plus eo puerum Conradum diligeret et fovaret» // Annales Sanctae Iustinae Patavini. MGH. SS. T. 19. P. 154); Хроника Джованни Виллани: «... но император только разгневался на него, потому что не любил его и не относился к нему, как к сыну». // Виллани Дж. Новая хроника или история Флоренции. М., 1997. С. 146.

смаывая «плачи» Фридриха с политической точки зрения, а не только с эмоциональной, видно, что в определенных исторических обстоятельствах Штауфен строил соответствующий образ самого себя как правителя, стараясь, по возможности, сделать это с максимальной пользой для своей власти.

«Суровость правосудия»⁵³, выдержанная Фридрихом в отношении сына, как во время суда, так и в дальнейшем, представляется очень выигранным ходом, когда соблюдение законности, правосудия ставится выше личных отношений. Тем самым успешно реализовывался образ «справедливого правителя» — одной из основных функций королевской и императорской власти. Проповедь минорита Луки на похоронах Генриха, о которой писал Салимбене, отразила ту линию объяснения событий, которой придерживался Фридрих.

«...брат Лука из Апулии из ордена братьев-миноритов, чтобы по апулийскому обычаю произнести проповедь на погребении, а память о его проповедях жива. Он предложил тему из книги Бытия, 22, 10: "Авраам... взял нож, чтобы заколоть сына своего". И сказали магистраты и другие бывшие там ученые люди: "Этот брат сегодня скажет такое, что император непременно снесет ему голову". Но вышло иначе. Ибо он произнес такую прекрасную проповедь, восхваляя правосудие, что, когда ее похвалили в присутствии императора, тот пожелал иметь ее»⁵⁴.

Последние строки свидетельства Салимбене говорят о том, что эта была «инициатива снизу». Минорит Лука, взяв сюжет, как бы обвиняющий отца в смерти сына, оправдал это неизбежностью исполнения правосудия, божественной волей, поэтому Фридриху и понравилась его проповедь: ее дух соответствовал идеям «Мельфийских конституций», образу императора-судьи и служителя права. Фридрих обратил себе на пользу моральную вину за мученическую смерть сына, преобразовав ее в добродетельную твердость, проявленную им в соблюдении права, твердость, стоящую выше родственных уз.

Введенное монахом сравнение Штауфена и Генриха с Авраамом и Исааком органично легло в русло императорской пропаган-

⁵³ «... rigor justitiae...» HD. P. 28.

⁵⁴ Салимбене... С. 97.

ды, согласно которой Генрих стал жертвой, которую принесенной Фридрихом Правосудию⁵⁵. Хотел ли минорит угодить своей проповедью императору, или же пропаганда Штауфена была столь действительна, так или иначе многоплановая роль Фридриха в этой истории была сыграна с большим искусством и эффективностью.

Возвращаясь к составляющим образа «идеального правителя», нужно отметить, что государь — это носитель этического образца для средневекового социума. Пример поведения Фридриха II, память о нем у современников и потомков — вот что волновало его и заставляло действовать «как идеальный правитель»⁵⁶. Постоянное репрезентационное качество правителя — этический образ «идеального христианского короля». Однажды Фридрих обмолвился даже о том, что любовь к сыну и слезы на его могиле — это *долг* отца⁵⁷. Поэтому император Фридрих всячески демонстрирует свою скорбь и слезы, а также наличие отеческой любви к сыну. Император приказал всем аббатам своего королевства, чтобы те, кто не может молчать из-за смерти Генриха, как это свойственно отцу, присоединились ко всем клирикам любого из аббатств Сицилийского королевства и другим сторонникам Фридриха. Чтобы они торжественно провели похоронную процессию по нему со всеми молитвами, препоручая его душу божественному милосердию, с распеванием месс и прочими церковными таинствами⁵⁸. Примерно те же призывы были направлены мессинцам⁵⁹. Примечательно, что этим, казалось бы, благочестивым приказом Фридрих перевел все внимание на свою персону: подобное со-действие императорской скорби он рассматривал как проявление верности себе. Действуя согласно приказу Фридриха, жители города, по его мнению, «этим также и показали бы, что с преданностью соболезнуют нашему горю»⁶⁰.

⁵⁵ См.: Kantorowicz E. Kaiser Friederich der Zweite... S. 372.

⁵⁶ В письме невестке Маргарите, вдове Генриха, Фридрих писал: «Детей твоих мы держим при себе, для твоей и их чести, а также чтобы способствовать твоему утешению и памяти современников, среди которых мы остаемся в воспоминаниях с доброй и полной славой». См.: HD. P. 31.

⁵⁷ HD. P. 28.

⁵⁸ HD. P. 28–29.

⁵⁹ HD. P. 32.

⁶⁰ См.: HD. P. 29: «... sic et doloribus nostris condolere fideliter videantur».

Организуя панихиду сыну в масштабе всего королевства Сицилии, Фридрих подчеркивал, что, если он хоронил сына, то страна — короля. Отсюда это «выведение» месс по Генриху на «государственный уровень». При этом Фридрих лишь в четвертом послании упомянул титул «король» применительно к Генриху. До того речь шла только о «сыне» и «первенце». Эта особенность лексикой Фридриха вполне объяснима: в 1237 г. римским королем при непосредственном участии императора был избран его сын Конрад IV, который и именовался соответственно в официальных документах. В письме же мессинцам Фридрих настаивает на отношении к Генриху как к королю:

«Да будут всеобщие рыдания по всей земле, и да достигнут всех уголков страны скорбные причитания по нему, ведь величие такого правителя требует слез многих людей»⁶¹.

Так совмещаются функции благочестивого отца и милостивого императора, вернувшего Генриху королевское достоинство посмертно. Отец даровал свое прощение сыну не только без ущерба для своей императорской власти и для реноме служителя права, но и сумел поднять свой сиятельный образ до новых вершин.

Почему же Фридрих «вспомнил» о королевском достоинстве Генриха только в последнем скорбном письме? Как известно, Фридрих поведал о своем горе практически всем слоям населения, как в Германии, так и в Италии. Такой размах сетований, на мой взгляд, выглядел бы непропорционально помпезным, если речь шла только о *сыне*. Плачи же по «столь славному королю» оправдывали как пространность собственно императорских стенаний, так и привлечение большого числа «плакальщиков» из народа. Связав репрезентационно свой плач по сыну и скорбь жителей Мессины по королю, Фридрих II, в силу транзитивности, также говорил о Генрихе как о правителе.

В последнем письме-плаче, адресованном мессинцам, появились — также впервые — хвалебные слова в адрес покойного. Здесь император выходит на новый уровень в своих причитаниях: отныне он не только оплакивает сына как отец, но и как правитель скорбит о кончине столь успешного государственного деятеля:

⁶¹ HD. P. 32.

«...о горе! Кто может удержать потоки слез и рыданий, вызывая в памяти мудрость такого сына? Какой язык, какое красноречие опишет смелость столь славного короля? Или какое перо может описать его щедрость? Горе мне⁶², повторяю я, сын мой, кого должен был бояться любой враг, любимый всеми, отрада всей земли, горе мне»⁶³.

Еще в середине XIX в. издатель *Historia Diplomatica Friderici Secundi*⁶⁴ Ж. Л.-А. Иллар-Бреоль справедливо указал на то, что этот отрывок стилистически не согласовывается ни с остальным текстом, ни с предшествующими посланиями⁶⁵. Я склонна считать эту вставку стилизацией, имеющей целью оправдать «потоки слез» Фридриха. Вышеприведенный текст перекликается с плачем Давида над Авессаломом (2 Цар. 18:33), 119-м Псалмом Давида, а также книгой Товита (10:4). Кроме этого, тема рыдания патриарха Иакова об Иосифе, о которых также упоминал Фридрих, входила в литургический текст, исполняемый на третье воскресенье Великого поста⁶⁶. Генрих, напомню, умер десятого февраля, поэтому предпасхальная риторика Фридриха была созвучна настроениям средневекового общества в тот период и органично вписывалась в христианский цикл церковных праздников. Таким образом, используемые Фридрихом параллели придавали всем его словам авторитет и ощущение правдивости.

Сообразно своему долгу — отцовскому, императорскому и христианскому — Фридрих II писал о том, как он оплакивает своего сына, очень подробно. В четырех посланиях на смерть Генриха слово «слезы» (*lacrimae*) встречается 8 раз, «любовь»/ «любить», «благочестие», «нежность», «забота» (*amare, pietas, affectus*) также 8, «скорбь» (*dolor*) — 7, горе! (*heu!*) — 3 раза, «плач» или «оплакивать» (*lugeo*) — 6, «страдать» (*condoleo*) — 3 раза, «тоска» (*suspiria*) и «сострадание» (*misericordia*) по одному. Анализируя эти данные,

⁶² Пс. 119:5.

⁶³ HD. P. 32.

⁶⁴ История дипломатики Фридриха II.

⁶⁵ HD. P. 32.

⁶⁶ Ср.: «*Heu me fili mi Joseph dulcis...*» Подробнее об этом см.: <http://www.lib.latrobe.edu.au/MMDB/Alist/AfileH9.htm> или *Hesbert R.-J. Corpus Antiphonarium Officii*. 6 v. Rome: Herder, 1963–1979.

можно сказать, что император и его двор (в первую очередь стоит отметить Петра Винейского, помощника Фридриха II, занимавшего посты судьи Великой курии, нотариуса, стилиста и другие, перу которого принадлежит первое письмо-плач императора⁶⁷) довольно успешно сконструировали образ скорбящего отца, замаскировав действительные чувства Фридриха к Генриху. И в этой ипостаси Штауфен выставил на первый план свою роль во взаимоотношениях с сыном. Вспомнив о недоброжелательстве первенца, Фридрих не единожды указывал, что тот сохранил любовь отца⁶⁸. Здесь императору важно подчеркнуть такие свои черты идеального правителя, как великодушие и благочестие. Развивая параллель с плачем Давида, Фридрих стремился превзойти ветхозаветного царя. Для средневекового императора принципиально важно казаться даже более искренним, чем правитель Израиля:

«...мы, забыв о прошлом, оплакивали своего [сына] больше, чем Давид — Авессалома»⁶⁹.

Не менее важным с идеологической точки зрения было создать образ Фридриха как сильного правителя — как в назидание тем, кто мог задумывать еще один мятеж против Штауфена (североитальянские города, вельфы, папская партия), так и затем, чтобы показать, что мятеж короля Генриха не поколебал величие императорской власти и не ослабил ее. Подчеркивая свою скорбь и сожаление, «выразившееся в слезах» или даже в «потоках слез», Фридрих II обращает эту «слабость» для демонстрации силы как правителя. Собственно, напоминание подданным о могуществе своей власти — основная задача потестарной пропаганды правителя и в спокойные времена, однако при мятежах этот вопрос стоит намно-

⁶⁷ См.: *Petri de Vinea. Epistolarum. Libri VI* / Cur. J. R. Iselius. Basileae, 1740. P. 6–7.

⁶⁸ HD P. 29: «Et licet malignitas affectum filio abstraxisset, patri tamen non abstulit benevolentie caritatem;» («И пусть недоброжелательство лишило сына любви [к отцу], оно не отнимает у отца благосклонности и любви [к сыну]»). И далее: «Si regnandi cupiditas ab Henrico primogenitor nostro substulit filiationis affectum, patris tamen quod patris erat violata pietas non negavit». («Если жажда власти Генриха, нашего первенца, оборвала сыновнюю любовь к отцу, все же пострадавшая любовь отца [к сыну] не исчезла».)

⁶⁹ HD. P. 31.

го острее. Фридрих даже играл на противопоставлении одновременно силы и слабости своего положения властителя:

«...цезарь, не побежденный явными врагами, — писал он о себе в послании духовенству Сицилии, — оказалось, мог быть побежден семейным горем»⁷⁰. И далее: «Ибо мы признаем, что если мы не могли быть сломлены высокомерием короля при его жизни, то мы сражены гибелью нашего сына»⁷¹.

Так император подчеркивал невозможность победы сына в восстании против его отцовской власти и тем, что Генрих заставил Фридриха капитулировать — но не как правителя, а как родителя. На этом примере видно, что Фридрих, когда это было ему выгодно, мог четко дифференцировать функции своей императорской власти и отличать их от отцовских обязанностей, как в области теории, так и в практическом воплощении.

Включение фигуры Фридриха в плеяду великих правителей — одна из основных задач его императорской пропаганды, направленная на создание образа «сильного государя». Даже такой исключительный повод, как смерть сына, не заставила Штауфена прервать работу по созданию этого репрезентационного облика.

«Все же мы не первые и не последние в ряду тех, кому доставляли урон восставшие сыновья, и кто, тем не менее, плакал на их похоронах. Действительно, Давид три дня лил слезы о первенце Авессаломе, и Великий Юлий, первый цезарь, не отказал в долге отческой любви и слезах праху зятя своего Помпея, который покушался на титул и жизнь тестя»⁷².

Таким образом, Фридрих включил себя в ряд правителей, против которых необоснованно подняли мятеж, чтобы лишить власти⁷³, но они победили и потому остались в исторической памяти как великие государи. Ставя себя в положение «угнетенного», но выигравшего, Фридрих II получил возможность проявить благочестие и великодушие, «не лишив сына отцовской любви». Так представлялось это дело на идеологическом уровне.

⁷⁰ HD. P. 28.

⁷¹ Ibidem.

⁷² HD. P. 28.

⁷³ Хотя действия и силу Генриха как правителя можно было лишь с огромной натяжкой сопоставить с могуществом Авессалома или Помпея.

В историческом же контексте силы и возможности Фридриха были несравненно значительнее ресурсов его сына, что и предопределило поражение последнего. Мятеж Генриха даже не дошел до стадии открытого военного противостояния между его сторонниками и императорскими войсками. Что же касается последующей судьбы младшего Штауфена, стоит заметить, что если кто и был угнетенным в этой ситуации, так это сын императора. Однако необходимость соответствовать образу «идеального правителя» требовала от Фридриха выгодного ему представления реальности.

Итак, слезы, страдания и отческое горе, в обыденном понимании этих слов, были далеко не главными в посланиях Фридриха II. Его стилизованный «плач» являлся демонстрацией должного поведения императора-отца и был столь масштабным, что почти вышел за границы такой христианской добродетели, как *modestia* (умеренность). Обращенная ко всем слоям общества (духовенству и светским людям, горожанам и собственной невестке), «скорбь» Фридриха представляла собой определенное сообщение всему миру. Оказавшись в ситуации, когда срочно требовалось показать себя сильным правителем с безукоризненным поведением, образцом христианской морали, император выпустил послания, блестяще выполняющие все насущные задачи. Для достижения всех трех политических целей, отражающих функции светской власти, хорошо подходила многоплановая, как я постаралась показать, параллель с Давидом и Авессаломом, чем Фридрих II не преминул воспользоваться. Штауфен использовал смерть сына для укрепления собственного авторитета, доказательства правоты своих решений, для декларации силы и незыблемости своей власти, а также весьма успешно сумел представить себя как ревностного христианина, что было в числе основных функций средневекового правителя и тем более императора. Фридрих II предстает как 1) «скорбящий отец» (христианский идеал правителя), 2) «справедливый император», блюдущий твердость правосудия (одна из основных функций светской власти), 3) «сильный правитель» (символический образ, созданный императорской пропагандой). Восхваление «смелости», «мудрости», «щедрости» Генриха, этого «щита защиты и благополучия для многих»⁷⁴

⁷⁴ HD. P. 32.

также не следует понимать буквально: все эти посмертные комплименты сыну продиктованы необходимостью выставить себя образцом сострадания, а также подчеркнуть мотивированность столь сильного «потока слез». Такая реакция на смерть сына была полной противоположностью отношению Фридриха к Генриху при его жизни. Лишь раз в череде этих выверенных по стилю посланий (в письме, адресованном невестке — члену семьи, когда, видимо, на миг ослабла постоянная забота о должном репрезентационном образе правителя) прорывается истинное отношение императора к сыну, которого Фридрих называл безрассудным⁷⁵:

«Как он при жизни не дал повода нарадоваться на себя, так и, умерев, принес одни страдания»⁷⁶.

Так Фридрих одновременно оценил политические и личные качества Генриха, признав, что из старшего сына не вышло достойного продолжателя династии Штауфенов.

Итак, символический плач Фридриха был частью репрезентации власти императора. Так Фридрих II конструировал современную ему реальность, формировал определенный образ событий в исторической памяти современников и потомков. Демонстрируя «образцовое» поведение, император программировал реакцию населения уже не на смерть Генриха, а на свои приказы по этому поводу. Таким образом, главная цель подобного символического поведения заключалась в проверке верности власти Фридриха со стороны его вассалов, духовенства Сицилии и прочих. Это была проверка верности той власти, которая пошатнулась в 30-х гг. XIII в. из-за попытки мятежа Генриха и повторного отлучения Фридриха от церкви в 1239 г. И, судя по реакции авторов хроник и монахов-проповедников, в данном случае замысел императорской пропаганды имел успех.

⁷⁵ HD. P. 30.

⁷⁶ «... qui vivens materiam sibi colletandi non tribuit, moriens dedit incentiva dolendi» // HD. P. 31.

В. А. ВЕРЕМЕНКО

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ РОССИИ

**ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX ВВ.:
ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ**

Эволюция взаимоотношений родителей и детей в дворянских семьях России во второй половине XIX — начале XX вв. осуществлялась вместе с постепенным изменением характерного для данной социальной группы понимания внутреннего содержания дефиниций «достойная жизнь» и «успех в жизни». По большому счету конфликт поколений тогда, как впрочем, и во все времена, строился на несоответствии представлений старших и младших членов общества о цели человеческой жизни и о тех средствах, которые допустимо использовать ради достижения этой цели. Вместе с тем, в рамках этого общего конфликта в условиях модернизации на первый план выдвигались проблемы соотношения общественных, общеродовых, внутрисемейных и личных ценностей, а также происходило серьезное переосмысление гендерных стратегий и практик. При этом переоценка ценностей затрагивала как старшие, так и младшие поколения.

На протяжении всего исследуемого периода главной своей задачей родители считали «хорошо устроить» будущее детей, что наряду с материальной поддержкой предполагало предоставление им тех знаний и навыков, которые бы позволили молодому поколению наиболее быстро и с наименьшими проблемами утвердиться в мире. Однако за 70 лет непрерывных реформ и преобразований этот самый «мир» приобрел совершенно другие очертания. Соответственно изменилось и внутренне содержание понятия «хорошо устроить», и представление о необходимых для достижения поставленной цели мероприятиях. В наибольшей степени подвергся изменениям образ той «идеальной» дворянской девушки, которую отцы и матери хотел бы найти в лице своей дочери. Исходя из это-

го, именно характер участия родителей в судьбе дочерей демонстрирует нам наиболее очевидную эволюцию родительского взгляда на их роль в «создании условий для обеспечения достойной жизни своих детей».

Мечтая об успешном будущем детей, отец и мать нередко исходили не только из соображений исключительно родительской любви. Немаловажную роль, особенно в помещичьих дворянских семьях, играла уверенность в том, что вложенные в детей средства и силы обернутся для родителей спокойной и обеспеченной старостью. Поэтому, оценивая изменения отношения родителей к воспитанию и образованию детей, необходимо учитывать и «личные» родительские мотивы. Наконец, структура, характер и степень участия отца и матери, а также сторонних лиц в организации «счастья детей», определялась не только уровнем родительской любви или другими личными мотивами родителей, не только господствующими в обществе стереотипами и представлениями, но и имевшимися в семье материальными возможностями.

Итак, если задачей родителей в отношении детей являлось стремление их «удачно устроить», то дети, в свою очередь, желали найти свое место в мире в соответствии с собственным представлением о «счастье» и «успехах в жизни». Наиболее бесконфликтные отношения поколений были характерны для тех семей, в которых выстроенное родителями «счастье детей» принималось последними, а в идеальном случае совпадало со взглядом молодых людей на «достойную жизнь». Воспитание детей в духе всеобъемлющего контроля и строгости давало некоторые гарантии в том, что выбранное родителями для детей «счастье» будет последними с благодарностью принято. С другой стороны, по мере роста самостоятельности молодого человека, возрастала его привычка ориентироваться большей частью «на себя» и свои ценности. В результате для таких людей определяющими при принятии решений в большинстве своем служили либо общественные, либо личные цели, а никак не родовые или семейные. Это в свою очередь, не только стимулировало рост напряженности в отношениях между родителями и детьми, но и создавало возможности для разрешения конфликта лишь на основе демократической формы общения между старшими и младшими.

Таким образом, эволюция взаимоотношений родителей и детей в дворянских семьях предполагала изменение характера и способа воздействия родителей на детей, связанного как с новым взглядом на задачи семейного воспитания и образования несовершеннолетних, так и с ослаблением авторитарного стиля отношений старших ко взрослым детям как наименее эффективного в условиях постоянно растущей самостоятельности последних.

В середине XIX в. рождение детей у дворян происходило, главным образом, дома. Повитухами были в основном крестьянки, приобщившиеся к своему ремеслу по наследству, либо снискавшие всеобщее уважение пожилые женщины, сами родившие не менее десятка детей¹. Новорожденный переходил на руки опять-таки к крестьянкам — кормилице и няне. Они осуществляли уход за младенцем, руководствуясь своими представлениями о «санитарии» и «способах оздоровления», ставшими результатом личного опыта в «выращивании» собственных детей. Недаром даже в 90-е гг. XIX в. неграмотная крестьянка — мать четырех детей, все из которых достигли совершеннолетия, считалась «опытной няней» и позволяла себе спорить с врачами о правилах содержания младенцев². В середине же столетия мнение такой «специалистки» вообще не подвергалось сомнению, прежде всего, в связи с малой доступностью врачебной помощи даже для дворянского населения. Так, полковник К. П. Колзаков перед отъездом за границу вывез семью из имения в Царское село. Единственной причиной переезда стало опасение за жизнь и здоровье его троих маленьких детей, так как, живя в деревне, которая, кстати, находилась недалеко от железной дороги и всего в ночном перегоне от Петербурга, семья оказывалась «без доктора — без всякой помощи»³.

Родители редко вмешивались в заведенный няней порядок, ограничиваясь в лучшем случае несколькими в день визитами в детскую или опросом прислуги о том, все ли благополучно. Малыши,

¹ Рейн Г. Е. Родовспоможение в России. Сборник докладов на IX Пироговском съезде. СПб.: тип. Министерства путей сообщ., 1906. С. 3–28.

² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1412. Оп. 226. Д. 140. Л. 170.

³ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 358 — Колзаков К. П. Д. 4. Л. 3 об.

отправленные, чтобы не мешали, «в дальние комнаты», в свою очередь мало знали и боялись родителей, как правило, считая их «чужими»⁴.

Ребенок, которому удавалось выжить, несмотря на получаемый от няни «уход» и практически полное отсутствие врачебной помощи, в возрасте 3–4 лет переходил на «пользование» гувернантки или гувернера. В большинстве своем это были иностранцы, что, с одной стороны, объяснялось как сформировавшейся в дворянской среде за предшествующее столетие привычкой передоверять воспитание своих детей выходцам из-за границы, так и потребностью в хорошем знании иностранных языков, а с другой — незначительным числом русских подданных, имевших квалификацию, достаточную для получения свидетельства домашнего учителя (учительницы) или, тем более, домашнего наставника, но при этом готовых заниматься неблагодарным и мало оплачиваемым трудом надомного преподавателя⁵. Ведь согласно действовавшему с лета 1834 г. «Положению о домашних наставниках и учителях», право на эти звания имели исключительно русские подданные, причем от претендующего на категорию «домашнего наставника» требовалось предъявить свидетельство об окончании высшего учебного заведения, а «домашний учитель» должен был пройти специальное испытание в университете, лицее или гимназии. Иностранцы же допускались к педагогической деятельности без присвоения специального звания. Для этого им также необходимо было пройти испытание и представить документы о крещении и одобрительное свидетельство от русской миссии за границей⁶.

⁴ О такой системе отношений между родителями и детьми пишет подавляющее число мемуаристов. См., напр., воспоминания Е. А. Кравченко. ОР РНБ. Ф. 601. — Половцовы. Д. 1195. Л. 78 об.

⁵ Солодянкина О. Ю. Иностранная гувернантка и гувернер: сравнительные аспекты // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. М.: ИВИ РАН, 2005. № 10. С. 79–82.

⁶ Положение о домашних наставниках и учителях (1 июля 1834 г.) // Лесгилье А. Руководство для русских гувернеров и гувернанток. На русском, немецком и французском языках. Необходимая настольная книга для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся к нравам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России. СПб.: тип. Н. Неклюдова, 1870. С. 90.

Найти русскую гувернантку было проще, чем русского гувернера. В большинстве своем это были либо бедные дворянки, либо дочери мелких чиновников, так и не выслуживших дворянства, — выпускницы Сиротских институтов. Администрация этих учебных заведений еще до выпуска договаривалась о получении каждой из них места и о предполагаемой оплате труда, зависящей от полученного девушкой звания — кандидатка или домашняя учительница. Первые могли рассчитывать на 350–400 рублей в год, вторым полагалось не более 175–200 рублей. Ежегодно только С.-Петербургский Сиротский институт направлял на работу около 50 гувернанток. Так, в 1853 г. через это учебное заведение было устроено по дворянским семьям 25 кандидаток и 23 домашние учительницы⁷.

Окончившие русские Сиротские институты, как правило, имели лучшую образовательную подготовку, чем их иностранные коллеги. Однако родители охотнее брали все-таки иностранок, несмотря на их более высокие материальные запросы. Данный подход отражал цели образования девушки, которые ставили перед собой родители:

«Гувернантка прежде всего моделировала девочек по своему образу и подобию — вот в чем секрет популярности французских гувернанток, ведь их непритязательное светское щебетание и изящные манеры, воспроизведенные в дочерях, помогли им сделать хорошую партию, что и считалось главной задачей молодой девушки»⁸.

В задачи гувернантки входил надзор за детьми, нередко (в целях экономии) как за девочками, так и за мальчиками, обучение их «манерам», языкам, музыке, сопровождение повзрослевших воспитанниц на прогулках и т.д.⁹ В некоторых руководствах утверждалось, что гувернантка «до некоторой степени заменяет детям мать; поэтому она постоянно должна находиться при них, заботясь не только об их образовании, но и об их физическом благосостоянии»¹⁰. Гу-

⁷ ОР РНБ. Ф. 277 — Г. В. Есипов. Д. 169. Л. 1–12.

⁸ Солодянкина О. Ю. Указ. соч. С. 93–94.

⁹ Зинченко Н. Женское образование в России. Исторический очерк. СПб.: Комм. скор., 1901. С. 19–20.

¹⁰ Жизнь в свете, дома и при дворе. Репринт. М.: СП «Интербук», 1990. С. 94–95.

вернер же занимался созданием необходимых условий для подготовки мальчиков к поступлению в выбранное родителями учебное заведение и вообще, введением своего ученика в «мужской мир»¹¹. Именно эти люди реализовывали в жизни дворянской семьи середины XIX в. все элементы семейного, домашнего воспитания, оставляя на долю родителей лишь функции самого общего контроля.

Взаимные контакты родителей с повзрослевшими детьми также как и с малышами не отличались особой частотой. Как правило, они предполагали несколько «ритуальных» действий. Утром детей приводили к отцу и матери поздороваться. Иногда днем, если в доме не было гостей, и родители были не очень «заняты», вся семья встречалась за столом. Наконец, вечером осуществлялось пожелание «спокойной ночи», а в особо торжественных случаях — общая молитва¹². Только в очень редких семьях отцы (характерно, что именно отцы, а не матери) в свободное время занимались с детьми — учили их читать и писать, отвечали на вопросы, рекомендовали книги для чтения, которые затем обсуждали, наконец, просматривали ученические тетради¹³.

В возрасте 7–11 лет часть дворянских детей отправлялась в учебные заведения. Девочек отдавали в разного рода закрытые школы — институты и пансионы. Дома они проводили лишь несколько недель в году. По окончании же обучения девушки нередко вновь оказывались на попечении гувернантки, находящейся при них с целью «сопровождения», до самого замужества¹⁴.

Основная масса учебных заведений для дворянских девушек, за исключением нескольких элитных институтов, давала им очень слабое образование. В большинстве своем родители были хорошо информированы о предполагаемом уровне образования, которое получит их дочь, потратив на учение 6–8 лет и израсходовав на это значительные материальные средства из семейного кошелька. Од-

¹¹ Солодянкина О. Ю. Указ. соч. С. 92.

¹² См., напр.: ОР РНБ. Ф. 326 — Е. П. Казанович. Д. 15. Л. 2–2 об.; Гавриил Константинович. Великий Князь. В Мраморном дворце. Мемуары. М.: Захаров, 2001. С. 7–8.

¹³ ОР РНБ. Ф. 698 — Скалдина-Скальдина П. Г. Д. 2. Л. 25–26.

¹⁴ См., напр.: Из воспоминаний Н. А. Малевского-Малевица // Русский архив. 1908. Кн. 2. № 5–8. С. 94.

нако это их никоим образом не смущало. Ведь то, что их дочери когда-либо придется работать, ни отец, ни мать не могли представить и в страшном сне, а для удачного замужества от барышни требовалось уметь держать себя в обществе и обладать полной «невинностью». И то, и другое пансион гарантировал, а значит, потраченные на него средства вполне окупались. Вспоминая это «счастливейшее время», бабушка обучавшейся на ВЖК, а потом и в Сорбонне Елизаветы Дьяконовой, сетовала:

«... прежде девицы никогда ничего не знали, а выходили замуж и счастливы были... Совсем не надо никакого образования, тогда лучше будет!»¹⁵

Девушки, которых не отправляли в закрытую школу, а оставляли дома, должны были усвоить тот же набор «знаний», но под руководством гувернантки. Однако последнее было менее предпочтительно, ведь в домашних условиях «оградить невинность» было более затруднительно, хотя выбор такой формы обучения нередко обосновывалось отсутствием необходимых средств.

Успех в жизни молодого человека, напротив, напрямую зависел от наличия у него достаточных умений и навыков в выбранной родителями сфере. Исходя из этого, и будущего военного, и штатского начинали готовить к его «стезе» в возрасте 10–11 лет. Подготовка могла осуществляться несколькими путями: отправкой мальчика в закрытое учебное заведение, поступлением в школу открытого типа, наконец, домашним образом, под руководством одного высококвалифицированного гувернера или целого штата учителей. Главными требованиями, предъявляемыми родителями к учебному процессу, являлось хорошее усвоение ребенком материала и дисциплина. Готовя мальчика к его карьере, семьи нередко вынуждены были обходить всякого рода щекотливые моменты, лишь бы на выходе молодой человек мог рассчитывать на «хорошее место». Так, глубоко верующий православный коммерсант из дворян Г. М. Литусов, решивший, что и его сын Николай должен продолжить семейное дело, отправил ребенка по достижении семи лет в Аннинскую школу при Лютеранской церкви Св. Анны, так как

¹⁵ Дневник Елизаветы Дьяконовой // Всемирный вестник. 1905. № 8. С. 131.

только там, по мнению отца, давали необходимые для поступления в Коммерческое училище знания и навыки. Характерно, что требования в этом учебном заведении были действительно очень высокие, и еще до школы мальчик был обучен читать и писать по-русски и по-французски¹⁶.

По окончании образования детей, родители переходили к самой важной части своих обязанностей. Они «пристраивали» детей в соответствии с их полом: девушек — замуж, а юношей — к «месту». Отметим, что мнение молодых людей и в этом вопросе особого значения не имело, оно принималось в расчет только в том случае, если не противоречило «видам» родителей.

Отдельную группу детей в дворянских семьях составляли воспитанники. Эта категория была достаточно разнообразна по составу. В нее входили: дальние и близкие родственники, как правило, сироты, совершенно «чужие» дети, иногда даже подкидыши и найденыши, незаконные дети отца, либо обоих родителей, если они вступили в брак только после рождения у них ребенка. Отношение к этим детям в семьях дворян также было весьма различным. Если в семье не было «своих» детей, или они как раз и были «своими», а также в случаях, когда «воспитателями» являлись их бабушки и дедушки, то на таких «воспитанников» распространялись все «заботы» родителей в форме предоставления им «ответственного» образования руками гувернеров или в «подходящем» учебном заведении, а также организации карьеры для мальчиков и замужества для девочек¹⁷. Воспитанники, состоявшие в качестве компаньонов для «хозяйских» детей, имели специфическое положение в семье. Предполагалось, что в результате совместных занятий и вызванной этим конкуренции дети будут учиться лучше. При этом, если образование компаньон-воспитанники получали такое же, как и родные дети хозяев, то при поисках «места» или «партии» для них особых усилий не прикладывалось. Наконец, отдельную категорию воспитанников составляли дети, исполнявшие в семье разного рода «послуги», и, несмотря на особый статус, мало отличавшиеся по своим обязанностям от крепо-

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 698 — Скалдина-Скальдина П. Г. Д. 2. Л. 48–48 об.

¹⁷ См. подробнее: *Веретенко В. А.* Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX вв.). СПб.: Европейский дом, 2007.

стной прислуги. Нередко малообеспеченные помещики брали для этой цели детей из Воспитательных домов. Последнее особенно распространилось после отмены крепостного права, превратившись в способ приобретения дармовой рабочей силы¹⁸.

Таким образом, в середине XIX в. основной функцией родителей в отношении детей являлась в прямом смысле этого слова организация их будущего. Для дочерей это означало поиск и устройство брачной партии. Для сыновей же преимущественно выбор карьеры, хотя нередко родители вмешивались и в их личную жизнь. Собственно же функции семейного воспитания и обучения были передоверены отцом и матерью в отношении маленьких детей — крестьянским кормилицам и нянькам, а в отношении детей старшего возраста — гувернерам и гувернанткам. Мало того, сами по себе личные контакты между старшими и младшими членами семьи носили эпизодический характер и предполагали преимущественно авторитарный стиль общения, при котором исключительно родители принимали наиболее важные решения в жизни даже вполне взрослых молодых людей. Определенная независимость детей от диктата старших наступала для сыновей с поступлением на службу и заведением «своего дома», а для дочерей с выходом замуж и переходом под власть нового распорядителя.

60-е — первая половина 70-х гг. XIX в. ознаменовались серьезным кризисом во взаимоотношениях поколений в дворянской среде. Его зримое выражение ярко описала С. В. Ковалевская:

«Можно сказать, что в этот промежуток времени, от начала 60-х до начала 70-х гг., все интеллигентные слои русского общества были заняты только одним вопросом: семейным разладом между старыми и молодыми. О какой дворянской семье не спросишь в то время, о всякой услышишь одно и то же: родители поссорились с детьми. И не из-за каких-нибудь вещественных, материальных причин возникали ссоры, а единственно из-за вопросов чисто теоретических, абстрактного характера. “Не сошлись убеждения!” — вот только и всего, но это “только” вполне достаточно, чтобы заставить детей побро-

¹⁸ См., напр., материалы о выдаче Воспитательным домом детей в дворянские семьи на «воспитание» и о возвращении части из них назад в связи с «нездоровьем». Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 8. Оп. 1. Д. 464 а.

сать родителей, а родителей отречься от детей. Детьми, особенно девушками, овладела в то время словно эпидемия какая-то — убежать из родительского дома»¹⁹.

Постоянно отмечаемое мемуаристами широкое распространение в эти годы ухода молодежи «из-под родительского крова»²⁰ было вызвано, прежде всего, сохранением в массе семей уже описанного нами выше способа участия родителей в судьбе своих детей, на фоне произошедшего под воздействием «новых веяний» изменения ценностных ориентаций части юношества. Определяя за детей все основные аспекты их будущего, диктуя молодому поколению нормы и характер поведения, родители не считали необходимым учитывать позицию другой стороны. Да они, как правило, ее особо и не знали, так как не привыкли вступать с детьми в диалог, ограничивая свое участие в их повседневных заботах списком инструкций и запрещений, причем нередко выдаваемым даже не самим детям, а их учителям и наставникам. Вместе с тем, именно молодежь стала главным потребителем «новых доктрин» и личной эмансипации (нигилизма), и общественного служения (как в форме либерализма, так и в наиболее радикальном варианте). В данном случае для нас не важно, какой принцип из «новых веяний» — «разумного эгоизма» или «блага народа» становился знаменем конкретного молодого человека, принципиальное значение имело то, что любая из идей предполагала для него самостоятельное распоряжение собственной жизнью, без учета внутрисемейных и родовых интересов. Подобная же «самостоятельность» вызывала у родителей комплекс негативных эмоций. Прежде всего, возмущал сам факт неповиновения детей. К этому добавлялась обида за потраченные на их «воспитание» и «устройство» силы и средства, а также опасения, что поставленное поведением сына или дочери на родовом имени «пятно» отразится на самих родителях или их других детях. Наконец, существовал страх того, что отказавшись от «правильного», выбранного родителями будущего, они никогда не выйдут замуж (девушки) или не сделают карьеру (молодые люди) и не только не станут поддержкой родителям в старости, но, в конце

¹⁹ Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М: Правда, 1986. С. 57.

²⁰ Водовозова Е. Н. К свету (из жизни людей 60-х годов) // Голос минувшего. 1916. № 4. С. 5.

концов, окажутся на шею у «семьи». В итоге, в сложившемся конфликте, где ни одна из сторон не готова была идти на компромисс, единственным выходом становился полный разрыв отношений и уход детей из дома.

Однако 60-е — первая половина 70-х гг. принесли с собой не только «новую», самостоятельную молодежь, желавшую строить свою жизнь в соответствии с собственными ценностями и конфликтуящую со «старыми», традиционными родителями. В эти же годы впервые появляются те две группы «новых» родителей, которые к концу изучаемого периода станут составлять основу будущего старшего поколения дворянства. Дабы не запутаться в терминологии, мы будем употреблять те же понятия, что уже были применены нами в отношении взаимоотношений супругов. Речь, таким образом, пойдет о «новых идейных» и «новых практических» родителях.

Главной характерной чертой «новых идейных» родителей, несомненно, связанной с влиянием «передовых, демократических» идей, было переосмысление ими своей роли как в самом процессе воспитания детей, так и в целях и задачах этого воспитания. Прежде всего, они считали совершенно недостаточным ограничить свою «заботу» о детях подбором учителей или учебных заведений, которым затем передоверялись функции семьи. Такой традиционной модели «новые идейные» родители противопоставляли активное *личное* участие в воспитании и образовании детей. Это участие могло осуществляться в форме *постоянного* (а не периодического) контроля за процессом обучения вообще, или же, реже, в форме преподавания ребенку того или иного предмета, который был более знаком родителю. Что же касается цели и задач воспитания, то они мыслились в формировании «человека» и «гражданина»²¹ и в

²¹ Вопрос о том, кого в первую очередь надо воспитывать: «человека», т.е. лицо, исповедующее «общечеловеческие идеалы», или «гражданина», т.е., прежде всего, «патриота», стал в конце 50-х–60-е гг. одним из самых спорных. Обсуждение его велось на страницах не только педагогической, но и общеполитической прессы. Каждый из «новых идейных родителей» был, несомненно, знаком с ожесточенной дискуссией, которую вели между собой по данному вопросу Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский и М. Н. Катков, и либо пытался следовать доктрине одного из них, либо надеялся реализовать при воспитании собственных детей принцип золотой середины. См. об этом: Гражданственность и патриотизм в процессе обучения и воспитания в учебных

максимальном развитии естественных способностей ребенка. Это в свою очередь, предполагало не подготовку детей к определенной деятельности, а предоставление им знаний, из которых они *сами* могли бы потом выбрать то, что было им наиболее интересно.

Первое поколение «новых идейных родителей», появившееся в конце 1850-х — начале 1870-х гг., обладало рядом особых типологических черт, подвергшихся изменению в последующие периоды. Во-первых, воспитанием и образованием собственного ребенка родители-шестидесятники обычно начинали заниматься не ранее, чем он достигал 5–7-летнего возраста, когда уже можно было приступить к его серьезному обучению. Младенческий и даже ранний детский возраст их дети, также как и дети традиционных родителей проводили на руках у неграмотных нянек, а затем гувернанток. Единственное изменение в данной области было связано с распространением в «новых идейных» семьях практики самостоятельного кормления детей матерями²². Во-вторых, участие родителей в воспитании подростков было крайне неравномерно. В полных семьях, при наличии обоих родителей, очевидное преимущество принадлежало отцу. Именно отец определял направление образования детей, подбирал литературу, следил за выполнением домашних занятий и т.д. Мать же либо оказывала ему в этом деле некоторую помощь, либо заменяла отца в его отсутствие. В этом плане прерогативы мужчины-развивателя, следящего за интеллектуальным ростом и жены, и детей, казались совершенно непреложными. И, наконец, в-третьих, идеи образования и обучения девочек и мальчиков были глубоко различны. С одной стороны, и тем, и другим предполагалось давать достаточно обширные познания, максимально раскрывать и развивать их способности. Вместе с тем, для мальчика все это казалось вполне «понятно» и «естественно» и необходимость в развитии его внутреннего мира не требовала ни-

заведениях: мат. Всеросс. научно-практ. конф. / Под общей ред. В. Н. Скварцова. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. С. 204–207.

²² Е. Юнге отмечала: «Жившие в то время помнят, как, например, до 1859 года лучшие матери не кормили сами своих детей, лучшие люди признавали деятельность женщины только в своем доме и хозяйстве, и как внезапно взгляд на подобные вещи переменился». Юнге Е. Из моих воспоминаний // Вестник Европы. 1905. № 5. С. 257.

каких дополнительных аргументов. Давая же дочери серьезное образование, родители, как правило, считали необходимым «оправдаться» перед собой или окружающими, говоря о важности «учебности» для девочки как для будущей матери²³. Таким образом, если «новые идейные» родители в целом отошли от предписывания будущего своих сыновей, не готовя их заранее ни к какой карьере определено, то четкая ориентация будущего девочки как жены и матери сохранилась, приобретя лишь некоторую специфику.

Яркий образец «новой идейной» системы домашнего воспитания мы находим в записных книжках А. В. Половцова, датированных концом 50-х — началом 60-х гг. Маленький Тотоша Половцов вел свой дневник по требованию отца и под его строгим надзором. Мальчик записывал не только события, произошедшие за день, но и некие «предположения», то есть задачи. В обязательном порядке подводились итоги — насколько удалось реализовать эти самые «предположения», рассчитанные на неделю, месяц или год. Дневник регулярно проверялся отцом, который исправлял допущенные при написании ошибки, отмечал тот или иной поступок ребенка, а также обращал внимание на забытые сыном события и указывал на то, что и как следует записывать²⁴.

Помимо проверки дневника, отец ежедневно занимался с сыном по вечерам. Иногда он читал мальчику вслух, иногда они совместно обсуждали те темы, которые изучались на занятиях, и отец мог по несколько раз объяснять сыну неясные и непонятные вопросы. При этом первоначально А. Половцов и его двоюродный брат Карл обучались дома с гувернантками (с одной — до 10, а другой с 10 до 12 лет) и учителями (по музыке и по гимнастике), а с 12 лет стали приходящими учениками в гимназии. Мать Тотоши также занималась с сыном, хотя и значительно меньше, чем отец. Она

²³ Эта традиция была заложена Н. И. Пироговым в его нашумевшей статье «Вопросы жизни». Вслед за великим врачом и педагогом практически все деятели либерально-демократического направления рассуждали, что «всякую женщину, прежде всего, необходимо предположить матерью ... Для женщины вообще бездетность ненормальна». См. *Пирогов Н. И. Вопросы жизни // Морской сборник. 1856. № 9; Гиерглифов А. Общественное призвание женщины // Отечественные записки. 1863. Т. 143. № 7–8. С. 519.*

²⁴ ОР РНБ. Ф. 601 — Половцовы. Д. 44.

диктовала ему тексты на иностранных языках, практиковала в разговоре, а иногда, как правило, в отсутствие отца, проверяла у него уроки. Таким образом, родители проводили с сыном по несколько часов в день, были постоянно в курсе всех его дел, обсуждали интересные мальчика вопросы и сами направляли его развитие, поднимая важные на их взгляд темы²⁵.

Категория «новых практических» родителей заявила о себе в 1860-е гг., а к началу XX в. именно такая форма участия родителей в жизни детей приобрела наибольшее распространение. Отсутствие средств было главным двигателем, заставлявшим их вносить коррективы в отлаженный традиционный механизм участия в жизни детей. Причем количество принятых, во многом вынужденных нововведений определялось уровнем материальных трудностей семьи. Соответственно, чем более нуждалась дворянская семья (правда, речь идет не о маргинализовавшихся элементах, а о представителях первенствующего сословия, пытавшихся, насколько это было возможно, сохранить видимость достойного положения), тем больше менялся характер взаимоотношений родителей и детей.

В отношении младенцев и детей младшего возраста применяемые «новыми практическими родителями» нововведения носили минимальный характер. Малыши и в данных семействах оказывались на попечении крестьянских нянек. Подобное перепоручение была связано не только с его привычностью, дополнительным аргументом служила дешевизна такого «ухода». Вместе с тем, в целях «экономии» нанятая к ребенку прислуга должна была «заодно» выполнять и некоторую другую домашнюю работу, что снижало эффективность «присмотра» и вынуждало мать время от времени «подменять» няню, самой занимаясь с малышами. Отцы-дворяне, как правило, поддерживали выгодное для семьи участие их жен в уходе за младенцами, нередко похваляясь «великим самоотвержением», с которым дворянки выносили несколько «томительных, скучных, однообразных лет кормления, качания, обтирания, купания, одевания!...»²⁶.

С 3–4 лет дети переходили либо на попечение гувернантки, в семьях которые сохранили возможность ее содержать, либо матери,

²⁵ Там же. Д. 44–47.

²⁶ Там же. Ф. 1362 — Лазаревский В. М. Д. 71 а. Л. 3.

которая должна была сама давать им первоначальное образование. В 60–70-е гг. значительно более частым явлением, чем в предшествующие годы стали русские гувернантки и домашние учительницы. В значительном большинстве это были не выпускницы Сиротских институтов, а «обычные» дворянские девушки из обедневших семей, оказавшиеся перед необходимостью самим содержать себя или даже помогать домашним. Наплыв желающих, как и то, что они были «вынуждены толкаться на очень узкой полосе экономической жизни» приводили к тому, что они, «конкурируя друг с другом», сбивали «цены с невысокого и без того женского заработка»²⁷. В результате их небольшая требовательность способствовала тому, что русскую гувернантку, в отличие от иностранки, могли позволить себе и не очень обеспеченные дворянские семейства. С другой стороны и квалификация таких «учительниц» была невысокая. В массе своей эти «работницы», нередко очень юные, имели образование, данное им «старыми» родителями без учета возможной трудовой деятельности и предполагавшее уже отмеченный нами набор — языки, музыка, «манеры» и «некоторое» представление об основных науках. Только вызванная отменой крепостного права потеря источников существования вынудила «благовоспитанных», но совсем не «ученых» барышень «встать на собственные ноги». Так, потомственная дворянка Анна Шабанова, в будущем одна из «пионерок» женского движения, в связи с полным разорением семьи оказалась перед необходимостью начать свою трудовую деятельность в 1863 г. в возрасте 15 лет, став домашней учительницей²⁸.

При традиционных требованиях к уровню образованности девушек квалификация подобных «специалисток» показалась бы вполне приемлемой. Однако «новые практические» родители, хотя и были стеснены в средствах, и не желали много платить гувернантке, но вместе с тем, хотели за свои деньги значительно больше, чем в «старых» семьях. Прежде всего, они мечтали получить *одного* домашнего учителя для всех детей, как девочек, так и мальчиков. Но, главное, принципиально изменилось воззрение на необхо-

²⁷ Первый женский календарь на 1901 год / Под ред. П. Н. Ариян. СПб.: «Труд», 1901. С. 303–304.

²⁸ Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности. — СПб.: Алетейя, 2007. С. 129.

димую подготовку для дочерей. Многочисленные известные примеры дворянских девушек, вынужденных зарабатывать на жизнь, вместе с пониманием, что и их семья не обладает достаточными средствами для надления дочерей приемлемым приданным, а значит, может так случиться, что и они долго или вообще не выйдут замуж, и им придется где-то работать, способствовали стремлению родителей «на всякий случай» позаботиться об обучении их тем или иным навыкам или умениям, пригодным для заработка. Таким образом, вовсе не развитие личности и ее способностей, а профессиональная подготовка должна была стать итогом обучения не только сыновей, но и дочерей.

Обе названные задачи — один домашний наставник для всех детей и вместе с тем высокие требования к первоначальному образованию — оказывались в комплексе мало выполнимыми. Гувернантки, обладавшие практически таким же уровнем знаний, что и матери, оказывались способными, в лучшем случае, помимо присмотра, успешно обучать детей одному-двум предметам, а для занятий по другим требовалось нанимать кого-то еще. В итоге «новые практические родители», считая каждую копейку, как правило, вынуждены были выбирать одну из следующих альтернатив: либо гувернантка занималась присмотром, а обучением детей они с матерью занимались совместно, либо гувернантку вообще не нанимали, и функции контроля брала на себя мать, а для обучения приходили учителя, нередко, гимназисты(ки) и студенты (курсистки). В любой из двух названных альтернатив, мать оказывалась одним из домашних педагогов, серьезно и постоянно занимаясь образованием детей. Отец же в большинстве случаев также мало уделял внимание детям, как и в «старых» семьях. Например, документы Комиссии-Канцелярии Прощений содержат немало страниц посвященных звуковому методу обучения чтению (!), ставшему популярным в России в 70-е гг. XIX в. Отцы категорически требовали обязать их жен «не портить детей» применением «облегченного метода учения, развивающего ... лень»²⁹. Так что, если «новые идейные родители» — это преимущественно единомышленники, под руководством мужа и отца реализующие задачу воспитания «человека и гражданина», то «новые

²⁹ См. напр. РГИА. Ф. 1412. Оп. 213. Д. 20. — Л. 5-5 об.

практические родители» далеко не всегда исповедывали общие педагогические установки. Напротив, очень часто речь идет о матерях, самостоятельно воспитывающих детей, а в полных семьях — о родителях, объединенных лишь одной общей целью — дать детям образование, обеспечивающее им в будущем «кусочек хлеба» при минимальных финансовых затратах.

В возрасте 7–11 лет детей отправляли в учебные заведения. Домашнее среднее образование было для «новых практических» родителей совершенно невозможно, так как при гарантии качества требовало слишком много средств. Выбор учебного заведения зависел от четырех основных обстоятельств: возможности получить бесплатное место в том или ином заведении или стипендию на обучение, реальных материальных средств, количества детей в семье и, наконец, наличия у какого-нибудь из них особых способностей. Каждое из этих обстоятельств могло выступать как основное, а могло и действовать в комплексе с другими.

Практически каждая чиновничья, а особенно офицерская семья имела возможность воспользоваться для одного из своих законных детей государственной вакансией или пособием на обучение³⁰. Правда, отдельные министерства предоставляли помощь на конкретных условиях. Например, дочери служащих в Ведомстве учреждений императрицы Марии могли рассчитывать на бесплатное помещение именно в заведения этого ведомства³¹. Помимо этого в 60–70-е гг. существовала вполне успешная практика обращения к «монаршему милосердию» с просьбой выделить казенные средства на обучение³². Помощь в образовании дворянских детей

³⁰ Наибольшие льготы имели морские офицеры. Право на помощь от казны получали все морские офицеры, «сделавшие» на море в офицерских чинах не менее 4 кампаний. Например, только в 1865 году пособие на образование (без учета казенных вакансий) получило 914 детей таких офицеров, на общую сумму 396.104 руб. Проект правил для назначения денежных пособий на воспитание детей морских офицеров. СПб., 1862; ОР РНБ. Ф. 208 — А. В. Головин. Д. 78. Л. 1 об.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2068. Л. 5.

³² В отличие от отца, Александр III постоянно отказывал большинству просителей. На текстах всеподданнейших докладов можно часто увидеть такие резолюции: «Платить за всех нет возможности»; «Подобные просьбы будут без конца. Я не нахожу возможным воспитывать всех детей просителей на

оказывали сословные организации. Они открывали специализированные заведения для малоимущих дворян, выдавали стипендии и т.п.³³ Наконец, определенное участие в судьбе дворянских детей принимали всевозможные благотворительные организации и частные благотворители, также организуя бесплатное обучение детей наиболее настойчивых родителей³⁴. При прочих равных условиях преимущество традиционно отдавалось «сиротству детей и многочадию родителей»³⁵.

В среднем, дворянская семья, имевшая четырех и более детей, как правило, могла поместить одного или даже двоих из них в учебное заведение на казенное содержание. Для нуждающихся дворян это было значительным подспорьем, и они обязательно пользовались представившейся возможностью. Соответственно, подходящий по возрасту ребенок направлялся в то или иное учебное заведение не потому, что имел для этого способности, и не потому, что родители считали такую школу наиболее подходящей, даже не из-за того, что родители заранее выбрали для него определенную карьеру, а потому, что за обучение можно было не платить.

Судьба других — «платных» детей, зависела от трех оставшихся факторов. Если детей было мало, то им подбирали школы,

казенный счет» и т.д. Исключения из этого правила делались либо в случае добавления к ходатайству рекомендации какого-либо пользующегося влиянием лица (министра или члена царской семьи), либо в случае, если предполагались кратковременные выплаты (за последний год обучения и т.п.). При Николае II в 1896 г. такого рода дела были временно изъяты из ведения Канцелярии и переданы в «надлежащие ведомства», которые могли сами делать всеподданнейшие доклады. Однако министерства, не имея других средств, помимо уже существующих казенных вакансий, отклоняли ходатайства без доклада царю, поэтому выплаты на образование почти полностью прекратились. В 1903 г. по инициативе руководителя Канцелярии по принятию прошений барона А. А. Будберга его ведомству было предоставлено ежегодное финансирование на указанную выше категорию дел в размере 100 тыс. руб. Уже в 1908 г. на эти средства претендовало около 4 тыс. чел. См.: *Писарев С. Н.* Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на Высочайшее Имя. 1810–1910 гг. Исторический очерк. СПб., 1909. С. 159, 178, 188.

³³ См., напр., материалы о помощи детям бедных дворян С.-Петербургской губернии. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 4. Д. 1316, 1334.

³⁴ См. напр. ОР РНБ. Ф. 539 — А. Ф. Одоевский. Оп. 2. Д. 1225.

³⁵ ЦГИА СПб. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2068. Л. 225.

нередко частные, обеспечивавшие хорошую подготовку к поступлению в специализированное учебное заведение. А когда на всех детей потратиться в одинаковой степени возможности не было, то предпочтение по качеству образования отдавалось тем, на кого родители возлагали наибольшие надежды³⁶. В этом плане особым знамением времени стало то, что далеко не всегда дворянская семья отдавала однозначное предпочтение сыновьям, обеспечивая именно их карьеру. Если заметными способностями выделялась дочь (особенно старшая), то ее развитие мыслилось родителями как удачное вложение денег, не только гарантирующее им спокойную старость, но предоставляющее возможность «поднять» остальных детей за счет ее будущего заработка. Так, например, дочь дворян Бергов закончила Смольный институт, а сын был взят из гимназии из-за нехватки средств и переведен в фельдшерскую школу с оплатой обучения из доходов работающей сестры³⁷.

В результате всего этого комплекса факторов в последней трети XIX — начале XX в. никого уже не удивляло наличие в одной дворянской семье детей, имевших принципиально разную образовательную подготовку, построенную не на «естественных» и сознательно проводимых разграничениях по полу, а вызванную конкретными обстоятельствами жизни отдельной семьи.

Характер отношений между «новыми практическими родителями» и их детьми ярко проступает в дневниковых записях О. Р. Базанкур (урожд. Гудковой). В 1880-х гг. она обучалась в Коломенской женской гимназии, дававшей, по мнению родителей,

³⁶ В многочисленных адресах и других обращениях дворяне постоянно указывали, что расходы, связанные с получением «хорошего» среднего образования одним ребенком, составляли 300–400 руб. в год. Потратить подобные средства на двух, а тем более троих и более детей средние дворянские семьи уже не имели возможности. В этом плане подчас приходилось довольствоваться «полуобразованием» или даже элементарным обучением на уровне городских училищ. Например, в 90-е гг. XIX в. в Воронежской губернии в каждом из уездов насчитывалось до 30 дворянских детей, обучавшихся в низших школах и сельских училищах. *Токарский А. Д.* Мнение по вопросу, что нужно для поддержания дворянского сословия // Особое совещание по делам дворянского сословия. СПб., 1901. С. 2; Записка Воронежского Губернского Предводителя Дворянства // Там же. С. 3.

³⁷ РГИА. Ф. 1412. Оп. 252. Д. 904. Л. 165.

«хорошее практическое образование», гарантировавшее поступление на высшие курсы, а затем возможность найти «приличную» работу учительницы или конторской служащей. Главной (а возможно, и единственной) темой общения между Ольгой Гудковой и ее матерью были «занятия и занятия». Каждый день «во всякую погоду» девочку поднимали в 7 часов утра и отправляли в гимназию, расположенную за 10 верст от дома. После возвращения она обедала, делала уроки. Вечером она отчитывалась перед матерью о своих успехах и неудачах. В каникулы мать приносила ей книги из библиотеки, усаживала за фортепьяно, заставляла заниматься переводами. С отцом дети встречались лишь за обеденным столом или во время домашних праздников³⁸. Усилия семьи не пропали даром, и девушка сумела поступить на курсы.

Приблизительно тот же рефрен — уроки, уроки и уроки — мы находим и в дневниках Е. Н. Половцовой (урожд. Кравченко), школьные годы которой приходились на 70-е гг. XIX в. Пожалуй, единственным отличием в характере отношения этой матери к своей дочери было то, что, желая стимулировать в девочке старательность и прилежание, Е. А. Кравченко выплачивала дочери «жалование» по три рубля за успешно оконченное полугодие³⁹.

Выделенные нами характерные черты «новых практических» родителей по большому счету одинаково применимы как к поколению 60-х гг. XIX в., так и к поколению 10-х гг. XX в. Единственные изменения, произошедшие в данной группе за исследуемые полстолетия, связаны с изменением характера родовспоможения и постепенно растущим отказом небогатых матерей-дворянок от использования труда кормилиц и нянь.

В результате открытия широкой сети повивальных школ и других специализированных акушерских заведений, к середине 70-х гг. XIX в. практически все дворянские дети появлялись на свет при помощи квалифицированных специалистов. В большинстве своем это были дипломированные повивальные бабки и акушерки, и очень редко (только в крупных городах) — врачи. Значительная часть этих специалистов сама принадлежала к привилегированному сословию. Так, из обучавшихся в училище фельдшерниц С.-

³⁸ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 15 — О. Г. Базанкур. Д. 1.

³⁹ ОРРНБ. Ф. 601. — Половцовы. Д. 947. Л. 11.

Петербургского дамского лазаретного комитета девушек 1852–1863 гг. рождения дворянок было 28,5%⁴⁰.

Несмотря на ежегодное увеличение числа родовспомогательных заведений, дворянки предпочитали рожать дома, приглашая акушерку (доктора) к себе. До начала XX в. родильные дома с их «тайными комнатами» использовались женщинами данной социальной группы в основном лишь для незаконного рождения, с тем, чтобы, скрыв сам факт появления младенца на свет, немедленно передать ребенка в Воспитательный дом или в деревню. Впрочем, схожее отношение к родовспомогательным заведениям было характерно в 1870–1880-е гг. и для представительниц других сословий, которые шли в роддома опять-таки для незаконного рождения или потому, что в них помощь предоставлялась значительно дешевле, чем на дому, а нередко вообще бесплатно⁴¹. Недаром даже в 1893 г. незамужние женщины составляли 2/3 рожениц в стационарах. По социальному же положению привилегированные посетительницы (в эту группу совместно входили дворянки, верхи городских сословий, а также жены и дочери лиц духовного звания) — составляли лишь 6,3% рожавших в специализированных учреждениях женщин⁴².

Однако к началу XX в. отношение дворянок к стационарной помощи значительно изменилось. Можно предположить, что данная эволюция была вызвана тремя основными обстоятельствами. Прежде всего, к этому времени была уже накоплена достаточно точная статистика эффективности стационарного и разъездного способов родовспоможения, демонстрировавшая значительно меньшую смертность и рожениц, и младенцев при первом варианте в отличие от второго⁴³. Эта информация постоянно доводилась до

⁴⁰ Список воспитанниц училища Фельдшерц Санкт-Петербургского дамского лазаретного Комитета. СПб., 1903.

⁴¹ Сутугин. Повивальный институт в Петербурге. Отчёт за 1888 год // Акушерство и гинекология. 1889. № 11. С. 32.

⁴² Михайлов В. М. Средние русские акушерские итоги за пятьдесят лет по материалам печатных отчетов родовспомогательных учреждений. 1840–1890. Новгород: тип. И. И. Игнатовского, 1895.

⁴³ Желтухина В. В. Убежища для беременных и рожениц // Акушерство и гинекология. 1904. № 3. С. 34–39; Рейн Г. Е. Указ. соч. С. 106–119.

сведения врачей, а через них поступала к их пациенткам. Вторых, немаловажно и то, что в городах большинство известных акушеров работало в родильных отделениях и приютах, и, наблюдая беременную в течение всего предродового периода, они затем предлагали ей придти рожать в свою больницу. Наконец, серьезную роль играла для дворянских семей большая дешевизна стационарной помощи, чем разъездной. В результате в 10-е г. XX в. уже не вызывало удивления, когда дворянка, жена чиновника, имевшего средний доход, заранее договаривалась о предоставлении ей отдельной комнаты в родовспомогательном заведении, куда ее и отвозил муж с приближением родов⁴⁴.

Параллельно с изменением организации родовспоможения в дворянских семьях менялось отношение «новых практических» родителей к их участию в уходе за младенцами и маленькими детьми. И в этой области основными движущими факторами выступали проблема нехватки средств, а также распространение медицинской помощи и медицинских знаний. В последней трети XIX — начале XX в. в российском обществе широко обсуждалась «эпидемия» сифилиса, охватившая русскую деревню⁴⁵. На фоне этих рассуждений, считалось, что взять кормилицу для ребенка без опасности заразить его этой страшной болезнью, можно лишь обратившись в специализированные приюты, где только что родившие женщины, желавшие идти работать в другие семьи, предварительно тщательно проверялись. Однако, условия, устанавливаемые администрацией этих учреждений, в большинстве своем оказывались неприемлемыми для небогатых дворянских семей. Например, приют акушерки Хрущевой требовал для своих кормилиц 8 руб. в месяц жалования и гардероб (сарафанов, рубашек, юбок, чулок, передников, платков носовых, простыней, наволочек и полотенец по 6; по одному матрацу, подушке, одеялу, сундуку, большому байковому платку и шубе, а также сапог «сколько сносит»). По

⁴⁴ См., напр.: РГИА.Ф. 1102. Оп. 1. Д. 40. Л. 22 об.-23.

⁴⁵ См.: *Энгелстейн (Энгельштейн) Л.* Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890–1905) // Американская русистика. Вехи истории последних лет. Императорский период. Антология — Самара, 2000; *Она же.* Ключи счастья: Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996.

окончании же служения кормилице полагалось выдать «на выход» еще 25 рублей⁴⁶. Добавим к этому 30–50 руб., шедших на оплату труда акушерки или врача⁴⁷, а также средства, которые надо было отложить на случай возможной болезни ребенка, а также на «обзаведение» для него. Конечно, на новые вещи для дворянских детей тратились достаточно редко: коляску, кроватку и большую часть одежды передавали младшим от старших, при рождении же первого ребенка собирали по родственникам⁴⁸. Но в любом случае, при больших расходах на новорожденного «хорошую» кормилицу было никак «не поднять», а «любую» заводить боялись. В этой связи «новые практические» родители с конца 70-х гг. вынуждены были в большинстве своем отказаться от найма этой прислуги, причем не по идейным мотивам важности самостоятельного вскармливания, а из финансовых соображений. Последнее означало, что к услугам кормилицы могли не обращаться даже тогда, когда мать по состоянию здоровья не имела возможности кормить своего ребенка. При таких обстоятельствах практиковалось искусственное вскармливание стерилизованным или коровьим молоком, а с 90-х гг. XIX в. «смесью доктора Нестле»⁴⁹.

Уход же за младенцами и маленькими детьми оказался в «новых практических» семьях в прямой зависимости от того, какую сферу деятельности в качестве работы по дому выбирала их мать. Если дворянка оставляла за собой хозяйственные дела, то дети перепоручались няне, если же она нанимала прислугу для кухни и поденных работ, то весь «присмотр» целиком ложился на нее.

Таким образом, в первые годы XX в. в «новых практических» семьях сложилась следующая норма взаимоотношения родителей и детей. Ребенок с самого рождения оказывался под усиленным надзором матери, которая сама кормила его, принимала активное уча-

⁴⁶ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. — Е. С. Зарудная-Кавос. Д. 11. Л. 147.

⁴⁷ Там же. Д. 9. Л. 155.

⁴⁸ Там же. Д. 11. Л. 14. Такая традиция была распространена даже в великокняжеских семьях. См.: Гавриил Константинович. Великий Князь. В Мраморном дворце. Мемуары. С. 18.

⁴⁹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. — Е. С. Зарудная-Кавос. Д. 12. Л. 5-6об.

стие в уходе за ним в младенчестве и раннем детстве и следила за его обучением в старшем возрасте. Родительские же функции отца большей частью определялись добыванием средств, нужных для финансирования потребностей детей. Исходя из этого, при раздельном жительстве супругов дети в большинстве случаев оставались с матерью, а отец получал право на встречи с ними и давал некую сумму на их содержание. При этом задачей образования и мальчиков, и девочек являлась практическая подготовка, нацеленная на получение специальности.

Второе и третье поколения «новых идейных» родителей также несколько отличались от поколения 60-х гг. XIX в. Изменения в подходах к взаимоотношению с детьми произошли под влиянием развития медицины и педагогики и под воздействием опыта «новых практических» родителей. Принципиальным новшеством стало серьезное отношение «идейных» матерей и, что особенно важно, отцов к зачатию, утробному развитию плода, а также к младенческому и раннему детскому возрастам.

Картина «ожидания» и «первых месяцев» предстает перед нами со страниц поденных записей А. В. Половцова. Молодой муж вел в своем дневнике учет месячного цикла жены, а также фиксировал все произошедшие «пиво» (так он обозначал половые акты). При этом он отмечал, что «во время пиво думал о будущем ребенке и о том, чтобы он был действительно “человеком”»⁵⁰. С того времени как начало беременности было подтверждено врачами, и мать, и отец начали вести специальные «дневнички». А. П. Половцов так комментировал этот факт:

«Необходимо, чтобы ежедневно как самой беременной, так и мужем ее (последним в виду большей возможности объективно относиться к разным явлениям беременности) велся обстоятельный дневник беременности, в который ежедневно бы заносились число часов сна, занятий, прогулок, еда, аппетит и всевозможные болезненные уклонения»⁵¹.

Будущий отец постоянно обращался к важности для жены интеллектуальной деятельности, полагая, что «серьезное умственное

⁵⁰ ОР РНБ. Ф. 601 — Половцовы. Д. 55. Л. 1–14.

⁵¹ Там же. Д. 56. Л. 9–10 об

занятие матери во время беременности содействует тому, что сын родится с большим против обыкновенного количеством извилин мозга и, следовательно, дальнейший вид развития будет ему облегчен, так сказать сокращен»⁵². Оба супруга постоянно читали специализированную литературу, тщательно соблюдали все рекомендации врачей. Наконец, настал столь важный день, и отец провел все долгие часы родов на кресле возле кровати жены⁵³.

Семья была вполне обеспеченной, и к родившемуся сыну взяли няню. Однако родители постоянно проводили с ребенком, а затем и с последующими новорожденными детьми несколько часов в день, сами по очереди пеленали и купали их. Ежедневно отцом или матерью записывались все данные о весе младенца, количестве съеденного им и т.д. Информация раз в неделю сообщалась женщине-врачу, которая постоянно требовала от родителей вести тщательный надзор за няней, чтобы она ни в коем случае не отходила от ее рекомендаций. Интересно, что в своем дневнике бабушка этих детей отмечала, что хотя «ныне» большая часть родителей «много» или «больше» внимания обращают на своих детей, чем это было в 50–60-е гг., но даже на этом фоне ее внуки окружены просто образцовой заботой. Ведь состоящая при них няня, несмотря на то, что «женщина простая, слегка грамотная, но умная по природе, ведет дело свое очень хорошо ... и что заведено раз родителями, идет своим чередом»⁵⁴.

Вопрос о кормлении детей решался исключительно исходя из состояния здоровья матери. Так, Е. Половцова прокормила первого ребенка лишь месяц, в дальнейшем врачи посчитали, что она слишком слаба для этого и после тщательного отбора была взята кормилица. Мать сильно переживала, что сын из-за этого «отошел» от нее и писала мужу в Петербург об этом «горькие» письма⁵⁵.

Под влиянием пропаганды части педагогов, доказывающих важность дошкольного образования детей⁵⁶, среди «идейных роди-

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Д. 55. Л. 34.

⁵⁴ Там же. Д. 1195. Л. 75.

⁵⁵ Там же. Д. 58. Л. 95.

⁵⁶ См., напр.: *Сикорский И. А.* Воспитание в возрасте первого детства. СПб.: А. Е. Рябченко, 1884.

телей» из дворян нашла определенную поддержку идея организации детских садов, как учреждений первичной социализации и подготовке к школе. В 70–80 гг. XIX в. таких учреждений в России было менее ста, и все они были ориентированы на дворянско-интеллигентные слои⁵⁷. В детские сады принимали детей в возрасте 3–8 лет. Обязательным требованием при поступлении было предъявление свидетельства врача и справки о сделанной прививке от оспы. За занятия, продолжавшиеся около 4 часов (с 10 до 14 ч.) и включавшие для младших групп рисование, лепку, рукоделие, игры (а для старших к этому еще добавлялись обучение чтению, письму, арифметике, немецкому и французскому языкам, а также танцам), взималась плата в размере 50–80 рублей за ребенка в год. Во столько же обошелся бы найм индивидуальных учителей, но «идейные родители» отдавали детей в детские сады в основном потому, что считали необходимым обеспечить их навыком общения со сверстниками под руководством умелых педагогов⁵⁸.

В отношении целей и задач образования детей изменения коснулись взгляда на смысл обучения девочек. В условиях, когда в конце XIX в. интеллигентная работающая дворянка стала привычным явлением, связывать необходимость ее учености исключительно с задачами материнства стало как-то неудобно. В этой связи «новые идейные» родители, занимаясь мальчиками и девочками на равных основаниях, добиваясь максимального развития их способностей и формирования «человека» и «гражданина», готовили и тех, и других к *самостоятельному* выбору своего жизненного пути. С другой стороны, далеко не все сферы деятельности «новые идейные» родители-дворяне были готовы признать подходящими для девушки из их круга. Так, одна из родственниц Е. С. Зарудной с большим трудом устроила дочь в балетное отделение Театрального училища. Ребенок выдержал огромный конкурс: из 80 девочек

⁵⁷ В 1874 г. — 56, а в 1881 г. — 84. Краткий отчет деятельности совета С.-Петербургского фребелевского общества за 1871–1881 гг. СПб., 1882. С. 18.

⁵⁸ См. Правила для приема воспитанников в приготовительное училище и детский сад В. В. Лилиенфильд. СПб., 1881; Правила приема детей в школу и детский сад графини С. К. Кронгельм. Тифлис, 1880; Сведения для определения детей в элементарную школу М. В. Илляшевич. СПб., 1873. *Сикорский И. А.* Киевское фребелевское общество и его учреждения. Киев, 1908.

взяли только 12. Произошедшее событие вызвало неоднозначную реакцию у членов семьи. Одни активно помогали родителям, шили и покупали необходимую для девочки одежду. Другие, причем наиболее «идейные» — И. М. и М. С. Гревсы, были очень недовольны этим выбором, видя в нем «позор чести рода». Пришлось матери, жившей значительно скромнее, чем ее знаменитые родственники, оправдываться, доказывая, что «может быть не хорошо наталкивать ее на кокоточную дорогу; но готовить к тому, чтобы быть бедной учительницей тоже не сладко»⁵⁹.

Таким образом, «новые идейные» родители хотя и оказывали существенное влияние на формирование эталона отношений между старшими и младшими в дворянских семьях, но, как и «старые родители», не могли составлять к началу XX в. действительно массового явления в дворянской среде. Ведь проводимый ими опыт воспитания «человека» и «гражданина» предполагал слишком большие расходы на каждого ребенка, что в массе своей было совершенно недоступно рядовому русскому дворянину. Вместе с тем, «новые идейные» родители (и отец, и мать) исповедывали принцип активного личного участия в воспитании детей, что, впрочем, не мешало им широко использовать как помощь специалистов, так и прислугу разного рода.

Итак, характеризуя эволюцию взаимоотношений родителей и детей в дворянской среде необходимо выделить несколько наиболее важных этапов:

1. Середина XIX в. — рожденные при помощи крестьянских повитух дворянские дети получали первоначальный уход на руках у крестьянских же кормилиц и нянек, а затем воспитывались гувернантками и гувернерами, как правило, иностранцами. Целью образования мальчика было подготовить его к выбранному родителями «месту», а девочки — продемонстрировать «манеры» и «невинность», дававшие, по общему мнению, наибольшие шансы на замужество. Родительское участие в воспитании детей носило эпизодический характер и предполагало самый общий контроль, а также организацию карьеры юноши и брачной партии девушки.

⁵⁹ ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Ф. 445. — Е. С. Зарудная-Кавос. Д. 43. Л. 49–50.

2. 60-е — первая половина 70-х гг. XIX в. ознаменовались серьезным кризисом в отношениях поколений. «Новое», находящееся под активным влиянием разного рода передовых идей молодое поколение отказывалось безропотно следовать дороге, определенной для них старшими. В результате широко распространилась практика «уходов» юношей и девушек из дома, предполагавшая полный разрыв отношений родителей и детей. В эти же годы заметным явлением стало появление двух групп «новых» родителей, совершенно по-иному, чем «старые» представлявших свою роль в жизни детей. В рамках этого подразделения выделяются две группы. «Новые идейные» родители, считавшие необходимым активно лично участвовать в формировании из своего ребенка «человека» и «гражданина», прежде всего, под воздействием своих общественных убеждений; и «новые практические» родители, вынужденные сами заняться подготовкой детей к практической деятельности ввиду отсутствия достаточных средств для сохранения «старой» системы взаимоотношений с детьми.

3. Конец 70-х–90-е гг. XIX в. — дворянские дети появляются на свет с помощью квалифицированных специалистов, хотя все еще преимущественно на дому. В «новых» семьях возрастает участие родителей в уходе за младенцами и детьми младшего возраста. Воспитание и образование девочек по целям и задачам все больше приближается к аналогичным показателям в отношении мальчиков.

4. Начало XX в. — среди дворянок растет предпочтение стационарного способа родовспоможения. Преобладающим типом родителей становятся «новые практические» родители. Уход, а также образование и воспитание детей всех возрастов сосредотачивается в руках матерей. Роль отца большей частью ограничивается финансированием их нужд. Характер воспитания и образования, как мальчиков, так и девочек предполагает практическую направленность, ориентированную на получение достойной профессии.

ЯЧЕЙКА ОБЩЕСТВА

Е. Н. КИРИЛЛОВА

ВЛИЯНИЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НА СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И БЛАГОСОСТОЯНИЕ РЕМЕСЛЕННИКОВ*

Во Франции в Средние века и в раннее Новое время ремесленная мастерская, лавка мелкого торговца или купеческая контора были в первую очередь семейным делом и семейным предприятием. Жизнь ремесленных и торговых корпораций регулировалась обычаями и нормативными актами — регламентами, которые утверждались местной или центральной властью. Регламенты прямо не вмешивались во внутрисемейные дела, но, безусловно, влияли на выбор семейных стратегий и, несомненно, затрагивали материальное благополучие семьи мастера или купца. К уставам реймских корпораций XV–XVIII вв. и прочим источникам, происходящим из Реймса и других французских городов, мне и хотелось бы обратиться в этой статье, сконцентрировав внимание не столько на положении особо привилегированных членов семьи ремесленника — сыновей и вдов¹, сколько на иных сюжетах из истории этих семей. Речь пойдет о воздействии регламентации на брачные стратегии ремесленников и торговцев; о статусах и ролях их домочадцев, участии последних в профессиональной деятельности; а также о практике совмещения профессий с точки зрения благосостояния семьи.

Корпорация не решала внутрисемейных дел, и чем отдаленнее было родство, тем меньше вероятность встретить упоминание о нем

* Исследование проведено в рамках проекта «Гендер и власть в истории» программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество в истории».

¹ Об этом см. подробнее: *Кириллова Е. Н.* Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках / Отв. ред. Н. А. Хачатурян. М., 2007. Гл. VI–VII.

в текстах. Зачастую деление на «своих» и «чужих» проходит для корпораций по линии малой семьи — супружеской пары с детьми, которые входят в эту семью до той поры, пока не обретут самостоятельности. В то же время в реальности членами семьи мастера могли быть не только его жена и дети, но и другие более или менее близкие родственники. Условно их можно разделить на несколько групп в соответствии с их жизненными (семейными и профессиональными) перспективами. Прежде всего, это те, у кого не было возможности (или необходимости) обрести самостоятельность — пожилые родители хозяина и хозяйки, бедные незамужние родственницы (в том числе сестры мастера). Они находились на иждивении, и их роль сводилась к помощи по дому, с которым они были навсегда связаны.

Практически бесперспективным с точки зрения реальной или потенциальной возможности обрести собственный дом и завести собственное дело было положение взрослых братьев мастера. Все дети мастера обладали правом стать мастерами и членами профессионального сообщества, но для младших это право оказывалось менее реальным. Отец передавал свое дело и свою мастерскую старшему сыну. Выделяя, в соответствии с местными обычаями, долю для младших сыновей, он не всегда мог дать им столько, сколько хватило бы на их самостоятельное обустройство. Если младшим не удавалось удачно жениться, они нередко оставались работать в мастерской старшего брата, получившего ее по наследству². Доля их участия в семейном деле могла быть весомой, поскольку они чаще всего владели ремеслом и вполне могли играть роль квалифицированных помощников (подмастерьев).

Другие родственники — малолетние родные и двоюродные братья и сестры мастера, его племянники, крестники (такое родство следует принимать во внимание не меньше, чем кровное) и другие — также могли временно или постоянно входить в его семью, помогать по хозяйству или учиться ремеслу. Они принадлежали к иной возрастной группе, и их интересы пересекались с интересами детей мастера.

На примере парижских уставов XIII в. известно, что особые привилегии могли признаваться корпорациями за племянниками, дядями, двоюродными братьями и другими, более дальними родст-

² См.: Любарт М. К. Семья во французском обществе. XVIII — начало XX в. М., 2005.

венниками мастера³. В реймских уставах упоминаний о таких привилегиях не встречается; видимо, эти родственные связи не позволяли получить никакого иного статуса, чем положение «чужака».

На первое место мастера ставили интересы своих детей, что нашло проявление во многих правилах, но, как представляется, довольно часто они не фиксировались в уставах, потому что считались очевидными для всех. В частности, регламенты рассматривают такую ситуацию как положение ученика, чей мастер умер до окончания срока обучения, но до XVIII в. даже не упоминали о том, изменялись ли права и возможности детей мастера после его смерти. В то же время ключевые моменты жизни человека — вступление в брак, рождение ребенка и некоторые другие — не могли остаться без внимания законодательства.

Прежде всего рассмотрим такие ситуации, когда на статус человека в корпорации могло повлиять его семейное положение. Несомненно, главным образом это касалось женщин. Их статус в корпорации определялся через их семейное положение в принципиально большей степени, чем исходя из их профессиональных навыков (дочь или жена мастера, его вдова). Семейное положение мужчины также могло повлиять на его статус, но лишь в некоторых случаях. В первую очередь это сказывалось при вступлении в брак. Выбирая себе жену, человек, решивший заниматься данной профессией и не находящийся в близком родстве с мастером, должен был тщательно взвесить все последствия своего выбора. Он мог значительно облегчить себе путь в корпорацию, если брал в жены дочь кого-то из мастеров. В этом случае он приравнивался к сыну мастера⁴ и получал полагающиеся ему немалые привилегии. Иногда было достаточно объявить о помолвке⁵.

³ Устав сукновалов (LIII регламент парижской «Книги ремесел») распространяет некоторые привилегии на братьев мастера, плотников и изготовителей седел — на племянников (XLVII и LXXIX уставы). В уставе ткачих шелковых головных повязок (XLIV) говорится об «одной из своей семьи» («une de sa char» — см.: *Le livre des métiers*, publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. P., 1879. Repr. Genève, 1980. P. 83. IV статья), а у ювелиров (XI устав) степень родства вообще не ограничивается («de son linage ou de lignage sa fame, soit de loing soi de pres» — *Ibid.* P. 33. IV ст.). Братья и племянники мастера-сукнодела (L устав) приравнивались к его сыну, а братья и племянники его жены не получали подобных привилегий.

⁴ Например, у шляпников в регламенте 1630 г.: «Que les compagnons dudit métier quy seront fils de maître, ou prendront en mariage la fille d'un maître

Подмастерье, обучавшийся в Реймсе в течение установленного срока, и взявший в жены дочь книготорговца, печатника или переплетчика, принимался в мастера «посредством этого брака, без каких-либо выплат, по первой просьбе» (устав 1623 г.)⁶. Это было серьезное преимущество, хотя сначала ему все-таки следовало пройти обучение на общих основаниях. Наполовину уменьшались вступительные взносы для повара, женившегося на дочери мастера; во всем остальном он оставался равен обычному ученику, а вовсе не сыну мастера (1757 г.)⁷.

Традиционно при описании таких ситуаций регламенты говорят о подмастерьях, и то, что ремесленники женились, еще не став мастерами, не вызывает сомнения. Но женихом мог оказаться и ученик, а невестой — вдова мастера. Если отношения с хозяйкой перерастали деловое сотрудничество, и заключался брак, то работник не становился мастером автоматически, но дополнительно к материальному приданному (мастерская, лавка, инструменты и т.д.) вдова приносила ему весьма весомое нематериальное: ряд привилегий, облегчавших получение статуса мастера. Подмастерью и ученику, женившемуся на вдове изготовителя шелковых изделий, разрешалось не отрабатывать полагающиеся после завершения обучения 4 года, он мог сразу же выполнять шедевр, если только достиг установленных для мастера 22 лет (регламент 1600 г.)⁸. Женильба на вдове бакалейщика уравнивала будущего купца с сыном мастера и с его зятем (1692 г.)⁹.

В то же время человеку, не имеющему отношения именно к этой профессии, женильба на вдове мастера не облегчала путь в корпорацию. В регламенте тех же печатников, например, было специально записано, что новые мужья вдов не освобождаются от ученичества и выполнения прочих требований (1623 г.)¹⁰. И если вдова выходила замуж за постороннего для ее ремесла человека,

d'ycelluy métier...» (*Varin P. Archives législatives de la ville de Reims. P., 1847. Pt. 2. Statuts. Vol. 2. P. 207. [VIII] ст.*).

⁵ В уставе столяров 1592 г.: если подмастерье женат на дочери мастера или помолвлен с ней (*Ibid. P. 354. XII ст.*).

⁶ *Ibid. P. 472–73. IX ст.*

⁷ *Ibid. P., 1852. Pt. 2. Vol. 3. P. 501. XVI ст.*

⁸ *Ibid. Pt. 2. Vol. 2. P. 382. [XVI] ст.*

⁹ *Ibid. P. 983. X ст.*

¹⁰ *Ibid. P. 473. X ст.*

она должна была расстаться с ремеслом; такое требование было записано практически во всех реймских регламентах.

В XVIII в. ученики, женившиеся на дочери мастера, стали упоминаться в регламентах регулярно, поскольку корпорации ввели для них особый взнос: если они учились ремеслу не там, где вступали в брак, то должны были «компенсировать» сообществу «упущенную» выгоду. Новый регламент реймских портных и старьевщиков 1716 г. определял для такого ученика, зятя мастера, сумму в 30 ливров, которую он заплатил бы в качестве вступительного взноса, если бы учился у местного мастера¹¹. Столько же требовали с женившегося на дочери мастера ученика или подмастерья и басонщики, если тот выучился ремеслу за пределами Реймса (1736 г.)¹². Во всем остальном он приравнивался к сыну мастера.

У шляпников в уставе 1736 г. появилось аналогичное правило, требующее компенсации за обучение, прошедшее в другом месте, за исключением тех городов королевства, где данное ремесло имеет регламент¹³. Хотя женитьба на дочери мастера не освобождала такого ученика от выполнения шедевра и от всех полагающихся выплат — в отличие от сыновей мастера, шедевром не обязанных.

Неординарная ситуация сложилась у мясников, составлявших в 1737 г. новый регламент взамен первого их устава, действовавшего с 1466 г. Бальи Реймса предложил изменить статью о правилах приема в корпорацию следующим образом: «ученики, которые женятся на дочерях мастера, будут платить лишь половину указанных взносов»¹⁴. Имеется в виду половина от тех выплат, которыми был обязан обычный ученик, то есть 125 ливров (вместо 250) сообществу и 17,5 ливров (вместо 35) — присяжным. Сын мастера платил существенно меньше: 45 и 15 ливров соответственно¹⁵.

В данном случае бальи не просто скорректировал (уменьшил) изначально заложенную корпорацией сумму вступительного взно-

¹¹ «Au cas que ledit aspirant n'eût point fait son apprentissage en cette ville, et qu'il épouse une fille de maître, il payera au receveur de ladite communauté seulement la somme de trente livres pour le droit d'apprentissage» (Ibid. P. 520. VII ст.).

¹² Ibid. Pt. 2. Vol. 3. P. 298. X ст. P. 306. Not. 1.

¹³ Ibid. Pt. 2. Vol. 2. P. 215. VI ст.

¹⁴ Ibid. P., 1844. Pt. 2. Vol. 1. P. 993. Not.

¹⁵ Ibid. P. 990. I–II ст.

са¹⁶, но и заменил правило, ранее гласившее, что «те, кто не учился и не имеет зарегистрированного свидетельства [об обучении], заплатят 300 ливров сообществу вместо 250 ливров и выполнят все, что предписано выше» (то есть выполнят шедевр и заплатят присяжным)¹⁷. Составители устава не учли такую повседневную ситуацию, как женитьба на дочерях мастеров, но высказали заинтересованность в людях, не учившихся ремеслу и не имеющих свидетельства об обучении. Такой человек, конечно, может быть неплохим специалистом, лишь в силу обстоятельств не сумевшим выполнить формальности или выполнившим их не до конца — если, например, учился у того, кто не был членом корпорации. Показателем его мастерства послужил бы шедевр, но главным и самым существенным требованием к нему корпорация выдвинула все-таки денежный взнос. Весьма вероятным представляется объяснение, что составляли устав присяжные, больше заинтересованные в этих выплатах, чем в планомерном рассмотрении всех возможных конфликтных и повседневных ситуаций.

Так, женитьба на дочери мастера значительно, хотя и в разной степени в разных корпорациях, облегчала доступ к ремеслу, «приближая» зятя мастера к его сыну, но не полностью уравнивая их.

По неписанным правилам ученику не полагалось иметь свою семью; его брак мог означать прекращение обучения и запрет на профессию. Женатых учеников запрещалось держать печатникам, переплетчикам и книготорговцам (1623 г.)¹⁸. Такое же ограничение есть у купцов-мерсье (1639 г.), причем женатые ученики приравниваются к иностранцам. Мастер должен был возместить все убытки и расходы ученика и заплатить произвольный штраф, если не мог убедительно доказать свое незнание об этом обстоятельстве¹⁹, хотя

¹⁶ В реймской практике это происходило регулярно. См.: Кириллова Е. Н. Указ. соч. Гл. III.

¹⁷ Varin P. Archives législatives. Pt. 2. Vol. 1. P. 990. II ст.

¹⁸ Ibid. Pt. 2. Vol. 2. P. 473. XI ст.

¹⁹ «Ne pourront lesdits maistres dudit estat tenir aucuns apprentis qui soient mariez et estrangers, pour gagner les maistrise et franchises; et s'il font le contraire, seront tenuz de tous des despens, dommages et intérest desdits mariez ou estrangers, et d'amende arbitraire, s'il n'estoit qu'ils montrassent par acte suffisant en avoir advertis dès le commencement» (Ibid. P. 569. X ст.). Ответственность несет купец, обязанный знать все нормы своей корпорации. Купцы-мерсье (*marchands merciers*) — влиятельные негоцианты, занимавшиеся исключитель-

при утверждении регламента вышестоящие инстанции предложили все-таки допускать женатых к обучению²⁰.

Подчеркну, что здесь речь идет о женитьбе человека, еще не достигшего звания мастера, на посторонней для корпорации девушке. В данном случае — исключительно об ученике, а не подмастерье, на которого подобные запреты не распространялись.

Статус семейного человека не мог служить оправданием для не выполнявшего шедевр подмастерья, если он решал работать самостоятельно, а не на мастера ремесла²¹. Это уточнение свидетельствует, что в обществе существовало представление о полноправном мастере как, с одной стороны, о специалисте, хорошо знающем свое дело, и с другой — как о человеке, обладающем определенным социальным статусом и весом в обществе, домохозяине и семьянине. Женатый подмастерье соответствовал этим критериям и в глазах окружающих уже выглядел специалистом и солидным человеком (практически мастером). Но с точки зрения корпорации, работать самостоятельно мог только тот, кто вступил в нее, и она добивалась, чтобы именно этот критерий стал главным и даже единственным²². С таких позиций женатый подмастерье мастером не являлся и потому не мог претендовать на его права и привилегии.

Мастера, являвшиеся членами ремесленных корпораций, желали передать своим наследникам не только материальные, но и нематериальные свидетельства принадлежности к данному ремеслу. Независимо от того, как и когда дети и жена мастера могли унаследовать его имущество, они получали и при его жизни и после его смерти преимущественное право на это ремесло. Домочадцы могли работать, не вступая для этого в корпорацию. Их имена не заносили в

но оптовой торговлей. Реймские купцы претендовали на контроль над самыми разными товарами, главными из которых были разные виды тканей, предметы роскоши, а также изделия из металла, книги, бумага и множество других товаров, хотя есть предположения, что в Реймсе в одну корпорацию входили как те, кто занимался оптовой торговлей, так и коробейники, мелкие торговцы галантерейным товаром, принадлежащие к иному социальному слою. Здесь при упоминании этой корпорации речь идет исключительно о купцах.

²⁰ *Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2. P. 568–569. Not.

²¹ *Ibid.* P. 381. [XII] ст.

²² Напомню и о таком критерии как королевский патент на право заниматься ремеслом.

списки мастеров, и все изделия, в производстве которых они могли участвовать (независимо от степени участия), считались выполненными главой семьи — мастером ремесла. Сыновья могли претендовать на большее: они обучались профессии у своего отца, что создавало им более комфортные условия по сравнению с остальными учениками — чужими для мастера, а их отец все равно имел право и возможность взять себе ученика, хотя фактически ему было кого обучать. То есть если мастер был в состоянии прокормить своих детей — независимо от их количества²³ — и еще одного или двух посторонних учеников, он мог их обучать, получая за это плату от их родителей или опекунов. Весьма вероятно, что правило, требующее от мастера, чтобы его ученики жили только в его доме, там же ели и пили²⁴, адресовано тем ремесленникам, которые предпочитали учить своих детей и не имели материальной возможности содержать других учеников, но, тем не менее, брали их в обучение.

Практика отдавать собственных детей в обучение к другим мастерам существовала, хотя это стоило денег и лишало детей мастера некоторых привилегий, поскольку в этом случае они становились (почти) обычными учениками. Взамен приобретались дополнительные знания и навыки, новый опыт. Преимущество могло заключаться и в укреплении связей между семьями, в возможности породниться, если у мастера, принимающего ученика, были только дочери. Регламенты не позволяют проследить все особенности таких ситуаций, но не следует забывать, что у мастера чаще всего был не один ребенок. В обучение соседу, скорее всего, отдавали младших сыновей, в то время как старшие оставались в доме отца.

Мастер, которому могли помогать жена и дети, находился в намного более выгодном положении по сравнению с тем, кто был

²³ Оно никак не ограничивалось регламентами, кроме тех случаев, когда в XVIII в. начали говорить о детях, родившихся до или после получения метризы их отцом. На традиционные привилегии могли претендовать только сыновья, которые родились у мастера, уже имеющего метризу. В доказательство предоставлялись документы о рождении и о получении метризы. Те же, кто родился ранее этого срока, приравнивались к посторонним ученикам. Такие нововведения появились в 1740-е гг. у реймских сапожников, булочников-кондитеров и портных.

²⁴ Устав изготовителей шелковых изделий 1600 г.: *Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2. P. 386–387. [XLV] ст.

лишен такой поддержки и потому был вынужден нанимать работников и платить им за работу. Ни жене, ни детям плата не полагалась. И если вопрос о жене так никогда и не возник²⁵, то проблема с детьми стала обсуждаться. Для стригальщиков сукна в 1675 г. было принято постановление, в соответствии с которым во время поста мастеру разрешалось иметь в мастерской не более четырех работников, включая его сыновей. В остальное время — не более трех²⁶. Это правило осталось скорее исключением: сын мастера, получивший возможность стать мастером в 12 лет, выдержав лишь «легкое испытание»²⁷, наверняка продолжал работать в мастерской отца.

На благосостоянии семьи мастера сказывалась такая важная часть его профессиональной деятельности, как изготовление изделий для своего собственного употребления, для себя и своей семьи. На эту работу не распространялись многочисленные запреты и ограничения, закрепляющие монопольные права корпораций и утверждающие за ними определенную сферу ремесленного производства, а сами эти изделия могли быть сделаны не по утвержденным в регламентах и законах правилам. Подразумевалось, что эти изделия не попадут на рынок, поэтому на них установленные или общепринятые критерии качества не распространялись. Многие регламенты вообще не рассматривали подобные сюжеты, не входившие в их компетенцию, и только в нескольких случаях изготовление «для себя» особо оговаривалось.

В уставе сукноделов 1292 г. было определено, что каждый может делать сукно для себя и для своих такое и такой выделки, как нравится, но чтобы оно было «добрым счетом» и из хорошей шерсти, и чтобы на нем не проставляли указания на Реймс (клейма). Если же кто-то продавал такое сукно, ему запрещали изго-

²⁵ Как можно предполагать, причины — в особой, гендерно обусловленной зависимости женщины и в ее невысокой профессиональной квалификации (хотя постороннему человеку пришлось бы платить и за самую простую работу, на уровне «подай-принеси»).

²⁶ Ibid. P. 395. Not.

²⁷ У булочников в уставе 1743 г. (*Varin P. Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2. P. 155. XIII ст.*) и при изменении регламента портных в 1749 г. (Ibid. P. 529. Not.) было установлено, что 12 лет достаточно, чтобы сын мастера, родившийся после получения метризы его отцом, мог стать мастером после небольшого испытания («une légère expérience»).

тавливать его даже и для себя²⁸. В регламенте 1340 г. разрешалось делать для себя любое сукно, из доброго сырья и добрым счетом, но не делать кромки²⁹, так как кромки служили для маркировки сукна, сделанного на продажу, и указывали покупателю на определенное его качество.

Регламент для сапожников и починщиков 1571 г. разрешал сапожникам ставить заплаты на обувь и допускал использование в работе даже «запрещенной» кожи, если это делалось для семьи³⁰. Аппретурщики тканей в своем уставе 1704 г. разрешали изготовителям саржи и ткачам сукна заниматься отделкой товаров, изготовленных ими у себя и для себя, но не для других³¹.

Для семейного благосостояния весьма благоприятным было знание разных ремесел и совмещение профессий, хотя скорее оно оказывалось вынужденной мерой, позволявшей поддерживать материальное положение на достойном или хотя бы минимально приемлемом для социального статуса семьи уровне. Практика совмещения профессий позволяла учитывать рыночную конъюнктуру и сложившийся спрос и, переключаясь от одного ремесла к другому, получать дополнительные средства.

Эта практика традиционно не приветствовалась ремесленными корпорациями, но, тем не менее, существовала. В некоторых случаях — на законных основаниях, в силу естественной неразделенности (близости) специальностей, когда одно и то же изделие могли и имели полное право изготавливать разные мастера, когда они могли выполнять одни и те же операции³², когда заказ требовал

²⁸ *Varin P.* Archives administratives de la ville de Reims. P., 1839. T. 1. Pt. 2. P. 1073–1074.

²⁹ *Ibid.* P., 1843. T. 2. Pt. 2. P. 846.

³⁰ *Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2. P. 242. [XIX] ст. P. 248. [XXIV] ст.

³¹ *Ibid.* Pt. 2. Vol. 3. P. 127. XXIII ст.

³² Болезненные для любой корпорации вопросы, которые всегда тщательно прорабатывались; особенно это характерно для уставов XVIII в. Списки изделий или операций, которые мастера других специальностей также могут и имеют полное право делать, приводятся в регламентах медников (1701 г.) — для торговцев скобяными товарами и литейщиков; литейщиков (1701 г.) — для булавочников; у аппретурщиков тканей (1704 г.) — для «стригальщиков и никого другого», которым разрешено лощить и прессовать на прессах все виды тканей, а также для изготовителей саржи и ткачей сукна, ко-

разнообразных навыков. Например, мастер-плотник Жан Пюссо работал и как столяр, и как плотник, и как архитектор, и даже как инженер, состоя в комиссии по благоустройству реки Вель³³.

В реймских источниках встречается целый ряд примеров, свидетельствующих о совмещении и близких, и далеких друг от друга профессий: это каменщик и одновременно колпачник Жан Боном³⁴, входившие в одну корпорацию перчаточники, пергаментщики, кожевники, выделяющие лайку³⁵. Это и редкий случай соединения разных ремесел в рамках одной семьи, когда профессиональные интересы мужа и жены находились в совершенно иных сферах: колпачница Жанна ла Орметт была женой музыканта Николя Маюэ, а колпачница Пьеретта Робен — женой сапожника-починщика Пьера Мэйяр³⁶. Это и указание на то, что вдовы мастеров меняли профессию, отказываясь от ремесла своих мужей³⁷, точнее даже — от весьма существенных преимуществ, которые корпорации были готовы предоставить им. Видимо, другая специ-

которые могут заниматься отделкой товаров, изготовленных ими у себя и для себя, но не для других. В уставе 1741 г. литейщики называют отдельно изделия, которые медники могут делать, и те, которые медникам делать запрещено; а также изделия, которые могут делать булавочники. Слесари (1646 г.) перечислили изделия: которые могут делать только они сами; только они и изготовители режущих инструментов и скобяных изделий; они и кузнецы; они и оружейники; а также указали разновидности слесарных изделий и специфику работы оружейников. См. подробнее: *Кириллова Е. Н.* Указ. соч. Гл. VIII.

³³ Сохранились ежедневные записи, которые Жан Пюссо (1544–1625) вел с 1568 г. См.: *Histoire de la Champagne*. Toulouse, 1975. P. 238.

³⁴ *Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2. P. 279.

³⁵ Для составления устава в 1574 г. к балы были приглашены не только кожевники, выделяющие лайку, как предполагалось изначально, но и изготовители пергамена, и перчаточники. При этом мастера Жан и Тома Соло заявили, что являются перчаточниками, а не кожевниками, выделяющими лайку, и что ремесла должны быть отделены друг от друга (*Ibid.* P. 265–266). Тем не менее, устав был составлен для всех трех профессий, с одной лишь особенностью: тот, кто желал принадлежать только к одному ремеслу, делал в качестве шедевра лишь соответствующее ему изделие, одно из перечисленных в VI–VIII статьях.

³⁶ 1576 г. См.: *Varin P.* Archives législatives. Pt. 2. Vol. 2. P. 278–279.

³⁷ К примеру, в уставе изготовителей колбас 1685 г.: «si elle renonce audit métier pour prendre une autre profession» (*Ibid.* P. 943. V ст.).

альность могла дать в тот момент больше, чем профессия мужа, даже вместе со всеми привилегиями.

Книгопечатники, книготорговцы и переплетчики принципиально запрещали совмещать эти профессии с любой другой:

«и если будет обнаружен человек, который занимается искусством книгопечатания, книготорговли и переплетным делом вместе с занятием, отличным от этого искусства книгопечатания, книготорговли или переплетного дела, в случае, если они являются сыном мастера или они прошли обучение, они должны будут в течение месяца сделать свой выбор и предпочесть одно из двух [занятий], чтобы этим пользоваться и предупредить злоупотребления, которые могут последовать»³⁸.

Требование обращено к сыну мастера, решившему совместить дело отца с другой профессией, и к ученику, обучение которого уже закончилось. Более его статус никак не уточняется; речь может идти равным образом о подмастерьях (обязательная работа подмастерьем предусмотрена для всех трех специальностей) или даже о мастерах. Приравнивая человека, прошедшего обучение, к сыну мастера хотя бы в этом аспекте, давая ему возможность выбора и время на это, регламент свидетельствует о его ценности и необходимости для сообщества печатников и книготорговцев. Зато авторы и корректоры книг оказываются той группой, конкуренция со стороны которых была особо неприятной для книгопечатников. В первой части той же статьи им запрещалось иметь типографии, прессы в их домах или в других местах, чтобы печатать собственные произведения, и запрещалось продавать книги — безразлично, от своего имени или от чужого. С заказом напечатать и продать книги авторы и корректоры должны были обязательно обращаться к книготорговцам или переплетчикам.

Для поддержания преемственности в рамках корпорации не было особой разницы в том, мастерами в первом или не в первом поколении являются ремесленники. И замкнутость корпораций, как представляется, была все же условной их характеристикой. Анализ списков реймских мастеров, хотя и не самого представительного в этом отношении источника, показывает, что если интервал между

³⁸ Ibid. P. 473–474. XIV ст.

списками превышает столетие, семейный состав корпораций полностью меняется, в то время как между списками с тридцатилетней разницей преемственность сохраняется на уровне 20–30%³⁹. Данные для других городов и корпораций подтверждают эти заключения. Так, за сто лет полностью обновилась корпорация марсельских канатчиков: ни одна фамилия из списков конца XVII — начала XVIII вв. не присутствует в списке 1790 г.⁴⁰, хотя записи о приеме в корпорацию позволяют проследить, как именно происходило изменение состава. Примерно 25% мастеров составляли стабильный костяк корпорации портных Турина в первой половине XVIII в. (с учетом не только мастеров, но также учеников и подмастерьев)⁴¹. Если посмотреть на те же данные иначе, получается, что всего за сорок лет корпорация обновилась на 75%.

В то же время знания имен работавших в том или ином году мастеров недостаточно для обоснования замкнутости или открытости корпораций. Мастерская могла десятилетиями существовать на одном и том же месте, иметь практически постоянную клиентуру, благополучно и бесконфликтно переходить к наследникам — и называться при этом по-разному, если, например, у ее владельцев раз за разом рождались дочери, или если наследниками оказывались внуки⁴² или племянники.

³⁹ Кириллова Е. Н. Корпорации раннего Нового времени. С. 225–227.

⁴⁰ Reynaud J. Un vieux corps de métier marseillais: les auffiers. Marseille, 1929. P. 94–101.

⁴¹ Cerutti S. Du corps au métier: la corporation des tailleurs à Turin entre XVIIe et XVIIIe siècle // *Annales. E.S.C.* 1988. № 2. P. 331.

⁴² Единственное для Реймса упоминание о внуках мастеров встретилось в регламенте монетчиков 1725 г. В нем обстоятельно перечисляются правила приема в мастера старшего сына (V–VIII, X ст.); всех остальных сыновей, сколько бы их ни было (XI ст.), дочерей (XII ст.), а также внуков (XIII ст.; см.: Varin P. Archives législatives. Pt. 2. Vol. 3. P. 186–187). Процедура приема описана применительно к старшему сыну мастера, для других детей и для внуков требования не изменяются ни в сторону облегчения, ни в сторону затруднения доступа в корпорацию; удивительно, что для них вообще потребовались отдельные статьи. По всей видимости, причина заключается в особой, исключительной замкнутости этой корпорации. В последней статье устава подчеркивается, что впредь не будет принят никакой сын монетчика и наладчика, не подписавшегося под этим регламентом (Ibid. P. 187. XIV ст.), и далее названы имена 12 монетчиков и 11 наладчиков, работавших в январе 1725 г.

Анализируя воздействие, которое регламентация оказывала или могла оказать на семейное положение и благосостояние, не следует забывать, что изначально было обратное влияние. Именно семейное положение мастеров, являвшихся членами корпораций, и их заинтересованность в сохранении определенного уровня благосостояния своей семьи сказывалось на том, какие правила и в какой формулировке записывались в регламентах и становились общепринятой и общепризнанной нормой. Именно они, а никак не должностные лица, представлявшие короля, герцога, архиепископа или город и участвовавшие в составлении и обсуждении уставов, были заинтересованы в исключительных привилегиях для детей мастеров, как, вероятно, и в утверждении особого статуса для вдов.

Множественность зафиксированных в регламентах правил и норм отражает, как представляется, разнообразие жизненных ситуаций, возникавших в конкретных обстоятельствах каждого ремесла. Так появляются неповторимые формулировки: присяжные, желающие получить побольше денег, но забывшие напрочь о дочерях мастеров, вероятно, сами в тот момент не нуждались в привилегиях для зятьев — либо их дочери уже были замужем, либо слишком малы (здесь можно предполагать и непредусмотрительность), либо у них не было дочерей. Другие присяжные, добившиеся для 12-летних детей права стать мастерами, вероятней всего, делали это для своих малолетних сыновей — не случайным выглядит в уставе булочников 1743 г. запрет проводить испытание для сына мастера в доме его отца, если тот является в настоящее время присяжным⁴³.

Подобные единичные случаи, находящиеся на грани нормы, подчеркивают зафиксированное в массе типичных и регулярно повторяющихся правил принципиально первое место, которое благополучие и процветание семьи, стабильность семейного дела занимали в общих интересах членов ремесленных и торговых корпораций.

⁴³ Ibid. Pt. 2. Vol. 2. P. 156. XVI ст. Подробнее о возрастных критериях см.: *Кириллова Е. Н.* Мастера и ученики: возрастные ограничения в ремесленных корпорациях Реймса // *Мир Клио. Сборник статей в честь Л. П. Репиной.* М., 2007. Т. 1. С. 349–356.

Т. М. ЗАЙЦЕВА

КОРОЛЕВА КЛОД И ГЕРЦОГИНЯ САБИНА: К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ В ЭПОХУ РАННЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Пути и судьбы двух стран, к которым мы обратимся, Франции — крупнейшего государства в Европе эпохи Раннего Нового времени и Вюртемберга — относительно небольшого княжества в Юго-Западной Германии, по многим параметрам были различны.

Франция в начале XVI в. прочно встала на путь модернизации и централизации. Хотя процессы были еще далеки от завершения, со времени правления Франциска I (1515–1547) и его преемников связан серьезный прогресс в этом направлении. До конца XV в. во Франции еще во всю шла борьба центробежных сил с центром; но в XVI в. признается приоритет королевской власти.

На время правления в Германской империи двух знаменитых Габсбургов — Максимилиана I (1493–1519) и Карла V (1519–1555) также приходится попытки централизации власти, намечаются ростки того, что составляло суть Перехода в странах европейского центра — Франции и Англии. Однако в силу специфики социально-политического развития этого региона, составляющие его земли оказались в зоне так называемой полупериферии реннеевропейской модернизации¹. Это, в частности, отразилось и в устройстве Империи, где не сложился ранний абсолютизм с характерной для него политикой протекционизма и меркантилизма, являвшихся визитной карточкой новаций в экономико-технологической и политической областях. Габсбурги вынуждены были опираться в своей политике на многочисленные «территории» — германские княжества, лавировать между ними. В целом, Германия представляла собой сложный конгломерат сил, одним из стратегически важных центров которого были земли в Южной Германии.

¹ См. об этом: *Раков В. М.* Система европейских государств в XVI–XVIII вв. Исторический обзор // *Раков В. М.* «Европейское чудо» (Рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). Пермь, 1999. С. 59–63.

Изменение кодов гендерного сознания и поведение элиты этих столь разных стран в специфическом проявлении на разной национальной почве отражали процессы Перехода. Проблема эта большая и фактически в исторической литературе. Данный текст представляет собой попытку подступиться к этой теме, обратившись к ней через анализ конкретных персонажей — герцогини Сабини Вюртембергской и королевы Клотильды Французской.

Как правило, при изучении положения женщин во властном пространстве новоевропейской цивилизации внимание исследователей обращено на фавориток правителей, зачастую игравших серьезную политическую роль. К ним относились представительницы высшего дворянства (а иногда и женщины, поднявшиеся из социальных низов и сделавшие стремительную карьеру), но не правящих семей. Однако в данном случае речь пойдет о лицах, непосредственно принадлежащих к правящей элите, принцессах крови. Причем объектом нашего внимания будут не те женщины, которые проявили себя в политической деятельности (например, в качестве регентш) или прославились в сфере культуры. Наши героини не были в этом отношении особенно заметными, хотя и «...являлись по своему рождению и по воспитанию политическими существами...». Так, братья Сабини хотели в 1519 г. сделать правителем Вюртемберга ее малолетнего сына, а саму ее назначить при нем регентшей. Однако этим планам помешали Габсбурги; и Сабина пробыла у власти всего несколько месяцев. Клотильда, умерев в относительно молодом возрасте, во власти не участвовала, исключая обязательные церемонии (такие, как коронация, торжественные въезды в города и похороны), где она представляла во всем блеске как французская королева, не проявляя при этом особой индивидуальной активности. Таким образом, мы обратимся к биографиям «рядовых» представительниц правящей элиты. Тем не менее, на судьбах этих женщин отчетливо сказались присущие времени исторические особенности упомянутых стран.

Несмотря на достаточно сильные различия социальных позиций Сабини Вюртембергской и Клод Французской и их политических «капиталов», мы хотим сравнить их как представительниц одного поколения и одного слоя — правящей элиты. Такое сравнение позволит проследить, каков был жизненный цикл женщин в

этой среде; как складывалась и в каких условиях существовала элитарная супружеская семья в Раннее Новое время и, наконец, какое влияние оказывала специфика развития различных европейских регионов на гендерный статус и судьбы мужчин и женщин.

Сабина (1492–1564) — жена Ульриха, третьего герцога княжества Вюртемберг, одного из колоритных правителей Германии эпохи Реформации. Совместная жизнь Сабины и Ульриха длилась относительно недолго (с 1511 по 1515 г.), закончившись ссорой супругов и побегом герцогини за пределы княжества. Оба прожили еще достаточно долго, но так и не помирились. Сабина смогла вернуться в Вюртемберг только в 1550 г., после смерти мужа, в правление их общего сына Кристофа.

Посмотрим, каковы черты личности вюртембергской герцогини и ее женская идентичность. Начнем с экзиса (термин П. Бурдые) — комплекса внешних черт и форм поведения. Сабина не была красива. Красота традиционно считается ядром женской идентичности. Конечно, ее восприятию присуща субъективность, как индивидуальная, так и историко-культурная, но она, несомненно, представляет собой важный идентификационный признак². Отчасти она дается от природы, но в значительной мере конструируется обществом. Соответствие или несоответствие идеалу означает принятие женщиной уготованной ей роли в обществе, следование социальным ожиданиям. Традиционной немецкой историографии присущ образ Сабины как женщины-вираго³ — она изображается весьма грубой и неженственной особой. Вюртембергская герцогиня оказывается чересчур крупной для женщины, ее описывают как маскулинную, резкую в речах и склонную к ссорам⁴.

² Nahoum-Grappe V. La belle femme // Histoire des femmes en Occident. P., 1992. V. 3. P. 96; Decaux A. Histoire de Francaises. P., 1972. P. 141–142; Серова И. Г. Гендер. Язык. Ментальность. Тамбов, 2006. С. 165–166 и др.

³ Букв. «бой-баба». Этим выражением, популярным в XVI в., было принято обозначать мужеподобных женщин. См. об этом: Pellegrin N. L'androgyn au XVIe siecle: pour une relecture des savoirs // Femmes et pouvoirs sous l'ancien regime. P., 1991. P. 13.

⁴ См., напр.: Borst O. Herzog Ulrich // Wuerttemberg und seine Herren. Landesgeschichte in Lebensbildern. Esslingen, 1988. S. 59; Press V. Herzog Ulrich (1498–1550) // 900 Jahre Haus Wuerttemberg. Leben und Leistung fuer Land und Volk. Stuttgart, 1984. S. 114.

Являлось ли это отражением реальности или реакцией мужского сознания на нетрадиционное женское поведение? Действительно, конфликты супругов в ходе семейной жизни стали широко известны. А, совершив побег, Сабина, почти как героиня Л. Н. Толстого, оставила не только мужа, но и двух малолетних детей (некоторое время спустя по соглашению сторон они были переданы матери). Это вызвало бурную и неоднозначную общественную реакцию; не случайно Ульрих так и не простил ее.

Позднее имидж герцогини, выступившей во вполне традиционной роли матери наследника престола, а затем правителя, был «реабилитирован». Герцог Кристоф (1550–1568) был очень привязан к матери и всячески заботился о ней. В последние годы жизни Сабина не приняла монашество, как это происходило зачастую и как, например, поступила ее мать. Но вюртембергская герцогиня поселилась в выделенном ей по вдовьей доле замке, и ее образ жизни там, включавший обсуждение реформационных идей и чтение (Сабина в зрелом возрасте приняла кальвинизм) мало отличался от того, который ей пришлось бы вести в монастыре. На портрете XVI в. изображена если не суровая, то, по крайней мере, строгая женщина весьма пуританского вида. На ней нет никаких женских украшений и вольностей в одежде. Посвященная Сабине погребальная проповедь создает образ добропорядочной и благочестивой женщины⁵.

Как известно, большое значение для формирования идентичности играет первичная семейная социализация, освоенные в семье модели поведения. В отличие от мальчиков, которые достаточно рано отправлялись ко двору, девочки в аристократической среде могли оставаться в родительском доме вплоть до своего замужества, что, вероятно, способствовало формированию большей степени базового доверия (в терминологии Э. Эриксона / К. Хорни). Правда, нередко заключались ранние помолвки, но, как правило, свадьба значительно отстояла от предварительного договора по времени, и девочки дожидались супружества, благополучно взрослея в родной семье.

Так произошло и с Сабиной. Матерью ее была герцогиня Кунигунда Баварская, дочь германского императора Фридриха III и младшая, единственная и, по-видимому, любимая сестра Максимилиана I.

⁵ *Raff G.* Hie gut wuerttemberg allewege. Das Wuerttemberg von Graf Ulrich dem Stifterbis Herzog Lidwig. Stuttgart, 1988. S. 476.

Кунигунда описывается одними историками как весьма красивая женщина, другими, наоборот, как не особенно привлекательная⁶; но она всегда выступает как вполне традиционная по поведению женщина, добрая жена и мать.

Однако баварская герцогиня имела отнюдь не пассивный характер. Став вдовой, она вмешивалась в решение серьезных политических вопросов. В частности, позиция Кунигунды способствовала отмене введенного ее мужем принципа единонаследия: она настояла на назначении своего второго сына соправителем старшего, унаследовавшего баварский престол. Именно мать оказала решающее влияние на побег Сабина из Вюртемберга; и Ульрих довольно резко отзывался о ее роли в их супружеском разрыве. Отец Сабина, баварский герцог Альбрехт IV Мудрый (1463–1508) являлся заметной фигурой в Священной Римской империи. Одно из крупнейших территориальных княжеств, Бавария занимала важное место в германском социально-политическом пространстве; в этом сыграли роль и личностные качества самого герцога. Он принял участие в борьбе за «ландсхутское наследство», стремясь — и довольно успешно — к расширению своей земли. Альбрехт был талантливым правителем, с его именем связаны серьезные внутривнутриполитические преобразования; деятельность его первого помощника, канцлера Л. Эка стала символом зарождающегося государства нового, абсолютистского типа.

Заклученный по политическим мотивам брак родителей Сабина оказался счастливым. Это был редкий случай, когда чувства и политические интересы совпали. Сабина была третьим ребенком Альбрехта и Кунигунды среди многочисленного круга братьев и сестер. У нее было три брата и четыре сестры⁷, с большинством из которых она поддерживала отношения в той или иной форме практически всю свою жизнь. Как и Сабина, ее сестры стали объектами брачной политики семьи. Одна из них была выдана за курфюрста Пфальцского, другая — за маркграфа Бранденбурга. Из трех братьев старший, Вильгельм, унаследовал от отца баварский престол; второй в течении нескольких лет боролся за свои наследные права,

⁶ *Sauter F.* Herzogin Sabina von Wirttemberg. Inaug.-Diss, Tuebengen, 1943. S. 3; *Грессинг З.* Максимилиан I. М., 2005. С. 95.

⁷ Правда, одна из сестер умерла в младенчестве, а другая в подростковом возрасте.

опираясь на земельное дворянство, и добился соправления с братом; третий не был допущен к власти, получив в качестве отступного титул архиепископа⁸.

Сабина располагала солидным семейным символическим «капиталом». За ней стояла влиятельная и многочисленная родня. Являясь племянницей императора Максимилиана I, она стала объектом не только брачных манипуляций Габсбурга, но и покровительства с его стороны. После смерти отца Сабина попала в сферу политических интересов своих братьев⁹. Поддержку ей оказала мать, которая после смерти супруга ушла в монастырь, но сохранила влияние на ведение дел. Вюртембергская герцогиня имела довольно прочное имущественное положение: по брачному договору за ней дали немалое приданое, ей самой была выделена солидная вдовья доля. Представляется не случайным, что Сабина, принадлежа к такой семье, смогла пойти на решительный шаг и бросить вызов супругу.

Основными целями брака в аристократической среде являлись принесение женщиной земель, богатств и связей, а также рождение потомства, означавшего, среди прочего, приращение политической прибыли. Это касается и брака Сабины и Ульриха, который имел политическое значение. Большую роль сыграли интересы Максимилиана I, желавшего найти союзников на юге Германии. Предшественник Ульриха Вюртембергского отрекся от престола под давлением императора; молодой герцог пришел к власти в результате переворота еще до достижения им совершеннолетия. Помолвкой со своей племянницей Максимилиан надеялся привязать нового вюртембергского правителя. И он, и баварская сторона ожидали от Ульриха военной помощи в осуществлении экспансионистских планов. В качестве приданого за невестой вюртембергскому герцогу, чья казна была наполовину пуста, была обещана немалая денежная сумма.

⁸ Доронин А. В. Баварский гуманист Иоганн Авентин (1477–1534): исторические и социально-политические взгляды. Дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 91–94, 100.

⁹ Как уже отмечалось, в 1519 г. они затеяли аннексию Вюртемберга и попытались, изгнав Ульриха, установить баварский протекторат над княжеством при правлении малолетнего Кристофа и регентстве Сабины. См.: *Press V. Ein Epochejahr der wuerttembergischen Geschichte. Restitution und Reformation 1534 // Zeitschrift fuer Wuerttembergische Landesgeschichte. 1988. № 47. S. 208.*

В силу ряда обстоятельств между помолвкой, которая состоялась в 1498 г., и свадьбой оказался длительный временной разрыв; за это время и в политической обстановке, и с самими молодыми людьми произошли серьезные перемены. Бракосочетание Сабини и Ульриха задержалось на 13 лет и состоялось только в 1511 г., когда невесте было 19 лет, а жениху 24. Уже при первых встречах Сабини и Ульриха наблюдатели отмечали недостаток симпатии между ними. Можно только догадываться, как смотрела на этот союз сама Сабина. Девушка оказалась вырванной из семейного круга. Социальный ранг жениха мог казаться ей как племяннице императора не совсем адекватным; его культурные «капиталы» оставляли желать лучшего. О достаточно высоком уровне образования Сабини можно судить, исходя хотя бы из того, что ее отец провел юность в школах Северной Италии; одна из ее сестер прославилась как покровительница искусства. Сохранился список книг самой герцогини в преклонном возрасте, содержащий около 90 наименований¹⁰. На социализации Ульриха сказались особенности его биографии. Мать мальчика умерла вскоре после его рождения, а отец потерял рассудок. Опекун Ульриха и его предшественник на престоле мало заботился о нем и его воспитании. Помимо охоты и придворных практик полученное им в юности образование включало разве что музыку; Ульрих не был приобщен к гуманистической культуре, плохо знал латынь¹¹.

И, тем не менее, бракосочетание состоялось. Ему был посвящен пышный праздник, который поразил воображение современников. Несмотря на стесненность в средствах, было созвано множество гостей (в Штутгарте было расквартировано около 16 тыс. человек и 6 тыс. лошадей), съехалась многочисленная родня с обеих сторон. Прибывшим предлагалась обильная трапеза, впечатляли восемь фонтанов с вином, многие фунты пряностей и большое количество серебряной посуды. Жених и невеста были в роскошных красных нарядах¹².

¹⁰ *Sauter F.* Herzogin Sabina von Württemberg // *Zeitschrift fuer Württembergische Landesgeschichte.* 1944/1948. № 8. S. 350.

¹¹ *Horst C. Ulrich* // *Das Haus Württemberg. Ein biographisches Lexikon.* Stuttgart, 1997. S. 103; *Press V.* Herzog Ulrich. S. 110.

¹² Праздник является важным жизненным промежутком, выполняющим символические функции. Как отмечает Т. Ран, утверждение «прото-

Для правителя Вюртемберга женитьба на родственнице императора рассматривалась как способ поднятия политического престижа. Однако Ульрих был влюблен в другую женщину и хотел жениться на ней. На бракосочетании с Сабиной настоял регентский совет, а его возлюбленную срочно выдали замуж. Это не способствовало формированию симпатий герцога к жене. Не очевидно также, что Ульриху должно было нравиться обилие социальных капиталов у жены. Думается, что его могли раздражать и ее социальные позиции, и стоящие за ней защитники (к этому прибавлялось и то, что она не была красива, а также неуступчивость ее характера). Единственное, что его по-прежнему интересовало, — деньги, поскольку княжеская казна Вюртемберга с течением времени не стала полнее.

Совместная жизнь герцогской пары с самого начала протекала нелегко. Свое влияние оказал характер Ульриха, который был широко известен крутым нравом. Так, в 1515 г., движимый ревностью, он убил на охоте своего соперника. В 1516–1517 гг. были проведены казни чиновников ряда городов, причем одну герцог лично привел в исполнение. Как пишет Э. Шерр, вюртембергский герцог приказал пойманному в лесах его княжества браконьерам выкалывать глаза¹³.

Тиранический нрав вюртембергского правителя и жесткий, «неженский» характер его супруги приводили к непрекращающимся

кола» придворной свадьбы в Вюртемберге произойдет во второй половине XVI в., когда она станет одним из центральных элементов комплекса абсолютистских репрезентаций (см.: *Rahn T. Festbeschreibung und Topik einer Textsorte am Beispiel der Beschreibung hoefischer Hochzeiten (1568–1794). Tuebingen, 2006. S. 117–119*). Но и бракосочетание Сабины и Ульриха может быть «прочтено» в политическом смысле как форма утверждения сторон, публичное признание соглашения между ними. Это был политический дискурс, еще не в отработанной форме аллегорий и символов, а воплощенный в средневековые формы публичной растраты.

¹³ *Шерр Э. История цивилизации Германии. М., 2006. Т. 1. С. 359.* «Каролина» (1532) — первый в Германии общеимперский сборник правовых установлений с предлагаемым комплексом телесных наказаний и казней (включающий терзание калеными клещами, урезание языка и ушей, отсечение пальцев и пр.) отражает жестокий дух эпохи. В этой связи встает вопрос, насколько поведение Ульриха маргинально, или он (что более вероятно) воплощает определенный княжеский тип своего времени; см. об этом: *Press V. Ein Epochejahr der wuerttembergischen Geschichte. S. 207.*

семейным конфликтам. Ульрих был подвержен приступам гнева и бил супругу. Сабина не оставалась пассивной, обращаясь с жалобами к вюртембергскому совету, к брату, даже к дяде-императору. А в 1515 г. она при поддержке родственников и слуг совершает знаменитый побег в Мюнхен.

Таким образом, в силу сформировавшегося характера и наличных «капиталов» и позиций Сабина демонстрирует самостоятельное поведение и оказывается способной на столь серьезный шаг, как публичный разрыв отношений с мужем. Присущие личности вюртембергской герцогини маскулинные черты помогают ей преодолеть «границы допустимого». Напротив, в зрелом возрасте она выступает во вполне традиционной женской роли, как добрая мать и благочестивая женщина.

Клод (1499–1524) — первая жена Франциска I, с именем которого связано активное участие Франции в Итальянских войнах, расцвет культуры Возрождения и в целом восходящий период в истории французской цивилизации. Брак был заключен в 1514 г., незадолго до прихода Франциска к власти. Клотильда умерла в 1524 г., в возрасте 25 лет, успев за относительно непродолжительное супружество произвести на свет семерых детей.

Как и Сабина, Клод не отличалась стереотипной красотой, хотя внешне она представляла собой полную противоположность вюртембергской герцогине. Французская королева была маленького роста и чрезвычайно хрупкого телосложения. Клод и Франциск поженились, когда ей было 15 лет, а ему, тогда французскому дофину — 19; но и потом она не сильно изменилась, так и не превратившись в зрелую цветущую женщину. Как представляется, именно за отсутствие внешней привлекательности ее не любил муж. Красавиц, франт, человек кипучей энергии, Франциск I оказал определяющее влияние на реорганизацию стиля жизни двора. При нем во Франции была привита культура Возрождения с ее изысканностью и даже выпендренностью; вошли в практику мероприятия абсолютистской репрезентации. Такому человеку нужна была рядом иная женщина.

Однако отсутствие красоты компенсировалось у Клод обаянием; она была милой, женственной и обходительной. Как неоднократно отмечается, молодая женщина умела ладить с матерью Франциска Луизой Савойской и его сестрой Маргаритой, будущей

знаменитой писательницей; ее любили при дворе. Подобно Сабине, Клод оказалась не соответствующей канонам красоты и женской привлекательности; но если Сабине была присуща скорее мужская модель поведения, то Клод — избыток феминности. Помимо прочего, Клотильда с юности была очень набожной, получив посмертно статус святой: в народе ходили слухи, что на месте ее первого захоронения в Блуа совершались чудеса.

На формирование у Клод соответствующих жизненных установок повлияла семейная социализация и этапы ее биографии. Ее мать, герцогиня Бретани и французская королева Анна Бретонская, была женой двух королей — Карла VIII (1483–1498) и Людовика XII (1498–1515). Анна не пожелала передать под сень французской короны унаследованное ей герцогство, сохранив как его правительница самостоятельность и собственные политические капиталы. При жизни при ней постоянно находились бретонские дворяне; после смерти тело Анны было погребено в Сен-Дени, а сердце отправлено в Нант и с почетом встречено ее бретонскими подданными.

Как отмечает Ж.-А. Нерэ, Людовик XII, отец Клод, любил Анну и был внимателен к ней, но не в политических вопросах. Однако именно эта королева создала во Франции особый женский двор. Она была не чужда интриг, например, долгие годы боролась с матерью Франциска Луизой Савойской, с другими неугодными ей придворными. Анна не желала отдавать дочь за Франциска и, противостоя мужу, строила собственные матримониальные планы по ее поводу¹⁴.

Бретонская герцогиня была богата и любила роскошь. Она стала покровительницей искусства; при ее дворе служили знаменитые поэты и художники. Умерла Анна в 38 лет, к этому возрасту уже состарившись. Последние годы жизни присущая ей и раньше набожность стала принимать все более фанатичный характер, и Клод унаследовала от нее эту черту.

Отец Клотильды, Людовик XII, женился на Анне Бретонской, разведясь с первой женой. Их связывала с супругой любовь или, по крайней мере, привязанность: король очень эмоционально пережи-

¹⁴ *Neret J.-A.* Louis XII. Histoire et la vie P., 1943. P. 119, 242; *Шуш-кин В. В.* Мужчины в доме французской королевы (XVI–XVII века) // *Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда.* М.– СПб., 2001. С. 149.

вал траур после ее кончины. Но в силу необходимости он быстро утешился — повторная женитьба после смерти Анны с целью рождения наследника вновь втянула его в вихрь придворной жизни.

Как относился отец к дочери? Она была его первенцем, и он был рад рождению ребенка. Но в семье ждали мальчика-наследника. По мере того, как становилось ясно, что это ожидание бесплодно, атмосфера становилась все более нервной. Девочка выросла в череде смертей детей, которых производила на свет ее мать (мальчики рождались у Анны в 1508 и в 1512 гг.). Луиза Савойская, жившая при дворе с тех пор, как ее сын в отсутствие других наследников считался дофином, не старалась скрыть радость по этому поводу.

Единственным близким человеком Клотильды после смерти родителей была ее младшая сестра Рене. Но разница в возрасте между ними составляла 11 лет. Сестра принимала участие в церемониях королевской пары, но, будучи ребенком, не могла оказать французской королеве ту поддержку, которую имела от своей многочисленной семьи Сабина.

Семейный круг, символический «капитал» родословной имели в придворной среде большое значение. Клод была дочерью влиятельных персон, но после их смерти она осталась без защиты и покровительства. Анна Бретонская простила на смертном одре тех, с кем прежде враждовала, в том числе мать Франциска Луизу Савойскую, передав ей в управление свое имущество и на воспитание — старшую дочь-подростка. Однако Луиза на первое место всегда ставила интересы своего возлюбленного сына.

Помолвка Клод и Франциска, на тот момент просто герцога Валуа, состоялась в 1506 г. Договор был подписан Луизой, Людовиком и Анной и потом ратифицирован парламентом. Мать Клод не желала этого брака, сопротивляясь его заключению и успешно оттягивая сроки до самой своей смерти. Когда в 1514 г. свадьба все-таки состоялась, она была очень мрачной. После кончины Анны Бретонской прошло только несколько месяцев. У Людовика было неважно со здоровьем, он психологически готовился к смерти и поэтому решил на брак дочери и своего наследника. Однако овдовевший король настоял на трауре, и все присутствующие, в том числе и жених с невестой, были в черном. Клод, еще подросток,

ток, была в слезах. Луиза Савойская на свадьбе вообще не присутствовала; не было многих официальных лиц. Как пишет Ж.-А. Нере, свадьба двух наследников французского престола была как у простых людей, но без присущего им веселья. Выделялся в определенной мере только сам Франциск, который был в дорогих итальянских шелках (хотя и черных) и роскошных украшениях. Через пару дней молодые разъехались: новоиспеченный муж отправился по своим делам в Париж, Клод — в свою резиденцию в Блуа¹⁵. Таким образом, символический ресурс этого праздника не был использован, хотя впоследствии, став королем, Франциск показал себя любителем публичных церемоний и архитектурных репрезентаций. На уровне бессознательного это скажется на восприятии статуса Клод в среде придворной аристократии.

Клотильда принесла мужу значительный политический капитал. Вместе с ней Франциск получил права на Милан, что способствовало развязыванию его итальянских «авантюр». Их общему сыну она передала по наследству Бретань — чего безрезультатно добивался Людовик XII от ее матери. С женитьбой на ней произошло укрепление прав Франциска на французскую корону, хотя по праву близкого родства он и так был наследником престола. Благодаря жене он получил все ее наследные земли, кроме Блуа, к которому она была очень привязана.

Выйдя в 1515 г. замуж, Клотильда к концу года уже произвела на свет первенца. В этом плане ее брак с Франциском был успешным. Клод старательно выполняла роль «почвы рода», рожая детей каждые год или два. Луиза Савойская среди немногочисленных, но важных на ее взгляд событий упоминает в своем «Дневнике» движение плода в утробе своей невестки; она называет Клод дочерью (едва ли не чаще, чем свою родную дочь), ведь та способствовала усилению власти ее сына¹⁶.

Современник событий, автор «Дневника парижского буржуа», описывает торжественные церемонии въезда в Париж и коронации

¹⁵ *Neret J.-A.* Op. cit. P. 246; *Henry-Bordeaux P.* *Loise de Savoie, «Roi» de France.* P., 1971. P. 102–103.

¹⁶ *Journal de Louise de Savoye, duchesse d'Angouleme, d'Anjou et de Valois, mère du Francois Premier // Siecle XVI. Choix de chroniques et memoire sur l'histoire de France / Par J. A. C. Buchon.* P., 1836. V. 2. P. 299.

королевы в 1517 г.; упоминает ее в королевском эскорте наряду с матерью Франциска — «мадам регентшей» — во время передвижений Франциска по стране¹⁷. Однако Клотильда рожала детей, когда король был занят, и его рядом с ней не было. Жила она в основном в замке в Блуа, где провела детство и большую часть взрослой жизни. Франциск отстраивал его, особенно в первые годы супружества, поскольку он являлся местопребыванием его жены и детей. Жизнь самого французского короля проходила в постоянных переездах: ее составляла череда военных походов, охот, посещений Парижа и пр.

Умерла Клод еще молодой, по одной версии, от венерической болезни, которую ей передал муж; по другой — от нервного истощения, связанного с частыми родами. «Парижский буржуа» уделяет этому событию достаточно много внимания. Похороны Клод состоялись два раза. Первоначально ее погребли в Блуа. Причем при этом не присутствовали ни Франциск, ни «мадам регентша», ни даже дофин, все они репетировали церемонию торжественного въезда наследника в город¹⁸. А через несколько дней Франциск выступил в свой второй поход в Италию.

Император выразил неудовольствие Франциску по поводу недостойного для королевы захоронения его супруги, ситуация даже грозила перерасти в серьезный конфликт. Различного рода слухи по этому поводу распространялись в народе. После возвращения короля из испанского плена королевской семье пришлось предпринять перезахоронение тела Клод. «Буржуа» описывает торжественную церемонию, длившуюся несколько дней в ноябре 1526 г., когда почившую королеву выкопали и перевезли к месту фамильного королевского некрополя в Сен-Дени. Как выразился автор «Дневника», Клотильда тогда во второй раз посетила Париж. По ней состоялась череда торжественных служб в ряде соборов французской столицы. Было собрано огромное количество народа, ей отдали честь лучшие люди государства¹⁹.

Таким образом, французская королева была по рождению и положению выше вюртембергской герцогини, но в силу обстоя-

¹⁷ Journal d'un Bourgeois de Paris sous la regne de Fransois I. (1515–1536) / Par L. Lalanne. P., 1854. P. 31, 56, 136, 139–140.

¹⁸ Ibid. P. 207.

¹⁹ Ibid. P. 296–299.

тельств ее символический «капитал» и позиции оказались слабее. Как и Сабина, она не располагала мощным женским оружием — красотой и силой кокетства. Не оказывалось у нее и родни, которая могла бы поддержать ее. Клод принесла мужу солидный политический капитал, успешно продлевая его род, но это не мешало ему практически не считаться с ней. В ее распоряжении оказался только ресурс, связанный с образом благочестивой женщины, способной на чудеса святой. И лишь во время перезахоронения в своей последней политической репрезентации Клотильда выступила как действительно важная персона, настоящая французская королева.

Мы попытались в самых общих чертах проследить судьбы двух представительниц европейской правящей элиты начала XVI в. — Сабин Вюртембергской и Клод Французской. Обе женщины были нелюбимы мужьями, их семейная жизнь или вообще не сложилась (как в случае с Сабиной), или не была счастливой (как в случае с французской королевой). Они оказались несоответствующими существующим в ту эпоху идеалам красоты и женственности, что сказалось на их женской судьбе. Однако им были присущи разные характеры: Клод была тихой и нерешительной; Сабина не смирилась со своей участью и решилась на решительный шаг. То, что Клотильда рано скончалась, вряд ли было случайным; частые роды способствовали снижению витальных сил женщин в различных социальных слоях. Сабина Вюртембергская благополучно дожила до старости, воспитала сына, снискав его любовь и уважение. Подтверждает ли это выводы некоторых исследователей о большей успешности женщин, обладающих маскулинными чертами поведения по сравнению с носительницами избыточной феминности²⁰? Возможно. Однако не менее значимым явилось наличие у этих представительниц правящей элиты социальных «капиталов». Спектр поведенческих возможностей наших героинь в немалой степени был связан с сетью социальных связей. Сабина благодаря обширной и влиятельной родне смогла преодолеть границы общественно допустимого, а Клод из-за отсутствия таких связей — нет.

²⁰ Клецина И. С. Гендерная социализация. Учебное пособие. СПб., 1998. С. 18; Ербулова А. Ж. Реклама и гендер // Гендер, власть, культура: социально-антропологический подход. Межвузовский научный сборник по материалам конференции. Саратов, 2000. С. 11.

В их женских судьбах и семейных отношениях нашли отражение и общие закономерности динамики ролей женщин, принадлежавших к правящей элите, и специфика актуальной историко-политической ситуации в рассматриваемых странах. Франция быстрее шла по пути модернизации и становления абсолютизма. В этих условиях происходил сложный и противоречивый процесс изменения гендерного кода, в котором наряду с тенденцией расширения свобод и практик индивидуального самовыражения женщин наличествовала и иная тенденция — «закрепощение». В целом, при французском дворе формировались специфические придворные нравы с присущей им относительной свободой отношений между полами, но к представительницам правящей элиты предъявлялись особые требования. И то, что отдельные фигуры выбивались из этой системы отношений, только подтверждает правило.

В Германии в силу своеобразия структуры полей, как выразился бы П. Бурдьё, имелось большое количество политических «агентов» (отдельных территорий и правящих в них династий). Вюртемберг являлся территориальным («малым») государством, и его правитель при всей самовластности зависел от сиюминутной расстановки сил, от отношений как с императором, так и с другими князьями. Для женщины в такой ситуации открывались большие возможности лавирования. Именно поэтому особенности формирования персональной гендерной идентичности наших героинь наряду с своеобразием социоисторического ландшафта их бытования отразились в парадоксальной, на первый взгляд, гендерной асимметрии. В стране, олицетворявшей центр новоевропейской модернизации, мы имеем возможность наблюдать ту мутацию гендерного кода, который отражает идентичность героини с относительно слабым Эго. И наоборот, в полупериферийном регионе обнаруживается женский персонаж, демонстрирующий широкие границы выражения индивидуальной и политической самости. При пристальном рассмотрении оказывается, что асимметричный рисунок отмеченных мутаций оказывается вполне органичен логике общих процессов в их специфическом уникально-индивидуальном и вместе с тем социокультурном выражении.

А. В. СТОГОВА

ДРУГ СЕМЬИ: КРУГИ ОБЩЕНИЯ СУПРУГОВ ВО ФРАНЦИИ XVII ВЕКА*

*И впрямь, где виданы подобные законы?
Не в Турции же мы, где под замками жены?*

Мольер Ж.-Б. Школа мужей Действ. 1. Явл. 2

Многочисленные социальные исторические исследования, которыми так богата и французская, и англо-американская историография, давно наглядно продемонстрировали, что доминирующими связями, обеспечивающими социальное положение человека, были отношения родства и клиентелы¹. Их поддержание и укрепление было основной задачей социального общения². И одним из наиболее важных шагов в этом направлении было заключение брака. Благодаря нему два рода могли значительно расширить возможности своего влияния и возвышения. Иезуит Клод Майяр, автор обширного трактата о браке, называет его «социальной плотской любовью» (*amour charnel social*), которая вместе с естественной плотской любовью является наиболее распространенной среди людей, озабоченных земным благополучием и мало ценящих боговдохновенную любовь-дружбу³.

Чтобы воспользоваться этими связями, оба супруга должны были заботиться о поддержании добрых отношений со своими и новоприобретенными родственниками, их патронами и клиентами.

* Исследование проведено в рамках проекта «Гендер и власть в истории» программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Власть и общество в истории».

¹ См., например: *Flandrin J.-L. Familles: parenté, maison, sexualité dans l'ancienne société*. P., 1976; *Hardwick J. The Practice of Patriarchy. Gender and the Politics of Household Authority in early Modern France*. University Park, 1998; *History of the European Family / Ed. by D. I. Kertzer, M. Barbagli. V. 1. Family Life in Early Modern Times, 1500–1789*. New Haven, L., 2001.

² Следует сразу оговориться, что речь в данной статье пойдет о парижанах из среды дворян и буржуа.

³ *Maillard C. Le bon mariage ou le moyen d'estre heureux et faire son salut en l'estat de mariage*. P., 1647. P. 296.

Не случайно даже консервативные назидательные трактаты требовали от женщины не только верности супругу, но и обходительности в обществе:

*«Увидев, насколько дамы должны выражать постоянство и верность своим мужьям в самых больших несчастьях, следует посмотреть, насколько они должны демонстрировать доброту в беседе и в обществе. Это прекрасное качество необходимо им не меньше, чем другое, чтобы сделать их брак счастливым и приятным».*⁴

В этом общении жена играла не только пассивную роль помощницы, хотя забота о делах и связях мужа стояла не на последнем месте. Чем выше был социальный статус женщины, тем активнее она действовала в интересах родни или своих собственных.

Теми же связями чаще всего определялся и выбор близкого друга или подруги. Особенно это заметно у женщин, чей основной круг общения чаще всего исчерпывался родственниками, соседями, патронами и клиентами ее родственников. Даже в аристократической среде это очень распространенное явление. Две знаменитые подруги графиня де Лафайет и маркиза де Севинье были родственницами. Мать Мари-Мадлен Пиош де Ла Вернь, впоследствии графини де Лафайет, после смерти первого мужа вышла замуж вторично за Рено-Рене, шевалье де Севинье. Он имел племянника, маркиза де Севинье, женатого на Мари Рабютен де Шанталь. Именно на свадьбе и познакомились эти две молодые девушки. Но даже и у мужчин-аристократов большая часть близких знакомых, которых они называли друзьями, состояла с ними в той или иной степени родства. Это особенно видно в мемуарах, где авторы стремятся обозначить свои (или чужие) отношения с описываемым лицом:

*«Ла Рошпо, мой двоюродный брат и близкий друг...»*⁵;
*«...статс-дама г-жа де Сенесе — моя родня и приятельница (ma parente et de mes amis)»*⁶; *«Кoadьютор⁷ Парижский, свя-*

⁴ *Du Bosc J. Honneste femme. Yverdon, 1649–1650. Pt. 2. 1650. P. 143.*

⁵ *Рец Ж.-П.-Ф. Мемуары. М., 1997. С. 17.*

⁶ *Ларошфуко Ф. де. Мемуары // Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимумы. М.: Наука, 1993. С. 14.*

⁷ Кoadьютор — помощник архиепископа. В данном случае имеется в виду Ж.-Ф.-П. де Гонди, будущий кардинал де Ретц.

занный с ним родством и длительной дружбой (*par parent et par long attachement l'amitie*)...».⁸

Эта взаимосвязанность обуславливает и тот ракурс, в котором исследователи рассматривают круги социального общения супругов. Из одних только заголовков (например, раздел «Родственники и друзья: сети ежедневного общения» в книге Джулии Хардвик о семьях нотариев⁹), можно увидеть, что эти связи исследуются как некая общесемейная среда. В частности дружеские отношения репрезентируются как аналогичные семейным и патронажным связям и дополняющие их¹⁰.

Логично предположить, что в этих условиях круги общения супругов должны были практически совпадать. Однако то и дело в текстах XVII в. можно встретить свидетельства того, что сферы общения мужа и жены в значительной мере различались. Н. Элиас отнес это явление к особенностям придворного общества и той форме брака, в которой над самим понятием семьи преобладала значимость союза двух домов. Это, по его мнению, создавало возможность для минимального общения супругов:

«Общество контролирует в первую очередь отношение между этими двумя лицами как представителями своего дома в свете; в остальном они могут друг друга любить или не любить, хранить верность друг другу или нет — их отношения могут быть настолько бедны контактами, насколько это допускает их обязанность совместного представительства. В этом отношении общественный контроль снисходителен и слаб»¹¹.

⁸ Ларошфуко Ф. де. Указ. соч. С. 41.

⁹ Hardwick J. Op. cit.

¹⁰ Dewald J. Aristocratic experience and the origins of modern culture. France, 1570–1715. Berkeley, 1993. P. 104–145. См. также: Jouanna A. Le devoir de révolte: la noblesse française et la gestation de l'état moderne, 1559–1661. P., 1989; *Idem*. Réflexions sur le relations internobiliaires en France aux XVIe et XVIIe siècles // French Historical Studies. V. 17. 1992. № 4. P. 872–881; Kettering S. Friendship and clientage in early modern France // French History. V. 6. № 2. 139–158.; *Idem*. Patronage in early modern France // French Historical Studies. V. 17. 1992. № 4. P. 839–862; Herman A. L. The language of fidelity in early modern France // The Journal of Modern History. V. 67. 1995. № 1. P. 1–24.

¹¹ Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 67.

Эта особенность и обширность придворного общества, создавала, по мнению Н. Элиаса, возможность сепаратного существования супругов и в общественной жизни¹². Следует, однако, возразить, что строгая иерархизированность придворного общества и упомянутая выше сильная вовлеченность его членов в сеть родственных и патронажных отношений должны были в значительной мере сужать возможности общения.

Н. Элиас противопоставляет аристократическую модель брака буржуазной семье, тем не менее, в текстах XVII в. мы нередко можем встретить свидетельства того, что и в этой среде круги общения супругов могли в значительной мере отличаться. В действительности разрешение этого противоречия кажется весьма простым и естественным — круг общения мужчины был чаще всего значительно шире, поскольку включал в себя разнообразные деловые знакомства вне дома, не связанные напрямую ни с отношениями родства, ни с отношениями клиентелы. Особенно это заметно в среде буржуа и дворян мантии. Сеть их деловых знакомств была подчас ничуть не меньше многочисленной вереницы родственников. Известный врач Ги Патен имел не только пациентов во всех концах Парижа, коллег с Факультета медицины Парижского университета, но и многочисленных знакомых медиков по всей Европе, с которыми он поддерживал более-менее регулярную переписку. Одним из самых близких его друзей был врач из Лиона Шарль Спон, с которым они виделись лишь однажды в 1642 г., но впоследствии всю жизнь поддерживали оживленную переписку. Патен к тому времени уже был женат, и, возможно, его супруга познакомилась со Спеном. Но вот Спон женился лишь год спустя их знакомства, вернувшись из Парижа в Лион. Его жена и Патен никогда не были знакомы, разве что заочно, поскольку в письмах Патен то и дело передавал приветы м-ль Спон и даже упоминал о дружеской к ней привязанности¹³.

Кроме этого, в силу своего увлечения книгами, Патен обладал очень широкими знакомствами в «Республике ученых», а также среди книгоиздателей и книготорговцев не только во Франции, но и по всей Европе. Большинство из них никогда не были в Париже и

¹² Там же. С. 66.

¹³ См. напр.: *Patin G. Lettre à Charles Spon du 22.11.1652 // Patin G. Les Lettres de Guy Patin à Charles Spon / Ed. par. Laure Jestaz. P., 2006. Vol. 2. P. 993.* В XVII веке замужнюю женщину часто продолжали называть мадемуазель.

не только не общались с госпожой Патен, но и вовсе не были с ней знакомы. Это объясняет и тот факт, что большая часть его знакомых — мужчины. Ведь сфера науки, философии и ученой медицины были сугубо мужскими¹⁴. Все женщины, о которых он упоминает в письмах, либо его пациентки, либо жены и родственницы знакомых-мужчин¹⁵.

Дж. Хардвик, исследовавшая отношения в среде нотариев, отмечает и то, что мужчины имели больше контактов за стенами дома, даже если это не относилось к их профессии¹⁶. Многочисленные городские и приходские объединения, школьные братства и прочее существенно расширяли их сферу знакомств.

Однако и это объяснение отнюдь не исчерпывает проблемы. Ведь порой и круг очень близких знакомств супругов мог быть разным. Так, Р. Арно д'Андийи, происходивший из семьи судейских, но сам подвизавшийся на придворном поприще, упоминает среди прочих о своем «близком друге маркизе де Сенесе»¹⁷. Но, несмотря на близкие дружеские отношения, с его женой Арно д'Андийи впервые познакомился лишь после смерти маркиза! Да и то потому, что почитал это своим долгом перед покойным:

«Король, выехав из Монпелье, отправился в Прованс и поскольку, возвращаясь в Париж, он прибыл в Лион, первая вещь, которую я сделал — познакомился с госпожой маркизой де Сенесе, которую я еще никогда не видел; я узнал, что она была там»¹⁸.

Без сомнения, это редкий случай, но весьма показательный. Даже близкий, каждодневный круг общения супругов мог существенно различаться. Почему круги общения супругов могли настолько не совпадать, что друзья мужа оказывались порой вовсе не знакомы с женой?

¹⁴ В книгоиздательстве могли быть исключения. Порой вдовы продолжали дело мужей, печатая книги от имени «вдовы такого-то».

¹⁵ К ним относятся и две женщины, с которыми он был «друзен» — упомянутая госпожа Спон и вдова бывшего декана Факультета медицины Жака Кузино.

¹⁶ Hardwick J. Op. cit. P. 193.

¹⁷ Arnauld d'Andilly R. Mémoires // Collection des mémoires relatifs à l'Histoire de France depuis l'avènement de Henri IV jusqu'à la paix de Paris conclue en 1763. P., 1824. V. 33. Pt. I. P. 414.

¹⁸ Ibid. V. 33. Pt. I. P. 413.

Причины такого положения дел довольно противоречивы. Многие весьма патриархальные стереотипы и традиции способствовали тому, что ежедневное общение супругов проходило в разных кругах. Особенно это связано со строгой регламентацией поведения женщины. С одной стороны нравоучительные трактаты предписывали ей, как мы уже видели, по возможности быть более любезной в обществе, с другой — от нее требовалась традиционная для женского поведения ориентированность на интересы супруга (авторы XVII в. продолжают традиционно уподоблять брак телу, в котором «голова» (муж) приказывает и управляет «членами» — женой и детьми)¹⁹, а также скромность и замкнутость:

«Итак, чтобы сказать, что мне кажется, прежде всего, самым необходимым, я удовлетворюсь пожеланием дамам трех преимуществ, которые Сократ желал своим ученикам: сдержанность, молчаливость, скромность. В них содержатся столь прекрасные и столь необходимые для беседы качества, что чтобы судить об их важности стоит лишь представить противоположные им пороки, такие как болтовня, неосмотрительность и бесстыдство...»²⁰.

Слишком большая общительность женщин ассоциировалась с нескромностью и нецеломудренностью, а также бездельем:

«В женщине должны проявляться две добродетели: одна, что она говорит мало, а другая, что она разговаривает лишь с осмотрительностью и взвешивая свои слова... Женщина занятая заботами о своем хозяйстве, не имеет времени, чтобы много болтать»²¹.

Традиционная иерархия «мужского» и «женского» сказывалась даже на самом ближнем, домашнем круге общения. Одно из пособий конца столетия по ведению хозяйства знатного сеньора, описывающее необходимый штат слуг и их обязанности, включает в число слуг и помощников-компаньонов мужа и жены. Для мужчины это секретарь и «дворянин» (*Gentilhomme*). В обязанности первого входила прежде всего деловая помощь — ведение разнообразных переговоров и переписки, выполнение различные поручения. Он — по-

¹⁹ См., например: *Maillard C. Op. cit. P. 313–317.*

²⁰ *Du Bosc J. Op. cit. Pt. 1. 1649. P. 33.*

²¹ *Maillard C. Op. cit. P. 359–360.*

мощник и доверенное лицо сеньора. «Дворянин» — это компаньон сеньора, его задача «составлять ему компанию, оказывать честь дому; развлекать знатных персон, пришедших к нему с визитом; подавать ему руку, когда он болен или ему нездоровится и сопровождать его на охоте и на прогулке»²². Эту роль выполнял не слуга, а дворянин-клиент. Требования к нему были соответствующими:

«Следует, чтобы он был грамотен: и обычно, когда берут дворянина, ищут человека ученого и умного, который всегда умеет сказать что-нибудь приятное в разговоре и способен делать комплименты друзьям сеньора по любому поводу, который может представиться»²³.

То есть это не просто человек, не дающий сеньору скучать, он, как и секретарь оказывает ему очень значительную помощь — своим любезным обхождением он составляет честь дому и помогает поддерживать необходимые социальные связи. И положение его в доме также весьма высоко:

«Когда сеньор садится на коня, ему всегда дают коня лучшего, после коня сеньора; он ест за его столом и, чтобы сказать одним словом, это его компаньон и его фаворит»²⁴.

Совершенно иначе автор видит статус и обязанности помощницы супруги сеньора — *demoiselle suivante* — то есть, попросту говоря, камеристки, которая находится при ней «лишь для того, чтобы оказывать ей честь и сопровождать на мессу, при визитах и повсюду, куда она ни отправится»²⁵. Требования, предъявляемые к ней, совершенно иного рода:

«Она должна уметь хорошо причесывать и подгонять одежду соответственно моде и ее облику; быть услужливой и хороше-

²² La maison réglée. Amsterdam, 1700. P. 49.

²³ Ibid. P. 49.

²⁴ Ibidem.

²⁵ Ibid. P. 105. Надо отметить, привычное нам именование слуг в данном случае не очень хорошо отражает различия. *Demoiselle suivante*, что буквально означает «сопровождающая девушка», по самому своему наименованию гораздо ближе к «дворянину» хозяина. Она как бы совмещает в себе функции компаньонки и прислужницы, аналогичные обязанностям «дворянина» и камердинера (*valet de chambre*, буквально — комнатный слуга). Однако, как мы видим, ее обязанности компаньонки отличаются.

го нрава и всегда избегать причинять ей малейшее огорчение; быть всегда чистой и опрятной и уметь приятно беседовать, чтобы принимать и развлекать других девиц, которые придут со своими дамами нанести визит ее [хозяйке]»²⁶.

В отличие от компаньона сеньора эта девушка, хотя и может быть наперсницей, должна по возможности не вмешиваться в дела своей хозяйки. Ее не допускают в общество знатных дам, она должна довольствоваться тем, чтобы развлекать таких же компаньенок, как она, и не только потому, что ее положение в доме заметно ниже положения компаньона сеньора, но и потому, что согласно традиции, честь своей сеньоре женщина может оказать не познаниями и манерами, а скромным, благонравным поведением. Не случайно от нее также требуются умения, не связанные напрямую с обязанностями компаньонки — «чинить кружева и вышивать, чтобы занять себя, когда ей нечего делать, дабы избежать лености, ибо праздность есть начало всех возможных пороков, чего разумная девица должна избегать более всего прочего»²⁷.

В этом описании можно увидеть и столь же традиционное отношение к самой знатной даме. Ее дело — это слуги, наряды и подруги. Она не вмешивается в дела мужа и даже не служит для украшения и развлечения общества. Для этого у сеньора имеется свой компаньон. Насколько ее жизнь обособлена от жизни супруга можно судить и по обязанностям ее мэтр-д'отеля. Мэтр-д'отель сеньора должен уметь «распорядиться о приготовлении блюд и расставить приборы на любой стол, каковой сеньор может захотеть повелеть накрыть»²⁸. Он организует закупки продуктов, составляет меню и т.п. — на нем лежит организация обедов и ужинов, которые, как следует из этих описаний, являются публичными, сеньор приглашает на них желанных ему гостей. Раздел же об обязанностях мэтр-д'отеля сеньоры начинается с таких слов:

«Поскольку Дама часто ест у себя и без больших церемоний, здесь не описывается ее стол, поскольку все делается по ее прихоти и согласно различным распоряжениям, которые она

²⁶ Ibid. P. 105–106.

²⁷ Ibid. P. 106.

²⁸ Ibid. P. 59.

отдает своему мэтр-д'отелю о количестве приборов, на которое он должен быть накрыт»²⁹.

Сеньора выглядит здесь не только взбалмошной, неподчиняющейся мужским нормам светского общения дамой, но мы также видим ее совершенную отстраненность от такого, казалось бы, семейного мероприятия, как званый обед. И хотя автор этого трактата отражает очень традиционный взгляд на положение женщины, многое из этого действительно имело место в действительности. Причем отнюдь не только по причине патриархальности семейного быта.

Значительные изменения, которые происходят в XVII столетии как в отношении к гендерным стереотипам (знаменитая *querelle des femmes*, изменение отношения к женскому образованию, складывание новых идеалов светской женщины и т.п.), так и в формировании особой светской придворной культуры, приводили к тому, что многие патриархальные нормы приспособлялись к новым стандартам. К примеру, традиционное строгое деление домашнего пространства

на мужскую и женскую половины, приобретаая в аристократических особняках наиболее наглядные формы, становится отражением особой формы брачных отношений, свойственных этой культуре. Н. Элиас подробно осветил особенность домов аристократов, позволявшую вести практически

автономное существование, соответствовавшее «представительской» форме брака. Личные апартаменты супругов (состоявшие из спальни, передней, кабинета и гардеробной) располагались симметрично в противоположных флигелях на максимальном удалении друг от друга, даже окна выходили в разные стороны³⁰. Это отлично можно видеть на плане проекта городского дома А. ле Потра (см. выше). К тому же кабинеты снабжены несколькими выходами и потайной лестницей. Автор трактата по строительству частных домов, Луи Саво (1624) особо подчеркивал их значимость:

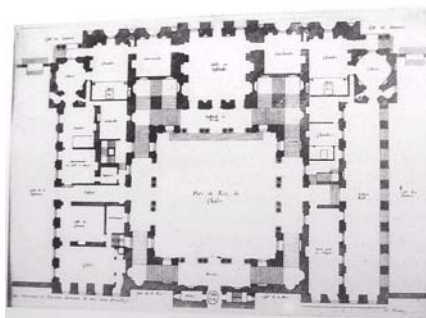
²⁹ Ibid. P. 100.

³⁰ Элиас Н. Указ. соч. С. 65.

«И следует отметить, что кабинет и основная комната Сеньора должны всегда иметь какой-нибудь секретный выход, по лестнице ли или через другие комнаты, по которому можно иногда выходить, не будучи замеченным теми, кто ожидает, а также гардеробную, чтобы туда складывать и приносить то, что ему необходимо»³¹.

Благодаря этому супруги могли долгое время вообще не видеть друг друга. И эта автономность касалась не только их самих, но и их посетителей.

В условиях столицы сложно было построить особняк симметричной структуры, однако и тут апартаменты супругов были разделены: хозяин дома располагался на первом этаже, а его супруга на втором, или же их апартаменты выходили на разные стороны³².

Парижские отели, построенные тем же А. Ле Потром, чаще всего именно эту структуру (см. план отеля Фонтене-Марёя), которая на самом деле возвращает нас к традиционному способу организации домашнего пространства.

Многие традиционные элементы социального общения, сохраняя значимость, в то же время постепенно, но очень существенно изменяются в своем символическом значении и социальных коннотациях. Мне придется несколько отвлечься, чтобы проиллюстрировать это на примере такой значимой и одной из наиболее «домашних» форм социального общения как совместная трапеза.

В XVII веке как дворянские, так и буржуазные круги охватила мода давать обеды. Речь идет именно об обедах и ужинах, а не о специально устраиваемых пышных банкетах, которые распространились в эпоху Возрождения, или средневековых застолий. Иссле-

³¹ Savot L. L'architecture française des bastimens particuliers. P., 1979. P. 35–36.

³² Feray J. Architecture intérieure et décoration en France des origines à 1875. P., 1988. P. 97.

дователи отмечают в этом две взаимосвязанные, но разнонаправленные тенденции. С одной стороны, и именно во Франции это нашло наиболее яркое воплощение, социальный статус участников обеда становится более-менее равным. Дурным тоном является приглашать на обед очень высокопоставленное лицо (исключение делается для женщин и стариков по той причине, что знаки внимания, которые им полагаются по статусу, и так будут им оказаны в связи с их гендерным положением, т.е. социальное неравенство будет скрыто за счет вполне уместных за обедом гендерных отличий), не говоря уже о тех, кто находится значительно ниже, особенно слуг³³. Обед часто рассматривался как проявление дружеской привязанности, и отсутствие излишней церемонности помогало создавать определенную атмосферу интимности и близости, что было весьма значимо для поддержания не только и даже не столько дружеских связей, сколько отношений более социально значимых³⁴. Арно д'Андийи, рассказывая об обедах, которые давал в военной ставке маршал Баскомпьер, описывает необычайную вольность этих собраний: каждый приходил и уходил, когда хотел, садился, куда хотел, обходились даже без приветствий и прощаний. Он отмечает:

«Там не знали, что такое церемонии, чьи стеснения невыносимы для тех, кто воспитан духом высшего света»³⁵.

С другой стороны, как отмечает С. Меннелл, социальные коннотации еды становятся все более и более эксплицитными³⁶. В определенных кругах следует избегать всяческой грубости, напоминающей о крестьянской еде (т.е., еда является способом выражения

³³ *Flandrin J.-F.* Les Temps Modernes // Histoire de l'Alimentation / Sous dir. de J.-L. Flandrin et M. Montanari. P., 1986. P. 572. Автор упоминает, что французские путешественники в Германии бывали шокированы чрезмерной церемонностью и в то же время «неразборчивостью» (слуги ели вместе с господами, как в Средние века) на обедах.

³⁴ О значимости подчеркивания близости и интимности отношений см. *Стогова А. В.* «Добрый друг»: социальная идентичность придворного времен Анны Австрийской и Людовика XIV // Мир Клио: Сб. ст. в честь Л.П. Репиной / Под общ. ред. А. Г. Суприянович. М., 2007. С. 374–396.

³⁵ *Arnauld d'Andilly R.* Op. cit. V. 33. P. I. P. 387.

³⁶ *Mennel S.* All Manners of Food. Eating and Taste in England and France from the Middle Age to the Present. N.Y., 1986. P. 74.

социальной дистанции), а образцом для подражания служит придворная кухня (следовательно, еда используется как способ социализации). Появляется своеобразная эстетика еды и понятие «хорошего вкуса», которое постепенно становится предметом национальной гордости. Демонстрация хорошего вкуса является необходимой чертой поведения не только аристократов, но и буржуа, стремящихся им подражать. Выражение разницы в социальном положении происходит не столько за счет количества, разнообразия и стоимости подаваемых блюд, но и стилей приготовления, сервировки еды и манер поведения за столом. Именно в это время, как отмечают исследователи, начинается отчетливое расхождение между вкусами и манерами еды аристократии и народных масс³⁷. В то же время использование специй перестает быть отличительной чертой аристократической кухни. Их удешевление сделало специи доступными и для буржуазии. Отличие аристократических блюд состояло не только в их изобилии и дороговизне, но и в изысканности и деликатности. И буржуа старались подражать им в этом. Не случайно известная кулинарная книга конца столетия называется «Королевская и буржуазная кухня»³⁸. В ней приводятся примеры обедов, дававшихся членами королевской семьи и видными аристократами, которые могли быть повторены в домах буржуа³⁹. Именно возможность демонстрации, подтверждения и повышения своего социального статуса через еду способствует столь быстрому распространению моды на обеды.

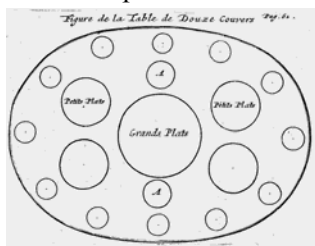
Эти тенденции вовсе не находились в противоречии. Нарочитая интимность и дружественность в сочетании с четкой социальной упорядоченностью и ограниченностью в наилучшей мере подходили для поддержания нужных социальных связей и форми-

³⁷ См. об этом: *Flandrin J.-L., Hyman P., Hyman M. La Cuisine dans la Littérature de Colportage // Le Cuisinier Français. P., 1983. P. 11–99.*

³⁸ *Massialot F. Le cuisinier Royal et bourgeois. P., 1691.*

³⁹ «В этой связи мы не забыли ничего из того, что может сделать вещи более вкусными и более богатыми; и тем не менее надо признаться, что мы не идем далее того, что можно с легкостью возместить. Чтобы, оказавшись в местах, где условия не позволяют этого ожидать, не приходилось делать меньшее, стараясь приблизиться к тому, что возможно; и в этом эта книга будет небесполезна для домов буржуа, где вынуждены обходиться немногими вещами...». *Massialot F. Op. cit. P. [5–6].*

рования «своего круга». Атмосфера избранности и интимности поддерживалась не только относительно равным составом гостей, но и их сравнительно небольшим числом. Кулинарные книги и пособия по ведению хозяйства аристократа дружно называют максимальное число сотрапезников — 24. Упорядоченность достигалась за счет строгих правил не только поведения за столом, но и самой организации стола. Подаваемые блюда, их количество и расстановка были четко установлены и зависели от числа при-

глашенных гостей, которое также было строго нормировано. Пособия приводят примеры сервировок, рассчитанных на одно и то же количество персон — 6, 8, 12, 18, 24.

Трапеза всегда была одним из наиболее иерархизированных пространств. Стоящий ниже по положению должен был последним мыть руки, садиться за стол и приниматься за еду, брать худшие куски и первым заканчивать есть и т.п. Но, как я уже отмечала, французские обычаи в XVII веке в достаточной мере смягчаются, устраняя излишнюю церемонность. Законы любезности становятся главенствующими, в том числе и за столом. Превосходство человека, имеющего более высокое социальное положение, проявляется не только в полагающихся ему преимуществах, но и в его праве отказать от них. Тем самым он одновременно и смягчал обстановку, и подчеркивал свое положение сюзерена. Человек, имеющий более низкое положение, должен был безропотно принимать все оказываемые ему любезности.

Социальную значимость совместной трапезы еще больше демонстрирует своеобразное отстранение от самой пищи, как вербальное, так и тактильное. При всей изысканности пищи — а именно с середины XVII в. исследователи ведут развитие, и весьма бурное, французской национальной кухни, — о ней не принято говорить за столом⁴⁰. Дурным тоном считается любое проявление аппетита и

⁴⁰ Это утверждение К. Фушер-Вольниевич (*Foucher-Wolniewicz Ch. La fête-le pouvoir-le prince. Partage des nourritures, manières conviviales et art de la table comme instrument de gouvernement. Th.de doctorat. Lille, 1993. V. 1. P. 73–76*) несколько спорно. Некоторые свидетельства показывают, что вполне умест-

голода, как и пристрастий в еде. Трактаты, обучающие хорошим манерам, специально подчеркивали, что любой человек, даже ребенок должен покорно принимать предлагаемую ему пищу:

«Д. Ребенок, будучи за столом, должен ли он просить себе еды?»

Р. Он не станет ничего просить и даже ни единым жестом не покажет, что голоден.

Д. Должен ли он просить себе каких-нибудь лакомств, если они есть на столе?»

Р. Нет, это невежливо, просить выбрать себе что-нибудь означает быть рабом своего рта»⁴¹.

Ж. Таллеман де Рео упоминает о том, как это правило стало поводом для шутки у маркизы де Рамбуйе:

«Она забавно подшутила над графом де Гишем, ныне маршалом де Граммоном. Он был еще совсем молод, когда начал посещать салон г-жи де Рамбуйе. Однажды вечером, когда он уже собирался откланяться, г-н де Шодбонн, самый близкий из друзей Марки-

но было даже самому расхваливать собственный обед, лишь бы это делалось в изысканной форме. Изумительный пример можно видеть у Мольера:

«Дорант. Господин Журден совершенно прав, маркиза, и я ему весьма признателен за то, что он вам оказывает столь радушный прием. Я с ним согласен, что обед недостаточно для вас великолепен. Я его заказывал сам, но в этой области я не такой тонкий знаток, как некоторые наши друзья, а потому и трапеза получилась не очень изысканная, так что вы найдете здесь прямые нарушения правил поваренного искусства и отклонения от строгого вкуса. Вот если б это взял на себя Дамис, тогда уж ни к чему нельзя было бы придраться: во всем были бы видны изящество и знание дела, он сам расхваливал бы каждое кушанье и в конце концов вынудил бы вас признать его незаурядные способности к науке чревоугодия. Он рассказал бы вам о поджаренных хлебах со сплошной золотистой корочкой, нежно похрустывающей на зубах, о бархатистом, в меру терпком вине, о бараньей лопатке, нашипованной петрушкой, о затылке нормандского тельца, вот этаком длинном, белом, нежном, который так и тает во рту, о дивно пахнущих куропатках и, как о венце творенья, о бульоне с блестками жира, за которым следует молоденькая упитанная индейка, обложенная голубями и украшенная белыми луковками вперемешку с цикорием. А что касается меня, то я принужден сознаться в собственном невежестве и, пользуясь удачным выражением господина Журдена, хотел бы предложить вашему вниманию что-нибудь более великолепное.

Доримена. Я ем с большим аппетитом — вот как я отвечаю на ваш комплимент.» Мольер Ж.-Б. Мещанин во дворянстве // Мольер Ж.-Б. Собр. соч. в 2 тт. М., 1957. Т. 2. С. 443–444 (Действ. 4. Явл. 1).

⁴¹ *Traité de la civilité. P., 1681. P. 70–71.*

зы, который был с графом на короткой ноге, сказал ему: “Граф, не уходи, отужинай”. — “Господи, да вы шутите! — воскликнула Маркиза, — вы, верно, хотите, чтобы он умер с голоду!”. — “Это она шутит, — откликнулся Шодбонн, — останься, пожалуйста”. В конце концов, Граф остался. В эту минуту, ибо все было заранее подстроено, входит м-ль Поле вместе с м-ль де Рамбуйе. Подают на стол, причем вносят такие кушанья, которые граф не ест. За беседою у него не раз выспрашивали обо всем, что ему не по вкусу. Среди прочего был подан молочный суп и большой индюк. М-ль Поле превосходно сыграла при этом свою роль. “Граф, — говорила она, — вы, наверно, никогда не ели такого вкусно молочного супа; не угодно ли тарелочку? Боже мой! А индюка? Он нежен, как рябчик. Вы не едите грудки, я положу вам кусочек поподжаристее”. Она старалась изо всех сил угодить ему. Графу оставалось только благодарить. Он был озадачен и никак не мог взять в толк, что значит этот незавидный ужин. Он сидел, разминая хлеб пальцами. Наконец, когда все вдоволь потешились, г-жа де Рамбуйе сказала дворецкому: “Принесите нам что-нибудь другое, графу все это не по вкусу”. И тут подали превосходный ужин, но без смеха дело не обошлось⁴².

С другой стороны — пища становится более частной. Появляются индивидуальные приборы и особые приборы для того, чтобы накладывать еду в тарелку. Исчезают традиции залезать в общее блюдо руками или передавать его по кругу. Если раньше благодаря этому обычаю совместная трапеза служила символическим актом обмена, то теперь обмен производится через разговор. Общение становится главным содержанием обеда и основным способом поддержания социальных связей⁴³.

В аристократической и придворной среде значимость беседы как социального фактора повышает и статус женщин, поскольку именно они были основными инициаторами облагораживания придворных нравов. Не случайно исследователи отмечают «феминизацию» обедов и даже столовых приборов. Как отмечает К. Фушер-

⁴² Таллеман де Пео Ж. Занимательные истории. Л., 1974. С. 144.

⁴³ Беседа вообще играла одну из ключевых ролей в культуре XVII века. См. об этом: Craveri B. L'âge de la conversation. P., 2002; Strosetzki Ch. Rhétorique de la conversation. Sa dimension littéraire et linguistique dans la société française du XVIIe siècle. PFSCL. P.-Seattle-Tuebingen, 1987; Art de la lettre, art de la conversation: à l'époque classique en France; actes du colloque de Wolfenbüttel, octobre 1991 / Ed. de B. Bray et Ch. Strosetzki. P., 1995.

Вольниевич, именно в XVII веке появляется феминизированная закругленная форма столового ножа, которая исключала вирильное его использование. Это связано с тем, что больше нет блюд, куда можно и нужно было бы залезать своим прибором (острый кончик ножа использовался ранее для натывания мяса)⁴⁴.

Галантная форма беседы, популярная в это время, предполагала общение в смешанном обществе между мужчинами и женщинами. Соответственно и за столом женщина играла столь же значимую роль. Не случайно сервировки стола предполагают только парное число сотрапезников — согласно правилам светского приема, число мужчин и женщин за столом должно быть одинаковым. Безусловно, это правило отнюдь не всегда соблюдалось. Дружеские трапезы предполагали более вольное обхождение с нормами. Ежедневные обеды могли проходить тет-а-тет или же в обществе людей своего пола:

«Я ужинала на другой день у маркизы д'Юксель с госпожой маршальшей д'Юмьер, госпожами д'Арпажон, де Беринген, де Фронтенак, д'Утрелэз, Раймон и Мартен»⁴⁵.

Сугубо женские трапезы были достаточно частым и вполне традиционным явлением. Маркиза де Севинье упоминает об обедах наедине с подругой графиней де Лафайет⁴⁶. Гораздо более частыми в силу различных причин были сугубо мужские трапезы. При решении деловых вопросов или дружеском общении⁴⁷, в условиях военной кампании мужчины нередко обходились без женского общества. Обычно даже обед или ужин в узком кругу устраивался с

⁴⁴ Foucher-Wolniewicz Ch. Op. cit. V. 1. P. 92.

⁴⁵ Sévigné M. de. Lettre à mme de Grignan du 27.04. [1671] // Sévigné M. de. Correspondance. P., 1972. V. 1. P. 237.

⁴⁶ См. напр.: Eadem. Lettre à mme de Grignan du 09.02. [1671]. V. 1. P. 152.

⁴⁷ Ги Патен описывает одну такую вечеринку: «Господин Ноде, библиотекарь монсеньера кардинала Мазарини, близкий друг господин Гассенди, как и мой, пригласил нас на ближайшее воскресенье в свой дом в Жантили отобедать втроем и заночевать при условии, что нас будет только трое, и что мы устроим там дебош: но Бог мой, какой дебош! Господин Ноде обычно пьет только воду, и никогда не пробовал вина. Господин Гассенди так деликатен, что не осмелится его отведать и воображает, что его тело загорится, если он его выпьет». Patin G. Lettre à monsieur C.S.D.M. du 27.08.1648 // Patin G. Lettres de Gui Patin. P., 1846. V. 1. P. 31.

расчетом того, чтобы мужчин и женщин было равное число. М. де Севинье часто описывает подобные трапезы: «Я ужинала вчера у Гурвиля с Ларошфуко, дю Плесси, Лафайет, Турнэ»⁴⁸.

Имеются в виду: Франсуа де Ларошфуко, Элизабет дю Плесси-Генего, Мари-Мадлен де Лафайет и Жильбер де Шуазёй, епископ Турне. Вместе с хозяином, Жаном-Эро де Гурвилем и маркизой де Севинье это составило шесть человек: трое мужчин и три женщины. Камерный ужин-беседа, из

числа тех, что ассоциировались у современников с образом жизни аристократов, как это видно по гравюре Абрахама Босса.

Появляясь на совместном ужине или обеде, мужчины чаще всего бывали там вовсе не в обществе супруги. Мемуары и письма этого времени показывают, что было не принято ходить на обед с женой. Даже если состав гостей не был строго определен хозяином или хозяйкой, то следовало приходить на него отнюдь не с женой. Обычно авторы упоминают лишь о том, что он (или она) были на таком-то обеде или ужине, ничего не говоря о своей спутнице или спутнике: «Наш милый епископ две недели пробыл в этих краях. Я обедал у него в субботу»⁴⁹, писал Бюсси-Рабютен своей кузине. Чаще всего состав гостей определялся заранее, и на него приглашали не семейную пару, а конкретного человека. М. де Севинье, которая всегда подробно перечисляет участников трапезы, очень редко упоминает о семейных парах. Приглашения на обед касались одного конкретного лица. Учебники галантных манер и пособия по ведению учтивых бесед предлагают образцы любезного устного приглашения на обед или ужин, которые варьируются в зависимости от ситуации,

⁴⁸ Sévigné M. de. Lettre à mme de Grignan du 01.03. [1672]. V. 1. P. 448.

⁴⁹ Bussy-Rabutin R. de. Réponse du Comte De Bussy à Madame De Sévigné à Chaseu, ce 9 avril 1687 // Bussy-Rabutin R. de. Les lettres de messire Roger de Rabutin, comte de Bussy. P., 1720 V. 2. P. 106.

но всегда касаются только самого собеседника⁵⁰. Чаше супруги обедали в разных местах, хотя приглашение семейной пары тоже не было чем-то из ряда вон выходящим:

«Я обедала вчера у госпожой де Валлар с г-ном де Вандигра, двумя другими его земляками, г-ном и г-жой де Шомберг, г-ном и г-жой де Бетюн»⁵¹.

Ги Патен, из среды буржуа, не часто выбиравшийся в гости, также никогда не упоминает о том, что был там с женой, хотя нередко сообщает в письмах кое-какие новости о ней. Обед или ужин всегда касается его одного:

«В пятницу 14-го этого месяца я обедал на большом пиршестве и в хорошей кампании здесь у одного богатого купца по имени Жан Фавероль с улицы Шанверери⁵² (у него много других братьев, которые здесь торговцы): я их врач, он мой большой друг. Я также был врачом большей части тех, кто там находился»⁵³.

Равным образом и тот обед или ужин, который он устраивал у себя для своих друзей, был его личным делом:

«...г-н Угетен, адвокат, который обедал сегодня у меня вместе с отцом Якобом. Мы пили за ваше здоровье»⁵⁴.

Никогда он не пишет о том, что обед устраивали «мы» или «у нас». И это отражает не только его представления о семейной иерархии, но и реальное неприсутствие его жены на этих встречах.

Устраивать обед у себя вполне можно без супруги или супруга, который может в этот момент находиться в гостях на другом обеде. Не даром г-н де Журден воспользовался этим, дабы отобеждать с маркизой Дорименой:

«Чтобы нам не помешали, я устроил так, что моя жена отправится обедать к сестре и пробудет у нее до самого вечера»⁵⁵.

⁵⁰ См., например: Les elegances françoises, accomodées au langage du temps. Par N.N. Leyde, 1645. P. 274.

⁵¹ Sévigné M. de. Lettre à mme de Grignan du 01.05. [1671]. V. 1. P. 241.

⁵² Улица де ла Шанверери была упразднена в 1844 г. в ходе перестройки Парижа Наполеоном 3. Она находилась между улицами Сен-Дени и Мондегур.

⁵³ Patin G. Lettre à Charles Spon du 19.010.1649 // Patin G. Les Lettres de Guy Patin à Charles Spon. Vol. 1. P. 531.

⁵⁴ Idem. Lettre à Charles Spon du 01.07.1653 // Ibid. Vol. 2. P. 1098.

Разобщенность супругов в еще большей степени касалась визитов и приемов, салонных встреч, которые были более «частным» делом. С визитом можно было отправиться одному или с друзьями:

*«Я не могу вам ответить, поскольку г-жа де Лафайет, г-жа де Сен-Герен, г-жа де Виллар пришли обнять меня»;*⁵⁶ *«Мы видели г-на де Тюренна, у него небольшая подагра. Мы, я и госпожа де Лафайет, были приняты чрезвычайно любезно»*⁵⁷.

Это зависело в основном от отношений, существовавших между визитером и хозяином. Визиты, служащие для выражения своего почтения, наносились в одиночестве, дружеские — в компании. Хозяин или хозяйка принимали визитеров на своей половине дома, так что супруг вовсе с ними не встречался.

Придворный круг был не настолько широк, чтобы можно было принимать у себя кого-то вовсе неизвестного супругу или супруге, но вполне позволял делать отношения со всем известным лицом тайными или попросту незаметными. И если существовала необходимость сохранять их в тайне от второй половины, то это вовсе не обязательно означало, что отношения эти носили любовный характер. Отнюдь не менее часто эта тайна была политической.

Светская придворная культура очень сильно изменила круг общения женщины, выведя его из-под надзора супруга. Он не только существенно расширился, изменился его состав. Если раньше он ограничивался преимущественно женским же обществом, тогда как общение женщин с противоположным полом было строго регламентировано, то новая культура основывается именно на смешанном обществе. Все светские развлечения строились не просто на общении мужчин и женщин, но на общении свободном от супружеской (а также родительской) тирании. Не случайно выражением особенности придворного общения становится галантная беседа и галантные манеры⁵⁸, которые предполагают по меньшей мере невмешательство

⁵⁵ Мольер Ж.-Б. Указ. соч. Т. 2. С. 429 (Действ. 3. Явл. 6).

⁵⁶ Sévigné M. de. Lettre à mme de Grignan du 23.12. [1671]. V. 1. P. 395.

⁵⁷ Eadem. Lettre à mme de Grignan du 05.01. [1675]. V. 1. P. 657.

⁵⁸ О галантной культуре в литературе XVII в. см.: Denis D. La Muse galante. Poétique de la conversation dans l'oeuvre de Madeleine de Scudéry. P., 1997; Eadem. Réflexions sur le "style galant": une théorisation floue // Le style au XVIIe siècle. Littératures classiques. 1996. № 28. P. 147–158; Eadem. Le Parnasse galant.

супруга или супруги, и рассчитаны на его или ее отсутствие (пусть даже не физическое, а символическое). Именно оно становится основным залогом непринужденности — одной из основных ценностей светского общения. Не случайно XVII век становится временем возрождения куртуазных обычаев, приспособленных к новым идеалам галантных отношений и нежной дружбы.

Еще одним весьма существенным фактором является значительное изменение положения женщины, особенно аристократки. Не будем вдаваться в рассмотрение многочисленных причин этого явления, уже много раз описанного историками⁵⁹. Отметим лишь то, что в наибольшей степени касается общения: улучшение женского образования и формирование придворной культуры, которая сделала придворную даму вполне независимым и очень активным персонажем. Жена, повелевающая мужем не новое и отнюдь не редкое явление. Она часто выступала сатирическим персонажем, и трактаты о браке тщательно предостерегали мужчин от этой опасности:

«Оберегайтесь, чтобы вас не одолела любовь к вашей жене и из хозяйина не превратила бы вас в слугу, и не сделала рабом, и не дала ей возможность злоупотреблять властью, которую ей дали, приказывая вам, согласно собственным желаниям против Божественного порядка, против установлений брака, из чего вы не извлечете ничего кроме постыдной неловкости»⁶⁰. «Это чудовищная вещь, когда женщина командует мужчиной, и позор, что мужчины подчиняются женщинам»⁶¹.

Теперь же сфера, где женщина могла действовать активно и самостоятельно, весьма расширилась. Причем семейные интересы

Institution d'une catégorie littéraire au XVIIe siècle. P., 2001; *Viala A.* D'une politique des formes: la galanterie // XVIIe siècle. 1994. № 182. P. 143–151; *Idem.* La littérature galante: histoire et problématique // Il Seicento francese oggi. Situazione e prospettive della ricerca. Atti del Convegno internazionale, Monopoli 27-29 maggio 1993. Bari — P., 1994. P. 101–113.

⁵⁹ См., например: *Duchêne R.* Etre femme au temps de Louis XIV. P., 2004; *Dulong C.* La vie quotidienne des femmes au Grand Siècle. P., 1984; *La Femme au XVIIe siècle.* Actes du colloque de Fordham / Ed. de J. Macary. P., 1983; *Histoire des femmes en Occitane.* V. 3 / Sous dir. de N. W. Davies; A. Farges. P., 1991; *Timmermans L.* L'accès des femmes à la culture (1598–1715). P., 1993.

⁶⁰ *Maillard C.* Op. cit. P. 323.

⁶¹ *Ibid.* P. 363.

отнюдь не всегда превалировали в ее деятельности. Некоторые умели поставить интересы мужа в угоду своим собственным, как знаменитая «прекрасная интриганка» герцогиня Мари де Шеврез. Ф. де Ларошфуко, сам пострадавший от участия в делах этой дамы, так писал о ней, давая не вполне традиционную оценку ее качеств:

«Г-жа де Шеврез была очень умна, очень честолюбива и хороша собой; она была любезна, деятельна, смела, предприимчива. Она умело пользовалась всеми своими чарами для достижения своих целей и почти всегда приносила несчастье тем, кого привлекала к осуществлению их. Ее полюбил герцог Лотарингский⁶², и всякому хорошо известно, что в ней — первейшая причина несчастий, которые столь долго претерпевали и этот государь, и его владения»⁶³.

Все, что удавалось герцогу — это держаться в стороне от интриг своей супруги.

Пример с М. де Шеврез безусловно неординарный, но весьма красноречивый. Женщины весьма умело и активно пользовались своими возможностями участия в политической жизни для реализации собственных амбиций. Интересно, что активность женщины все же чаще всего оценивалась современниками с точки зрения того, как она сказывалась на ее муже и семье в целом, хотя отнюдь не всегда женщины исходили из этих интересов. Участие в придворной и политической жизни было тем и хорошо, что это была их индивидуальная сфера активности, и от результатов этой активности положение женщины при дворе зависело столь же сильно, как и от ее социального статуса. Нужные связи были в этом отношении также вполне частным делом женщины, весьма ей необходимым. Маркиза де Севинье, советуя дочери завести побольше друзей, говорила:

«Посмотрите, как госпожа де Лафайет богата друзьями — со всех сторон и в любых условиях: у нее сотня рук, она всюду доберется»⁶⁴.

Эта самая госпожа де Лафайет с 1678 г. ведет активную переписку с личным секретарем савойской герцогини Жанны-Батисты

⁶² Клод де Лоррен, герцог де Шеврез (1578-1657) — второй муж Мари де Роан, герцогини де Шеврез.

⁶³ Ларошфуко Ф. де. Указ. соч. С. 6.

⁶⁴ Sévigné M. de. Lettre à mme de Grignan du 26.02. [1690.]. V. 3. P. 847.

Немурской⁶⁵. Обнаружение этого факта в XIX веке вызвало шок у читателей⁶⁶: хрупкая, болезненная писательница оказалась если не шпионкой и интриганкой, то соглядатаем савойской принцессы при французском дворе. И эту ее деятельность весьма сложно оценить с точки зрения семейных интересов. Во всяком случае, очевидно, что женщины завязывали нужные знакомства по собственному усмотрению, не всегда принимая в расчет мнение супруга на этот счет и не всегда ставя его в известность.

Еще одной сферой активности женщин, тесно связанной с вопросами общения, была салонная жизнь. Держать салон было прерогативой женщин, и на эти встречи приглашались лишь избранные — те, кого хозяйка желала видеть у себя. Муж если и принимал участие в этом увеселении, то обычно довольно пассивное. Не случайно встречи в отеле Генего называли салоном госпожи дю Плесси-Генего, хотя супруг разделял ее увлечение литературой. Безусловно, свою роль в этом сыграл тот факт, что маркиза де Рамбуйе, задававшая тон этой моде и ставшая во французской культуре архетипом хозяйки салона, была вдовой. Так же не имели мужей и самые известные ее последовательницы — госпожа де Сабле (вдова), мадемуазель де Скюдери и мадемуазель де Монпансье. Это не могло не сказаться на стиле их общения, который с большим или меньшим успехом копировали дворянки и горожанки в Париже и по всей стране.

Посещение салона соответственно также было делом индивидуальным. Хотя здесь можно заметить значительную разницу в положении гостей. Литераторы, ученые приглашались туда всегда без жен, поскольку они были гостями салона благодаря своим профессиональным качествам. В аристократической среде сложно было

⁶⁵ См. современное ее переиздание: *La Fayette M.-M. de. Lettres de Mme de La Fayette au chevalier de Lescheraine, 1678-1681: texte provenant des Archives de Turin.* P., 1970.

⁶⁶ В конце XVIII в. Г. д'Осонвилль счел необходимым уделить особое внимание этому вопросу, сильно повлиявшему на репутацию писательницы: «Я не могу не находить, что было наделано слишком много шума по поводу ее писем к секретарю герцогини Савойской», которые, по его словам, противопоставили «легендарной и несколько идеализированной госпоже де Лафайет новую госпожу де Лафайет — ловкую, корыстную и почти интриганку». *D'Hausonville G.-P. Madame de La Fayette.* P., 1891. P. 97. Однако сам автор находит извинение лишь в ее непонимании всей значимости ее деятельности.

принимать видную даму и не принимать столь же видного супруга. И если оба они имели склонность к подобного рода времяпрепровождению, то чаще всего оба посещали салон (и чаще всего это был один и тот же салон или салоны). Но это вовсе не означало, что они бывали там вместе, в одни и те же дни.

В салонах рангом пониже, впрочем, патриархальные традиции также не играли столь значительной роли. В салоне мадемуазель де Скюдери не было семейных пар, хотя основными его посетителями были отнюдь не аристократы. Помимо литераторов, игравших в нем доминирующую роль, это были жены финансистов, соседки и подруги писательницы. Нет упоминания о том, что их мужья также хоть изредка принимали участия в «Субботах», как назывались эти встречи.

На круги общения супругов оказывали влияние и условия их брака. Неравный в социальном или возрастном отношении брак способствовал тому, чтобы у женщины формировался свой круг общения, в котором муж не принимал участия. Не случайно многие из комедий Мольера посвящены тому, как трудно уберечь молоденькую супругу от нежелательных, с точки зрения мужа, связей.

Нередкими в XVII веке были случаи раздельного и порой весьма долговременного проживания, что и могло чаще всего обусловить не только сепаратное вращение в одних и тех же или близких кругах, но и кардинальное несовпадение круга знакомств. Причиной этого была отнюдь не только личная неприязнь. Чаще всего раздельное проживание объяснялось экономическими причинами. Особенно часто это встречалось среди дворян, чьи денежные интересы были рассредоточены между двором и своими землями. Постоянно снижавшиеся доходы от земель заставляли многих устремлять свои взоры ко двору в надежде получить там должность. Придворные должности (дававшие определенное содержание), королевские подарки и пенсии казались весьма желанными для множества дворян. В то же время жизнь при дворе была и существенно более расточительной в силу многочисленных требований, которые она предъявляла касательно одежды, приемов и т.п. Уже в одном из ранних письмовников 1607 года приведен образец письма, которое может написать вельможа, отказывающийся выхлопотать придворную должность: «...есть лишь очень немного должностей, которые бы не продавались и по очень высокой цене...прибавьте к этому расходы, в кото-

рые вам придется входить, чтобы появляться у фанфаронов, иначе удачливый привратник, увидев вас дурно одетым, захлопнет дверь перед вашим носом из удовольствия...»⁶⁷. Включение этого образца в письмовник отражает распространенность этого явления.

Эта двойственная денежная зависимость заставляла многих идти на определенную хитрость, когда один из супругов отправлялся ко двору, а другой оставался вести дела в имении. Порой даже весьма видные аристократы устраивали жизнь подобным образом. Безусловно, чаще всего в столицу отправлялся глава семейства. В качестве примера можно привести Ф. де Ларошфуко. Дела его после Фронды шли совсем плохо. Из-за нехватки средств ему приходилось бывать в Париже лишь наездами. Только в 1659 году, получив королевскую пенсию и выгодно женив старшего сына, он смог постоянно обосноваться в столице. Но только он один: его жена, которая по своему положению могла бы занимать видное место при дворе, вынуждена была остаться в имении. О ее жизни практически ничего не известно, кроме даты смерти.

Не всегда дела складывались подобным образом. Граф де Лафайет, вынужденный вести многочисленные тяжбы из-за земель, отправил в столицу свою супругу с детьми, она должна была помогать решать дела «на высшем уровне». Они поженились в 1655 г. и уже с 1661 г. постоянно жили раздельно. В столице многие считали графа умершим задолго до того, как он действительно скончался в 1683 г. Для нас же важно, что и в том, и в другом случае круги общения супругов принципиально не совпадали. Они формировались и поддерживались самостоятельно, без участия супруга.

Надо отметить, что и в буржуазной семье находились причины для более или менее долговременного отсутствия супруга. Ги Патен нередко отмечает, что интеллектуалы, получавшие приглашения на службу к иностранному государю, отправлялись туда без своих семейств. Из его близких знакомых — Самюэль Сорбьер и Габриэль Ноде, получившие приглашения от Кристины Шведской, уехали в Стокгольм в одиночестве. Договор заключался на относительно небольшой срок (1–2 года), и брать с собой семью, учитывая тяготы путешествия, не имело смысла. Сам он также получил приглашение

⁶⁷ A un Amy estant en Cour, pour obtenir un office chez le Roy // Le secrétaire François ; contenant la méthode d'écrire et dresser toutes sortes de Lettres Missiues. Ensemble quelque Lettres facetieuses. Rouen, 1607. P. 61.

стать медиком шведской королевы, но отказался. Однако и у него, не выезжавшего из Парижа занятого врача, был период раздельного проживания с женой. Один из его знакомых даже пришел к выводу, что тот овдовел. В 1652 г. Ги Патен пишет другу в Лион:

«Он (Пьер Риго — А.С.) ошибся, если сказал вам, что я вдовец: хвала Господу у меня еще есть жена, и я надеюсь умереть раньше ее, будучи на десять лет ее старше. Причина заблуждения в том, что он не видел ее у меня этим летом: она была в нашем доме в полях, в 4 лье отсюда, где она сделала множество вещей, которые надо было подготовить. Я купил этот дом за 15 тыс. ливров или чуть меньше и считаю его с братьями моей жены как часть наследства моего умершего тестя... Поскольку этот дом принадлежал людям очень старым, мы нашли, что там надо многое переделать»⁶⁸.

Все эти явления вместе взятые прекрасно отражают специфичность форм брака в формирующейся светской придворной культуры. Любопытно, что в целом причины, порождавшие большую самостоятельность женщин в общении и выборе круга знакомств, за счет чего часто и происходило размежевание сфер общения супругов, отнюдь не всегда были «прогрессивными», порой ее обособленность проистекала от вполне традиционных, патриархальных устоев. Именно благодаря этому в среде буржуа, вовсе не всегда нацеленных на подражание высшему свету, общение также отнюдь не во всем было делом семейным. Однако и здесь сказалось постепенное изменение гендерных стереотипов, и надо признать, что в целом значительная самостоятельность женщин в общении стала нормой. Напротив, стремление мужей оградить их от нежелательных знакомств (ассоциировавшихся прежде всего со светскими развлечениями) становилось поводом для насмешек⁶⁹.

⁶⁸ Patin G. Lettre à Charles Spon du 30.01.1652 // Patin G. Les Lettres de Guy Patin à Charles Spon. Vol. 2. P. 828.

⁶⁹ В качестве примера можно привести комедию Мольера «Школа мужей», в которой во всем чуждающийся современных веяний и воспитывающего опекаемую им девицу по старинке, взаперти Сганарель, противопоставляется его старшему, но следующему веяниям времени брату Аристу. Последний не препятствует светским развлечениям своей воспитанницы, в которых сам не принимает участия, считая их прекрасной школой для молодой девицы.

Т. Л. ЛАБУТИНА

«НЕСОСТОЯВШИЙСЯ БРАК» МАТРИМОНИАЛЬНЫЕ ПРОЖЕКТЫ РУССКИХ ЦАРЕЙ В XVI–XVII ВЕКАХ

Как известно, активный интерес к западным странам в России стал проявляться в правление царя Ивана Грозного. Американский ученый Э. Симмонс обращал внимание на тот факт, что Россия, возможно, больше других европейских государств была широко открыта на протяжении столетий проникающему влиянию со стороны своих соседей. В Киевской Руси было ощутимым греко-византийское и скандинавское влияние. После монголо-татарского ига Московское государство установило торговые отношения с Ганзейским союзом, немецкими и шведскими купцами. В конце XV в. на службу в Москву приезжали итальянцы, греки, немцы, поляки. Однако прочные связи с Западом, и в первую очередь с Англией, были достигнуты при Иване IV. Именно Иван Грозный, по мнению Симмонса, первым из русских царей открыл «окно в Европу»¹.

Важное значение для достижения дипломатических, экономических и культурных связей со странами Запада имели матримониальные связи. О том, какие шаги предпринимались в этом направлении в допетровской России, и пойдет речь в этой статье.

Надо сказать, что первые попытки породниться с иностранными монархами со стороны русской знати были совершены еще до Ивана Грозного. В XI в. дочери Ярослава Мудрого были выданы замуж за иностранных монархов: Анастасия стала супругой венгерского короля Эндре I, а Анна — женой французского короля Генриха I². Дед Ивана Грозного великий князь Иван III женился на византийской царевне Софье Палеолог, его дочь Елена была выдана замуж в 1495 г. за польского короля Александра. Наконец, отец Грозного — князь Василий взял в жены юную «литвинку», княжну Елену Глинскую. Не случайно, сам Грозный, нет-нет, да и вспоминал о своем «немецком» происхождении.

¹ *Simmons E. J. Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge, 1935. P. 3–4.*

² Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 350–351, 353–358.

Породниться с иностранной аристократией предстояло и самому Ивану.

«В царской семье браки были делом не частного, а политического характера, они подчинялись династическим целям, — отмечал историк Р. Г. Скрынников. — Московская дипломатия затеяла большую политическую игру в связи с женитьбой Ивана IV до того, как он достиг брачного возраста»³.

Поначалу бояре собирались сосватать для Ивана польскую принцессу, однако затея эта не имела успеха, а потому 16-летний великий князь объявил о своем решении сыскать невесту в родном отечестве. Бояре и окольные разъехались по городам и весям в поисках подходящей партии:

«Всем дворянам, имевшим дочерей от 12 лет, повелевалось под страхом великой опалы и даже казни везти таковых на смотрины»⁴.

Царской невестой стала дочь окольного Романа Захарьина Анастасия. Первый брак царя, продлившийся тринадцать лет, завершился из-за смерти супруги. Однако Иван недолго горевал. Вскоре после кончины царицы он надумал жениться на дочери польского короля Сигизмунда I Екатерине. Примечательно, что даже принадлежность претендентки к иной — католической религии не казалась царю препятствием для заключения брака. Как отмечал историк XIX в. Д. Цветаев, Иван «продолжал домогаться ее даже по выходе ее замуж за финляндского герцога, потом шведского короля,.. пока ее муж с позором не выслал из Стокгольма не впору приехавших туда русских послов — сватов»⁵. Царю пришлось вновь обратить свой взор на «своих» невест.

Вторая жена Ивана — дочь кабардинского князя Кученей прожила недолго. После ее скоропостижной смерти 40-летний царь провел «смотр» невест. Пред светлы очи жениха предстало полторы тысячи юных дворянок. Свой выбор он остановил на Марфе Собакиной. Впрочем, и этот брак продлился недолго: вскоре после свадьбы молодая жена скончалась. Последующие супруги Ивана Грозного — Анна Колотовская и Анна Васильчикова очень быстро разонравились немолодому

³ Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1983. С. 206.

⁴ Там же.

⁵ Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 430.

сластолюбцу, а потому были сосланы в монастырь. Шестой и, как говорят, самой любимой женой Ивана стала вдова дьяка Василиса Мелентьева. Однако и этот брак оказался не последним. В седьмой раз царь женился на «дворовой» — Марии Нагой. К этому браку Иван не относился серьезно, а потому, когда на горизонте замаячила перспектива породниться с английской аристократкой, он был готов «пожертвовать последней женой ради руки английской принцессы»⁶.

Следует признать, что со времени установления дипломатических и торговых сношений с Англией в 1553 г. Иван Грозный с особой симпатией относился к выходцам с британских островов. Так, англичане получили от царя исключительное право на беспошлинную торговлю в Московском государстве, транзитный торговый путь в Персию через территорию России, возможность разрабатывать железную руду в Вычегде, переплавлять монеты в ряде российских городов, а также особую юрисдикцию для своих сограждан. Со своей стороны, царь добивался от Англии заключения с ней военно-политического союза. Важным шагом в достижении поставленной цели ему представлялся династический брак с королевой Елизаветой Тюдор. План женитьбы на английской королеве возник у царя в 1566–1567 гг.

Следует отметить, что вопрос о сватовстве Грозного к Елизавете до сих пор принадлежит к числу дискуссионных. Так, если российский историк XIX в. И. Гамель не сомневался в реальности подобного плана, то его коллега Д. Цветаев полагал, что сами сведения о возможности такого брака не были достоверными, а потому не заслуживали внимания⁷. Трудно сказать, на чем основывался Цветаев, приходя к подобному заключению, поскольку сами англичане уверяли в наличии династического плана у царя. Известный английский посланник, немало лет проживший в России, приближенный ко двору Грозного Дж. Горсей свидетельствовал: царь Иван его спрашивал, «сколько лет королеве Елизавете, насколько успешно могло бы быть его сватовство к ней. И хотя он имел причины сомневаться в успехе, так как... королева отказывала в сватовстве многим королям и великим князьям, однако он не терял надежды, считал себя выше других государей по личным качест-

⁶ *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 213.

⁷ *Гамель И.* Англичане в России в XVI и XVII столетии. СПб., 1865; *Цветаев Д.* Из истории брачных дел в царской семье московского периода. М. 1884. С. 20.

вам, мудрости, богатству и величию. Он решился на эту попытку»⁸. Один из придворных англичанин Э. Бомелиус уверял царя, что «королева Англии молода, и что для него вполне возможно жениться». Наконец, о брачных планах Грозного вспоминал личный врач царя Алексея Михайловича Романова англичанин С. Коллинс, утверждавший, что царь Иван «очень желал жениться на королеве Елизавете»⁹. Как бы то ни было, но столь щекотливый вопрос о сватовстве Грозного к английской королеве до сих пор остается слабо изученным. Более детально освещено в исторической литературе сватовство русского царя к племяннице Елизаветы — Мэри Гастингс.

Весной 1582 г. в Англию снарядили посольство дворянина Федора Писемского с целью переговоров о возможном браке царя Ивана на племяннице королевы Елизаветы. Чтобы избежать кривотолков по поводу двух последних жен Грозного, с которыми тот продолжал находиться в церковном браке, послу дали наказ отвечать, что «государь взял за себя в своем государстве боярскую дочь не по себе, и будет королевнина племянница дородна и того великого дела достойна, государь наш царь, свою оставя, сговорит за королевнину племянницу»¹⁰.

В Лондоне послам оказали торжественный прием. Горсей свидетельствовал, что «их приняли с почетом». 18 января 1583 г. Писемский получил аудиенцию у королевы, вручил ей верительные грамоты и передал просьбу царя показать племянницу Елизаветы, а также «написать ее персону для передачи государю». Королева на это отвечала следующее:

«Любя брата своего, вашего государя, рада с ним быть в свойстве; но я слышала, что государь ваш любит девиц красивых, ...совестно мне также и велеть писать ее портрет и послать его к государю: лежала она в оспе, от болезни не оправилась, лицо у нее теперь красное»¹¹.

По-видимому, Елизавета искала предлог, чтобы не показывать свою племянницу. Однако поскольку посол настаивал, королева пообещала устроить смотрины «невесты».

⁸ Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. М., 1990. С. 63, 74.

⁹ Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 330.

¹⁰ Цит. по: Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России. С. 419.

¹¹ Там же. С. 433.

17 мая Писемский был приглашен в дом канцлера Бромлея, где ему показали «невесту». Примечательно, что сцену «смотрин» английские и русские источники описывали по-разному. Горсей рассказывал:

«Королева приказала представить им (послам) возможность увидеть леди, которая в сопровождении назначенного числа знатных дам и девушек, а также молодых придворных явилась перед послом в саду Йоркского дворца. У нее был величественный вид. Посол в сопровождении свиты из знати и других лиц был приведен к ней, поклонился, пал ниц к ее ногам, затем поднялся, отбежал назад, не поворачиваясь спиной, что очень удивило ее и всех ее спутников. Потом он сказал, .. что для него достаточно лишь взглянуть на этого ангела, который, он надеется, станет супругой его госпожи, он хвалил ее ангельскую наружность, сложение и необыкновенную красоту. Впоследствии ее близкие друзья при дворе прозвали ее царицей Московии»¹².

Между тем, Писемский в своем дневнике изображал «невесту» не столь восторженно, отмечая лишь, что княжна «ростом высока, тонка, лицом бела, глаза у нее серые, волосы русые, нос прямой, на руках пальцы тонкие и долгие». О «приятности» и красоте Мэри Гастингс посол не обмолвился ни словом, из чего Цветаев делал вывод о «неправдоподобности рассказа Горсея»¹³. Как бы то ни было, но вскоре послы получили портрет Мэри Гастингс, после чего отправились на родину. С ними ехал новый английский посланник Джером Боус, которому королева поручила сообщить царю о своем согласии на его просьбу в случае необходимости получить в Англии политическое убежище, но отказать в требовании заключения военного союза, равно, как и... брака с Мэри Гастингс.

Ничего не подозревавший о столь неудачном завершении переговоров о сватовстве, Грозный распорядился достойно встретить английского посланника.

В день аудиенции в Кремле, вспоминал Горсей, «улицы заполнились народом и тысячи стрельцов, в красных, желтых и голубых одеждах, выстроенных в ряды... верхом с блестящими самопалами и пищалями в руках, стояли на всем пути ... до дворца царя». Наконец, достигли дворца. «Переходы, крыльцо и комнаты, через которые

¹² Горсей Дж. Указ. соч. С. 81.

¹³ Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России. С. 435.

вели Боуса, были заполнены купцами и дворянами в золототканых одеждах. В палату, где сидел царь, вначале вошли слуги посла с подарками и разместились по одну сторону Царь сидел в полном своем величии, в богатой одежде.. Царь встал, посол сделал свои поклоны, произнес речь, предъявил письма королевы. Принимая их, царь снял свою шапку, осведомился о здоровье своей сестры королевы Елизаветы». После торжественной аудиенции посланнику к обеду на дом доставили две сотни мясных блюд. А затем, как отмечал Горсей, «состоялось несколько секретных и несколько торжественных встреч и бесед»¹⁴.

Добившись личной встречи с царем, Боус, отвечая на вопрос о «невесте», поначалу хитрил, изворачивался, наконец, заявил, что «королевнина племянница» и больна, и «лицом некрасива, а есть у королевны девиц с десять ближе ей в родстве». Когда же Грозный потребовал назвать их имена, посол отвечал: «Мне о том наказа нет, чтобы называть их имена»¹⁵. Неуступчивость Боуса привела к тому, что царь даже усомнился, имел ли тот полномочия посла.

Вскоре, однако, настроение царя изменилось, и его переговоры с английским посланником возобновились. Как отмечал Горсей, «было достигнуто согласие относительно счетов между чиновниками царя и компанией (английских — Т.Л.) купцов, все их жалобы были услышаны, обиды возмещены, им были пожалованы привилегии и подарки». Иван Грозный даже обещал, если «его женитьба с родственницей королевы устроится, закрепить за ее потомством наследование короны»¹⁶. По поводу данного условия брака А. А. Севостьянова заметила: «По свидетельству Писемского, английская королева всерьез интересовалась правами возможного наследника от предполагаемого брака царя и М.Гастингс». Однако на последней аудиенции Боусу разъяснили, что царь намеревался выделить возможному наследнику всего лишь «обычный удел», не пересматривая вопрос о наследовании престола¹⁷.

Между тем, слухи о возможной женитьбе царя на англичанке и, как следствие этого — изменении престолонаследия, не на шутку взволновали придворных.

¹⁴ Горсей Дж. С. 83–84.

¹⁵ Цит. по: Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России. С. 437.

¹⁶ Горсей Дж. С. 84.

¹⁷ Севостьянова А. А. Вступительная статья, перевод и комментарии // Горсей Дж. Записки о России. С. 189.

«Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены цареви- ча — семья Годуновых, были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные со- глашения», — свидетельствовал Горсей¹⁸.

Вскоре против царя образовался заговор. 18 марта 1584 г. Иван Грозный в возрасте 53 лет внезапно скончался. Версию насильственной смерти царя не исключали многие ученые. К примеру, В. И. Корецкий считал, что в заговоре против Грозного участвовали Борис Годунов, Богдан Бельский и лейб-медик царя голландец Иоганн Эйлоф, пригото- вивший питье с ядом. Когда яд начал действовать, царь «вдруг ослабел и повалился навзничь». И далее, как сообщал Горсей, «произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие — в аптеку,.. а также за его духовником и лекарями. Тем временем он был удушен и ооченел»¹⁹. Корецкий полагал, что душили Грозного Году- нов и Бельский²⁰.

Сторонник версии насильственной смерти Грозного современный историк А. Б. Соколов отмечал:

«Разумеется, недовольство деспотическим правлением Ивана Гроз- ного зрело давно: в обстановке террора никто из приближенных ко двору не мог быть спокоен за свою жизнь, страна опустошена вой- нами и опричниной, обезлюдели многие города, крестьянство нака- нуне полного закрепощения было близко к взрыву борьбы. И все же именно английские дела, политическая борьба вокруг посольства Боуса, временный успех посла могли стать непосредственным по- водом для заговора»²¹.

Так стремление Ивана Грозного породниться с королевским до- мом завершилось трагедией для самого русского царя.

Между тем, столь плачевное завершение матримониальных про- жектов Ивана Грозного не послужило предостережением для после- дующих царей на русском престоле. Борис Годунов также решил по-

¹⁸ Горсей Дж. С. 84.

¹⁹ Там же. С. 87.

²⁰ Корецкий В. И. Смерть Грозного царя // Вопросы истории. М., 1979, № 9. С. 103.

²¹ Соколов А. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Яро- славль, 1992. С. 54.

родниться с иностранными аристократами, хотя и не сам лично, а через своих детей — дочь Ксению и сына Федора. Заметим, что проблема сватовства детей Годунова в свое время подробно изучалась Д. Цветаевым, а также британскими учеными²².

Борис Годунов, по мнению Цветаева, пытался породниться с европейскими аристократами не только в «чисто государственных целях», но и чтобы облагородить свой не слишком знатный род²³. Началось все с поисков жениха для дочери Годунова Ксении. Согласно русским летописям, Ксения представляла собой «лучший образец тогдашней боярышни». Среднего роста, «телом изобильна», белолицая и румяная, с большими и выразительными черными глазами, густыми волосами дочь Годунова отличалась благонравием, здравомыслием, была «навычная в книгах, любительница духовного пения». Она любила вышивать и занималась иконописью. Знала грамоту и какой-то иностранный язык. В 1598 г., когда Ксении пошел семнадцатый год, царь Борис надумал отдать ее замуж за шведского принца Густава. Поскольку его отец Эрих XIV к тому времени был низложен, Густав был вынужден скитаться по Европе. И вот этого-то «скитальца» Борис решил сосватать за свою дочь с тем, чтобы через него подчинить себе Ливонию. К Густаву отправили послов. 19 августа 1599 г. его уже торжественно встречали в Московском государстве. Царь пожаловал «жениху» в удел Калугу и 10 тысяч рублей. Однако Густав предпочел задержаться в Москве. Вскоре он выписал к себе из Данцига приятелей, а также давнюю возлюбленную Екатерину Катер, с которыми занялся всякими «сумасбродствами». Бояре попытались внушить жениху, что если он желает заручиться поддержкой Годунова в получении Ливонии и шведской короны, то должен просить руки Ксении и принять православие. Однако «разгульный, своенравный принц», даже не предпринявший попытки взглянуть на свою «невесту», продолжал вести прежний образ жизни. Когда же Густав пожелал уехать «в отпуск» и ему в том отказали, он пригрозил, что сожжет Москву. Царь Борис был вынужден признать,

²² Цветаев Д. Из истории брачных дел в царской семье московского периода. Указ. соч.; Allen W. E. The Georgian Marriage Projects of Boris Godunov // Oxford Slavonic Papers. 1965, № 12; Willan T. S. The Early History of Russia Company. Manchester, 1968; Evans N. E. The Anglo-Russian Royal Marriage Negotiations of 1600–1603 // Slavonic and East European Review. 1983, № 61.

²³ Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. С. 440.

что такой зять ему не подойдет, а посему Густав, лишенный Калуги, в 1601 г. был отправлен на житье в Углич.

Между тем, англичане стали выказывать опасения по поводу того, что русский царь может породниться с Австрийским домом. Королева Елизавета, отправляя в Россию посланника Ричарда Ли, наказывала ему подобным планам Годунова всячески препятствовать. В то же время королева предлагала в невесты царевичу Федору дочь английского графа Дэрби. Поскольку же «невеста» оказалась на несколько лет старше жениха, то ее кандидатуру отклонили. Тогда Елизавета через посла Джона Мерика передала для ознакомления царю целый список своих родственников, чтобы Борис самолично мог выбрать из них подходящие партии для своих детей. Однако англичане со своими предложениями на этот раз припозднились: в Москве уже ожидали нового жениха — датского принца Иоанна, младшего брата короля Христиана IV.

По свидетельствам Горсея, «жених был доблестным, умным, подающим надежды молодым принцем; с помощью его и его союзников царь надеялся совершать чудеса»²⁴. Поначалу послы обменялись портретами молодых. Царь пообещал жениху выделить в удел Тверскую область, разрешил отправлять свою религию и построить для этой цели несколько кирк, а также посулил выплатить молодым 400 тысяч польских злотых. Столь щедрые обещания московского царя вдохновили Иоанна и уже 1 августа 1602 г. он отправился в Россию. В далекий путь принца сопровождала свита в 350 человек, в числе которых были королевские послы, сенаторы, пасторы, дворяне и слуги. Когда жених прибыл в Иван-город, его встречали боярин Михаил Глебович Салтыков и думный дьяк Афанасий Власьев, подготовившие к приезду принца 31 судно. Самое большое из них, внутри богато украшенное коврами и бархатом, предназначалось для Иоанна.

Весь путь до Москвы представлял собой одно торжественное шествие. Иностранная процессия в сопровождении стрельцов двигалась медленно. На каждом привале путешественников ожидало богатое угощение и торжественные встречи с боярами и купцами. Салтыков извещал государя:

«И королевич ехал в возке, с ним королевские послы, а платье на нем было атлас, сделано с канителью по-немецки, шляпка пуховая,

²⁴ Горсей Дж. Указ. соч. С. 134.

на ней кружевца, сделано из золота да серебра с канителью, чулочки шелка ал, башибачки сафьян син»²⁵.

19 сентября королевич прибыл в Москву.

«Навстречу ему был выслан особый отряд тысячи полторы конников из русской знати и служивших при дворе татар, немцев, поляков, — повествовал Цветаев, — все были в дорогих одеждах, их красивые кони в серебряной вызолоченной сбруе. Играла музыка»²⁶.

К принцу подвели коня «в превосходной сбруе» и вся процессия двинулась в Кремль. Улицы, по которым продвигались, была запружена любопытными горожанами в праздничных нарядах. Многие женщины украсили себя «дорогими камнями». Звонили колокола. Со стены Кремля тайно смотрел на въезд сам государь со своим сыном.

Прибывших гостей расселили в лучших домах Китай-города, пригласили царский обед из ста блюд, с пивом, медом, винами и водкой. Вся посуда была из золота. 28 сентября состоялась царская аудиенция.

«В золотой палате сидели на троне Годунов и его сын, окруженные многочисленной толпой придворных и одетые в самые дорогие царские одежды, блестящие золотом и камнями. Как только принц вошел, царь и царевич обняли его, поцеловались с ним, посадили рядом и долго разговаривали»²⁷.

После завершения торжественного обеда в Грановитой палате, на котором присутствовали бояре, высшее духовенство, богатое купечество, а также датские гости и «служилые иноземцы», царь и царевич сняли с себя дорогие, украшенные камнями цепи и надели их на шею принца. Ему подарили также много других дорогих украшений. Примечательно, что невеста, по обычаям того времени, на обеде не присутствовала, но смогла взглянуть на жениха из особого скрытого места в верхнем коридоре. Красивый и стройный жених очень приглянулся Ксении.

Казалось, на этот раз все складывалось как нельзя лучше. И вдруг приключилась беда: неожиданно принц заболел горячкой. Болезнь протекала стремительно. Вскоре Иоанн скончался. Узнав о трагической вести, Ксения упала в беспамятстве. Горе Годунова было безутешным. Оче-

²⁵ Цит. по: Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России... С. 448.

²⁶ Там же. С. 450.

²⁷ Там же. С. 451.

видец событий английский драматург У. Джорж рассказывал, что принца похоронили в алтаре голландской церкви «с царскими почестями»:

«Сам государь и царевич провожали гроб до первых царских ворот, а все члены боярской думы, бояре, дворяне и прочие проследовали в самую церковь, где и отстояли до самого конца службы». По описанию Джоржа, «над прахом покойного принца возвышается обширная гробница, покрытая черным бархатом, по стенам церкви и алтаря развешаны щиты с изображением принцева герба со всеми его украшениями, так что все имеет царственный вид»²⁸.

Неудачное сватовство Ксении не отвратило Годунова от попытки породниться с заморскими аристократами. Он вновь обращается к английской королеве с просьбой о возможных партиях для своих детей. Елизавета сообщила, что у нее на примете имеется одна молодая леди, которая может составить достойную партию для царевича Федора. Царь Борис попытался прояснить ситуацию и в апреле 1603 г. направил запрос относительно упомянутой «невесты». Однако ответа он так и не дождался, поскольку к тому времени королева Елизавета скончалась, и на английский престол вступил Яков I Стюарт.

Последняя попытка Годунова найти подходящую партию для дочери за границей относится к 1603 г. Царь направил Салтыкова к герцогу Шлезвингскому с просьбой женить на Ксении одного из своих сыновей. Выбор пал на принца Филиппа, который охотно согласился на это предложение. Однако время было упущено. В Московском государстве начинались «смутные» времена. Так, очередная попытка царя Бориса породниться с западными аристократами потерпела крушение.

Аналогичные попытки заключения браков с представителями иностранных держав предпринимали и первые Романовы. Царь Михаил Романов, по признанию английского врача С. Коллинза, «всегда жил в мире и дружбе со всеми христианскими царями, любил иностранцев»²⁹. И потому он охотно согласился на предложение своего отца, патриарха Филарета Никитича, жениться на какой-либо иностранной принцессе. Весной 1621 г. за границу был направлен московский «немчин» Юрий Родионов с целью разведать, у кого из государей имеется незамужняя дочь или сестра. Избранница должна быть «красна очми и всяким воз-

²⁸ Джорж У. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России // Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991. С. 167.

²⁹ Коллинс С. Указ. соч. С. 31.

растом, добра и ничем не увечна и к такому великому делу годна». О потенциальном женихе надлежало распространять молву, что он «образом красен, разумен и в обычае милостлив»³⁰. Царский посланник под видом «торгового человека» посетил Дрезден, Лейпциг, Нюрнберг, Страсбург, Париж, а также побывал в Англии, однако подходящей партии для царя Михаила так и не сыскал.

Между тем, до царя дошли слухи о том, что у датского короля Христиана IV имеются две незамужние племянницы. Срочно в Данию снарядили посольство. Князь Алексей Михайлович Львов и дьяк Ждан Шипов получили строгий наказ:

«Королевской племяннице быть в одной с государем вере, в истинной православной... и приехав в Российское государство, ей перейти и креститься, а иначе делу статься нельзя». Кроме того, от послов требовалось хвалить перед близкими родственниками племянницы «веру государя и его государство», а всех, кто будет эти разговоры поддерживать, одаривать и «впредь обнадеживать государевым жалованьем»³¹.

Самое интересное, что ни царь Михаил, ни его ближайшее окружение не знали, руки какой из племянниц надлежало просить. Право выбора оставалось за посланниками. Им предстояло поднести обеим девушкам по 40 соболей и определить, которая из них «возрастом, лицом, белостью, глазами, волосом» подходит, и нет ли какого увечья, «какая из них годна к великому делу, чтобы была здорова, собою добра и разумна; которую сочтут годною, на ту и указать королю, предлагая ему чинить с ней с ними договор». Выбор послов пал на старшую племянницу — Доротею Августу, которая показалась им «лицом и возрастом добра и в обычае добронравна». Казалось, дело пошло на лад, но тут вмешался датский король, который счел, что подобное сватовство не сулит ему никаких выгод. Послам дали ответ, что «девица сговорена уже за князя Цесарской области». Чтобы как-то смягчить свой отказ, Христиан устроил в своем дворце торжественный обед в честь русских послов, во время которого проявлял живой интерес к жизни Русского государства, расспрашивая об управлении православной церковью, ученых «немцах», музыкальном образовании и культурных пристрастиях «москвитов».

³⁰ Цит. по: Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России... С. 458.

³¹ Там же. С. 461–462.

Царский двор продолжал поиски невесты для царя Михаила. Летом 1522 г. к королю Швеции Густаву Адольфу направили переводчика Посольского приказа Елисея Павлова с двумя грамотами. В одной из них Его Величеству предлагалось выдать замуж за государя королевскую свояченицу дочь курфюрста бранденбургского маркграфиню Екатерину с тем, чтобы «еще сильнее укрепить и утвердить прежнюю любовь между ими, государями, и между русским и шведским государствами». Как видно из данного заявления, дипломатические цели предполагаемого брачного союза выступали на первый план, их даже не пытались скрывать. Король против подобного сватовства не возражал, однако настаивал, чтобы невеста осталась в своей вере, сохранила право отправлять службу в кирках, а также получила города с уездами. Тут уж свое несогласие с данными требованиями выразила русская сторона. 15 января 1623 г. царь и патриарх направили переводчика Посольского приказа Андрея Англера с грамотой, в которой прописывалось, что «государскому законному супружеству стать невозможно,.. потому что... двух вер великие государи наши с супругами своими никогда не бывали и впредь то быть не может». К тому же, и костелов иных вер в Московском государстве не может быть, «так то православной вере противно»³².

Поскольку подходящую партию для царя в чужих краях найти не удалось, Михаил обратился к русским невестам. Его избранницей стала княжна Марья Владимировна Долгорукая. Однако брак с ней продлился недолго: царица вскоре после венчания скончалась. Спустя год, Михаил Федорович женился на боярышне Евдокии Лукьяновне Стрешневой. Этот брак оказался счастливым. Четверо детей — сын Алексей и три дочери-красавицы радовали родителей, пока «роковой удар» их счастью не нанесло сватовство старшей дочери Ирины за иноземного принца.

Как когда-то в молодости сам, царь Михаил надумал породниться с датским королем Христианом IV, выдав дочь Ирину за его сына Вольдемара. В ноябре 1640 г. в Данию отправили гонца Ивана Фомина проведать про Вольдемара: «Сколько ему лет, каков собою, возрастом, станом, лицом, глазами, волосами, где живет, каким наукам, грамотам, языкам обучен?» По возвращении на родину Иван Фомин вручил царю портрет королевича и записку, в которой докладывал, что Вольдемар

³² Там же. С. 470–472.

«двадцати лет, волосом рус, ростом не мал, собою тонок, глаза серые, хорош, пригож лицом, здоров и разумен, умеет по латыни, по-французски, по-итальянски, знает немецкий верхний язык, искусен в воинском деле»³³. Подобная характеристика жениха вполне устроила царя. Начались переговоры с королем. Христиан дал свое согласие на брак, но при этом оговорил, чтобы его сын своей веры не менял. И вскоре Вольдемар со свитой в 269 человек прибыл в Москву, где был тепло встречен горожанами, которые поднесли ему золотую и серебряную посуду, соболей и ценные материи. Государь заверял, что «станет королевского сына держать у себя в ближнем приятельстве и в государственной большой чести, как государского сына и своего зятя,.. города, села и денежная казна будет у него многая; государь велел дать ему города большие, Суздаль и Ярославль, с уездами и другие города и села, которые ему, королевичу, будут годны». Кроме того, царь обещал, что «в вере неволи не будет королевичу»³⁴. Однако, как показали дальнейшие события, государь данного обещания не сдержал, что и привело в конечном счете к осложнениям в отношениях как с королевичем, так и с королем Дании.

Буквально с первых дней пребывания в Москве Вольдемара стали настойчиво уговаривать сменить веру. Сам царь настаивал, чтобы королевич переменял веру, так как в российском государстве «муж с женою в разной вере быть не может». Однако Вольдемар упорствовал. «Веры своей переменить не могу, — заявлял он, — потому что боюсь преступить клятвы отца моего, а в наших государствах ведется, что муж держит веру свою, а жена — другую». Противостояние царя и жениха дочери нарастало. Не желая изменить свою веру и принять православие, Вольдемар попросил царя отпустить его на родину, но встретил отказ. Более того, государь распорядился усилить стражу у королевского двора. Вскоре датским послам было объявлено «о невозможности совершиться браку королевича на царевне без соединения в вере». Кроме того, бояре усиленно рекомендовали послам уговорить Вольдемара принять православие. «Да, хотя бы с царским величеством и верою соединился, — отвечали послы, то ему не сойдется в иных мерах, в

³³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Соч. Т. 9–10. М., 1990. С. 218.

³⁴ Там же. С. 222.

постах, кушаньях, в питье, платье... Королевич веры своей не переменит и больше говорить не о чем». Три месяца продолжались переговоры с королевичем. Наконец, призвали патриарха, который настойчиво рекомендовал Вольдемару выполнить просьбу царя и заново креститься, считая веру королевича «несовершенной». В это время бояре не устали расхваливать красоту царевны Ирины, убеждая Вольдемара в том, что она, в отличие от других москвичек, которые «любят напиваться допьяна», девушка умная и скромная, и «во всю жизнь свою ни разу не была пьяна»³⁵.

После того, как все аргументы были исчерпаны, датских послов отпустили на родину. Тогда-то королевич решился на побег, но его ждала неудача. Вновь потянулись месяцы безуспешных переговоров. 9 января 1645 г. королевич обратился с письмом к государю, в котором писал:

«Бьем челом, чтоб Ваше царское величество далее нас не задерживали. Мы самовластного государя сын, и наши люди все вольные люди, а не холопы... Мы Вам даем явственно разуметь, что если Вы задержите нас насильно, то мы будем стараться сами получить себе свободу, хотя бы пришлось при этом и живот свой положить»³⁶.

Трудно сказать, чем бы закончилось «пленение» жениха царевны Ирины, если бы не смерть Михаила Романова, последовавшая 13 июля 1645 г. Вступивший на престол его сын царь Алексей Михайлович отпустил Вольдемара на родину. Более того, видимо, в качестве возмещения морального урона, нанесенного прежним царем, ему вручили богатые царские дары: 40 дорогих соболей, 3615 рублей, а также на дорожные расходы выделили еще 7 тысяч. 20 августа по Москве двинулся обоз из 400 подвод, который сопровождали бояре и полторы тысячи стрельцов. «Со всем почетом и на казенном содержании их провожали до самой границы», — отмечал Цветаев. А далее ученый приводит высказывание известного сербского мыслителя XVII в. Юрия Крижанича о том, что брачное дело Вольдемара с Ириной, как и прежние, инициировались «немцами с одной эгоистически-коварной целью подчинения русских»³⁷. Что же касается самой невесты, то Ирина так и не вышла замуж, оставаясь в девицах до своей смерти, последовавшей в 1679 г.

³⁵ Там же. С. 226, 228, 230.

³⁶ Цит. по: Соловьев С. М. Указ. соч. С. 234.

³⁷ Цветаев Д. Протестантство и протестанты... С. 508, 510.

Итак, подведем итоги. Как видно, представители царских династий России в XVI–XVII вв. матримониальные связи с западными аристократами считали необходимыми в двух случаях: ради заключения военно-политического союза либо с целью «облагораживания» не слишком знатного рода. Как правило, для заключения династического брака требовалось только согласие отца «жениха» или «невесты» зарубежного государства. Поначалу, в XVI в., когда Московское государство еще только завязывало отношения с западными странами, мало внимания уделялось внешности, образовательному цензу и даже конфессиональной принадлежности претендентов в женихи или невесты. В XVII веке, с усилением позиций Российского государства на международной арене представители царской династии начинают предъявлять к таковым более строгие требования. Одним из обязательных условий заключения брачного союза становится принадлежность жениха и невесты к единой религии — православию. Примечательно, что, как и прежде, в расчет совершенно не принимались личные чувства, симпатии или антипатии в отношении друг к другу тех, кто должен был вступать в брак. Главными в династических браках оставались исключительно государственные интересы. Быть может, именно это и послужило причиной несостоявшихся браков ряда представителей царских династий. Для западных стран средневековая Россия все еще представлялась страной «нецивилизованной», а потому недостойной даже для матримониальных связей. Западная аристократия искала в возможных браках с наследниками царского престола исключительно коммерческие выгоды: приобретение земель, городов и уездов, а если повезет, то и право наследования русским тронном. Когда же оказывалось, что подобные планы невозможно реализовать, в ход шли всевозможные отговорки, выдвигались надуманные претензии, и в результате матримониальные прожекты русских царей с западными аристократами бесславно завершались.

О. Ю. СОЛОДЯНКИНА

МОСКОВСКАЯ ГУВЕРНАНТКА К. КЛЕРМОНТ — ПАДЧЕРИЦА У. ГОДВИНА

Во время распространения гувернерства как педагогического феномена сложился определенный стереотип наставниц, в том числе английских. Они были сухопарые, подтянутые, с прямыми спинами, отличались чопорностью, сдержанностью манер, корректностью разговора, строгой нравственностью и по большей части были безнадёжными старыми девами. Особенно были распространены английские няньки, поскольку считалось, что именно они выращают детей лучше всех: в суровой спартанской обстановке, на свежем воздухе, полезном для здоровья, в чистоте и простоте. Родители-дворяне старались заполучить себе именно англичанку, считая, что это гарантия успеха. Такой была и традиция выращивания детей в императорской семье: начиная с великого князя Александра Павловича, будущего императора Александра I, отпрыски Романовых проходили школу британских бонн. Напрасно негодовал почтенный С. П. Шевырев:

«Как искоренить суеверие мнимого просвещения, что Английские няни лучше всех выпрямляют тело детей, а будто бы неважно, что те же няни всех искуснее коверкают наш родной язык в лепете уст еще младенческих»¹.

В «Руководстве для гувернеров и гувернанток» Лесгилье, пособии-наставлении для родителей, безапелляционно сообщалось о первенстве англичанок среди всех прочих гувернанток:

«Англичанка отличается холодностью и непреклонностью воли и характера, она полна самой сосредоточенной гордости,

¹ Об отношении семейного воспитания к государственному. Речь, произнесённая в торжественном собрании императорского московского университета ординарным профессором русской словесности, доктором философии и членом педагогического института Степаном Шевырёвым 18 июня 1842 г. М., 1842. С. 49.

вместе с тем необычайно скромна. <...> Каждое ее слово, действие, одежда, все рассчитано заранее; это мало привлекает к ней, к ней мало питают симпатии, и если берут ее, то ради обычая, а не потому, что она нравится. Ей дорожке платья и, обыкновенно, ее встретите только в высших слоях общества, где на первом плане ставят ее родной язык, которому она училась с самых юных лет. Она образована, знает хорошо свое дело и по справедливости заслуживает быть первою»².

Каролина Павлова, образованная московская барышня, бравшая уроки английского языка именно у нашей героини К. Клермонт, в одной из своих повестей иронизировала:

«Известно, что девушке высшего круга без англичанки быть нельзя. У нас в обществе по-английски не говорят, английские романы барышни наши обыкновенно читают в переводе французском, а Шекспир и Байрон для них вовсе неприкосновенны, но если ваша шестилетняя дочь говорит иначе, как по-английски, то она дурно воспитана. Из этого часто следует, что мать, не так хорошо воспитанная, как ее дочка, не может с ней изъясняться, но это неудобство маловажное: ребёнку английская нянька нужнее матери»³.

Слуги, общавшиеся с англичанами, тоже рисовали себе картинку стереотипного поведения британцев. Маша, горничная в семье Ган, критиковала новую английскую гувернантку Елизавету Стюарт:

«— Ну, какая же это мисса, и чему она может научить вас? — упорно рассуждала она; — по-русски говорит, как русская, всего боится, от всякого слова краснеет. Ни прикрикнет она, ни страху не задаст никому... Целый день себе работает, разговаривает со всеми, смеется, как всякая другая барышня... Такие, что ли, миссы-то бывают?.. <...> Да уж нет!.. Куда ей?.. Не такая. Уж сколько я и в Петербурге, — как маменька вам губернанку искала, — и в Одессе миссов этих аглицких ви-

² Леслие А. Руководство для гувернёров и гувернанток. На русском, немецком и французском языках. Необходимая настольная книга для каждого семейства, с прибавлением законов, относящихся к правам и пенсиям лиц, посвятивших себя воспитанию и образованию детей в России. СПб., 1870. С. 74–75.

³ Павлова К. К. Двойная жизнь // Павлова К. К. Собрание сочинений в 2-х тт. М., 1915. Т. 2. С. 12–13.

дала, — вовсе она на них непохожа и никак по-аглицкому вас хорошо не научит»⁴.

Однако стереотипы для того и существуют, чтобы мы тут же рассмотрели нечто эксклюзивное. Именно такой, непохожей на большую часть английских гувернанток, и была Клер Клермонт, трудившаяся гувернанткой в русских аристократических семьях в 1823–1831 гг.

Джейн Клер Клермонт (1798–1879), дочь Мэри Джейн Клермонт (1768–1841), в 1801 г. стала падчерицей Уильяма Годвина (1756–1836), английского философа и писателя, который после смерти первой жены, Мэри Уолстонкрафт (1759–1797), женился на матери Клер. У. Годвин был известен сочинением 1793 г. «Исследование политической справедливости», а Мэри Уолстонкрафт — трактатом «Защита прав женщины» (1792). Мэри Годвин (1797–1851), дочь Годвина от первого брака, была практически ровесницей Клер Клермонт, своей сводной сестры. Мисс Клермонт и мисс Годвин росли вместе, в одном доме, и стали подругами на долгие годы. Они вместе находились в Рамсгейте, в школе для девочек мисс Каролины Петмен, где, судя по всему, получили весьма приличное образование. В семье поддерживались представления о том, что и женщины могут трудиться, в том числе на литературном и сценическом поприще, и в качестве гувернантки. В свое время в Ирландии гувернанткой юной Маргарет Кинг была Мэри Уолстонкрафт, и ее выросшая воспитанница принимала участие в ирландском восстании 1798 г. В поучительных рассказах для детей, произведении М. Уолстонкрафт «Истории из настоящей жизни» (“Original stories from Real Life”) (1788 г.) выводился образ идеальной гувернантки, и сводные сестры М. Годвин и К. Клермонт были знакомы с этим произведением.

Семья Годвинов отличалась весьма свободными нравами, причем это касалось и родной матери Клер. Исследователи до сих не уверены в законности происхождения Клермонт и ее брата, поскольку путаница в именах их матери заставляет считать ее то вдовой, то девицей. И эта свобода нравов перешла на следующее поколение выходцев из дома Годвина. В 1814 г. Мэри Годвин сошлась с

⁴ Желиховская В. П. Мое отрочество. СПб., [б.г.]. С. 86.

уже женатым Перси Биши Шелли (1792–1822), юным поэтом-романтиком, и стала его гражданской женой, родив ему одного за другим четверых детей. Только после смерти первой жены Шелли в 1818 г. связь была узаконена церковным браком. Клер знала все подробности отношений своей сводной сестры и была в восхищении от ее избранника. В 1814 г. вместе с парой Годвин-Шелли она совершила поездку на континент, посетив Францию, Швейцарию, Германию и Голландию. Сама Клер мечтала о карьере певицы и готовилась поступить на сцену театра Друри-Лейн в Лондоне. Для этого были нужны связи, протекция, и мисс Клермонт познакомилась с человеком, имя которого гремело в артистическо-художественной богеме, о котором в возвышенных тонах говорил Шелли — лордом Байроном (1788–1824). Он тоже был женат, но в кругу, где вращалась Клер, на такие вещи не обращали внимания. Карьеры певицы не получилось, а в 1817 г. у Клер от Байрона родилась дочь Аллегра (1817–1822). В апреле 1816 г., подписав бракоразводные бумаги, Байрон покинул Англию, в 1816 г. уехал в Швейцарию и Шелли с М. Годвин, взяв под свое покровительство беременную Клер. Некоторое время все четверо изгнанников жили на берегу Женевского озера, и именно в творческой атмосфере этого странного «четверного союза» появился «Франкенштейн» Мэри Шелли (1818 г.), ее самое известное произведение. А потом Байрон уехал в Италию, забрав Аллегру с собой и отдав ее на воспитание своей возлюбленной, графине Гвиччиоли. Чета Шелли и Клер также поехали с ними в Италию, подолгу живя в Риме, Флоренции, Пизе, Ливорно, где общались с очень специфическим кругом людей. Это были англичане, из-за всяких проблем нравственного характера вынужденные покинуть свою родину. Близкими друзьями были Вильямсы, Эдвард Вильямс (1793–1822) и Джейн, урожденная Кливленд (Cleveland), в первом браке Джонсон (1798–1884), которые сожительствовали с 1818 г., а брак заключили позднее. Центром кружка в Пизе была бывшая воспитанница Мэри Уолстонкрафт Мэри Джейн Мур, графиня Маунт-Кэшл (1772–1835), урожденная Кинг, которая оставила своего мужа-графа и восемь детей, и жила с Джорджем Вильямом Тайе. Графиня жила в Пизе как частное лицо и предпочитала называться «Миссис Мейсон» («Mrs. Mason»), поскольку таковым было адаптированное имя идеализированной гувернантки в произ-

ведении незабвенной Мэри Уолстонкрафт. Не последнее место в этом кружке занимал Эдвард Джон Трелони (1792–1881), моряк, искатель приключений, попеременно влюблявшийся в Клер Клермонт и Мэри Шелли, писавший страстные письма обеим, и тоже уже женатый, близкий друг Перси Биши Шелли, прах которого он лично предал земле на кладбище в Риме и рядом с могилой которого был впоследствии похоронен сам, и лорда Байрона, которого он сопровождал в Грецию, где тот и скончался, а Трелони был тяжело ранен в бою с турками.

Стесненные денежные обстоятельства (дела У. Годвина в Англии шли не лучшим образом), неоднозначность ее положения в кругу Шелли заставили Клер подумать о карьере компаньонки или гувернантки. Она стала интенсивно учить немецкий язык, чтобы пристроиться в богатую немецкую семью. Ее брат Чарльз Клермонт (1795–1850) осел в Вене и обещал содействие, но для этого надо было иметь совсем другую репутацию, нежели сложилась у Клер к тому моменту. То, что ребенок несколько лет жил без матери, теперь оказывалось на пользу Клер: можно было выглядеть просто незамужней девицей. Дальше надо было дистанцироваться от круга тех лиц, которые знали особенности ее прошлой биографии и могли повредить ее будущности. Клер посоветовалась с П. Б. Шелли, и он ответил 18 февраля 1821 г.:

*«Конечно, положение *date de compagnie* обычно сулит мало хорошего, но я готов верить, что в твоём случае будет исключение, и что каждый, кто тебя близко узнает, обязательно к тебе привяжется»⁵.*

Чета Шелли пыталась смягчить коллизии отношений К. Клермонт и Байрона, Перси Шелли ходатайствовал перед другом о возвращении ребенка матери, но Байрон был неуступчив. Девочку поместили в католический монастырь, где она и скончалась. В том же 1822 г. утонул Шелли вместе с Уильямсом, и овдовевшая Мэри и Клер остались в Италии, вынужденные сильно ограничить свои расходы. Хотя П. Б. Шелли оставил в завещании достаточную

⁵ Алексеев М. П. Московские дневники и письма Клер Клермонт // Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века) // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982. С. 487.

сумму и Клер, а не только своей жене и единственному выжившему сыну Перси Флоренсу, но получить эти средства в полном объеме дамы смогли только после смерти старого Шелли, отца Перси Биши. Смерть дочери (как это ни печально) облегчала задачу Клер: страницу, связанную с Байроном, можно было перечеркнуть. В октябре 1822 г. Клер приехала в Вену к брату Чарльзу, но пребывание в Австрии оказалось недолгим. В тайную полицию поступило анонимное письмо, где Клер и ее брат обвинялись в связях с опасными вольнодумцами, занимавшимися революционной деятельностью в Италии и Австрии, с пользующимися «печальной известностью» бунтовщиками Годвином и Шелли, и им было предписано в пятидневный срок покинуть Вену. Чарльз Клермонт смог доказать абсурдность обвинений и добиться отмены решения, но Клер решила бесповоротно уехать из Австрии в то место, где никто ее не знает. Таким местом представлялась Россия:

«Я отправилась в Россию, потому что я надеялась забыть посещения моей темной и изменчивой судьбы, гибельные преследования, казавшиеся неотделимыми от моего имени»⁶.

Еще с 1821 г. во Флоренции Клер познакомилась со многими русскими, будучи принята в доме графов Бутурлиных, центре «русского кружка» Флоренции. Но она и представить не могла тогда, что проведет среди русских несколько лет.

В феврале 1823 г. Клермонт заключила соглашение с графиней Зотовой, а 22 марта 1823 г. покинула Вену, сопровождая графиню и двух ее дочерей. Так началась карьера английской гувернантки мисс Клермонт в России. Выбор графини Зотовой в качестве работодателя был весьма прагматичным. Брат Клер Чарльз в письме Мэри Шелли объяснял выбор сестры так:

«Графиня понравилась нам обоим, но вы знаете, что на русских не очень-то можно полагаться. У неё две красавицы дочери, 14-ти и 16-ти лет, для которых Клер будет скорее компаньонкой, чем гувернанткой. Но Клер очень надеется, что — так как в России девушки рано выходят замуж — она скоро сбудет их с рук и тогда, поскольку графиня не отличается

⁶ Там же. С. 499.

крепким здоровьем, возможно, удастся уговорить её поселиться в Италии или другой стране с тёплым климатом»⁷.

Графиня Елена Александровна Зотова была дочерью князя Куракина и женой графа Николая Ивановича Зотова, две ее дочери действительно рано, еще до конца 1825 г., вышли замуж. Наталья (1807–1873) была замужем за князем Павлом Алексеевичем Голицыным (1796–1864), а Елизавета, Бетси (1809–1872), любимая воспитанница Клер, была женой графа, впоследствии светлейшего князя Александра Ивановича Чернышёва (1786–1857), крупного государственного деятеля николаевского царствования. Но стать компаньонкой при графине Зотовой у Клермонт не получилось, и следующим местом, где Клер трудилась гувернанткой, была семья Захара Николаевича Посникова (1765–1833), московского сенатора, женатого на Марии Ивановне Архаровой (1784–1834). Архаровы были образцом старого хлебосольного московского барства, и Посниковы и в Москве, и в подмосковном имении Иславское поддерживали эту репутацию. Сестра М. И. Посниковой Варвара (ум. 1811) была замужем за Ф. Ф. Кокошкиным, директором московского театра, Софья (1792–1854) — за графом А. И. Соллогубом (это были родители известного писателя В. А. Соллогуба), Александра (1795–1855) — за князем А. В. Васильчиковым (1776–1854). Именно в семье Посниковых Клермонт почувствовала себя более-менее устроенной, завязала массу знакомств с «московскими англичанами», их воспитанниками, родителями воспитанников, и просто представителями тогдашнего московского общества, что позволило ей вести любопытные беседы, в том числе по женскому вопросу. Внешне Клер не походила на англичанку: по описанию Т. Медвина, двоюродного брата П. Б. Шелли, она «была брюнеткой, с очень темными волосами и глазами, сверкавшими умом; ее считали итальянкой. <...> Хотя она не отличалась строгой красотой, но была оживленной и привлекательной»⁸. Н. М. Рожалин, впоследствии работавший в семье Кайсаровых одновременно с Клер, так описывал ее:

«Англичанка гордостью, постоянством, она итальянка живостью и горячностью: девушка редкая, замечательная своими

⁷ Алексеев М. П. Указ. соч. С. 489.

⁸ Там же. С. 479.

качествами и судьбою. <...> в ней я нашел то, чего не мог найти в девушках русских, просто друга, но больше ничего, и я объявил ей это»⁹.

Вообще вызывать сугубо дружеские чувства после истории с Байроном стало характерной чертой Клер. В семье Посниковых ей попался достойный собеседник — гувернер из Эльзаса Германн Гамбс (до 1806–1886), выпускник Страсбургского университета, музыкант, поэт, владевший несколькими иностранными языками. Англичанка и немец стали близкими друзьями. «Его беседа и общество — моё единственное утешение в России»¹⁰, — записывала Клер в своём дневнике. 27 октября 1825 г. она писала своей английской приятельнице Джейн Уильямс:

«Недавно я познакомилась с одним немецким джентльменом, который составляет для меня великое прибежище. В такой стране, как Россия, где я могу встречаться только с малообразованными людьми, развитой ум составляет для меня величайшее сокровище. Его общество напоминает мне наш прежний кружок, потому что он является хорошим знатоком древней и новых литератур и имеет широкий кругозор и благородный образ мыслей. Ты можешь представить себе, с каким восторгом он обрёл меня здесь, столь отличную от всех его окружающих и способную понять то, что так долго теснилось в его уме как сокровища слишком драгоценные, чтобы их стоило расточать на необработанной русской почве. Я рассказываю тебе о нём свободно, потому что уверена, что ты не подумаешь, будто я в него влюблена или что я питаю к нему какое-либо другое чувство, кроме самой искренней и непоколебимой дружбы»¹¹.

А подводя итоги уходящего 1825 года, Клер написала:

«По крайней мере в одном отношении год удачен для меня. Я приобрела настоящего преданного друга»¹².

⁹ Рожалин Н. М. Выдержки из его писем // Русский архив. 1909. № 8. С. 575–576.

¹⁰ The Journals of Claire Clairmont 1814–1827 / Ed. by Marion Kingston Stocking. Cambridge, 1968. P. 371.

¹¹ Цит. по: Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII век — первая половина XIX века). // Литературное наследство. Т. 91. М., 1982. С. 497.

¹² The Journals of Claire Clairmont... P. 396.

С Гамбсом Клер могла рассуждать о близких ей предметах, читать совместно книги, в том числе поэмы незабвенного Шелли.

Особый интерес представляет то, как часто Клер затрагивала проблемы положения мужчин и женщин. Ее московский дневник 1825 г. позволяет проследить неизменный интерес к этой теме барышни из дома Годвинов. Так, 10 июня, после обеда, все домочадцы и гости этого патриархального дома сидят на балконе загородного жилища в Иславском, под Звенигородом, и ведут диспут о женщинах, который, как пишет Клер, погрузил ее в болезненное расположение духа¹³. 23 июня она пишет все утро напролет — это размышления о женщинах¹⁴. 26 июня — снова утро посвящено написанию «Разговора между мужчиной и женщиной»¹⁵, это текст для рукописного издания «Иславская газета» («The Slavsky Gazette»), подготавливаемого раз в 2–3 недели губернатором Гамбсом при непосредственном участии Клер. Вечером текст пишется при содействии Гамбса. 27 июня работа над текстом «Разговора...» продолжается совместно с Гамбсом. 21 августа во время послеобеденной прогулки с завсегдатаями посниковского дома начинается спор о красоте мужчин и женщин, главный оппонент — Гамбс. 8 ноября Клер начинает чтение книги графа Александра Жозефа де Сегюра о женщинах¹⁶, продолжая это чтение 9 и 11 ноября¹⁷. Приходилось Клер обсуждать с «московскими англичанами» и труды ее отчима. 2 декабря 1825 г. она делает запись в дневнике, что в гости к Посниковым пришел мистер Бакстер, шотландский губернатор, с воспитанником Алексеем Киреевым, они пили чай и беседовали о политической справедливости¹⁸, вопрос, в котором именно У. Годвин считался наибольшим авторитетом (ведь так называется его главное сочинение).

Перерыв в дневниках Клер не дает возможности представить ситуацию практически всего 1826 года. Записи возобновляются

¹³ Там же. Р. 326.

¹⁴ Там же. Р. 331.

¹⁵ Там же. Р. 333.

¹⁶ *De Ségur, Alexandre Joseph Pierre. Les Femmes, leur condition et leur influence dans l'ordre social chez différents peuples anciens et modernes. 3 vols. Paris, 1803.*

¹⁷ Там же. Р. 376.

¹⁸ Там же. Р. 386.

лишь в декабре 1826. Клер уже оставила семью Посниковых (ее воспитанница Дуня умерла в сентябре 1825 г., и в услугах англичанки не было необходимости), и готовилась занять место гувернантки в семье Кайсаровых, временно обитая в доме князей Голицыных. В письме Джейн Уильямс Клер сообщала, что она решила не возвращаться в Англию, а предпочитает «мою ледяную пещеру и медведей здесь», в России¹⁹. Она стала гувернанткой в силу обстоятельств и постоянно осознавала тяжесть своего положения:

«Никто лучше меня не знает, что значит ежедневно подниматься по чужим ступеням и чувствовать с каждым шагом, что тебя ждет одинокая комната и лица, проникнутые странным равнодушием. Мир закрылся для меня в молчании. Прошло уже четыре года, которые я провела среди чужих. Голоса, которые звучали мне в юности, лица, которые окружали меня, теперь почти забыты, и невозможность вспомнить их усугубляет то, что я чувствую»²⁰.

На этом переходном этапе К. Клермонт познакомилась с супругами Вильневами. Месье де Вильнев бывал в Греции, видел, как сражаются греки за свою свободу, а эта тема, невзирая на причастность к ней Байрона, была особенно близка Клер. Вильнев рассказывал о героизме и самоотверженности греческих женщин, и Клер с упоением слушала его вдохновенные речи. 4 января 1827 г. разговор с супругами Вильнев был особенно интересен и щекотлив. Клер сказала, что пол должен быть отменен («I said Sex ought to be abolished»). Месье Вильнев согласился с Клер, его супруга — нет. Оба они объявили, что желали бы взять ее с собой в Грецию, но Клер отказалась, боясь быть обузой и опасаясь искушения юга, тепла и странного тройственного союза с Вильневами. Симпатия, а не только дружеское участие к ней месье Вильнева были очевидны²¹. А параллельно с этим интересным знакомством мисс Клермонт обсуждали князь Александр Голицын и граф Ростопчин, отметившие за одним из обедов аффектированную неприязнь Клер к мужчинам и

¹⁹ Clairmont — Jane Williams. 11.09.1824 // The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin / Ed. by Marion Kingston Stocking. Vol.1. 1808–1834. Baltimore & London, 1995. P. 211.

²⁰ The Journals of Claire Clairmont... P. 411.

²¹ Там же. С. 406.

объяснили ее для себя неудачной влюбленностью англичанки (возможно, в одного из них или сразу в обоих). Та могла только втихомолку посмеяться на страницах дневника над недалекостью русских, сводящих все вопросы к любви²². Клер неоднократно возвращалась к этой теме: русские, по ее мнению, обожают говорить о любви, и все остальные беседы сводят к этой вечной теме, поскольку только эти рассуждения под силу русскому уму. С неприязнью записала Клер в дневнике от 8 января 1827 г., что за обедом у Голицыных «мужчины говорили обычную ерунду о неверности, являющейся непрестительной в женщинах, но очень извинительной в мужчинах»²³. Конечно, в кругу, где она вращалась раньше, такие двойные стандарты не были приняты. А после обеда пришел месть Вильнев, один, поскольку жена ушла в театр, и беседа пошла в совершенно другом русле: «мы говорили о необходимости женщин быть более свободными, чтобы человек мог идти <...> более свободно вперед, к благородной судьбе»²⁴.

Интересные и даже неожиданные гендерные темы затрагивались Клер и в беседах с женой князя И. А. Лобанова-Ростовского. Вся Москва обсуждала историю скандального брака и развода Лобановых-Ростовских. Князь Иван Александрович Лобанов-Ростовский (1799–1869) в 1824 г. женился на Елизавете Петровне Киндяковой, но уже в 1825 г. они фактически разошлись, а Синод одобрил развод в 1828 г. Покинутая жена, Елизавета Петровна, жаждала скорее выйти замуж за нового обожателя, В. А. Пашкова, а решение вопроса в Синоде не бывало быстрым. 29 декабря 1826 г. Клер Клермонт обедала у Лобановых, князя, естественно, не было дома. Дальнейшее зафиксировано в дневнике Клер следующими словами:

«Наша беседа за столом была очень забавной. Мы соглашались на том, что стоило бы устроить государство по турецкому образцу, но наоборот, где мужчины содержались бы взаперти в гаремах, откуда бы их брали женщины»²⁵.

²² Там же. С. 407.

²³ Там же. С. 408.

²⁴ Там же. С. 408.

²⁵ Там же. С. 405.

Если представить, что эти идеи озвучивала англичанка из дома Годвинов, идея не кажется столь уж фантастичной, а вот русская визави Клер не догадывалась, как хорошо знаком предмет ее собеседнице. Но о происхождении Клермонт не знали не только ее русские знакомые, но и британские соотечественники, постоянно живущие в Москве.

22 января 1827 г. Клер писала Джейн Уильямс:

«У меня было мало знакомых среди англичан, и я никогда не рассказывала им ничего о себе и обстоятельствах моей жизни и судьбы, но, наоборот, заботилась о том, чтобы казаться довольной и счастливой, как будто я никогда не знала и не видела другого общества во всю мою жизнь»²⁶.

Это молчание было стратегически правильным шагом, потому что в английской колонии сложилось мнение о Клер как об исключительно добронравной девушке, с хорошими манерами, к тому же говорящей на безупречно правильном английском языке, так что именно она была достойна воспитывать девочек из богатых семей. Катастрофа разразилась, когда англичанам стало известно ее прошлое. Мисс Тревин летом 1826 г. ездила в Англию, и передала Дж. Уильямс письмо от Клер. Знакомство с Уильямс компрометирующим не было, но мать Клер, миссис Годвин, разыскала мисс Тревин в Лондоне, чтобы разузнать подробнее об обстоятельствах жизни дочери в Москве, и рассказала ей все, что знала об отношениях Клер с Байроном, Шелли и о собственной семье Годвинов. Мисс Тревин вернулась в Москву, «полная сведений о моей истории, и хотя она дружески ко мне расположена, но есть другие люди, готовые меня оскорбить и уже повредившие мне»²⁷. М. В. Алексеев считал, что таким «повредившим» Клер человеком был Томас (Фома Яковлевич) Эванс (1785–1849), многолетний воспитатель в русских дворянских семьях. Он «придерживается очень строгих принципов и достиг того возраста, когда уже бесполезно стараться изменить их; однако я старалась не затрагивать их, поскольку он был чрезвычайно полезен мне и своими советами и своей защитой благодаря тому, что с мнением его очень считаются.

²⁶ The Journals of Claire Clairmont... P. 401.

²⁷ Там же. P. 402.

Можешь представить себе ужас этого человека, когда он узнал, кто я такая, что очаровательная мисс Клермонт, образец здравомыслия, образованности и хорошего вкуса, воспитана и выросла в логове вольнодумцев. Вижу, что я представляю для него настоящую головоломку, и что он никак не может себе объяснить, как я могу быть столь обворожительной и столь внушающей отвращение»²⁸. Профессор порекомендовал именно Клер в качестве потенциальной гувернантки Наташи Кайсаровой, единственной дочери богатых родителей, а теперь «совесть профессора не позволяет ему дать на это разрешение. Бог знает, — говорит он, — какие еще годвинианские принципы может она внушить!»²⁹ Эти обвинения (выращена на принципах Годвина-Уолстонкрафт! И что она делала в безнравственном кругу Шелли-Байрона?) разрушали сложившуюся репутацию Клер как гувернантки. Ведь наставница следит за нравственностью своей воспитанницы, а что ждать в случае такой воспитательницы? Клер ужасно переживала эту историю, считая себя неудачницей, но страхи оказались преувеличенными. Ангажемент в семью Кайсаровых никто не отменил, и Клер представилась возможность в 1827–1831 гг. быть гувернанткой болезненной Наташи Кайсаровой, сопровождая семью по европейским курортам, где мать и дочь пытались подлечиться. В письме МэриШелли Клер так описывала свои досуги с Наташей:

«мы сидим друг против друга в самом жалком состоянии, я — потому, что должна весь день умолять её делать то, что ей не нравится, она — потому, что её об этом умоляют», «из-за вечных недомоганий Кайсаровых, матери и дочери, я провела относительно неприятную зиму. Дома я занималась растираниями, массажем, прикладыванием биндажей, перевязкой язв, прикладыванием тиявок, бинтованием распухших шейных железок. За пределами дома наши развлечения составляли ванны — ванны из воловьей крови, грязевые ванны, паровые ванны, мыльные ванны — и электролечение. Если бы я служила в больнице, я не была бы столь постоянно занята болезнями и всем, что к ним относится»³⁰.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Цит. по: Алексеев М. П. Московские дневники и письма Клер Клермонт... С. 547.

Вся эта медицинская рутина накладывалась на непростые взаимоотношения с семьей, в которой жила Клер. Клермонт прошла в своих отношениях с Варварой Яковлевной Кайсаровой все стадии охлаждения. В 1828 г. Клер писала:

«Я встретила её в счастливый час, и она дала мне дом, обеспечила мне уважение и доброту, и сверх того — симпатию к моим мыслям и чувствам», она «встретила меня, когда я была робкой одинокой странницей, веточкой, вырванной из сада, где она выросла, и покинутой среди чужеземцев»³¹.

1830 г., всего через два года, Клер записывала: «Г-жа Кайсарова приехала сюда и находится не в очень добродушном настроении. Единственно, что я от неё слышу, это, во-первых, бесконечное восхваление самой себя, своего мужа и дочки; это бы ещё ничего, но при повторении очень утомляет»; во-вторых, она стремилась доказать «бесконечное превосходство России над всеми прочими странами, исходя из той, бесспорной для неё, истины, что свобода и цивилизация ужасней всех зол», Клер приходилось соглашаться, чтобы избежать споров, но при этом о ней самой можно было подумать, что она «раболепное существо или совершенная дура»³². Совсем другим был вектор отношений с Наташей:

«Она не пренебрегает никакой возможностью сказать мне что-нибудь такое, что, по её предположению, будет мне особенно неприятно», — писала сама гувернантка. — «С глубоким сожалением я замечаю чрезмерную злобность в её характере», «Денно и ночью озабочена она, как бы мне досадить»³³.

И только постепенно отношения с девочкой улучшились, и настолько, что Клер впоследствии решила выдать её замуж за Александра Нокса, близкого друга сына Шелли. Затея не увенчалась успехом, а Клер на этой почве поссорилась с Мэри Шелли, и та умерла, не восстановив отношений с Клер³⁴.

³¹ Там же. С. 548–549.

³² Claire Clairmont to Mary Shelly. Dec. 11th 1830 // The Clairmont correspondence: letters of Claire Clairmont, Charles Clairmont, and Fanny Imlay Godwin / Ed. by Marion Kingston Stocking. Vol. 1. 1808–1834. Baltimore & London, 1995. P. 281.

³³ Алексеев М.П. Московские дневники и письма Клер Клермонт... С. 534.

³⁴ Там же. С. 551.

Утешением Клер в конце ее «русской карьеры» был Николай Матвеевич Рожалин (1805–1834), домашний учитель в семье Кайсаровых. С ним Клермонт сблизилась довольно близко, что привело к осложнениям с родителями воспитанницы. В интерпретации Рожалина события выглядели так:

«Причиною всего была зависть, возбужденная преимуществом, которое мисс Клермонт, в силу английских прав своих, довольно явно оказывала мне, моему разговору перед ними и их беседою. Это их взорвало, и они поступили с ней не только неучтиво, но и нагло. Слава богу, что это случилось в Травемюнде, месте тихом, где не могло выйти сплетен. Я, как невинный виновник всего, хотел всё и исправить, утишил справедливый гнев мисс Клермонт и дал ей благоразумный совет: презреть людей, недостойных ни одного подлинного чувства, думать больше о собственных своих выгодах и след<овательно> помириться до лучших обстоятельств. Она мне верит много и приняла мой совет»³⁵.

Обстоятельства, заставлявшие стать гувернантками, обычно были столь серьёзными, что ничто не позволяло отказаться от этой должности. Даже после описанной тяжелой сцены, по сути скандала с родителями воспитанницы Наташи Кайсаровой, проведя почти год в Англии, Клер Клермонт возвратилась к Кайсаровым³⁶: она должна была продолжать оставаться гувернанткой.

Плодотворные дискуссии с Рожалиным затрагивали вопросы международных отношений и национальных характеров. Хотя Клер жаловалась на то, что В. Я. Кайсарова незаслуженно превозносит все русское, сама она ставила англичан выше всех. Н. М. Рожалин так писал о спорах с английской наставницей

«Она воображает, что Англичане умнее и лучшие всех народов на свете, думает, что мы всё ещё не вышли из учеников, и сердится, что я этому не верю. Я, с своей стороны, душевно ненавижу Английский характер, Английские нравы и Английскую политику в греческом деле, притворяюсь равнодушным ко всему ино-

³⁵ Письмо Н. М. Рожалина А. П. Елагиной 17 авг. 1828 г. // Русский архив. 1909. Кн. 2. № 8. С. 576.

³⁶ Алексеев М. П. Московские дневники и письма Клер Клермонт... С. 539.

странному, замечаю, что такой-то Китайский роман, такой-то Немецкий и такой-то Английский весьма интересны, что лучше всех судил о них такой-то Француз, что император Николай пристыдил своим великодушием все Европейские народы, кричу без умолку о наших подвигах и доказываю (разумеется, как дважды два четыре), что Ост-Индская торговля через десять лет поплывёт сухим путем в Россию, а через три года Англия потеряет Ост-Индию. Все это очень бесит её...»³⁷.

Дожидала свой век Клер в Италии, в сентябре 1831 г. покинув Кайсаровых в Неаполе, сначала как гувернантка Шарлотты и Гертруды Беннет (1832–1836), а потом приняла католичество и жила во Флоренции со своей племянницей Паулиной Клермонт (1825–1891). Затворническая жизнь двух одиноких женщин, пожилой и очень пожилой, хранивших память о кумирах предшествующих поколений, бумаги и автографы Перси Биши Шелли, в том числе его письма Клер Клермонт и завещание, письма Мэри Шелли, письма Клер к У. Годвину, различные письма и бумаги У. Годвина и т.п., стала основой повести Генри Джемса «Письма Асперна» (1887). Для нас же дневники и письма Клер, работавшей в русских семьях, наблюдавшей особенности русского быта и оставившей зарисовки московского быта, рассуждения о детях и их воспитании, о русских вообще, подробная запись ежедневной рутины английской гувернантки являются замечательно интересным источником. Изданные на английском, тексты Клермонт прокомментированы слабо, поскольку транслитерация русских названий, имён, обозначений и т.п. оказалась для американской издательницы слишком сложной. Как нам представляется, зная подробности родственных связей тех семейств, в которых трудилась Клермонт (Зотовы, Посниковы, Кайсаровы), можно исправить неточности американского публикатора и очертить круг тех идей о положении женщин, которые бессознательно приносила в московское общество гувернантка из дома Годвинов. Пример Клермонт — яркое исключение из стереотипного образа английских наставниц, трудившихся в России.

³⁷ Письмо Н. М. Рожалина А. П. Елагиной 12 нояб. 1829 г. // Русский архив. 1909. Кн. 2. № 8. С. 576.

О. М. МОРОЗОВА

УЛЬЯНОВЫ. СЕМЬЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ ЗА СТО ЛЕТ

Внутрисемейные родственные отношения у донских казаков отличались от великорусского типа, встречавшегося в патриархальных семьях города и деревни. Многие, от положения женщины до отношения к детям, имело свою специфику. Когда архаика станичного уклада начала уходить в прошлое, исследователи казачьего быта приложили усилия к описанию традиционного порядка жизни. Но в итоге картина получилась достаточно противоречивая. Так, в интерпретации различных дореволюционных авторов казачка могла быть и униженной полурабой¹, и полновластной хозяйкой в доме²; отношения в семьях могли иметь и «мягкий оттенок»³, и достаточно жесткий; а роль самого казака в семье то низводиться до положения гостя, то приравняться к статусу «большака» большой патриархальной семьи.

Хорошо известно, что противоположные мнения могут быть порождены двумя основными причинами: (1) многообразием наблюдаемых жизненных ситуаций, в силу того, что вариативность традиций предписывает субъектам, обладающим разными качествами, неодинаковое поведение в однотипных коллизиях; а так же (2) избирательностью внимания исследователя. Нынешним поколениям исследователей приходится черпать сведения о жизни простонародья чаще всего из вторых рук. Даже если эти свидетельства принадлежат современникам, заставшим «уходящую натуру», они все равно вторичны. А потому — немного субъективны, немного неточны, немного конъюнктурны. И значит, редкие случаи, когда можно услышать голос самой ушедшей реальности, особенно ценны. В Ростовском государственном областном архиве хранится уникальный

¹ Шахов Д. Воронежская станица. Статистико-этнографическое описание // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1.

² Ржевуский А. Терцы. Владикавказ, 1888. С. 242, 248–253.

³ Малявкин Г. Станица Червленая // Этнографическое обозрение. 1891. № 2. С. 33–34.

фонд — переписка членов семьи донских казаков Ульяновых почти за весь XIX век. Неотредактированные и никем неотцензурированные рукописные источники — это особенная удача, потому что дают возможность максимально полно погрузиться в мир прежде живших поколений. Ведь даже помарки, исправления, изменившийся почерк или «съехавшая» строка способствуют пониманию прошлого в той же степени, что и содержание написанного.

Ульяновы занимали промежуточное положение в донском социуме. Мужчины были беспоместными офицерами, и семья ни уровнем культуры, ни бытом, ни достатком не выделялась из среды донских низов. Служебные и дружеские контакты связывали их с самыми широкими кругами областной и отчасти общероссийской элиты. Низы донского казачества для историка достаточно «молчаливы»; документов, происходящих из этого слоя, немного. Но в данном фонде встречаются письма, надиктованные неграмотными станичниками, в них отражены особенности их мышления, а в письмах служилого дворянства имеются ссылки на события и явления в среде рядового казачества, позволяющие судить о том, насколько близки или различны были слои донского общества между собой.

В переписке, сформировавшей фонд, участвовало четыре поколения семьи: (1) Никита Ульянович Ульянов; (2) его сын Самойла Никитич, штаб-ротмистр лейб-гвардии казачьего полка, и невестка Матрена Семеновна; (3) внучка Анна Самойловна и внук Иван Самойлович, генерал-майор, его жена Татьяна Ивановна, урожденная Карасева; (4) правнуки — дети Ивана: Павел, Надежда, Аркадий, Людмила, Калиста, Елизавета, Аполлон; дочь Анны — Раиса. Самое раннее письмо фонда датировано 1803 годом, последние документы относятся к 1889 году.

В 1777 г. Никита Ульянович Ульянов, казак ст. Усть-Медведицкой, получил чин поручика, а вместе с ним и право на личное дворянство. Сын также был дворянином только по службе, и только в конце 1840-х годов внук Иван достиг чина, дававшего право потомственного дворянства. Длительное время отношения в этой семье ничем не отличались от сложившихся в казачьей среде. Родственные связи Ульяновых до середины XIX века не выходили за рамки низшего офицерства и рядового казачества, поэтому те внутрисемейные коллизии, которые становятся известны из писем, характерны для традиционного уклада казаков.

Постепенно в жизни семьи появляется все больше заимствований из поведения и мышления российского дворянства. Сталкиваясь с новыми образцами, которые демонстрировали их сослуживцы, казаки копировали их как соответствующие их новому, более высокому, офицерскому и чиновничьему, положению. Некоторое отличие от простого населения станиц считалось необходимым для донского дворянина уже в начале XIX века. Уже Самойла Никитич Ульянов (1883-1829), находясь в походе в 1807 г., пишет письма в соответствии со сложившимися формулами любезного обращения: требует кланяться родственникам и соседям и выражает всем «истинное почтение»⁴. Сравнение же писем нескольких поколений семьи позволяет очень живо и наглядно проследить, как менялись представления и нормы внутрисемейных отношений.

«Человек посвящен Монарху и отечеству...»

Отношение к детям, особенно мальчикам, в казацкой среде было достаточно суровым, ведь сыновья — продолжатели карьерных усилий отцов. Их наставляли, определяли на службу, следили за продвижением, способствовали по мере сил их карьере. Успешный сын был гордостью родителей. Поэтому Самойла Никитич неустанно давал поучения своему сыну Ивану⁵. В связи с тем, что кто-то из Ульяновых обязательно находился на службе, они сохранились на листах плохой серо-синей бумаги их писем. В марте 1822 года отец, служивший в Кракове, пишет начавшему службу в Варшаве девятнадцатилетнему Ивану:

«Так[,] любезный сын! Лучшие учись чему доброму и старайся быть твердым[,] последовательным, нежели строптивым[,] легкомысленным и слабоверчивым. Это есть гранит основания твоего, а утвердись сильно и глубоко, не всякая буря обвалит тебя [с]может. Умнейшим выставять никогда не может, всякого чтящего и показывающего себя таковым называют глупцом...»⁶.

⁴ Государственный архив Ростовской области (далее — ГА РО). Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 3, 5, 6, 7 об.

⁵ Ульянов Иван Самойлович (1803-1874), донской казак-дворянин, генерал-майор (1854).

⁶ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 24, 25.

Родительские напутствия тоном мало напоминают советы, скорее это угрозы неминуемого гнева заслушание и поведение не по воле старших.

«Помнить бога, и родителей, почитать начальников, быть хорошим, честным, и верным человеком, не будь строптивым, легкомысленным [...] в делах рассудительным[,] к должности рачительным и в поручениях исполнительным, тогда [...] и таланты твои усовершенствуются, будешь везде любим и родителями утешителем, без того нет моего имени (подчеркивание мое. — О. М.)»⁷.

В 1824 году Самойла, поздравляя сына с чином корнета, неожиданно переходит к угрозам:

«...Поздравляю тебя, любезный сын, с получением МОНАРШЕ-ГО благоволения, сердечно желаю носить новый сей чин с честью и славой и оправдать доверие начальства в полной мере до таких пределов, как оне могут простираться. Надежда ласкает меня. Иметь в тебе честность, любовь, правду, исправность и осторожность, но[,] боже[,] укрой! Как что выйдет противное, тогда я скажу [...] я в надежде обманут, а ты соделаешься тогда недостойных таковых имен — подлинно — [до] потери такового»⁸.

Дело в том, что отец сердит на сына за то, что он не сообщил ему первому о присвоении нового чина. Его гнев настолько велик, что он называет сына негодяем. Оказывается, Иван не знал, что отец, находясь на «льготе»⁹, уже полтора года живет в Новочеркасске, а не на родине в Усть-Медведицкой, куда он направил письмо.

Регулярность в написании писем Самойла считал сыновним долгом и за невыполнение его строго отчитывал сына, но когда Иван пожаловался на невнимание отца, то получил такой ответ: «...Не удивляйся моему молчанию, конечно, на то были причины, и я о них никому не должен давать отчета»¹⁰. Причины нам становятся известны из той же переписки: Самойла привержен Бахусу. В одном из его писем сыну за 1822 г. мы обнаруживаем зашифрованные строчки:

⁷ Там же. Л. 31.

⁸ Там же. Л. 34 об.

⁹ «Льгота» — годичный перерыв в полковой службе, предоставлявшийся казакам.

¹⁰ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 55.

«Ньяпидей качца, точца я ухе релада кми питанси пицелу шок-ти шь мокь, а ль шипорь и нупверь не шлечца рохек льсугыда ил-нолсецпири мафше шь торнапи ико уремеппо, ль лецошакесьпо катой перохекь цыкь пафышаерь ньетидеи»¹¹.

Шифр оказался довольно простым: гласные буквы оставлены без изменений, а согласные заменяются так: вместо согласной буквы, расположенной первой в русском алфавите «б» пишется последняя — «щ»; вместо «в» — предпоследняя в ряду «ш» и т.д. Оказалось, что таинственная фраза скрывает оправдания пожилого воина перед сыном по поводу пагубного пристрастия:

«Пьяницей тагда, когда я уже месеца три ни капли ни беру вотки в рот, а с виномь и пуншем не всегда может случяца, и с последними разве в компании и то умеренно, следовательно такой не может быть называем пьяницей».

Самойла ревниво оберегал свой отцовский авторитет даже в очень двусмысленных ситуациях. В 1822 году Ивану стало известно, что у отца, ему в тот год исполнилось 39 лет, есть некая дама в Кракове, из-за чего Самойла даже задержал отъезд домой на «льготу»:

«Я полагаю, что вы Д[орогой] Б[атюшка] оставите военную службу и прилетите к спокойному жилищу милого семейства, которому присутствие ваше без сомнения доставляет самое сладчайшее удовольствие, а напротив отсутствие причиняет сердечную скорбь и пустоту»¹². Далее сын сообщил отцу, что этот слух уже дошел до начальства (не с его ли помощью?); что, дескать, генерал Дьяконов сказал, что «такой поступок очень не похвален», и что он «прежде имел о нем [о Самойле] совсем другие мысли»¹³.

Сын упрекал отца за адюльтер: какой пример детям, когда «нравственность их еще не тверда»; пугал начальством и тем, что это может стать известным в семье. Все скрыто за цветистыми фразами о заблуждениях, грозящих злополучиях, «о семействе[,] едино Вами существующем» и о сердечных ранах, «не изрыгнут ли они в последствии смертельных плодов»¹⁴. Самойла все отрицал, но в итоге

¹¹ Там же. Л. 24–25.

¹² Там же. Л. 486.

¹³ Там же. Л. 486.

¹⁴ Там же. Л. 493.

возвратился домой, и более в Польше не служил никогда. После культурного края местом его последней службы стала Бессарабия. Старейший и разочарованный Самойла писал, что жители там «скверные и похожие больше на цыган. Женщины и девицы всю[ду] ходят под белыми покрывалами на голове. Как будто что и доброе, поглядишь[,] так испугаешься»¹⁵. В деревне 330 дворов, но нет ни одного, куда можно было бы отдать стирать белье. В 1829 году оттуда в Усть-Медведицкую пришло известие о смерти сорокашестилетнего штаб-ротмистра.

Романы с местными жительницами во время службы на чужбине были частыми у казаков. Да и сам повзрослевший Иван туманно упоминает в письмах из Польши и Молдавии «прелестных ляшек» и бессарабских куконов¹⁶, что, конечно, не сообщает никаких конкретных фактов, но передает общую атмосферу полковой жизни¹⁷.

«Если хочешь называться моей женою...»

До середины XIX в., но случалось и позже, практиковался тип супружества, заключаемый в интересах свекрови; невесту она выбирала тогда, когда ей становилось трудно одной управляться с хозяйством. Тогда сына вызывали со службы в кратковременный отпуск для женитьбы, причем суженная к его приезду была назначена. Выбор невесты диктовался, прежде всего, соображениями материальной и карьерной выгоды.

В 1840 г. в Усть-Медведицкой стали известны планы одного молодого офицера¹⁸ жениться на уроженке Бессарабии. Родители были сердиты, что им неизвестны подробности. Мария Шурупова, кузина офицера, просит подполковника Ивана Ульянова, его непосредственного начальника, сообщить их, ведь родители должны знать о будущей невестке все — о доброте, о поведении, о звании отца: молдаванин, валах, серб, и главное: какое имеет состояние, и что за приданное будет за его дочь.

«Ежели он из простых людей и небогатых, — считают старики, — то Михайла Климович на такой и здесь может женить»

¹⁵ Там же. Л. 56.

¹⁶ Кукона — представительница привилегированного класса в Бессарабии.

¹⁷ См.: ГА РО. Ф. 243. Д. 34. Л. 144.

¹⁸ Речь идет о Михаиле Климовиче Шурупове, в 1840 г. хорунжем и полковым адъютанте, родственнике и близком помощнике И. С. Ульянова (См.: ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 11. Л. 124).

ся». Они дадут благословение, «если будет какая-либо выгода Михайле Климовичу»¹⁹.

Исходя из таких же соображений, женили Ивана в 1824 г. на полковничьей дочери Татьяне Ивановне Карасевой. Она была ему определенно не ровня: имела личное дворянство, ее семья наряду с наследственным наделом на территории Войска Донского владела еще и приобретенным в 1817 году имением в России — в Кирсановском уезде Тамбовской губ.²⁰ Однако из-за того, что ее отца Ивана Карасева уже не было в живых, и из-за неплохих служебных перспектив хорунжего Ульянова этот брак состоялся.

Молодая жена, оставшись в доме мужа, находилась в распоряжении свекрови. Отношения в семьях были типично домостроевские: женатый сын, его жена и дети были в полном подчинении у старшего в семье, в его отсутствие — у его жены. Следует отметить, что казацки длительное время оставались неграмотными²¹; Матрена Семеновна и ее невестка Татьяна Ивановна свои письма диктовали местным грамотеям. Наличие посредника в таком деле как написание личного письма затрудняет понимание личности жены казака, хотя и не исключает полностью. Иван сохранил все письма от своей матери, в которых она предстает женщиной с тяжелым и сильным характером, действиями которой в большей степени управлял не здравый смысл, а желание следовать обычаю и удовлетворить не только семейные, но и свои собственные интересы.

В семье Ульяновых в течение двух лет развивалась такая ситуация. В связи с переходом в 1825 г. со строевой службы на канцелярскую Иван Самойлович лишился права иметь годовой отпуск и обратился к матери с просьбой отпустить жену к нему в Варшаву²². «Старая» Матрена Семеновна, которой, очевидно, немного за сорок, наотрез отказывалась давать свое согласие на отъезд невестки. Хотя Иван женился по воле матери, но та все равно недовольна невесткой и постоянно язвит в письмах по ее поводу. Ей не нравится, что сноха живет больше у своей матушки, а не в их доме. Ведь Матрена и ее

¹⁹ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 161–162.

²⁰ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 467.

²¹ См.: Сокольникова В. Встреча Наказного атамана // Записки Терского общества любителей казацкой старины. Владикавказ, 1914. № 4.

²² ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 54.

взрослая дочь предпочитают жить на хуторе, а за станичным подворьем смотреть некому. Незамужняя сестрица Аннушка не желает хозяйствовать, потому что она уже достигла брачного возраста и не рассматривает родительское хозяйство как свое. Она считает, что им должна заниматься Татьяна Ивановна. У нее, как и у матери, зуб на богатую сноху. Очевидно, не последнюю роль играла неприязнь к семье Карасевых. В письме от 12 января 1827 г. Матрена Семеновна пишет о каких-то неприятностях, которые испытывает через невестку. Фразы из писем: «ваша теща с ног валит», «требуется с базару», «а достатки наши известные»²³, заставляют предположить, что они материального характера. Сын в ответных посланиях упрекает мать: не жену вы мне хотели, а себе жилищу! Стиль письма таков, что острые выпады по поводу самодурства матери сменяются финальными выражениями покорности ее воле²⁴.

В уговорах Матрены Семеновны принимал участие и служивший в то время в Бессарабии Самойла Никитич: хотя это и «прискорбно душе твоей, но нечего делать, должна уважить его, и должна посудить [п]о себе — служба меня отвлекала от тебя по 4 года, да и то какво было, а их весьма короткое было время, следовательно им и тяжелее разлука их»²⁵. Не последнюю роль в исходе дела сыграло вмешательство начальства, оно выразило недоумение, которое стало известно Самойле Никитичу²⁶, и он еще раз надавил на жену. Однако и после этого она продолжала всячески саботировать «увольнение» невестки. Дело затянулось почти на два года, прежде чем та выехала к мужу²⁷.

Многолетняя — до трех-пяти лет без перерыва — служба в дальних уголках империи не способствовала установлению крепких семейных уз. Несемейственность казаков отмечал донской историк и этнограф Е. П. Савельев, хотя в большей степени почему-то относил это к низовым казакам²⁸. В донских песнях казака из похо-

²³ Там же. Л. 87.

²⁴ Там же. Л. 67.

²⁵ Там же. Л. 74.

²⁶ Там же. Л. 78 об.

²⁷ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 34. Л. 87.

²⁸ Савельев Е. П. Типы Донских казаков и особенности их говора. Новочеркасск, 1908. С. 5.

да ждет мать, а не жена. А Григорий Мелехов напоминал Аксиные расхожий упрек жалмеркам²⁹: «А ить иные бабы ажник рады, как мужей проводят. Наша Дарья без Петра толстеть зачинает» («Тихий Дон». Кн. 1. Ч. 1). Жена лишь обещает ждать верно и жить смиренно, но несколько лет в разлуке делают свое дело. В некоторых фольклорных текстах отражены напряженные отношения супругов; в одной из них жена уговаривает мужа, «законного друга», не убивать ее при детях: «Ты убей меня во глуху полночь, / Наши деточки будут крепко спать, / Ничего-то они не будут знать»³⁰.

Переписка казаков, находящихся в полку, с оставшимися дома женами касается исключительно вопросов состояния хозяйственных дел — неурожай, падеж или приплод скота, дошла ли без потерь посылка с трофеями, добытыми во время несения караульной службы на кордонах империи — в Польше, Бессарабии и пр. Чаще всего на Дон слали контрабандный «конфискат» — брички, ситец³¹.

Атмосфера семейной жизни Ивана Самойловича остается для нас загадкой; ясно одно: несмотря на то, что в молодости, он был очень привязан к жене, позже отношения с ней приобрели более формальный характер. Писем от жены он не хранил, найдено всего три таких записки, и касались они исключительно хозяйственных вопросов. Так же не сохранилось (возможно намеренно) ни одного его письма к жене позднее 1832 года. Известно, что в 1860-е годы Татьяна Ивановна жила в имении Мираж под Таганрогом, а ее муж в Новочеркасске. В одном из писем сыну Павлу в Мираж он просит передать поклон «кому следует», скорее всего жене.

На примере сестры Ульянова Анны можно судить об одном из вариантов брачных отношений. Вот, она уже на выданье, собирается замуж. Но, оказывается, что ее планы ненадежны: как незавидная невеста она может выйти замуж только «во двор», то есть зятя возьмут жить в семью невесты, «в приймаки». В 1827 году Анну наконец-то выдали замуж. А спустя пять лет вновь встал вопрос о ее замужестве: вероятно, она овдовела. Вторым мужем был Никита Поликарпович Донсков, получивший аттестацию как человек доброго поведения и хорошего достатка. Однако отношения Анны с моло-

²⁹ Жалмерка — женщина, муж которой находится на военной службе.

³⁰ ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 556. Л. 14, 18.

³¹ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 138-141.

дым мужем характеризовались братом как длительная комедия. Анна жила то с ним, то у матери, в это время муж проживал с какой-то Стешкой³². В условиях отсутствия разводов у казаков, как и у великорусского населения, практиковался вариант раздельного проживания при согласии обеих сторон и принятии этого факта обществом. Как писал А.Н. Энгельгардт, «в деревне разводов нет, просто не живут друг с другом. Жинка с попом, муж с другой бабой»³³.

У казаков традиции большой патриархальной семьи исчезали быстрее, чем в сопредельных северных территориях; на основе принципа наделения землей за службу там быстрее складывался тип нуклеарной семьи, построенной, прежде всего, на основе общности экономической жизни супругов. Н. Е. Врангель так оценивал жизнь казачьей станицы: «Казак даже в своем доме не хозяин, а временный гость. Хозяин — его жена [...] Дом ведет хозяйка, а станичник сам околачивается без определенных занятий, [...] то куда-то отправляется верхом, то куда-то уезжает на повозке, [...] а затем снова садится на коня и отправляется на службу»³⁴. В связи с тем, что все снаряжение он собирал за свой счет, то в этом отношении крайне зависел от жены. То, что она не могла выработать в своем хозяйстве, приходилось покупать, а деньги на это могла собрать только казачка, которая разводила и продавала скот, сдавала землю в аренду, обрабатывала огород и пр. В этих условиях сложился тип вольного от семьи и семейных обязанностей мужа и независимой самодостаточной жены, привыкшей принимать решения.

Такое положение представлено в жалобе казачьей жены Мавры Плесковой из ст. Малоделной (1894). Ее муж вслед за своим отцом записался с семейством на переселение в Уссурийский край. Зная хозяйственную «беспечность» мужа и его отца, которые не занимаются хлебопашеством, Мавра опасается ехать с ними неизвестно куда. Тем более что свекор намерен под именем жены взять с собой любовницу, с которой при живой супруге живет уже семь лет. Мавра заявляла, что она и ее дети хоть как-то сыты только бла-

³² ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 67, 98 об., 181, 183, 184; Д. 34. Л. 61.

³³ Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. М., 1956. С. 271–272.

³⁴ Врангель Н. Е. Воспоминания: От крепостного права до большевиков / Вступ. статья, коммент. и подгот. текста Аллы Зейде. М., 2003. С. 244–245.

годаря поддержке ее родных, поэтому и требовала, чтобы ее с детьми исключили из списков на переселение³⁵.

Казак, рядовой и офицер, до сорокапятилетнего возраста проводил большую часть жизни в полку. Управляла хозяйством казака его мать или жена; она и с арендаторами воюет, и на базаре торгует, и невест с хорошим приданым сыновьям подыскивает. Компетентность почти поголовно неграмотных казачек в вопросах торговли, арендных отношений и понимание собственных прав демонстрирует следующий пример. Казачья вдова ясно себе представляла разницу между арендой и субарендой, когда протестовала по случаю того, что ее квартирант, купец-иногородний, съехав из снимаемого у нее дома, сдал его третьим лицам за большую цену, чем платил ей. Приезжий купец пытался ее убедить, что дом снят бессрочно, а поскольку он разрывать контракт не намерен, то она как инициатор расторжения договора должна уплатить ему неустойку. Но казачка грамотно выдвигала контраргументы, дескать, сдавала дом под жилье, а не под склад, что прав на сдачу недвижимости в наем ему не передавала, и требовала освобождения куреня³⁶. А конфликт-то происходил в 1840-е годы!

«...Всем родственникам и соседям близким кланяйтесь»

Главной наследницей казака также была его жена, все считалось приобретенным на общий капитал. Только после ее смерти дети могли унаследовать отцовское имущество. Практиковалось составление завещаний за много лет до смерти. Наследники разворачивали целые баталии по поводу дележа добра, сколь бы мизерным оно ни было. Шел учет не только пуховым подушкам, побитым молью чекменям, но и домотканым коврикам. В этом принимали активное участие друзья, соседи и незаинтересованные напрямую родственники. Они представляли интересы конфликтующих частей клана, информировали их о действиях друг друга, всячески способствуя соблюдению интересов «своей» кандидатуры.

То, что переписка велась через посторонних лиц, приводило к тому, что все семейные дела становились предметом живейшего обсуждения и недоброжелательного любопытства. Когда Ивану

³⁵ ГА РО. Ф. 301. Оп. 5. Д. 132. Л. 158. Документ найден А. Н. Степаненко.

³⁶ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 288, 289.

Самойловичу пришлось заниматься дележом имущества умершей матери, то ни в станице, ни на хуторе равнодушных не оказалось. Одни были на стороне ее внучки-«сироты» — дочери покойной Анны, имеющей, однако, живого отца; другие же давали советы Ивану и делали разоблачения в отношении его племянницы.

Раиса, дочь Анны, наследовала от матери и бабки станичные стандарты поведения. Ей не могло быть более девятнадцати лет, но она уже твердо знала, что ей следовало делать, чтобы получить как можно больше из бабкиного наследства. У нее был собственный «изустный» вариант завещания, и она требовала, что бы дядя его выполнял. А тем временем она продала то, что могла, соседям, остальное заперла в сундуки и уехала, прихватив ключи. Понятые никак не могли составить опись имущества, что бы отправить его основному наследнику. Напомним, события происходили на Верхнем Дону в Усть-Медведицкой, а Ульянов в то время проживал в Новочеркасске. Раиса претендовала на большую часть скота, пять душ крепостных и хуторские строения. Кроме того, она утверждала, что бабка собиралась выдать ее замуж за семинариста. Ее особенно волнует этот пункт «изустного завещания», она желала бы, чтобы дядя приложил усилия в этом направлении. Причем речь идет не о конкретном женихе, а о семинаристе вообще, Раиса мечтала стать попадъей.

Переход собственности по наследству редко проходил без конфликтов. Евпраксия Карасева, вдова брата Татьяны Ивановны, например, не признала дележ наследуемых ею и женой Ульянова земель, который произведен заседателем и понятыми, потому что «они делали [это] вам в удовольствие», написала она свояку. Карасева считала, что все войсковые чиновники заодно. Поэтому их решению она объявила бойкот:

«Луг в Карагачках вы также считаете своим и даже запрещаете срубить там палку и рвать тёрен, мне кажется, что для вас слишком тягостно будет, чтобы и луг ваш был, и хворост, и тёрен, и везде все ваше; но мне, если будет нужен хворост, то и в Карагачках нарублю, я ни в коем случае не соглашусь передать в одни руки как Карагачки, так и Чирской луг»³⁷.

³⁷ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 35. Л. 478.

Отношения с родственником, сделавшим карьеру, осложнял именно факт его успеха. А Иван Ульянов благодаря своим способностям и усердию как раз стал заметной фигурой в Войсковой администрации. С одной стороны, в отношении его тут же выстраивались планы, связанные с эксплуатацией преимуществ достигнутого статуса, а с другой, он рассматривался как угроза, если использовал, как казалось родне, свое влияние против них.

Такой родич должен был, по мнению станичников, помогать многочисленным своякам, тетушкам, сестрицам и племянникам. Широкие слои донского общества были уверены в том, что покровительство своим и продвижение их по службе, протекция и пособничество решению дел — это обязательное правило жизни чиновника государственного аппарата. Одна из родственниц Ульянова, Мария Кашеварова, так была обижена за невнимание к ее тяжбе, что разорвала с ним отношения на долгие годы. Как он, чиновник Войскового дежурства, по сути канцелярии, мог не проследить за ходом дела близких родственников! Она была убеждена, что за «своих» надо хлопотать:

«Вы, будучи племянник и восприемный сын маменьки [...] могли бы замолвить словцо, они (мать автора письма — О. М.) писали вам насчет дела с Кисляковым, и вы на оное молчали, вы не уведомили какой оно имеет оборот [...] вы сказали, не знаете, как он[о] идет, оно не под вашим ведением, хотя и не вы заведуете оным, положим, что вам нельзя [в]мешиваться не в свое, но все-таки братцу не мешает, вы могли бы знать о нем. Как хотите, сердитесь на меня, но, право, это не на что не похоже [...] нельзя сделать малости [...] Вы говорите, что не хотите обесславить себя пристрастием к своим [...] я в другой раз, будьте уверены, не беспокою вас ничем»³⁸.

Случаи поддержки родственников, описанные в этих документах, имели основной, как правило, духовную близость или взаимную служебную заинтересованность, своего рода партнерские отношения, даже если речь идет о лицах, обладавших разным статусом. Хлопоты офицеров и чиновников по поводу родственников только из-за связывающих их кровных уз довольно редки.

Внутрисемейные раздоры постепенно меняли свою природу: конфликты «разности интересов» дополнялись конфликтами «не-

³⁸ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 146–147.

понимания». В случаях с Карагачками и «маменькиным делом» происходит столкновение чиновничьей этики с обывательскими представлениями о чиновниках. Ульянов, выходец из низших слоев казачьего офицерства, бывал шокирован бесцеремонностью своих родственников — отсутствием у них уважения к закону, к приличиям, к чужой собственности, эгоизмом и мелким сутяжничеством.

Дети, розги и моральное воздействие

Будучи молодым, Иван Ульянов вынес всю строгость родительской власти, характерной для казачьих семей традиционного типа. Сам став отцом, Иван начал выстраивать в отношении детей те же требования и ограничения, что испытал от родителей. В 1831 году у него уже двое малышей, сын и дочь, вместе с матерью они находятся на Дону, в станице, под опекой свекрови и золовки. В письме из Варшавы он разрешает бабушке и тетушке Анне давать им розги! А ведь Павлу — три года, Надежде меньше двух. «Розги часто необходимы для того, чтобы дети почитали своих кровных и были со временем добрыми людьми»³⁹, пишет Ульянов, явно желая потрафить домогостроевским привычкам станичной родни.

Телесные наказания были в ходу в казачьей среде, хотя даже у дореволюционных этнографов можно встретить и другие мнения: мать была сурова, а отец — ни-ни! Разумеется, встречались семьи с обычаями более мягкими; различались в этом отношении и поколения одной семьи. Но в целом, отношение казаков к нагайке, как и к ее ударам, отличалось от бытовавшего в других слоях общества. На это определенно они указывали сами⁴⁰. Вернувшись на «льготу» казак мог отстегать жену и детей, ну а сила удара зависела от его «доброты». Этот ритуал имел символический смысл, дескать, за годы моего отсутствия вы «навинились и напроказились», поэтому высеку, и будем жить дальше. Подобное понимание роли нагаечных ударов мы видим и у Н.В. Гоголя в «Ночи перед Рождеством»: кузнец Вакула пришел свататься к отцу Оксаны с плеткой, чтобы тот высек его и простил обиду.

Когда родился первенец — Павел (1828–1889), Ульянов, служивший в Варшаве под непосредственным начальством великого

³⁹ Там же. Л. 112.

⁴⁰ ГА РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 588. Л. 3, 4.

князя Константина Павловича, обратился к тому с просьбой «на восприятие от священного имени» его при крещении сына. Крестный дал младенцу имя отца — императора Павла⁴¹. Честь, оказанная великим князем, не была исключительна: он часто соглашался крестить детей ближних офицеров. Их интерес состоял в том, что статус крестника лица царствующего дома давал право на получение военного образования на казенный счет. Иван Самойлович связывал с Павлом самые честолюбивые планы: дать сыну лучшее военное образование и помочь сделать ему блестящую карьеру. Десятилетним мальчиком того отправили в Петербург, в кадетское училище, где он провел шесть лет. Но юного казачка преследовала тоска по дому. Жизнь на х. Цуцкан⁴² он назвал блаженным временем:

«Я век не забуду[,] как весело и приятно проводил я время на своей Родине или Цуцкане. Как бывало[,] поедем на покос и бахчи[,] или с батенькой поедем за утками дикими [...] то-то было весело. Я вспоминаю [...] и проливаю свои слезы»⁴³.

У Павла в последние два года учебы в кадетском корпусе развился ревматизм, и он был отчислен. Через три года, поправив здоровье, он вновь, стараниями отца, поступил в столичное учебное заведение, в Донскую гвардейскую артиллерийскую школу, но проявлял мало усердия в учебе. В 1848 году он 14-й в списке из 24-х учеников. Как сказано в классной табели, при «очень хороших способностях» ленив⁴⁴. Отец недоволен: скорбим, похоронили надежду, что станешь опорой семьи⁴⁵. В письме другу Иван Самойлович сетовал: «...Мой фейерверкер талантами своими не перебьет и даже не заслонит никому дороги[,] — если однако судьба не отложила развития их до времени...»⁴⁶.

Ульянов раздраженно упрекал сына в том, что он небрежен с казенной одеждой, и отказал в присылке денег на новое обмундирование. Павел получил от отца еще несколько резких писем, при-

⁴¹ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

⁴² Название хутора на р. Цуцкан (Сускан) в потомственном наделе Карасевых, унаследованном Т. И. Ульяновой от матери в юрте ст. Усть-Медведицкой.

⁴³ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 229.

⁴⁴ Там же. Л. 300.

⁴⁵ Там же. Л. 298.

⁴⁶ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 195 об.

чем их тон граничил с оскорбительным, а ведь Павлу уже двадцать лет! Иван Самойлович обратился к начальнику училища, чуть ли не с требованием выгнать нерадивого сына, а тому написал, что не желает его видеть. После этого Павел взялся за ум, но отец продолжал наставления:

«Чего тебе недостает, когда милосердный Бог не лишил тебя способностей и добрых качеств сердца? [...] Честолюбие сродно, необходимо юноше, если он не рожден болваном. По мне нет честолюбия почтеннее, выше как полезным употреблением своих способностей поставить себя вне укоризны и опеки»⁴⁷.

Примечательно, когда история с отсутствием прилежания повторилась с сыном Аркадием (1834-1855), Ульянов-старший повел себя совсем по-иному.

Опять же благодаря влиянию и хлопотам отца в 1849 году Аркадий зачислен в не менее престижное, чем артиллерийское, Строительное училище Главного управления путей сообщения и публичных зданий в Санкт-Петербурге на одну из войсковых вакансий и на войсковой счет⁴⁸. Но через пять лет в 1854 году он отчислен из него за неуспехи в науке и по просьбе отца (!), которую сам Аркадий и вымолил⁴⁹. Иван Самойлович жаловался одному из товарищей: «Признаюсь, мне тяжело расставаться с надеждами, которые подавало прекрасное училище, но сын одно твердит, что у него нет способностей для головоломной математики»⁵⁰, а Аркадию уже, что называется вдогонку, писал: «Мне тяжело [...] видеть, что я напрасно себя мучил[,] хлопоча о твоём образовании. Больно, когда подумаешь, что другие отцы едва дадут [...] случай к поступлению детям в учебные заведения...»⁵¹. Никакое изгнание из дома и из родительского сердца Аркаше не грозило.

Произошло то, о чем писал в воспоминаниях Н.Е. Врангель: со смертью Николая I в обществе начали изменяться понятия и идеи, даже отношения в семье стали мягче. Порка, любимое наказание

⁴⁷ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 301-303.

⁴⁸ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

⁴⁹ Там же. Л. 17.

⁵⁰ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 242.

⁵¹ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 379.

царя, стало заменяться «нравственным воздействием»⁵². Ульяновская переписка позволяет утверждать, что перемена настроений возникла раньше. Уже в 1840-е годы, находясь в отставке от военной службы, стареющий Ульянов демонстрирует новую систему ценностей: «...Утешение, которое доставляют мне дети, [...] я не променяю ни на какие улыбки ветрениц всего света»⁵³. Но еще раньше, когда командовал полком кордонной стражи в Бессарабии (1839-1842 гг.), он, признаваясь в постигших его разочарованиях, писал другу: «Весь мир мой теперь заключается в кругу семейном: только в нем успокаиваю больше сердце мое»⁵⁴. Повод для хандры обычен: Ульянов в очередной раз убедился в том, что кадровые движения происходят по причинам, далеким от качеств кандидатов, а более по причинам личной приязни и близости⁵⁵.

Может быть, более справедлив был бы вывод о том, что перемену настроений, смягчение нравов подтолкнула не смерть императора, а его режим, державшийся на страхе и грубом насилии (Н. Е. Врангель), единственным убежищем от которого стала семья и частная жизнь.

Возможно, что в этом проявилась другая черта казаков-мужчин: с возрастом они становились мягче, особенно в отношении внуков и младших детей. Так, Никита Ульянов очень горевал о смерти внука Мефодушки, умершего «на пятом году своего возраста»⁵⁶. А для Пантелея Мелехова («Тихий Дон») подросток Дуняшка — «отцова слабость».

«Бесценные родители папенька и маменька...»

К 1840-м годам время неграмотных казачек тоже стало проходить. Дочери донских офицеров осваивали науки в институтах благородных девиц. Как минимум две из четырех барышень Ульяновых прошли в них курс. Старшая Надежда (1829 г. р.) — в Харьковском. Она примерная ученица и воспитанная дочь, об этом свидетельствуют ее письма домой и учебные ведомости, которые она с гордостью представляет родителям. Ее послания богато украшены: «Нежнейшие родители <...> Ваше драгоценнейшее письмо я полу-

⁵² Врангель Н. Е. Указ. соч. С. 60–61.

⁵³ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 34. Л. 118 об.

⁵⁴ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 33. Л. 211.

⁵⁵ Там же. Л. 212.

⁵⁶ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 31.

чила»⁵⁷; она пишет, что мечтает о том времени, когда она будет «наслаждаться с бесценными родителями»⁵⁸. Благопристойность переполняет строки ее писем: она все делает, как положено, стараясь заслужить похвалу. Надежда пишет матери перед началом учебного года (вакации она проводит в институте): «Я вам [так в тексте] прошу прислать мне денег тоже, с 1 сентября я буду подавать всем Дамам, которые меня научают добру»⁵⁹.

По письмам детей, обучающихся в закрытых учебных заведениях, видно, как они постепенно приобретают навыки пристойного писания писем и усваивают общепринятые формулы эпистолярного жанра. В первых посланиях их фантазия ограничивается темами здоровья и старания в учебе, но со временем появляются все более сложные обороты типа: «Я всегда молю Всевышнего Создателя[,] чтоб Он дал моим родителям многие лета»⁶⁰. Наиболее сильное увлечение звонким слогом случается с Аркашей Ульяновым. Среди его эпистол обнаружен истинный шедевр:

«Милые папенька и маменька. Верите ли, что моя любовь к Вам невыразима, ни один поэт не в состоянии выразить чувства моей нежной любви к Вам. О, скоро ли придет то время, когда я приму в объятия Вас[,] милые папенька и маменька[,] и поцелуи, которые польются из уст в уста будут знаком[,] что моя любовь к Вам невыразима»⁶¹.

Вероятно, это один из тех ходивших по рукам воспитанников текстов писем, которые просили «списать», чтобы поразить родных красотой слога.

Характер Аркаши нуждается в особом внимании. Он — маленький плут. Трудности с математикой, причину особых тревог семьи, он использует в своих интересах. Сначала просит денег на репетиции у отца, потом — у замужней сестры Надежды, при этом умоляет ее не сообщать родителям: чтоб лишний раз не расстраивать их.

Дочери-институтки могли рассчитывать на блестящие партии. В 1851 году Надежда вышла замуж за хорунжего Петра Иловайского, члена известной донской фамилии. К 1864 году Надежда уже

⁵⁷ Там же. Л. 231.

⁵⁸ Там же. Л. 235.

⁵⁹ Там же. Л. 208.

⁶⁰ Там же. Л. 217.

⁶¹ Там же. Л. 339 об.

вдова. Выкупные операции ей приходилось осуществлять самой, хотя официально имение было в опеке у родственников⁶². Среди ее крестьян были форменные бунтари, с которыми она долго и безуспешно боролась. Всему этому ее в институте не учили. Калиста (1839 г. р.) вышла замуж за Павла Дмитриевича Епифанова, который в 1863 г. стал полковником, во время мятежа в Польше служил в Вильно, считался любимцем М.Н. Муравьева⁶³.

Отец много занимался болезненной Людмилой (1834 г. р.), возил ее на воды, руководил ее домашним образованием. Вот какие рекомендации по кругу чтения давал ей Иван Самойлович:

«Я на этот счет держусь своих правил, вследствие которых исключены из чтения все романы и повести, вследствие которых на одну долю сомнительно полезных вещей можно полагать[,] что несомненно вредных[,] особенно для девиц и вообще для женщин, тех, которые не приобрели еще ни твердых убеждений, ни опыта замечать нравственный яд, скрывающийся под цветами праздного вымысла».

Более подходящим чтением для молодой девушки считаются «История» Лоренца и «Макробиотика» Гуффеланда⁶⁴, они-то принесут ей несомненную пользу⁶⁵.

С возрастом Иван Ульянов все более сближался с детьми, они ему платили все возрастающим вниманием и заботой.

«Мне так хотелось увидеть тебя...»

В связи с тем, что перед нами письма почти за 100 лет, то очевидны изменения во внутрисемейных отношениях — чувства становятся теплее, отцовские сердца — мягче. Самойла Ульянов — отец суровый, но, как кажется ему самому, справедливый; Иван постепенно оттаивает и начинает относиться к детям не только как к форме отчетности о своих успехах. Если поколение Самойлы Никитича распорядилось судьбами детей с учетом, прежде всего, своих интересов и интересов семьи в целом, то Иван Самойлович, хотя и не одобряет некоторых решений своих сыновей, старается учи-

⁶² ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 34. Л. 171.

⁶³ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 40. Л. 417–419, 424.

⁶⁴ Имеется ввиду «Руководство по всеобщей истории» под редакцией Ф. Лоренца и «Макробиотика» Х. Гуффеланда, где описывается способ prolongation жизни, называемый герокомией.

⁶⁵ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 45. Л. 461 об.

тывать их желания. В среде казаков-дворян происходил отказ и от традиционных матримониальных отношений, общих с казачьим простонародьем, и началось сближение с великорусской образованной средой. Семейная жизнь следующего поколения семьи Ульяновых приобрела ту интимность и душевность, которая была характерна для образованных семей вообще.

Павел женился в 49 лет на женщине, с которой, видимо, имел до этого многолетние отношения. Вероятно, она служила в одном из учебных заведений Ростова-на-Дону. Некоторое время после свадьбы и рождения старшего сына она продолжала служить и жить в Ростове. Екатерина Ульянова отличалась неровным настроением. Почерк, которым написаны ее письма, очень изменчив; иногда бывает трудно поверить, что это написано одним человеком. Она то упрекает мужа в холодности, то сама пишет холодно и зло:

«Что же Вы молчите и ничего мне не пишете, мой друг? Хорошо, ничего сказать с Вашей стороны, забывать понемногу своих друзей, которые всегда искренни как друзья и ожидают получить хоть маленькую весточку от своего друга, который хладнокровно относится ко всему. Действительно больно все это переносить и так уже наболевшей душе. Вы меня извините за откровенное замечание мое, но Вы сами сознаетесь, в чем Вы виноваты».

Мужа, ушедшего в дела, она постоянно попрекает: «Вы больно разленились [писать письма] в своем Мираже заветном»⁶⁶. Она легко впадает в раздражительный тон: «Прошу вас возьмите [в ателье] фотографические карточки, только не выкальвайте глаза. Это будет не по-человечески»⁶⁷. Картина не очень сложившейся семейной жизни.

Но письма самого Павла Ивановича все ставят на свои места. Написанные в последний период жизни, они рисуют и ситуацию в семье осенью 1885 г., и характер этого человека, который только в этих текстах проявляется в полной мере, ранее сокрытый хозяйственными заботами и деловой перепиской.

У супругов Ульяновых двое детей — старший сын Лёля и дочь Оля, ей около трех лет. Они живут с отцом в Мираже. Жена находится на лечении в Ялте, по-видимому, у нее чахотка. Павел Иванович тоже болен (он с молодости страдал ревматизмом):

⁶⁶ ГА РО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 37. Л. 64, 64 об.

⁶⁷ Там же. Л. 72, 72 об.

«На днях я чувствовал себя очень нехорошо, я был под влиянием такой страшной тоски, что только дети меня развлекали, а мне так хотелось видеть тебя, моя дорогая горюнушка, которую я так глубоко люблю. Целую тебя много, много раз».

Нарастающая собственная слабость его беспокоит, но он продолжает заниматься хозяйством, ведь все мысли его о семье. «Такого страшного кризиса в деньгах люди, более меня жившие, не запомнят. Но я все сделаю, что в моих силах, чтобы ты не нуждалась», пишет он жене. Он много рассказывает ей о детях, особенно о младшей, которая только начинает говорить:

«Не знаю, чтобы было со мной, если б около меня не было детей, они так много помогают мне переносить мою тоску, только бессонные ночи меня мучают». Он жалеет жену, повторяет, как глубоко он ее любит. «Вчера ходил по саду, мне вспомнилось прошлое и сердце сильно, сильно заныло тоской. Помнишь как мы с тобой, бывало, там гуляли, и я за тобой бежал [...] Прощай, моя дорогая. Желаю тебе выздороветь. Обнимаю тебя крепко и целую много, много раз. Твой П.»⁶⁸.

Это последнее из сохранившихся его писем. Больше в Ялту он не писал. А в 1889 г. он сам умер, в его «заветном Мираже» стал хозяйствовать младший брат Аполлон, который быстро все расстроил, и у имения появился новый владелец.

Образованный слой донского дворянства менялся, но остальное население станиц, эти тысячи простых казаков и казачек сохраняли ментальные стереотипы, сложившиеся в суровых условиях перманентной походной жизни. Слабая эмоциональность семейных отношений, жесткая власть отца над детьми, часто наталкивающаяся на силу женской части семьи, опирающуюся на ее роль в семейном хозяйстве, — все это рождало частые конфликты. Не этим ли объясняется раскол времен Гражданской войны, когда казачьи семьи оказывались разбросанными по разные стороны фронта и борьбы? Традиции войскового братства и землячества, отношения свойства, недоверие к чужеродным и пришлым придавали большую силу кровавому противостоянию. Но главным итогом стало то, что эта война на Дону обернулась внутрисемейной распрей, со свойственной ей особой остротой и жестокостью.

⁶⁸ Там же. Л. 73, 73 об., 74 об.

С. В. ГОЛИКОВА

СЕМЬЯ И... ЯСЛИ

СТРАНИЦА ПРЕДЫСТОРИИ

Детские дошкольные учреждения считаются порождением нашей новейшей истории. За короткое время в перестроечные и постперестроечные годы наше общество прошло путь от отрицания (и разрушения) «заорганизованной» системы воспитания до острой нехватки детских садов и ностальгии по ним.

Спор о том, каким образом разграничить полномочия семьи и общества, чтобы «крохе» было лучше, сам по себе отражает сегодняшнюю социальную ситуацию. В XIX в. (то есть, главным образом во второй его половине) возникновение детских садов, ясель, «колыбелен» и приютов в первую очередь было обусловлено проблемой выживаемости детей, то есть борьбой с детской смертностью. Ее показатели резко возрастали в летнюю («страдную») пору. Медики видели выход в организации летних яслей-приютов.

«Мера, самая рациональная и самая необходимая для Чердынского уезда, чтобы сколько-нибудь уменьшить детскую смертность, — это устройство колыбелен,» — писал в 1883 г. доктор М. М. Чашицкий. «Мера эта уже давно практикуется в Царстве Польском и приносит видимую громадную пользу; в нынешнем году генерал-губернатор распорядился распространить колыбельни по всем губерниям края и мера эта рекомендуется и врачами в других местах России. Мера принесла бы громадную пользу и была-бы большим благодеянием для деревни»¹.

Ситуация обострялась в годы неурожая, голода и эпидемий, которые часто выпадали на долю российской пореформенной деревни. Для оказания помощи населению губерний, пострадавших от неурожая 1898 г., «Попечительством о домах трудолюбия и работных домах» в Малмыжском уезде Вятской губернии было организовано 15 яслей-приютов. Результаты их деятельности были

¹ Чашицкий М. М. Материалы к исследованию Чердынского уезда в медико-статистическом и санитарном отношении. Пермь, 1883. С. 49.

обобщены заведующим П. Ганzenом и увидели свет в трех книжках журнала «Русская мысль» за 1900 г.²

Нельзя сказать, что до этого мне не попадались материалы об учреждении и деятельности яслей. Им было посвящено заседание на IX съезде врачей Пермской губернии в 1907 г.³ Опыт создания и работы яслей в 1913 г. для населения Пермского уезда обсуждался на страницах земской прессы⁴. Публикация же П. Ганzenа выгодно отличается от названных работ своей историко-антропологической направленностью. В медицинских изданиях как правило обсуждались организационные и гигиенические аспекты деятельности летних детских приютов. Материал о восприятии этого нового учреждения населением представлен в них крайне скупо. В выступлении на IX съезде врача А. В. Селиванова прозвучало, что в селе Ново-Пышминском Камышловского уезда при организации яслей «никто не хотел верить, что детей будут даром кормить и с ними водиться — потом взышут...» или «приучат к “нежному” воспитанию», «будут брать в солдаты», а также «морить голодом»⁵. Рассказывая о создании яслей в Кудымкаре, И. Н. Цветов обмолвился о необходимости «маскировать» децимарные весы, поскольку матери «взирали» на них с ужасом и «с негодованием утверждали, что дети от взвешивания неминуемо “помрут”»⁶.

Будучи общественным деятелем П. Ганzen преследовал другие цели. Его интересовала «возможно правильная постановка дела», прежде всего среди населения, и ясли в Малмыжском уезде он рассматривал как «примерный опыт» для дальнейшего развития в России этого «истинно-христианского и имеющего высокое культурное значение учреждения». По его мнению, «крайне желательно было возможно подробнее проследить весь ход его, включая сюда неуда-

² Ганzen П. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. 1900. № 3–5.

³ Труды IX съезда врачей и представителей земств Пермской губернии. Ч. II. Доклады съезду. Пермь, 1907.

⁴ Удинцев Г. А. Состояние земской медицины в Пермском уезде. Годовой обзор за 1913 г. Пермь, 1914. С. 37–40.

⁵ Селиванов А. В. Летние детские ясли-приюты как одна из мер борьбы с детской смертностью в Камышловском уезде // Труды IX съезда... С. 89.

⁶ Цветов И. Н. К вопросу о детской смертности в Соликамском уезде // Там же. С. 130.

чи и промахи». С этой целью П. Ганзен предложил надзирательницам яслей «вести особые записки» по составленной им программе, которую дополнял новыми, «возникшими с развитием дела вопросами». Те «не отказались от этого необычного для них труда и добросовестно выполнили его, движимые горячей любовью к делу». В результате он получил 15 дневников, в которых был собран богатый материал, и обобщил его согласно имеющемуся вопроснику. Первая часть его исследования называлась «Подготовительные работы и первые впечатления по открытию яслей-приютов», вторая «Уход за детьми», третья «Игры и занятия детей. Отношение детей к яслям и к надзирательницам», четвертая «Отношение к яслям и надзирательницам со стороны крестьян и местной интеллигенции». В заключении автор задавался вопросом «Чему учат ясли?».

Следует согласиться с тем, что его данные «ярко освещают новое дело». Голоса надзирательниц, нянь, родителей, детей и еще многих и многих других звучат в полную силу, а не глухо из обильно цитируемых на страницах его публикации дневников. Ясли-приюты открывались в наиболее пострадавших от неурожая селениях. Ими оказались как русские, так и инородческие, населенные вотяками (удмуртами), черемисами (марийцами), крещенными татарами. В состав населения наряду с православными входили «язычники» и старообрядцы⁷. Таким образом, по данным П. Ганзена можно проследить воздействие яслей на многонациональную и мультиконфессиональную среду, тем более, что сами организаторы старались «по возможности соблюсти справедливость по отношению ко всем народностям и верованиям».

Проще всего на материалах данного источника раскрыть вопрос о возникновении яслей и детских садов. Тем более, что модернизация в социально-бытовой сфере изучена в отечественной историографии плохо. Однако содержание дневников надзирательниц дает возможность ставить иные проблемы. Например, как процесс создания детских учреждений «высветил» отношение к ребенку в пореформенной деревне в целом и в семье в частности, поскольку нацеленный на рациональную постановку и ведение дела П. Ганзен стремился выявить конфликтные моменты, обращал

⁷ Ганзен П. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. № 3. С. 118.

внимание на разницу в понимании вопросов «детства» организаторами яслей и народом.

Разногласия между научными принципами ухода за детьми и народной практикой в сфере питания показывают, что родительский долг перед ребенком понимался, прежде всего как его вскармливание (по присловью: «вспойть, вскормить и на коня посадить»). Считалось, что «ребенку надо постоянно есть». Окружающие замечали, что во время сбора урожая детей кормили «до отвала, чтобы чувствовали, что у родителей изобилие». При этом раздутый рахитичный живот не смущал взрослых. Напротив, когда благодаря стараниям надзирательницы у трехлетнего рахитика Андрея он сделался меньше, его домашние стали «поговаривать», что в яслях мальчика не кормят. На вопрос о том, чем кормили младенца дома нередко следовал ответ довольной матери:

«Да уж чего, надо правду сказать, заварихой с маслом. Больно уж он ее любит. Калачи ржаные пресные стряпала, так тоже давала ему». «Сидишь за столом, — рассказывала другая крестьянка, — ешь чего-нибудь, ну, хоть калину, а ребенок у тебя на руках; сидит, сидит да и заревет; видно, и ему, мол, охота, вот и дашь...». Детский плач матери расценивали как «просьбу ребенка или даже упрек: “Сама, мол, ешь, а мне не даешь. А ведь свой ребенок-то, жалко, и дашь ему, чтобы не плакал”». «Да есть больно утром запросил, — объясняла свой поступок еще одна крестьянка, — а дать-то ему нечего, я взяла да и напоила его водой, а кипяченой-то не было, сырой и дала». Мать семинедельной девочки, принеся малышку в ясли, сообщила: «А это я ей сейчас сливочек сняла сверху горшочка... Пусть пососет; сливки-то ведь слаще молока».

Проявления материнской любви оценивались надзирательницами, как «пичканье» детей «походя и чем попало». Жители в первые же дни пребывания малышей в яслях поняли, что их чад там морят голодом. Еду им давали строго по часам и какую еду — разбавленное водой молоко (основное предохраняющее от поноса средство того времени). «Какая это пища, молоко с водой и ничего хлебного?» — возмущались крестьяне. «Крестьянские ребята не барские», — считали в деревне, — и с одной «жидкой» пищи сытыми якобы быть не могут. Матери упрашивали кормить груднич-

ков «посытнее», что означало «твердой» пищей: сушкой, черным и белым хлебом, кашей.

«Сегодня одна черемиска, — сообщила надзирательница Кобедяева из села Большой Китяк, — убедительно просила меня не кормить ее ребенка кашей, а только хлебом с сахаром или сушкой...». «Вы уж, пожалуйста, — обращалась к няням другая мать, — доктора-то не слушайте, кормите Гришу-то хоть кашкой!»

«Обычная», по отзывам надзирательниц, история из-за разбавленного молока могла закончиться ссорой и прямой борьбой с обслуживающим персоналом яслей. Александра Филиппова рассказывала о случае в селе Рожки. Мать шестимесячной Анюты из деревни Азелино приехала проведать дочку, увидела, что та похудела и узнала, что у нее понос. Женщина «начала ругаться, что заморили ее девочку», не выбирая выражения:

«Попадись мне ваша-то Александра Петровна на оба глаза, так я задам ей, как детей морить!»; «Да я и самое-то Александру Петровну, попробуй она только подойти, так отшивырну!»⁸.

Открытие яслей ставило перед семьей сложную дилемму: нести или не нести туда ребенка. Надзирательницы поголовно отмечали «жалостливость, привязанность к детям, боязнь доверить родное дитя чужим людям», несмотря на занятость сельхозработами, страду, последствия неурожая и другие негативные моменты деревенской жизни. Доходило до крайности — жительница села Большой Китяк заявила, что «пусть у нее будет хоть 10 человек и то никогда не отдаст чужим водиться». Встречались случаи сопротивления и со стороны отцов.

«У одной женщины, — сообщила Александра Филиппова о селе Рожки, — муж ни за что не согласился отдать своих детей, не доверяя их чужим рукам, хотя из за двух малышей мать не ходит на работу, а достатков у них нет».

В отличие от русских инородцы брали малыша с собой в поле. Поэтому в черемисском селе Большой Китяк считали, что «пусть он будет в поле целый день, хотя и поплачет, но при матери...». Че-

⁸ Там же. С. 144–147.

ремисы из села Рожки, коверкая русские слова, добавляли: «Больно... скучат без матери, ревет больно, matka всем надо». С ними были согласны татары: «Да как баранчук не жалко отдавать. У кого мать нет, ладно, а мать есть, не годится; плоха мать». Надзирательница возражала: «...в поле хуже: то жарко, то холодно». «Знамо хуже, — отвечали ей, — да жалко». По наблюдениям П. Ганзена, чаще всего на «жалость» ссылались инородцы, которые, «как видно», относились к своим детям с большой нежностью. Учительница земской школы в вотяцком селении Кобедяева, возглавлявшая летний приют в черемисском селе Большой Китяк замечала:

«Насколько мне пришлось убедиться за время открытия яслей, черемисы, как и вотяки, жизнь которых я знаю, очень любят своих детей; у русских крестьян не так: раз мужик привел своего ребенка в школу он не посмотрит ни на каприз, ни на слезы, а еще пригрозит, если мальчик или девочка не остается, а вотяк или черемисин, он сам постоит не один час, посмотрит, не обидят ли, а потом спросит, останется ребенок или нет, и часто бывает, чем бы сразу отдать ребенка приводят его по несколько раз в школу, так и теперь в ясли. Чуть ребенок закапризничает, его уже не оставят...»⁹.

Об аналогичной практике рассказывала надзирательница из черемисского села Рожки.

«Много вредили и сами матери. — Писала она. — Возьмешь ребенка, успокоишь, а они опять вернутся посмотреть, как и отчего он утих, и опять все испортят. Ребенок увидит мать и поднимет страшный крик».

Такие возвращения нередко заканчивались тем, что детей забирала и больше не приводили.

Малыши отвечали родителям тем же.

«Привязанность детей вотяков к родителям, братьям и сестрам, — отмечала Анна Филиппова, — развита в высшей степени. С какими горькими слезами остаются дети от своих родителей...». «...Одних можно было утешить игрушками, сушками, сахаром и т.п., но других ничем; — писала она; — забирая даваемые в утешение вещи, они кричали “анай” (мама), отчаянно плакали и бежали к

⁹ Ганзен П. Опыт оздоровления деревни // Русская мысль. № 4. С. 73–75.

дверям». При попытке увести их от дверей, они «рвались из рук, падали на пол, бились руками и ногами», кусались и царапались. В таких случаях приходилось возвращать их родителям. Среди детей начались побегии. Некоторых удавалось поймать и со слезами вернуть с дороги или домашние сами приводили беглеца. Александра Филиппова рассказывала о двух сестренках (годовалой и трех лет) из села Рожки:

«Обе кричали невозможно. Наконец, трехлетняя обняла маленькую и, сама страшно рыдая, утешает ту: “Не плачь, Танюшка, не плачь милая!”». «Как только увидит, что мы заняты, — продолжала надзирательница, — схватит сестренку и бежит домой, приговаривая: “Не плачь, не кричи, а то услышат и опять поймут”». Вотяцкие дети также были неразлучны друг с другом. «Случится, если старшая сестра или брат несколько шагов отойдет от младшего, — писала Анна Филиппова, — то последний поднимает страшный плач и не утешится до тех пор, пока не явится к нему старший брат или сестра. Чай пить, обедать не сядут один без другого, и при этом необходимо сидеть рядом; только кто-либо из старших может уложить спать сестренку или братишку»¹⁰.

Улучив минутку, матери бежали проведать детей, оставленных в яслях. Когда женщины не отправлялись в поле жать, а выполняли домашнюю работу: топили баню, стирали белье, готовили еду, малышам в приют не отводили. Аналогичным образом поступали, когда «молотили дома». В ненастную, дождливую погоду и в праздники при остановке полевых работ родители старались, чтобы дети побольше побыли с ними: приносили их в ясли поздно, забирала же пораньше. Надзирательнице Мещеряковой они сказали, что «им хочется самим побыть с детьми»: «К вам отпустишь и спокоен, и знаешь, что им хорошо, а почто-то соскучишься без них, с непривычки что ли, — все вместе, да вместе; да ведь и своя кровь, что ни говори»¹¹.

Эти наблюдения и высказывания свидетельствуют, что деревенские дети не были заброшены даже в страдное время. Ситуация ухудшалась лишь у так называемых «одинок». Речь идет об ов-

¹⁰ Там же. С. 62–63.

¹¹ Там же. С. 64, 79, 89.

довевших или тех женщинах, мужья которых были на заработках. Для них приют оказался выходом из трудного положения.

«Как хорошо это выдумали устроить нынче; — говорили такие родители надзирательнице Мещеряковой, — не житье, а рай нам одиноким; чего бы стали делать? С собой брать ребят — жарко в поле. Оставлять дома одних — того хуже, призаботишься, а это уведешь в ясли, да жнешь день-то, горя мало». «Я одинокая, — добавляла мать годовалой девочки, — пойду по воду, а ее посажу одну, так и сидит до меня; ревет, ревет, да и реветь-то не знает как». «...Спасибо надо сказать, что, что одинок хорошо устроил, — передавала Александра Филиппова слова старухи-черемиски из села Рожки.

Немногим лучше было положение малых семей. Та же надзирательница сообщала о «бабе», у которой кроме мужа никого не было, и она оставляла ребенка одного в люльке или брала с собой в поле.

«В поле совсем не давал работать своим криком, а, если дома оставить, вся душа изболит, — все время чудится его крик и работа из рук валится», — делилась женщина пережитым с Александрой Филипповой. В более людных семьях малыши в страдное время также могли оказаться безнадзорными. Одна из матерей рассказывала: «Я, бывало, брошу его (ребенка) в люльку, слышу, что больно ревет, да нечего делать, запру избу и иду на работу. Покричит, покричит и уснет. Поди, не знай, сколько раз покричит, пока не приду в обед»¹².

За детей, вышедших из младенческого возраста, переживали еще больше. Мать четырехлетнего мальчугана из деревни Нижняя Тойма, по словам Мещеряковой, боялась, «мало ли каким опасностям может подвергнуться ребенок, оставаясь один дома», тем более, что близко находилась река. Другой напастью оставались пожары. «Бывало, уйдешь в поле, да все оглядываешься, нет ли дыму над Тоймой», — говорили этой надзирательнице жители деревни. «Отдаем детей в приют и не думаем, что они будут шалить со спичками и не сожжет дом не беспокойся», — вторили им крестные татары из деревни Нослы. Здесь в один из летних дней загорелся дом двух находившихся в это время в приюте сестер. Заведующая яслями Ольга Николаева рассказывала, как после тушения

¹² Там же. С. 76, 86–87.

пожара «мать этих девочек обняла своих детей и говорит: “Вот радуйтесь, что приняли вас в приют, а то вы испугались бы, сделали бы как сумасшедшие или полезли бы в огонь”»¹³.

Главным итогом деятельности сельских приютов стали спасенные детские жизни. «Общий процент смертности в яслях Малмыжского уезда, с гордостью сообщал П. Ганзен, — был настолько ничтожен в сравнении с обычным процентом смертности грудных детей в деревне в страдную пору». Среди 786 детей, посещавших новое учреждение, насчитывалось 267 грудных. Из них умерло всего восемь человек, что составляет 3%. Обычно же уровень младенческой смертности в страду поднимался до 40-70 %¹⁴.

Жизненно необходимым было пребывание в яслях для брошенных, больных детей. Например, для рахитика Андрея.

«...Ему третий год, — сообщала из деревни Малиновки надзирательница Мальковская, — но он еще не начинал ходить, ножонки у него тоненькие, слабенькие, и сидит он всегда с подогнутыми под себя ногами. Дома за ним положительно нет никакого ухода, дадут ему кусок хлеба, напоят водой, и сидит весь день на одном месте; мухи лезут в глаза, в нос, в рот, а ему будто бы и дела нет до них, никогда не плачет; живот огромный»¹⁵.

Другие дети обречены были на летние страдания по семейным обстоятельствам. Так, мать золотушного ребенка «чуть не со слезами» просила надзирательницу Мещерякову принять мальчика. Его отец уехал на заработки в Пермскую губернию, а ей нужно жать.

«Пожалей ты меня, прими Христа ради, развяжи мне руки», — умоляла женщина. Та сомневалась, поскольку малыш был очень истощен и почти ничего не ел — кормить его приходилось насильно. «Он настолько худ, — писала Мещерякова о своем подопечном, — что страшно взять его на руки, так и думаешь — все кости переломятся. На вид ему можно дать не больше двух месяцев, а ему год; только два зуба, торчащие в нижней челюсти, придают ему какой-то старческий вид»¹⁶.

¹³ Там же. С. 70, 85–86, 88.

¹⁴ Ганзен П. Опыт оздоровления деревни. № 3. С. 153.

¹⁵ Там же. С. 143.

¹⁶ Там же. С. 150.

В исключительных случаях детям просто не везло с матерями. Та же Меццеракова рассказывает о следующем происшествии:

«Сегодня после двух праздников одна баба принесла своего ребенка... весь зад у него до мяса изъеден мокротой, в которой он, верно, все время и лежал. Просто жаль смотреть, что сделалось с мальчишкой. Мать его здоровенная баба, но, видимо, страшно ленивая. Это баба страшно возмущает няnek своим поведением. “Что за мать, — говорят они, — она так обленилась, что от ее воженья-то ребенок умрет в неделю”»¹⁷.

Для обозначения состояния детей в яслях крестьяне практически использовали одно и то же выражение: «как в раю».

«У меня дома-то она и десятой доли того не видала, что здесь видит», — считала мать годовалой девочки. «И в жизнь не видал бы он такой неги дома», — признавалась другая родительница.

Если не только оставили благотворный след в детских судьбах. Еще значительнее оказалось их культурное влияние на деревню. Все без исключения жители «удивлялись» чистоте, в которой там содержали детей. «Все-то здесь бело, да хорошо, — говорили в селе Большой Китяк, — а у нас закроют грязным сарафаном, да сверху-то шубу положат, чтоб не упал». Благодаря приютам население получило «понятие о чистоте» и следует согласиться с Александрой Филипповой, что у него должно было остаться впечатление от содержания младенцев чистыми. «А дома-то, дома-то у нас! — Восклицали крестьяне. — У которой в рожке и черви заводятся, а уж кислым-то молоком, поди, все кормили». Как правило, крестьянские дети были «рожковые» — в качестве соски им давался коровий рожок. Жена врача Мартынова, помогавшая в яслях села Селты, писала в дневнике о кормлении из такого рожка трехмесячной больной девочки. В нем было «чуть не на полсантиметра свернувшегося молока». Персоналом приюта этот предмет ухода за ребенком был оставлен у себя «для демонстрации»¹⁸.

Население стало относиться к яслям-приютам с доверием. «Постоянно приносят подарки, то молока, то сливок, то яиц, вооб-

¹⁷ Там же. С. 147.

¹⁸ Там же. С. 151; № 4. С. 83; № 5. С. 42.

ще каких-нибудь съестных припасов, или ягод», — сообщала надзирательница Мещерякова. И далее: «Чем дальше, тем больше бабы одолевают подарками, отказываться прямо нет возможности. Съестное беру и делю между детьми». Таким способом родители старались «оказать содействие яслям» и на возражение заведующих отвечали: «Все равно ведь дома-то наши ребята съели же бы это». Про себя они говорили: «Вот глупые-то были, вначале боялись», а теперь сами другим рекомендуем приюты. «Чуть не каждая из баб спрашивает, до каких пор будут продолжаться ясли...»; «Матери почти все сокрушаются, что ясли скоро кончатся...», — сообщалось в дневниках. «Отойдет уж тогда нам лафа-то!» — справедливо считали деревенские женщины¹⁹. При таком отношении новое учреждение смогло заняться воспитанием сознательного материнства и выполнять консультационные функции.

«Убеждаясь в пользе указаний надзирательниц, матери стали внимательнее к их советам, сами просили научить их, как надо готовить молоко для малюток, как и чем лечить, как поступать в таких-то и таких-то случаях. Стали даже приходиться за советами и посторонние, то есть матери, не отдавшие детей в ясли».

«Хорошее дело устроили», — сходились во мнении крестьяне. «Какое нынче бабам приволье, — добавляли они, — а то замучаются они в поле-то с ребятами». Конечно в первую очередь «воженье» в яслях «одобрялось» бабами. Однако остальные не стояли в стороне. Посетив приют надзирательницы Мальковской, один мужик выразился однозначно: «Дуры наши бабы, и водятся то с детьми хорошо..., а еще не все ведут ребят. Всем бы надо отдать!» «Добрая слава» сломила и «враждебно-боязливое» отношение к нововведению мусульман. По сообщению священника Ефремова, магометане из соседних деревень «смотрели» ясли в селе Бектешеве и «по выходе говорили: “Это очень полезно для черного люда”». Татарин из деревни Пижмар, осмотрев приют в деревне Дурга, также заявил, что «это чрезвычайно полезное дело для крестьян во всяком отношении, в особенности в пожарном»²⁰.

¹⁹ Ганзен П. Опыт оздоровления деревни. № 4. С. 85-87; № 5. С. 42-44.

²⁰ Там же. С. 77-78, 83-84.

Однако высшей оценкой новинки стало желание население организовать ясли у себя. «В некоторых деревнях, — сообщал П. Ганзен, — крестьяне очень желали открытия яслей, даже изъявляли готовность со своей стороны на некоторые жертвы и очень жалели, что обстоятельства лишили их возможности пользоваться этим благим учреждением». «Уж как бы хорошо было, если б у нас открыли, — считали в деревне Низ-Гоньба. Старосты «приводили все доводы» за открытие приютов именно в их обществах. Мужики из деревни Шишинеры пошли в своих намерениях дальше — они предложили: «Платить бы сами стали, сложились бы у кого ребята стали бы ходить. И на керосин, и на дрова сложились бы, немного и пришлось бы на человека!»²¹

Социальную эволюцию семьи можно интерпретировать как передачу этим универсальным институтом своих полномочий специализированным общественным учреждениям (например, получение образования — школе, производственные функции — промышленности). В деле социализации детей младшего возраста ей тоже пришлось «делиться» с обществом, которое создало очередную систему — систему дошкольного воспитания. Обращение к реалиям Малмыжского уезда конца XIX в. показывает, что при ее возникновении вопрос выживаемости детей в антисанитарных условиях российской деревни стоял более остро, чем, например, привлечение женщин на производство. Но какие бы функции не осуществляли детские дошкольные учреждения, они показали, что не являются конкурентами семейному воспитанию и уж тем более не «могильщиками» семьи. Их правильнее называть учреждениями-«витаминами», которые помогают семье преодолевать препятствия, возникшие на пути ее развития. Выстраивание подобной «инфраструктуры» вокруг семьи — признак общества с развитыми социальными институтами. Уже начало истории яслей и садиков показывает насколько эффективно этот «приводной ремень» помогал социуму воздействовать на семью.

²¹ Там же. С. 77–79.

ПУБЛИКАЦИИ

И. А. КРАСНОВА, О. Г. ПАСТЕЛЬНЯК

ПРОПОВЕДНИК И ЕГО ДУХОВНЫЕ ДОЧЕРИ

Будущий архиепископ Антонио Пьероцци (1389–1459) родился во Флоренции, в незнатной пополанской семье. В небольшом монастыре в Кортоне прошли лучшие годы его молодости. Своими учителями он считал «дорогого друга», святого Лоренцо да Рипафратта из Пизы, а также Джованни Доминичи, приора доминиканского монастыря Санта Мария Новелла во Флоренции и будущего кардинала Рагузского, авторитет которого чтит до конца своих дней. Доминичи, имевший основательное теологическое образование, наставлял учеников и паству также в делах практического богословия, которым посвятил значительную часть своей жизни сначала в Венеции, затем в родном городе, способствуя основанию новых монастырей и иницилируя многотысячные покаянные процессии. Джованни Доминичи и Антонин Флорентийский тесно общались с представителями интеллектуальной среды, творцами ренессансной культуры — Колюччо Салютати, Поджо Браччолини, Леонардо Бруни, Никколо Никколи¹. Антонин дружил с Лоренцо Ридольфи и Аньоло Пандольфини, близкими к кругу гуманистов. В 1446 г. Антонин,² по настоянию флорентийской Синьории, подкрепленному личной просьбой Козимо Медичи Старшего, был назначен папой Евгением IV архиепископом города на Арно. Образованного монаха в городе уважали за твердость убеждений: «Раз создав мнение о каком-либо предмете, он его уже не менял, но стоял на том постоянно»³.

¹ Prati P. Giovanni Dominici e l'umanesimo. Napoli, 1965. В частности, автор приводит факт о том, что по просьбе Салютати доминиканский приор составил Комментарий к «Писанию» для флорентийского Студия.

² Антонин был канонизирован в 1523 г. папой Адрианом VI.

³ Bisticci V. Vite di uomini illustri del secolo XV. Firenze, 1859. P. 176.

Антонин, судя по всему, не пренебрегал репрезентативными формами практического богословия. Современники высоко оценивали их; так, если следовать комментариям биографа Веспасиано да Бистиччи флорентийский архиепископ «...отличался знанием не только теологии умозрительной, но и теологии практической — знал, как надо исповедовать и проповедовать»⁴.

Во всяком случае, Веспасиано почти с восторгом описывал явно нарочитую бедность архиепископа, граничащую с нищетой:

«Он был непритязателен в быту. В его келье стояла обычная монашеская койка и стул из старого дерева, небольшой обеденный стол, на котором он писал свои труды... Он всегда разъезжал на маленьком ослике, которого ему дали из монастыря Санта Мария Новелла... У него не было ни одной своей книги, даже его записная книжка являлась общемонашеской. Если он имел нужду в книгах, ему доставляли их из библиотек Сан Марко или Сан Доменико... Когда емушили приличную его сану богатую рясу, то он сначала приказал укоротить ее на два пальца, затем надел на какого-то монаха, забрав себе его лохмотья... Все принадлежащие ему вещи были оценены в 120 лир».

С особым умилением Веспасиано заявлял, что архиепископ распорядился вернуть ослика в конюшню монастыря и ухаживать за ним до его смерти. «Он не имел никакого груза за душой, и никакая страсть не смущала его дух» — отмечал биограф, повествуя о праведной кончине архиепископа. Умирая, Антонин распорядился передать родным, которые были небогаты и во многом нуждались, что у него нет никакого своего имущества, все принадлежит бедным⁵. Правда, время от времени он выдавал в виде подаяния небольшие суммы трем племянникам, убедив при этом одного из своих богатых родственников передать по завещанию все имущество монастырю вопреки интересам собственной семьи.

Столь же образцово-показательным выглядит под пером Бистиччи и смирение архиепископа. Когда папа издал бреве о его назначении, то, зная нрав будущего главы флорентийской церкви, он предписал ему занять должность под угрозой отлучения. Антонин скрывался в лесу от папского легата, а когда тот с большим трудом разыскал его, то монах твердил: «Это — самая дурная новость, хуже

⁴ Ibid.

⁵ Bisticci V. Op. cit. P. 184–185.

которой быть не может». Затем он опять укрылся в маленьком монастыре под Фьезоле, куда горожане долго ходили его уговаривать занять пост, а он твердил, что хочет только одного — «прижаться к земле». Архиепископ не позволял себе «выходить из образа» в течение всего периода его пастырского служения.

Скрывалось ли за демонстрируемой неприязнательностью и строгим аскетизмом стремление обладать высоким авторитетом и престижем в обществе? Бистиччи сообщал о том, как архиепископ «исправлял нравы»: «Одним своим видом устыжая разряженных женщин и праздных молодых людей, он, не говоря ни слова, много раз обходил вокруг их сборищ, не спуская с них глаз», пока веселые компании не рассеивались. Обычным гражданам и беднякам он демонстрировал свою доступность: его двери никогда не охранялись, любой человек мог войти к нему и говорить с ним⁶. Антонин понимал, что за власть над умами надо платить. Впрочем, еще при жизни о нем было сложено много новелл и анекдотов, в которых были путаются с легендами, так что теперь нелегко их разделить.

В любом случае, деятельность флорентийского доминиканца несводима к поддержанию внешних форм проявления благочестия. Книги архиепископства и другие официальные документы свидетельствуют о недюжинной энергии, упорстве и методичности Антонина в практике благотворительности. В частности, он создал для службы беднякам общество «Добрых людей Сан Мартино». Веспасиано да Бистиччи вряд ли польстил своему герою, приписывая ему почти нищенский образ жизни. Традиционно доходы архиепископства делились на 4 части: одна предназначалась епископу, другая — служителям церкви, третья — поддержанию порядка в священных местах, четвертая — для бедных, однако Антонин распорядился выделять неимущим и 2/3 своей доли. Правда, милостыня подавалась не только «Бедным Христа», но и некоторым небольшим и небогатым обителям и церквям: монастырю в Пистойе, где обитал его друг Лоренцо де Рипафратта, монастырю в Кортоне, где вырос архиепископ, женской общине Санта Лючия в дистретто Пистойи⁷, церкви Сан Лоренцо, госпиталю при монастыре Санта Мария Новелла и некоторым другим. Он покровительствовал восстановлению маленькой церкви в одном из приходов Фьезоле, хотя иной раз сурово

⁶ Ibid. P. 176–178.

⁷ Morçay R. Saint Antonin. Archevêque de Florence (1389–1459). Paris, 1914. P. 173.

выговаривал ее священнику за приверженность к крепким напиткам и несовместимые с истинным благочестием речи⁸. В конце 1448–1449 гг., когда уже в шестой раз с начала века во Флоренции вспыхнула эпидемия чумы, архиепископ отказался покинуть город и сам ходил за больными. Но главная его заслуга состояла в том, что он убедил Синьорию выделить 3000 флоринов из государственного бюджета для помощи населению во время бедствия, в последствии он добивался субсидий и от папы⁹. Следует отметить, что Антонин не затевал крупномасштабного строительства, в отличие от некоторых своих предшественников. В счетных книгах архиепископства отмечены лишь не очень значительные расходы на перестройку и украшение капеллы епископского дворца, и на оплату заказа некоторых миниатюр в Сан Марко¹⁰.

Одних лишь церковных добродетелей было бы недостаточно для того, чтобы заслужить признание и уважение опытных в торговле и банковском деле флорентийцев. Этот «столп Ордена доминиканцев», помимо того, что в совершенстве управлял делами епископата, «был очень опытен и сведущ в светских делах»: к нему обращались за советами в хозяйственных сделках и при составлении завещаний, высоко ценили его труд «Сумма контрактов честных и бесчестных», который, по утверждению Бистиччи, «был известен во всем христианском мире»¹¹.

В период своего архиепископства Антонин нечасто и лишь на короткое время покидал Флоренцию, призываемый папами в Рим, как правило, в тех случаях, когда требовалось прибегнуть к его познаниям в каноническом праве. Но он, несомненно, стремился оказывать влияние на флорентийскую политику. Его отношения с Козимо Медичи отличались сложностью, хотя длительное время архиепископ — духовный отец города и глава правящей олигархии явно стремились поддерживать видимость согласия, и им это удавалось. Позиции Антонина определились после 1450 г., когда во Флоренции вновь обострилась борьба партий, а Медичи почувствовали настойчивое давление усиливающейся оппозиции. Но и тогда архиепископ не высказывался открыто против Козимо. Но его

⁸ Ibid. P. 74–75.

⁹ Ibid. P. 178.

¹⁰ Любимым мастером архиепископа Антонина был художник Фра Анджелико.

¹¹ Bisticci V. Op. cit. P. 175–178.

сентенции, направленные на неукоснительное соблюдение имеющихся законов и всех республиканских институтов и древних свобод, очень мешали проведению реформ, способствующих усилению власти медичейской партии. Например, заявления такого рода:

«Каждое правительство должно управлять в границах своей компетенции, и, как во многих других местах, так и во Флоренции, те, которым вменено в обязанность следить за соблюдением статуты города..., должны выполнять это скрупулезно, в противном же случае они впадут без сомнения в смертный грех. Вмешиваться в правосудие, тогда как на это имеются специальные должностные лица — смертный грех. Также Синьоры превышают свою власть, когда они не позволяют на Советах свободного голосования, когда силой и настойчивостью они заставляют голосующих показывать свои бобы. Они совершают тяжкий грех, когда они посягают на свободу города...»¹².

Сохранились краткие и сдержанные аннотации в протоколах Советов 1450 г., свидетельствующие о попытках Антонина влиять на избирательную политику:

«По отношению к тому, что говорил епископ, мы извещаем, что Синьория учредила комиссию из четырех человек, которые будут изучать древние и современные уставы города. Вследствие этого необходимо будет обратиться с просьбой к архиепископу, чтобы он постарался сохранять терпение» (протокол от 17 апреля 1450)¹³.

Во всяком случае, к середине 50-х годов прежние избирательные законы были практически полностью восстановлены. Оппозиция праздновала успех, но сумки были уже наполнены именами сторонников Медичи. Веспасиано да Бистиччи сообщал, что Антонин много раз приходил в Синьорию, укорял, обличал и взывал к совести, защищая флорентийскую свободу и республиканские традиции, держал речи перед горожанами. Своей собственной рукой, чтобы не подставлять никого из секретарей под удар, он писал воззвания, которые развешивал на воротах церквей:

«Мы постановляем под страхом полного отлучения и вечного проклятия подавать всегда бобы тайно, секретно, не показывая их никакой персоне: тот, кто будет действовать иначе, не

¹² Выдержка из Хроники Антонина Флорентийского цит. Р. 254–255.

¹³ Извлечение из регистров Советов цит: Morçay R. Op. cit. P. 256.

сможет получить персонального отпущения своих грехов. Таким способом невозможно усмирить гнев Божий, это скорее средство возбудить его, чтобы он наслал на нас чуму и все несчастья. Если кто-то сорвет это писание с ворот церкви, будет отлучен и осужден к исправлению по нашей воле. 26 июля 1458. Архиепископ Флоренции написал эту грамоту своей собственной рукой»¹⁴.

Известно, что представители Синьории также неоднократно наносили ему визиты, сопровождающиеся прямыми угрозами: «Мы лишим Вас архиепископства!». В ответ он смеялся:

«О, слава Богу, я этого и хочу, и вы меня очень обяжете, сняв эту тяжкую ношу с моих плеч! Я уйду в Сан Марко, в мою милую келью, ключ от которой всегда со мной, и там, в святом мире я закончу мои дни. К счастью, мне не нужно лучшего, и ничто другое для меня так не ценно!»¹⁵.

Есть некоторые основания полагать, что за ним было установлено наблюдение. Однако Антонин не предложил проекта политических реформ и не выступил в качестве идейного вдохновителя оппозиции, как через 40 лет попытается сделать Савонарола. Козимо Медичи, в свою очередь, осторожно избегал крайних мер в отношении главы флорентийской церкви, ограничиваясь увещеваниями, предупреждениями и слежкой.

Став архиепископом Флоренции, Антонин, как и его наставник Джованни Доминичи, обращал особое внимание на духовные запросы не только монахинь, но и светских женщин, представительниц респектабельных и элитарных слоев города. Об этом свидетельствует, помимо большого числа писем, ряд трактатов, специально для них написанных. В 1440 г. он посвятил Джиневре Кавальканти, вдове Лоренцо Медичи, трактат «Наставление в христианской жизни». Другой его труд «Опус о добром образе жизни» (1450)¹⁶ сохранился в двух копиях, сделанных рукой Антонино. Одна из них предназначалась Дианоре деи Торнабуони, другая — ее сестре Лукреции. Духовные наставления были обращены к молодым, замужним и имеющим детей женщинам.

¹⁴ Ibid. P. 261. Текст Воззвания Антонина дан в приложении к этому изданию: Appendice. III. 1.

¹⁵ Bisticci V. Op. cit. P. 184.

¹⁶ Santo Antonino. Opera a ben vivere. Per cura di M. Cellini. Firenze, 1858.

Сестрам Торнабуони было неизвестно, что им предстоит стать матерями двух выдающихся мужей и государственных деятелей (оба получили прозвище «Великолепный»), возглавивших в последствии непримиримо враждебные политические направления. В 1447 г. их обеих выдали замуж. Дианора стала супругой Томмазо де Содерини, поддержка которого в значительной мере обеспечила власть в руках сыновей Пьеро Медичи. А ее сыну Пьеро де Содерини было предназначено возглавить оппозицию Медичи на последнем этапе борьбы за республику в качестве известного пожизненного гонфалоньера справедливости Флоренции (1501). Сыновья Дианоры учились у Марсилио Фичино, один из них стал епископом Вольтерры. Ее младшая сестра Лукреция была выдана замуж за сына Козимо — Пьеро де Медичи («Пьеро-Подагрик»); их сыном стал Лоренцо Великолепный¹⁷. Лоренцо уже был рожден, когда Антонин посвятил Лукреции, не достигшей еще тридцати лет, копию своего труда. Женщины читали и воспринимали наставления архиепископа. Дианора писала, что пытается воплотить все, «о чем вещал наш Святой (Антонин Флорентийский), не пренебрегая ни одной заботой, как необходимой мирской, так и духовной, в делах по дому, помогая бедным и открывая двери всем несчастным»¹⁸. Эти знатные дамы отличались сравнительно высокой степенью образованности и культуры. Лукреция была известна своими религиозными стихами — *Laudi*, в которых она выражала благочестивое воодушевление. О незаурядном уме и воле свидетельствуют ее письма, адресованные к мужу и сыну Лоренцо Медичи, который вынужден был в значительной степени по желанию матери жениться на Клариче Орсини¹⁹. Дианора и Лукреция, будучи замужем, с благословения архиепископа некоторое время собирали у себя по пятницам молодых женщин для религиозных бесед и наставлений, которые иногда произносил сам Антонин. Правда, взамен он, видимо, настаивал на том, чтобы богатые и знатные дамы и девицы регулярно вносили пожертвования для бедных²⁰. Дианора Содерини оказала значительную матери-

¹⁷ *Lenzi M. L. Donne e madonne. L' educatione femminile nel primo Rinascimento italiano. Torino, 1988. P. 40.*

¹⁸ *De Palermo F. Prefazione // Santo Antonino. Opera a ben vivere P. XLII–XLIV.*

¹⁹ *Tornabuoni L. Lettera prima del 28 marzo 1467 // Tre lettere di Lucrezia Tornabuoni a Piero de' Medici ed altri lettere di vari conscitanenti al matrimonio di Lorenzo il Magnifico con Clarice Orsini. Firenze, 1859.*

²⁰ *Morçay R. Op. cit. P. 192.*

альную помощь своей подруге Анналене д'Ангвилара при организации монашеской женской общины²¹.

Хотя Антонин учился у сурового и аскетичного Доминичи, склонного, особенно в начале церковной карьеры, к проявлениям фанатизма и мистическим порывам, он чуждался ригористических крайностей, проповедуя скорее формы благочестия повседневного, «монотонного и отрешенного»²². Речи Антонина, обращенные к образованным женщинам из высокопоставленных семей, отличались сдержанностью, тонкостью и своеобразным изяществом. Он стремился вести подопечных по пути духовного развития, приобщая к более возвышенному строю мыслей. Используя доступные им аллегории, проповедник указывал возможности для религиозно — духовной сублимации в обычном течении повседневной жизни:

«Мы не только предаемся земным делам: я тревожусь за свою паству, ты — за рожденных тобой детей, при этом мы как будто не думаем о божественных вещах и не созерцаем их, но даже во всепоглощающих мирских заботах мы должны искать и можем находить Бога. ... Когда адский ястреб преследует тебя на земле безнадежности, испытывая нерадивостью, досадой, скукой в добрых делах, взлетай в высоту надежды, в размышления о божественном милосердии... Когда тяжкий труд творить добро прискучит тебе, подними глаза разума к небу, где всегда сохраняется невыразимая радость, содержащаяся и в кратком земном деянии...»²³.

Флорентийский архиепископ, несмотря на занятость, поддерживал переписку с вдовами — упомянутой Джиневрой де Медичи, Анналеной д'Ангвилара, Диодатой дельи Адимари²⁴.

Анналена дельи Малатести в равной степени отличалась как знатностью происхождения, так и несчастьями, которыми ее испытывала судьба на мирском поприще. Она родилась в 1426 г. от брака Галеотто Малатести, графа Вальдоппио и Кьюзерколе, и Марии Орсини. Рано осиротев, она обрела опекуна в лице Атилио ди

²¹ *Da Palermo F.* Proemio // Santo Antonino. Opera a ben vivere. Firenze, 1858. P. XXXI–XXXIII, XXXVIII.

²² Lenzi M. L. Op. cit. P. 40.

²³ Santo Antonino. Lettera quinta: Della vita attiva e contemplativa // Lettere di sant' Antonino, arcivescovo di Firenze. Firenze, 1859. P. 89, 92.

²⁴ Santo Antonino. Lettere di sant' Antonino, arcivescovo di Firenze. Firenze, 1859.

Вьери Медичи, своего родственника по материнской линии. Анналена воспитывалась в его доме до 1439 г., когда Козимо Медичи выдал ее замуж за Бальдаччо д'Ангиари (дель' Анвилара), прославленного кондотьера, капитана флорентийской пехоты, ценимого за его храбрость и ловкость, но также известного своими преступлениями. Этот авантюрист с жесткой волей за свои подвиги был пожалован в 1437 г. титулом гражданина Флоренции, получил палатцо в Ольтарно и освобождение от всех налогов. Три года спустя, в сентябре 1441 г., Бальдаччо был убит прямо в палатцо Синьории по подозрению в государственной измене²⁵. Анналена осталась одна с ребенком двух лет, почти лишенная средств к существованию, ибо все имущество Бальдаччо было конфисковано. С помощью брата ей удалось вступить во владение своим приданым, а затем, не без поддержки Козимо Медичи, ей вернули и дом мужа, где она воспитывала сына Гвидантонио, умершего в 1450 г.

Со времени смерти мужа юная вдова в возрасте шестнадцати лет стала собирать вокруг себя неимущих женщин и девушек, которые хотели вести благочестивый образ жизни, и вознамерилась создать монашескую общину. Точно известно, что архиепископ Антонин поддерживал ее замысел, хотя и не участвовал персонально в деле организации этого монастыря. Папа Николай V дал им между 1450 и 1452 гг. разрешение на устройство сообщества терциарий-доминиканок при монастыре Санта Мария Новелла, а через 3 года (1454) папа Каликст III удостоил чести стать настоящей монашеской общиной во главе с Анналеной, разместившей сестер в своих домах. Антонин не переставал оказывать им покровительство и даровать

²⁵ Это одна из самых темных криминальных историй Флоренции XV в. Вопрос о том, какую роль в этих событиях сыграл Козимо Медичи, так и остался открытым. Во время войны с Висконти кондотьер д'Анвилара прославился в битве при Ангиари (1441), в которой флорентийское войско победило. Бальдаччо открыто обвинял в предательстве другого флорентийского капитана Бартоломео Орландини, избранного в конце 1441 г. гонфалоньером справедливости, который и произвел расправу над кондотьером. Жестоко израненный кинжалами, Бальдаччо выбросился из окна Палатцо на площадь (от этого, видимо, и наступила смерть). По приказу гонфалоньера труп был обезглавлен. Нашлись свидетели, подтверждавшие, что перед тем, как войти в палатцо, д'Ангиари разговаривал с Козимо, который советовал ему смело идти на аудиенцию. Подозрения против Медичи не были доказаны. Бальдаччо, однако, был лучшим другом Нери ди Джино Каппони, негласного главы начавшей формироваться антимагической оппозиции. См.: *Jorcin A. Les Medicis. Lausanne, 1969. P. 83–84; Vannucci M. I Medici. Una famiglia al potere. Roma, 1987. P. 71–72.*

привилегии: предоставил право публичной молитвы и колокольного звона, добился, чтобы они не подчинялись никакому высшему церковному лицу, кроме архиепископа Флоренции²⁶.

Диодата дель Ландо, младшая дочь флорентийского нотариуса, вышла замуж за Бальдиначчо дельи Адимари, представителя одной из наиболее старых фамилий флорентийской аристократии. Видимо, Антонин стал ее духовным наставником сразу же после ее замужества²⁷. Он относился к ней с особым теплом: только ее он называл уменьшительным именем Дада, обычно без прибавления фамилии. Судя по пассажирам первых писем, в юности Диодате было свойственно некоторое легкомыслие, ее вопросы к архиепископу отличались наивностью и простодушием. Направляемая к серьезному образу жизни, она постоянно нуждалась в духовном утешении и поучениях и жадно требовала их. Если епископ не находил свободного времени, а просьбы становились слишком настойчивыми, то он отправлял Даде только короткие утешительные записочки. Его духовная дочь выросла в испытаниях и бедствиях, обычно посылаемых судьбой замужним женщинам ее времени: один за другим умирали рожденные ею дети, рано скончался муж, не все ладилось в отношениях со старшим сыном, которому мать, вопреки его желанию, прочила церковное поприще. 19 писем, адресованных Диодате дельи Адимари, свидетельствуют, что Антонин не только стремился поддерживать ее при всех трагических обстоятельствах, но возвышать строй ее мыслей и обуревавшие душу эмоции. Он советовал ей некоторые благочестивые книги для чтения; соглашался с ее рекомендациями в пользу одного из монахов; интересовался ее мирскими делами. Иногда, очень редко, архиепископ поверял истории своей собственной жизни, в частности, рассказывая о благодарности, питаемой к министру ордена, покровительствующему ему на первых порах «в среде прегордых львов, жестокых медведей, хищных волков и грязных свиней»²⁸. Очевидно, Диодата и сама испытывала потребность в том, чтобы утешать и проповедовать, поскольку стала собирать вокруг себе небольшой кружок набожных женщин. Антонин поощрял методичное и спокойное, без мистических порывов, благочестие в религиозных беседах и совместных молитвах женщин.

²⁶ *Morçay R.* Op. cit. P. 184–187. Полагают, что эта община сестер-доминиканок просуществовала до XX в. См.: *Jorcin A.* Les Medicis. P. 84.

²⁷ *Ibid.* P. 187.

²⁸ *Morçay R.* Op. cit. P. 188.

Архиепископ — доминиканец, как и другие представители церкви, теснейшим образом связанные с городской средой, в практической деятельности вынужден был непосредственно реагировать на ее духовно-религиозные запросы, не только сам вступая, но и организуя диалог между различными слоями населения, не исключая маргиналов и женщин. Особенно женщин, поскольку есть основания полагать, что они сами гораздо активнее мужчин тянулись к тому, чтобы стать объектами религиозного наставничества и поучения, в большей степени нуждались в «духовных отцах». Антонин не являлся новатором в своем обращении к дамам из знатных семей, составляющих городскую элиту, продолжая опыт своих предшественников, в частности, Джованни Доминичи. С другой стороны его стремление вести вверенные ему женские души по пути внутреннего самоусовершенствования, прививая привычку к самоконтролю и вкус к некоторой рафинированности эмоциональной сферы в обыденной жизни, не шли вразрез с запросами его времени, а более чем соответствовали им. Современными исследователями, хотя и с большой долей осторожности, выявлены некоторые новации в воспитании и образовании представительниц высших и богатых слоев городского общества, заметные особенно со второй четверти XV в. К ним можно отнести найм домашних наставников и наставниц для образования девочек в семье, учителей пения, танцев и хороших манер для развития светских навыков²⁹. Кроме того, укрепилась традиция «*serbanza*» — «сохранение» в монастыре: временное помещение девушек для обучения и воспитания в женские обители³⁰. В свете этих новых веяний духовно-религиозные наставления флорентийского архиепископа приобретали особую актуальность.

²⁹ *Black R.* Humanism and education in Medieval and Renaissance Italy: tradition and innovations in latin schools from the twelfth to the fifteenth century. Cambridge, 2001. P. 41–44; *Idem.* École et société à Florence aux XIV et XV siècles (Le témoignage des ricordanze) // *Annales: Histoire, Sciences Sociales* 59 année, № 4, juillet-août 2004.

³⁰ *Zarri G.* Monasteri femminili e città (secoli XV–XVIII) // *Storia d'Italia. Annali.* 9. Torino, 1986; *Penco. G.* Storia del monachesimo in Italia dalle origini alla fine del medioevo. Roma, 1961; Milano, 1983; Milano, 1995; *Albuzzi A.* Il monachesimo femminile nell'Italia medioevale // Dove va la storiografia monastica in Europa? Temi e metodi di ricerca per lo studio della vita monastica e regolare in età medievale alle soglie del terzo millennio. Atti del Convegno internazionale. Brescia-Rodengo, 2000. A cura di Giancarlo Andenna. Milano, 2001 P. 133–137, 155–162.

*АНТОНИН ФЛОРЕНТИЙСКИЙ*³¹

Письмо шестое

Моей благочестивой Даде

На три твоих просьбы дам краткий ответ, поскольку имею другие дела. На первую, когда ты спрашиваешь, «если персона, находясь в церкви или другом месте в присутствии людей, ощущает стремление заплакать от [избытка] набожности, должна ли она сдержаться?», я отвечаю — «да». Но для разъяснения такого заключения, я сделаю различие человеческих поступков, добрых по своей сути, на главные и второстепенные. Поясняю, что главными являются такие, которые обязательны для каждого, так как необходимы для спасения [души]: слушать мессу, поститься в положенные дни, исповедоваться и причащаться, как повелевает Церковь, ходить к проповеди в соответствующее время и подобные им. Эти действия следует производить открыто, а не потаенно, дабы подавать добрый пример ближнему, и поскольку это не является для него поводом считать самого себя превосходящим в добродетели других; ибо каждый правоверный должен так поступать. Думается, о таких говорил Иисус Христос, когда заявлял своим ученикам: «Sic luceat lux vestra coram hominibus...»³². Второстепенными поступками я назвал бы такие, которые необязательны для персоны, хотя они и являются добрыми, как посты в неположенные дни, воздержание от употребления мяса всегда или в определенные дни, назначение себе уроков — ношение власяницы, произношение псалмов, телесные слезы от избытка набожности, или милостыня, подаваемая не по предписанию, а по [своему] решению. О таких [поступках] не только Христос говорил: «Attendite ne justitiam vestrum», то есть добрые дела, «faciatis coram

³¹ Перевод выполнен по изданию: *Lettere di Sant' Antonino arcivescovo di Firenze*. Firenze, 1859. Перевод с лат. ссылок на Священное Писание дается в соответствии с переводом Библии на русский язык, завершенным и опубликованным по благословению Святейшего Синода в 1876 г.

³² Мф. 5: 16: «**Так да светит свет ваш пред людьми**, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

hominibus...»³³; то есть с целью быть одобряемыми и восхваляемыми, но он говорил также: «Пусть твоя милость подается тайно», и особенно это должно соблюдаться начинающими, каковые легко искушаются и склоняются ко злу. Самомнение и пустая слава — утонченный и опасный порок: молния, которая падает однажды, — говорил Псалмопевец³⁴ — в первую очередь поразит самых видных³⁵, то есть не только несовершенства, но и благочестивую назойливость; как показано Давидом, когда приказал он исчислять народы ради пустой славы³⁶, Езекией³⁷, когда он демонстрировал все свои сокровища послам царя Вавилонского, каковые все будут отняты халдеями, как ему предсказывал Исайя от имени Господа³⁸. И по этой причине наш учитель Иисус много раз, творя чудеса, требовал, чтобы они были скрыты от людей не потому, что могла проистечь для него пустая слава, ибо он был безгрешен, но чтобы научить нас утаивать добрые действия, когда нет необходимости творить их публично. Так мы читаем у отца нашего Святого Доминика³⁹, что некоторое время он не слушал монастырской мессы вместе с другими из-за избытка слез любви, каковые в изобилии проливались у него, ибо казалось ему, что зрит он в алтаре Христа воплощенного; отказался он от такого утешения, чтобы братья этого не увидели. Но тут

³³ Лк. 16: 15: «Он сказал им: **вы выказываете себя праведниками пред людьми**, но Бог знает сердца ваши, ибо что высоко у людей, то мерзость пред Богом».

³⁴ Псалмопевец Давид — второй царь Израильский (конец XI — первая четверть X вв. до н. э.), воин и сочинитель псалмов.

³⁵ Пс. 17: 15–18: «Пустил стрелы свои, множество молний, и рассыпал их..., избавил меня от врага моего сильного, и от ненавидящих меня, которые были сильнее меня».

³⁶ II Цар. 24: 1–25. Давид, возгордясь своей державой, приказал составить список подвластных ему народов. На него обрушился гнев Господа, наставшего на народ моровую язву. Покаяние Давида остановило бедствие.

³⁷ Езекия — царь Иудейский (с 758 г. до н. э.), в правление которого пророчествовал Исайя, сын Амоса.

³⁸ Ис. 39: 5-7: «И сказал Исаия Езекии: выслушай слово Господа Саваофа: вот, придут дни, и все, что есть в доме твоём и что собрали отцы твои до сего дня, будет унесено в Вавилон; ничего не останется, говорит Господь. И возьмут из сыновей твоих, которые произойдут от тебя, которых ты родишь, - и они будут евреями во дворце царя Вавилонского».

³⁹ Святой Доминик (1170–1221) — основатель доминиканского ордена. Он происходил из знатной кастильской семьи де Гусман. В 1215 г. основал первую общину братьев-доминиканцев в Тулузе, главной целью которой являлась «забота о душах» в виде проповеди.

подхожу я к разделению слез: оставляю позади слезы о мирском, ибо разве имеется в них какая-либо заслуга, не заключают ли они часто великий грех уныния, или гнева, или иного? Я не намереваюсь пока писать о горячих слезах любви к Богу, но только о слезах по поводу собственных грехов. Они проливаются по двум причинам: одна — это плач раскаяния (*pianto di contrizione*), без которого нет прощения грехов, другой плач есть сокрушение (*attrizione*), каковой не столь совершенен, но подготавливает к первому. Боль или слезы раскаяния есть скорбь, которой по доброй воле предается создание по поводу своих грехов, поскольку они оскорбляют Господа; и нужно, чтобы она охватывала все допущенные грехи, а не часть их, с намерением исповедаться и укрепиться в возможно большем стремлении к совершенству, и тогда такая скорбь достигнет божественной благодати. Но поскольку никто, какими бы не обладал он совершенствами, не может знать определенно о том, снискал ли он благодать, если этого не явлено ему самим Господом; то, следовательно, никто не может знать наверняка, проистекает ли его скорбь от подлинного раскаяния или нет, если даже и расточается больше слез, чем у Марии Магдалины⁴⁰, когда она омывала ими ноги Христа⁴¹: и поэтому невозможно знать точно, простил ли он твои грехи. И потому хорошо сказал мудрый Екклезиаст⁴²: «*De proptiatio peccato non esse sine metu*»⁴³, то есть нельзя не тревожиться относительно отпущения грехов. Тем не менее, когда человек чувствует в себе неудовольствие и отвращение из-за совершенных грехов, поскольку он оскорбил

⁴⁰ Одна из жен мироносиц, преданная последовательница Христа, исцеленная им от «семи бесов».

⁴¹ Лк. 7: 36–48.

⁴² Екклесиа́ст — ветхозаветный проповедник. Книга его проповедей написана, как полагают, в III в. до н. э. в Палестине.

⁴³ Дословный перевод с лат.: «Об умилоствивленном грехе никто не будь без страха». В данном случае Антонин явно опирается на текст проповеди Св. Бернарда Клервоского: *S. Bernardi Claraevallensis. Opera Omnia. Guerrici abbatis igniacensis discipuli S. Bernardi sermons per annum. Pars I. De adventi domini. Sermo II — Sabbato hebdomadae quadragesimal. 4*; Бернард Клервоский, приводя эти слова, ссылается на Книгу Екклесиа́ста. V. 5. В синодальном издании 1876 г. см.: Еккл. 5: 5: «Не позволяй устам твоим вводить в грех плоть твою, и не говори пред Ангелом [Божиим] «это — ошибка!» Для чего тебе делать, чтобы Бог прогневался на слово твое и разрушил дело рук твоих?». Приведенное Антонином изречение идентифицируется с текстом Новой Вульгаты, утвержденным II Ватиканским собором в 1962 г., в основу которого был положен старолатинский перевод: *Nova Vulgata. Liber Ecclesiasticus. V. 5.*

Господа и всех смертных, если он не испытывает той чувственной печали, пусть не плачет телесно, как о мирских утратах, но склоняет себя к тому, чтобы в будущем лучше умереть, чем совершить какой-либо смертный грех, и пусть скорее ощущает из-за какой-нибудь обиды недовольство всем миром, нежели Господом; я утверждаю, что в том следует убеждать себя самого и верить, что Бог его простит, сколь бы мерзкие и многочисленные грехи не были допущены, ибо без такой веры не будет пользы от покаяния или исповеди в своих грехах.

Вторая скорбь зовется сокрушение: когда персона сожалеет о грехе, не достигая совершенства. Хотя этого и недостаточно для спасения, но все же хорошо, ибо побуждает к покаянию, как раболепный страх к милосердию. Относительно второго вопроса, который ты формулируешь неясно, то, как я полагаю, тебе хотелось бы объяснения, примешивалась ли к счастливейшему разрешению от бремени Девы Марии, Матери Иисуса, о Христе некая печаль; в связи с этим я утверждаю, что она ясно видела, что Иисус был истинным Богом: и, видя Господа, прозревала все, отчего, кажется, уже предчувствовала она свою горчайшую скорбь в будущем и потому должна была испытывать величайшее страдание, и нераздельно та огромная радость смешивалась с великой болью. И поэтому только она, которая испытала ее, может сделать нас именно такими, вместе со своим блаженным Сыном, а не иными. Но, высказывая это мнение, я думаю, что это была не то чтобы несказанная радость, смешанная с толикой грусти, но подобная той, что бывает в раю. Чтобы полностью пояснить это, должен напомнить тебе то, о чем много раз слышала ты и читала, — догмат веры. У Иисуса Христа было две природы, или различные субстанции, в одной персоне сочетались природа божественная и наша, человеческая; подобно тому и в человеке наличествуют две разные субстанции: одна духовная, то есть душа, вторая материальная, то есть тело. Природа божественная, поскольку она бессмертна, бесстрастна и постоянна, никогда не ощущает чувства вины и не подвержена изменениям. Но человеческая природа, которая заключалась в нем, была составлена из души и тела, как и у нас; его душа, будучи от начала ее сотворения и переливания в тело восславленной, какой она является и в настоящем, безгранично прозревала в своей интеллектуальной части его вечное Слово и наслаждалась бесконечной радостью, как и теперь, и в большей степени, чем какой-либо ангел или святой в отечестве, вне всякого сравнения, даже когда он возглашал, находясь на кресте: «Господь мой, почему ты меня покинул?» Но тело его обладало чувствительностью и было уязвимым, поскольку он так пожелал из-за наших прегрешений, поэтому чувственной части, каковая

фиксируется в органах тела, приходилось страдать: и как только он родился, начал нести крест свой ради нас, и как родился плача, по словам Мудреца, также и умер плача, как говорил Павел. Так в один и тот же час на кресте, когда интеллектуальная часть пребывала в великой радости, чувственная [часть] была почти погружена в муку, и потому вопила о том, что покинута, не только по причине того, что была отделена от Бога, но и вследствие того, что из той радости в интеллектуальной части ничто не передавалось в чувственную [часть], как это происходит у святых жертв; у них во время жесточайших пыток проникает в чувственную сторону души величайшее божественное утешение, проистекающее из интеллектуальной части, раскрывающее перед ними вечную славу, которая им⁴⁴ была предуготовлена, и свершившуюся волю Господа. Вот этой передачи или перетекания не было у Христа во время его страстей, но, как говорил святой Иоанн Дамаскин⁴⁵, каждой части или потенции было предназначено исполнить собственную миссию. Эти две части, присущие всем, и мужчинам, и женщинам, были и у Девы Марии. И когда она стояла у подножия креста своего Сына, ее чувственная часть находилась в великой скорби и муках, больших, нежели у какой-либо жертвы в ее пытках: будто нож, который, как предсказывал Симеон праведный⁴⁶, пронзил ее душу; и больших, чем боль родовых мук, тогда ею перенесенных, по словам Дамаскина. Так могла бы она сказать: «Отнеси от моего Сына эту чаши горечи, о Вечный Отец, но разум бы добавил: «*Veruntamen non mea voluntas*», то есть идущая от чувств, но «*tua fiat*»⁴⁷, то есть божественная воля, с каковой всегда в согласии разум, а чувственная часть ей подчинена. Но когда она рожала этого Сына, она была уверена только в том, что это ее собственный Сын, но не обладала точным видением его божественности, единой с его чело-

⁴⁴ Спасителем.

⁴⁵ Иоанн Дамаскин (арабское имя — Мансур) — византийский богослов VIII в. Происходил из Дамаска, из семьи высокопоставленного чиновника. Являлся идеологом иконопочитания, автором многих богословских сочинений, в том числе «Источника знания» (на основе онтологии Аристотеля), «Точного изложение православной веры» — трактатов, широко известных на Западе.

⁴⁶ Симеон — Симеон Богоприимец, старец-священник, принявший в храме Иерусалимском младенца Христа. Ему было предсказано, что он не умрет, пока не увидит Христа. Он благословил Бога и сказал: «Ныне отпускаешь раба твоего, Владыко, по слову твоему, с миром...». Он предсказал Марии: «И Тебе Самой оружие пройдет душу, — да откроются помышления многих сердец». См.: Лк. 2: 28, 35.

⁴⁷ Лк. 22: 42: «Отче! о, если бы ты благоволил пронести чашу сию мимо меня! **впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет**».

вечностью; но более высокую веру имела она, нежели другие сподвижники. Своими телесными глазами она видела лишь тельце Иисуса; но душа маленького Иисуса была от нее скрыта, и тем более божественность; потому что объект сенситивных потенций есть вещь телесная, а не духовная. Очами интеллекта также не видела она божественности; потому что не была ее душа, то есть Девы, восславлена, как душа Сына, но была лишь чистой сподвижницей: «Non videbit me homo, et vivet: e Deum nemo vidit unquam»⁴⁸ — говорит Писание Ветхого и Нового Завета. Но если видел апостол Павел⁴⁹ в Новом Завете, а Моисей⁵⁰ в Ветхом Завете Господа как сущность в этой жизни, хотя и лишены они были тогда возможности пользоваться человеческими и телесными чувствами на мгновение, то нельзя не верить и считать невозможным, что Дева Мать не видела, пусть непостоянно, но некоторый раз, божественности своего Сына; хотя первыми об этом говорили доктора святой Августина⁵¹ и святой Фома⁵², почерпнув это из Писания; о Деве они не говорили, потому что в святом Писании об этом не сообщается открыто, как о тех⁵³. Но знала она, что ее Сын должен перенести жесточайшие муки, потому что об этом читала и видела в божественных Писаниях, о каких имела она от Господа глубокие помыслы: и, их обдумывая и обсуждая в сердце своем много раз, была охвачена великой печалью. Полагаю, что, когда она рожала Его, то об этом не думала, потому что невозможно одновременно держать в уме многие вещи; но, созерцая тогда бесконечную божественную любовь к человеческому роду и искупление, которое следовало от этого рождения, и вверенную ей высочайшую благодать — стать матерью Бога; вся она преобразовывалась в Господа,

⁴⁸ Исх. 33: 20: «И потом сказал Он: лица Моего не можно тебе увидеть, потому что **человек не может видеть Меня и остаться в живых.**

⁴⁹ Апостол Павел (Саул или Савл) — великий проповедник христианства среди язычников в I в. Сначала преследовал христиан, как опасных сумасбродов. На пути в Дамаск, куда он отправился организовать гонения на христиан, с ним случилось чудо — явление Господа, и он обратился. См.: Деян. 9: 3: «Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал за землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! что ты гонишь меня?»

⁵⁰ Моисей — вождь израильского народа, основатель его религии и государственности, спаситель от египетского рабства, пророк, верховный судья, видевший Господа при жизни. См.: Втор. 34: 10.

⁵¹ Святой Августин — святой Аврелий Августин (354–430) — один из отцов Церкви христианского Запада и выдающийся богослов.

⁵² Святой Фома — Фома Аквинский (1225–1274) — выдающийся теолог и философ-схоласт, руководствующийся идеями Аристотеля.

⁵³ То есть о Моисее и апостоле Павле.

в котором находится сумма радости без примеси печали. Для третьего [вопроса] нам недостает карты, чтобы писать на ней. Говорил св. Иаков⁵⁴: «Resistite diabolo, et fugiet a vobis»⁵⁵, а также св. Петр⁵⁶: «Cui resistite fortes in fide»⁵⁷. Против великого в своей гордыне гиганта Голиафа⁵⁸, вооруженного хитростью, ты вместе с Давидом, вверяясь Господу, с пращей смирения и камнем сопротивления, взяв за образец Христа, указанным камнем повергнешь его наземь, как это сделал Христос, перед которым предстал исполчившийся Сатана в пустыне⁵⁹, с помыслами об авторитете Писания. Он совершенно преодолел телесные искушения: он не имел ни нечестия, как и его мать, ни чревоугодия ни тщеславия, сопровождающегося гордостью и жадностью, которое влечет за собой великий сонм прегрешений. Аминь.

Письмо седьмое

Моей благочестивой дочери Даде

Отвечаю на твое письмо второпях. Если рабыня воссылает жалобы против госпожи, коль та ей чем-то не угодила, не удивительно; но когда она охвачена таким пылом, что сама хочет господствовать, то из этого может проистечь большой конфуз для дома. Чувственность есть всего лишь служанка в доме разума твоего, которая страдает из-за своей смертной природы; я говорю о твоём сыне, исполняй обязанности свои: тем более, что он вскормлен молоком твоим. Если таковой становится грусть и печаль, что побеждает разум, ты можешь испытать позор и впасть в хандру, подобную древесному червю, который вы-

⁵⁴ Святой Иаков — Иаков, брат Господа. После вознесения Христа оказался во главе Иерусалимской общины вместе с Петром и Иоанном. Был убит восставшим народом в 62 г. н. э., отказавшись отречься от Христа.

⁵⁵ Иак. 4: 7: «Противостаньте дьяволу и убежит от вас».

⁵⁶ Святой Петр — апостол, рыбак из Галилеи, первым провозгласил Учителя из Назарета «Христом, Сыном Бога живого», глава христианской общины, по легендарной традиции — первый римский епископ. Распят в Риме в 68 г.

⁵⁷ 1 Пет. 5: 8–9: «...бодрствуйте, потому что противник ваш Дьявол ходит, как рыкающий лев, ища, кого проглотить. **Противостойте ему твердою верою...**».

⁵⁸ Голиаф — исполин, убитый по одной из версий Библии Давидом. См.: 1 Цар. 17: 4–9; 40–51.

⁵⁹ Об искушении Христа в пустыне и его борьбе с Сатаной см.: Мф. 4: 1–11; Мк. 1: 12–13; Лк. 4: 1–13.

едает сердцевину дерева, отчего затем рушится дом. Пророк Давид плакал о мальчике, им рожденным и больном, прося Господа, чтобы исцелил его: когда же узнал, что он умер, омыл лицо и пошел обедать: и, будучи спрошен о причине того, почему он имеет обыкновение поступать наоборот тому, чтобы плакать о мертвом, а не о живом; ответил мудро, что, после того как Господу угодно было призвать его сына к себе, плач не воскресит его и не поможет ему; но он последует за ним после смерти⁶⁰. У тебя же причин печалиться еще меньше, потому что сынок твой, без всякого сомнения, пребывает в славе; тогда как сын Давида отправился в Лимб Ада⁶¹: «Beati qui in Domino moriuntur»⁶². Благодать несет всякое истинное добро. Была бы очень глупой и жестокой та мать, которая не желала бы своему ребенку всяческого добра, но для собственного чувственного удовольствия стремилась бы заменить его несчастьем, огорчениями, опасностями для души и для тела, чем подвергала бы его нескончаемой смерти. Благодаря Господу за то, что он призвал его к себе, еще до того, как порок изменил бы сердце его, и часто думай о том, что последуешь за ним и все оставишь. И потому со рвением употреби остаток дней на то, чтобы молиться об утрате, и чтобы смогла ты его в славе обрести. Всякая вещь обладает недостатками, говорил св. Бернард⁶³, кроме любви к Богу. По эту сторону начинается она у его избранных, а по ту —

⁶⁰ 2 Цар. 12: 20–23: «Тогда Давид встал с земли, умылся и помазался, и переменял одежды свои, и вошел в дом Господень, и молился. Возвратившись домой, потребовал, чтобы подали ему хлеба, и он ел. И сказали ему слуги его, что значит, что ты так поступаешь: когда дитя было еще живо, ты постился и плакал; а когда дитя умерло, ты встал и ел хлеб? И сказал Давид: доколе дитя было живо, я постился и плакал, ибо думал: кто знает, не помилует ли меня Господь, и дитя останется живо? А теперь оно умерло: зачем же мне поститься? Разве я могу возратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне».

⁶¹ Преддверье ада, в котором помещались души праведных язычников и детей, умерших до крещения.

⁶² Откр. 14: 13: «Отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе».

⁶³ Святой Бернард — Бернард Клервоский (1090–1153), аскет и мистик, основатель монастыря с суровым цистерцианским уставом, борец против Пьера Абеляра и Арнольда Брешианского, представителей рационального богословия, инициатор Второго крестового похода, автор многих теологических трактатов. В XII–XV вв. пользовались популярностью его Комментарии Песни Песней, в которых он представлял почитаемую им Марию, как посредницу между Христом и людьми, хотя к идее непорочного зачатия относился отрицательно. Антонин очень широко использовал текст его проповедей.

достигает своего полного совершенства, когда вся память, интеллект и воля всегда заняты Господом, думая о нем, познавая и любя его, наслаждаясь им. И насколько в этой жизни творение больше в этом усердствует, настолько оно больше приближается к блаженным. Но для этого нужно, прежде всего, избавиться от старой шкуры грехов, подобно змее, на узком пути скорби; и как бы обновиться для дороги добродетелей, стать мудрой, как змея, от всего мира поставить заслон, и в случае опасности оставить, если нужно, все, чтобы сохранить духовную жизнь разума. Когда ты часто сокрушаешься о своих грехах (не перебирая их в частности, чтобы дымы чувственного воображения не заволокли интеллект и не затемнили свет разума; но в целом), отсекай от себя всякий дурной поступок. Находятся Христос с Девой Марией в церкви, познаются в молитве и священном чтении. Теряются и утрачиваются в скопищах, либо людей, либо помыслов и страстей беспорядочных. Пребывай всегда в настороженности и не преисполняйся уверенностью даже среди своих. Детей, которые даны тебе Богом на время их воспитания, ты не можешь ему оставить, потому что это будет тем, о чем предупреждал Апостол⁶⁴, — предательством веры, то есть природной верности, каковая учит животных диких не покидать свои порождения. Святые и святость больше усваиваются детьми, но если они подвергаются поруганиям в делах семьи, то такая часть будет заложена в их дух. Ты оплакиваешь сына; а в Ветхом Завете та благочестивейшая матрона, каковая не ведала примера страстей Христовых, ни других святых, чтобы соблюсти закон Господа, который им запрещал есть свинину (символ того, что телесный грех не должен касаться правоверных), воодушевила своих семерых сыновей с жертвенной стойкостью быть убитыми, порезанными на куски, расчлененными, отваренными вместе с ней⁶⁵. Хотя тебе хочется, чтобы твои родственники больше старались приводить в порядок твои земные дела и заниматься твоими детьми, в этом также обрети смирение. Муки Христа пусть не покидают твоего сердца: и все учись терпеть, переносить и слезно молиться: «Deus meus, ut quid dereliquisti me?»⁶⁶,

⁶⁴ Еф. 6: 4: «И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем». Кол. 3: 14: «Отцы, не раздражайте детей ваших, дабы они не унывали».

⁶⁵ 2 Макк. 7: 1–42. Семь братьев Маккавеев и их мать Соломония погибли в пытках за отказ вкусить идоложертвенного мяса во времена гонений Антиоха Епифана в 175 г. до н. э.

⁶⁶ Мк. 15: 34: «Боже, Боже мой, для чего Ты меня оставил?»

без всякого недостатка веры. Она подскажет тебе, как плакать по детям, уповать на милость Божью, быть благосклонной к врагам, питать надежду на Райское спасение в великом сокрушении, испытывать настоятельную потребность в добрых делах, бросит тебя в руки божественного провидения, которое сделает с тобой, как со своей дочерью, но невежественной и неблагодарной, то, что ему будет угодно: «Pater, in manus tuas commendo spiritum meum»⁶⁷. Прощай.

Письмо восьмое

Моей благочестивой Даде

Из-за многих дел не нашел времени ответить тебе на твоё письмо; и вопрос не могу вспомнить, кроме того, что в общем он был о Марии Магдалине: я бы пока не писал тебе, если бы Франческо⁶⁸ не сказал, что ему нужно завтра утром пойти к тебе, потому что твоя дочка больна, прося меня, чтобы я написал тебе. *Dilexit multum*⁶⁹, сказал Христос о той, которая была грешницей в городе Иерусалиме⁷⁰. Но она обладала большой любовью (понятно, что к Христу), и потому ей были прощены многие грехи. Но первое сомнение, которое появляется: эта грешница — Мария Магдалина, сестра Лазаря и Марфы⁷¹, очень богатых, знатных и почтенных: или же другая женщина, имя которой Евангелисты не открывают. И после того, как многие, известные и древние Доктора Церкви говорили, что это не она, а другая; желая поскорее уйти от вопроса и не приводить доводов, я соглашаюсь со святым Григорием⁷² и

⁶⁷ Лк. 23: 46: «Отче, в руки твои передаю дух Мой».

⁶⁸ Франческо — старший сын Диодаты дельи Адимари.

⁶⁹ Возлюбила много.

⁷⁰ Лк. 7: 47–48: «А потому сказываю тебе: прощаются ей грехи многие за то, что возлюбила много, а кому мало прощается, тот мало любит. Ей же сказал: прощаются тебе грехи. См.: также: Ин. 12: 1.

⁷¹ Лазарь — брат Марфы и Марии. В его доме в Вифании было любимое место отдыха Иисуса Христа. Христос произвел чудо, воскресив его из мертвых. См.: Ин. 11. 1–44. Марфа — сестра Лазаря, обладающая практическим характером, в отличие от созерцательно-восторженной Марии. См.: Лк. 10: 38–42; Ин. 11: 1; 12: 1.

⁷² Григорий I Великий (540–604) римский папа с 590 г. Укрепил материальные основы папской власти, возвысил институт папства и римскую церковь, прославился миссионерской деятельностью. Написал много богословских со-

святым Августином, что это была одна и та же женщина, прежде великая грешница, а затем очень Христа возлюбившая. Но тотчас же отсюда рождается другой вопрос: в каком смысле надо понимать, что Мария Магдалина являлась грешницей. И поскольку согласно вульгарному пониманию грешницей зовется та, которая пребывает в дурном месте, некоторые говорили, что она являлась распутницей, каковое мнение мне не нравится, и я этому не верю, потому что она была богата и знатна. Как можно думать, что знатный брат мог перенести такой позор? Их довод и объяснение достаточно слабы: потому что, как о мужчине говорят, что он грешник, если он имеет много грехов, хотя и является целомудренным; так и о женщине, согласно грамматике, говорят грешница, если она имеет много грехов, хотя и является девственницей. И если какой-либо доктор называет ее распутницей, он говорит так согласно общепринятой (вульгарной) речи. О молодых, очень разнаряженных и разукрашенных, говорят: «Она подобна гулящей женщине»: хотя она и не помещается в дурном месте. Так Соломон говорил в своих «Притчах» о пустой женщине: «*Ecce mulier in habitu meretricio et capiendas animas*»⁷³.

Некоторые же другие обладают таким пылом и набожностью, что о них говорят: «Девственница телом, но не разумом» из-за ее дурных чувств и коварных мыслей. Девственность, утраченная или законным путем в браке, или незаконно вне брака, — вещь телесная, и невозможно вновь вернуть ее, ни венец⁷⁴, хранящийся в ней, мысленный же грех искупается истинным покаянием, и тогда венец сохраняется в ней. И поскольку Мария Магдалина предалась совершенному покаянию, вновь вернула она непорочность с короной своей. Поэтому я не придерживаюсь того мнения⁷⁵, но думаю, что она была бесчестна умом и телом, не пребывая публичной женщиной, как пребывают многие другие богатые, знатные и владетельные. Так святой Марк говорил, что из нее Христос изгнал 7 демонов, то есть 7 смертных грехов, один из которых был по-

чинений, в которых вульгаризировал наследие Августина, Иеронима и Амвросия, но обращал особое внимание на морально-этические стороны религии.

⁷³ Притч. 7: 10: «И вот — навстречу к нему **женщина, в наряде блудницы, с коварным сердцем,...**».

⁷⁴ Имеется в виду добродетель, заслуга перед Господом.

⁷⁵ То есть мнения, высказанного богословами, которые считали Марию Магдалину блудницей.

хотью⁷⁶. Что она была одержима другим способом, то есть телесно, — об этом нельзя прочитать. Причина, по которой ей были прощены многочисленные грехи, то есть все семь с дочерними от них, — *Quoniam dilexit multum*⁷⁷. Не сказано, будто причина в том, что она много плакала. Недостаточно нам для слез всей воды морской, чтобы смыть грех с души, если скорбь, тоска и слезы не вызваны любовью к Христу. Основание скорби и других страстей — любовь: ведь как печалится любитель мирского, когда теряет имущество, поскольку очень привязан к нему. От большой любви проистекает великая печаль. Поэтому душа, которая освещена осознанием того, что Господь — сумма блага, бесконечное и истинное благо ее, только в нем находит покой и отдохновение, а все другие вещи находит детскими побрякушками; когда она понимает, что из-за своих грехов теряет Господа, много раз и бесконечными способами, то не может она не скорбеть сильно. И такая боль, проистекающая от любви к Христу, смывает грехи: *Quoniam dilexit multum*. Став образцом кающихся, она была настойчива в покаянии с великим рвением, не возвращаясь к мирской суетности. И хотя Апостолы по незнанию злословили о ней, когда она припала к святейшим стопам Иисуса, подстрекаемые к этому предателем Иудой, который не мог быть не взбешен тем, что десятую часть от трехсот серебряников стоила драгоценная мазь, не прекратила она по этой причине продолжать свое благочестивое действие⁷⁸. Большую любовь к Христу она продемонстрировала, нежели Апостолы; в то время, как бежали иные, она со Святейшей Матерью и Иоанном осталась у подножия креста⁷⁹. Ведь это была

⁷⁶ Мк. 16: 9: «Воскреснув рано в первый день недели, Иисус явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов».

⁷⁷ За то, что возлюбила много.

⁷⁸ Мф. 26: 6–16: «Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала ему возлежащему на голову. Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим»... Тогда один из Двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребреников, и с того времени он искал удобного случая предать Его.

⁷⁹ Мк. 15: 40–47: «Были тут и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Осии, и Саломия... . Иосиф из Аримафеи... осмелился войти к Пилату и просил тела Иисусова. Пилат... отдал тело Иосифу. Он, купив плащаницу и сняв Его, об-

именно она, тогда как все ученики утратили веру в его божественность во время его пыток и похорон; именно она, оставаясь у гробницы столь стойкой в том, чтобы еще раз посмотреть на Христа, заслужила быть первой после Девы Матери, чтобы увидеть Христа воскресшего⁸⁰, и была сделана им Апостолой над Апостолами, *Quoniam dilexit multum*. Следует отметить великое свидетельство: не смотрит Христос ни на мужчину, ни на женщину, ни на ребенка, юношу или старика, ни на знатность, ни на красоту, ни на богатство, ни на познание, ни на достоинство, ни на обычаи, ни на королей, ни на синьоров, ни на рабов, ни на епископов или младших клириков, ни на обычаи монахов, монахинь или светских людей, ни на грешников, ни на невинных. Но кто более любит Господа, тот и более любим Богом, и тому более дает он от благ своих. И поскольку горячая любовь к Господу требует ради ее сохранения и приумножения отказаться от удовольствий мира и презреть их, как и занятия, к которым не вынуждает мирская забота о других; постольку Мария Магдалина удалась в пустынь с течением времени, где она оставалась более 30 лет, вся отдавшись созерцанию Господа. Она стала символом жизни созерцательной, и о ней было сказано Иисусом: «*Magia optimam partem elegit*»⁸¹, слова, которые Церковь относит к Деве Марии, более всех созерцательной. Недостает карты и света дня, и Франческо просит письмо, поэтому заканчиваю.

Письмо девятое

Моей благочестивой Даде

Дражайшая дочь во Христе, приветствую и т. д. Нам известно, как Синьор над жизнью и смертью призвал к себе девочку, свою более, чем твою, поскольку он дал ей душу и тело, а ты — только тело. И

вил плащаницею, и положил Его во гробе, который был высечен в скале, и привалил камень к двери гроба. Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали». Ин. 19: 25: «При кресте стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина».

⁸⁰ Мф. 28: 1–10: «Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се, Иисус встретил их и сказал: радуйтесь! И они, приступив, ухватились за ноги его и поклонились Ему». Ин. 20: 1–15: «В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано... Сказав сие, обратилась назад увидела Иисуса стоящего...».

⁸¹ Лк. 10:42: «...**Мария же избрала благовую часть**, которая не отнимется у нее».

поэтому в чувственной части души пусть успокоятся страсти скорби и печали, а также и другие; поскольку ты мать телесная, то неудивительно, что чувственность, как это ей должно, побуждает горевать и мучиться. В этом и состоит различие между разумным творением и грубыми животными, что в страстях, которым те всегда следуют, они безудержны; мужчина и женщина обладают разумом, посредством которого можно, если захотеть, и должно умерить [страсти]. Тебе следует воздерживаться от чрезмерности, поскольку *Spiritus tristis desiccatur ossa*⁸², как свидетельствует Мудрость Святого духа; и как кости тела, так и кости души, которые суть добродетели, обтачиваются всяким благочестием. *Et tristitia huius seculi (как таковая) mortem operatur*⁸³ — говорил Апостол о душе. Многого имеется у тебя для того, чтобы избавиться от скорби и успокоиться; и даже чтобы радоваться и воздавать великую благодарность Господу, как за особое благо, рассматривая возраст, в котором Господь пожелал ее, возраст чистоты и невинности; а также ты не должна испытывать никаких сомнений не только о ее спасении, но и о ее славе. О, скольких огорчений, скольких тревог, скольких искушений, скольких адских грехов она избежала из тех, что несет мир, ты же познаешь их и испытываешь! Если кто любит кого-то, то он стремится увидеть любимого свободным от всякой опасности и печали и радуется этому. И если ты скажешь: я любила ее, потому что она была хорошей; то ответь мне, кто может с определенностью утверждать, что в будущем она не могла бы стать плохой? *Raptus est (говорил Мудрый о безвременной смерти праведника) ne malitia immutaret sententiam eius, et fictio deciperet animam eius*⁸⁴. Избавил тебя Синьор от великого труда и от немалой обязанности он тебя освободил. Блаженна ты, если можешь воздать Господу добрым попечением о тех, кто остался у тебя, как и о той, которая так скоро вознесена Богом. И потому ты не можешь и не должна делать иного, если не того, что делал Иов, каковой от высокого положения пришел к такому ничтожеству, что пребывал в навозе, очищаясь от нечистот, которые выходили из его язв, потому что он сделался прокаженным, потеряв сразу семеро

⁸² Притч. 17: 22: «Веселое сердце благотворно, как врачевство, а **унылый дух сушит кости**».

⁸³ 2 Кор. 7: 10: «Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению, а **печаль мирская производит смерть**».

⁸⁴ Прем. 4: 10–11: «Как благоугодивший Богу, он возлюблен и, как живший среди грешников, преставлен, **восхищен, чтобы злоба не изменила разума его, или коварство не прельстило души его**» (Книга премудрости Соломона).

детей, мальчиков и девочек, добрых и дружных, Dominus delit (возглашал он) Dominus abstulit: sicut Domino plaguit, ita factum est: sit nomen Domini benedictum⁸⁵. Ведь твои рыдания и скорбь не для того, чтобы вновь воззвать ее к жизни, а лишь для того, чтобы повредить себе. Оплакивал наш Синьор Иисус умершего Лазаря⁸⁶, больше всего из сострадания к этому Лазарю, которого он вновь воззвал от покоя к бурям жизни, но не плакал он из-за жалости к сестрам, лишившимся такого брата. Этот случай должен побуждать тебя к жизни не только добродетельной, но совершенной. Каждый день является еще одним днем на пути к смерти, и упущенное время невозможно восполнить. И потому береги остаток [дней] и наверстывай прошлое. Не можешь ты бросить управления семьей, но также в душе своей отведи положенное место молитвам, медитациям, чтению. Надо оставаться в контакте с семьей, чтобы избежать смертельной заразы (l' infezione), раз нельзя ничего другого предпринять: но вне этого случая, и когда мор прекратится, удерживать его⁸⁷ на вилле не будет слишком-то похвально. В это время и в том возрасте, какового сейчас достиг твой Франческо, способен он сгибаться подобно камлоту⁸⁸: тем обычаям, которые усвоит сейчас, он и будет следовать; и товарищи, которые у него будут, станут делать его таким же: и даже когда он становится большим, ты не освобождаешься от обязанностей предупреждать и исправлять его; а он, если добрый и разумный сын, должен слушаться тебя охотно. Св. Августин, каковой был доброго происхождения, являясь самым изощренным и великим доктором из всех, что имеет Церковь, когда ему было уже более 20 лет, и он еще оставался язычником, всегда почтительно слушал свою мать Монику⁸⁹, и о вещах духовных и душеспас-

⁸⁵ Иов. 1: 20-21: «...Господь дал, Господь и взял; как угодно было Господу, так и сделалось: да будет имя Господне благословенно». Иов — образ ветхозаветного страдальца, которого Господь подверг тяжким испытаниям и несчастьям, а потом вознаградил.»

⁸⁶ Ин. 11. 33–34: «Иисус же, когда увидел ее (Марию Магдалину) плачущую и пришедших с нею Иудеев плачущих, Сам восскорбел духом...»; 35: «Иисус прослезился...»; 38: «Иисус же, опять скорбя внутренно, приходит ко гробу...».

⁸⁷ В данном случае речь идет о старшем сыне Диодаты Франческо.

⁸⁸ Вид ткани.

⁸⁹ Моника (332–387) — мать святого Августина. Будучи христианкой, она оказывала большое влияние на своего сына, который посвятил ей немало страниц своей «Исповеди».

сительных они часто говорили вместе. Gratia Domini nostri Jesu Christi tecum⁹⁰: и молись за меня.

21 ноября 1457 г. во Флоренции.

Письмо десятое

К моей благочестивой дочери Даде

Дражайшая дочь во Христе Иисусе, привет и наше благословение. После многих просьб со стороны других о тебе, дабы написать тебе в утешение по случаю твоего вдовства, намерение сделать это сдерживалось у меня из-за многих дел и небрежения. Но твоя набожность и настойчивое желание, демонстрируемое в твоём письме, вынудили меня взяться за перо и хотя бы несколькими словами утешения кратко ответить тебе. Не сомневаюсь, что желание и универсальная любовь (поскольку она естественна) во всех к блаженству, есть и в тебе; но путь, на котором становится она истинной и совершенной, немногим понятен и доступен. Главное, я думаю, тебе понятно — жить добродетельно; и я сначала перед тобой раскрою одну составляющую, каковая в этом содержится. Святым Иаковом младшим в начале его Эпистолы написано: «Beatus vir, qui suffert tentationem; quoniam, cum probates fuerit, accipiet coronam vitae, quam repromisit Deus diligentibus se»⁹¹. Блажен тот, который, будь он мужчина или женщина, обладая мужественным духом, переносит, выдерживает и преодолевает искушения; поскольку, будучи испытываемым, как золото в тигле, от огня терзаясь и претерпевая страдания, добывается короны жизни, то есть награды высшим блаженством, обещанным преславым Господом тем, кто любит его. Ты привлекаешься к искушению не только позывом и побуждением к греху, возбуждаемых дьяволом, телом и миром; но также всякими превратностями судьбы и лишениями; потому что из-за них персона опускается и склоняется к падению, впадает в гнев, или в нерадивость, или в безнадежность, или в другое зло, чтобы уйти от них. Блажен в этой жизни тот, кто их вы-

⁹⁰ Милость Господа нашего Иисуса Христа с тобой.

⁹¹ Иак. 1: 12: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его». Иаков Младший — брат Христа, которому приписывается «Соборное послание апостола Иакова».

держивает с кротостью: блажен, я утверждаю, благодаря надежде и поскольку с ним милосердие Господа, источник благодати, как говорил Псалмопевец: «Cum ipso sum in tribolazione»⁹². Блажен он затем в другом мире, когда получает корону жизни, не смертной, каковой является наша, подобная непрерывной смерти, но живой и бессмертной, где и заключается истинное блаженство, для того, кто ею⁹³ обладает. Такое обещание дает тот, кто не может обмануть. Если бы не было иного счастья, кроме настоящего, смешанного с большими огорчениями, то ты могла бы сильно скорбеть и тревожиться, обдумывая свое состояние и прошлое твоих [близких]. Но к Иерусалиму, высшей нашей матери⁹⁴, видению мира и совершенного покоя, поднимая очи разума, думаю, ты поймешь, что все эти земные вещи являются проходящими, иллюзорными, подобными сну и отвращающими от чувства любви к Господу. Очень самонадеян тот, кто считает себя более созерцательным, нежели Давид, более умным, нежели мудрейший Соломон, более набожным, нежели Иезекииль. Первый и третий в лишениях благочестиво приближались к Господу: но пали в процветании и покое: быстро возродились, но в муках⁹⁵. Второй рухнул в великом и полном благоденствии, но выдержал это с мудростью⁹⁶. То, что он усовершенствовал себя посредством покаяния, случилось вследствие превратностей судьбы, им перенесенных. И потому я хочу, чтобы ты вместе со своими родными осознала, каким особым даром является

⁹² Пс. 90: 15: «Воззовет ко Мне, и услышу его; с ним Я в скорби; избавлю его и прослаблю его».

⁹³ То есть короной как высшей наградой.

⁹⁴ Возможно, здесь содержится намек на Послание апостола Павла Галатам. См.: Гал. 4: 26: «А вышний Иерусалим: он — мать всем нам».

⁹⁵ Иезекииль — один из четырех великих пророков Ветхого Завета. За 11 лет до разрушения Иерусалима Навуходоносором уведен был в Вавилонский плен вместе с царем Иехонией и знатными лицами. Там благополучно женился и обзавелся домом. Но на пятый год своего плена был призван к пророческому служению. Укреплял веру в Мессию у своего народа в Вавилонском плену. Давиду пришлось выдержать длительную борьбу за свою державу, затем он возгордился своим могуществом, но жестоко раскаялся, когда Господь наказал его народ, наслав мор.

⁹⁶ Соломон — третий царь израильского народа, сын Давида. Царствование его (1020–980 до н. э.) стало символом мира и благополучия. Но окружающая его роскошь и сладострастие оказали развращающее воздействие: царь возродил языческие культы Молоха и Астарты. Народ проявлял недовольство, появились признаки упадка. См.: 3 Цар.; 2 Пар.

величайшее благодеяние, когда милосердный Господь от большого земного счастья низводит вас к немалым бедам; ибо тем самым он посылает вас идти путем избранных своих. Значит, нужно стремиться идти по нему, то есть по пути кротости и покаяния; не только за любую муку благодаря Господу, от которого проистекает всякая тяжесть наказания; но также скорбя о грехах вины, вами допущенных, и жизнь ваша обновится. Сказала же целомудренная и благочестивая вдова Юдифь⁹⁷, оставшись молодой: Все те, которые от начала мира Богом любимы, многими муками испытываемы в этом мире, но всегда верны и постоянны в страхе и любви к Господу. Не нужно убеждать примерами святых, сотоварищей (membri) Христа, если о нем, как главе избранных его, сказал Апостол: «Proprio filio non repercit, sed pro nobis tradidit illum»⁹⁸, на смерть, на тяжелейшее и позорнейшее страдание: насколько часть [души] интеллектуальная пребывает в полноте счастья, едва ли не блаженства, настолько же часть чувственная в стольких бедах и сокрушениях, что Псалмопевец говорил: «Vita mea inverno arproinquavit»⁹⁹.

По каковой причине, хотя бы создание и являлось невинным, то, чтобы соответствовать Синьору своему, оно должно чувствовать несчастья в этой жизни, если не слишком горяча любовь, которую оно питает к нему. В большей степени, если бедствия испытывает грешник, разум его должен побеждать их и переносить с кротостью. Злодей, который подходит к смерти из-за своих излишеств, пусть сетует не на суд, каковой осудит его согласно справедливости, но на свои пороки, которые того заслуживают, и настолько, насколько их больше и более значительных допущено. Кто полагает, что какое-нибудь прошлое зло окажется безнаказанным, и за очень дорогой товар в другом веке не возьмут пошлины, не один денарий с флорина уплатит из тех, которые он удерживал; ибо было сказано св. Августином: «Domine, hic ire, hic seca, ut in futuro parcas»¹⁰⁰. И если мы обладаем малой верой, такой, каковая

⁹⁷ Юдифь (Иудифь) — самоотверженная вдова, убившая Олоферна, полководца Навуходоносора, во время осады Ветилуса в Иудее. Антонин в данном случае не цитирует непосредственно текста Книги Иудифи. См.: Иудифь. 8: 11–34; 9: 2–14; 16: 1–17.

⁹⁸ Рим. 8:32: «Тот, который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?».

⁹⁹ Пс. 87: 4: «Ибо исполнилась зол душа моя, и жизнь моя к аду приблизилась».

¹⁰⁰ Господи, сейчас карай, сейчас терзай, чтобы в будущем ты пощадил.

с крохотное горчичное зерно, но покорной, горячей и постоянной, то мы пойдем со св. Павлом, что: «Non sunt condignae passionis huius temporis ad futuram gloriam, quae revelabitur in nobis»¹⁰¹. Если часто от проповедников исходит это суждение, то не нужно переводить его на *volgare*. Состояние вдовства, в которое тебя недавно поместил Господь жизни и смерти, — это несчастье: но припасен им за это состояние, должным образом переносимое, в награду плод шестидесятый (*fructo sessagesimo*)¹⁰²; тогда как за состояние в браке плод тридцатый (*fructo trigesimo*). Следует понимать это так, что более совершенно и более угодно Богу пребывание в состоянии вдовства, нежели в состоянии брака, учитывая, что в том и в другом ты исполняешь долг по отношению к Господу. Когда всякое большое благо каждому хочется получить, но бывает не по силам; тогда согласно тому, к чему чувствует себя расположенным и Богом вдохновленным, пусть свободно избирает свою долю: девица сохраняет это достоинство [невинности] или обретает мужа; вдова вновь выходит замуж или следует чистоте горлинки, желая больше угодить Богу и стать более свободной в занятиях духовными делами. Советую тебе, что прилично было бы последовать святой вдове Анне¹⁰³, каковая, оказавшись лишенной единственного супруга, которому принадлежала, вся предалась Господу, пребывая в молитвах и постах. Но если не чувствуешь к этому расположения, то лучше подражать Анне, матери преславной Девы¹⁰⁴, чем бесчестной Самаритянке¹⁰⁵, каковую, тем не менее, Христос в великом милосердии избавил от греха и дал ей много своей воды¹⁰⁶. Если осталась со многими детьми, и велики труды, то такова же и заслуга. Постарайся быть отцом и матерью для них: отцом в том, чтобы наказывать и наставлять их, хотя бы даже им было по 60 лет, матерью — в том, чтобы питать их, но не лакомствами, а также

¹⁰¹ Рим. 8: 18: «Ибо думаю, что **нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас**».

¹⁰² То есть за состояние вдовства ожидает вдвое большая награда, чем за состояние в замужестве.

¹⁰³ Анна — дочь Фануила из колена Асирова, вдова-пророчица, прожившая с мужем всего 7 лет, в возрасте 84 лет удостоенная лицезреть младенца Иисуса на руках у Симона в храме Иерусалимском. См: Лк. 2: 36–38.

¹⁰⁴ Анна — святая Анна, жена праведного Иоакима и мать Богоматери, которую она родила после 20 лет бесплодия.

¹⁰⁵ Ин. 4: 7–26. У Самаритянки было «пять мужей».

¹⁰⁶ Ин. 4:13: «Иисус сказал ей в ответ: ...а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную».

не чрезмерными ласками, как это делают многие матери природные, а не духовные: хлеб и тумачи требуются детям. Другие необходимые дела побуждают меня закончить. Чаще вспоминай о конце своем, и что твои дела последуют за тобой, а не дети, не другие родственники, не имущество, не другие преходящие вещи; лишь твоя совесть перед высшим Судией обвинит или оправдает тебя. Каждый день отводи время для молитвы и больше читай, но не о Паладинах и прочих глупостях¹⁰⁷, а священные доктрины. Чаще совершай таинства, особенно исповедь — не реже 1 раза в месяц; учти, что следует избегать всякой фамильярности и интимных бесед с братьями, духовными и светскими: если они не являются твоими близкими родственниками, то всем им демонстрируй вид суровый и неприступный. Ограничивай себя во всякой мирской суетности, если не желаешь уподобиться тем вдовам, которых имел в виду Апостол, когда говорил: Вдова, которая проводит жизнь в сластолюбии, мертва для Господа¹⁰⁸. Честь и уважение, заслуженные твоей матерью и без наших наставлений, пусть естественно научат тебя: и чем они больше, тем больше от нее могут исходить лишь добрые примеры, не говоря о речах; каковыми ты можешь исправлять себя с моей стороны. Относительно сера Джованни¹⁰⁹, о котором ты написала мне рекомендацию: для него будет сделано так, чтобы он склонился к лучшему; мы прибегнем в отношении его к разумному милосердию, без того, чтобы похоронить справедливость. Но теперь я очень спешу. Пусть Христос просветит тебя и сохранит в кротости и милосердии своем.

24 марта 1449.

Письмо четырнадцатое

К моей благочестивой Даде

Отвечаю на твое последнее письмо. Бревиарий¹¹⁰ следует использовать каждый день, это — краткое чтение и сокращенное, которое ты

¹⁰⁷ Антонин советует Диодате не читать рыцарских романов.

¹⁰⁸ 1 Тим. 5: 4: «А сластолюбивая [вдовица] заживо умерла».

¹⁰⁹ Возможно, кандидат на должность в созданном Антонином религиозном братстве «Добрых людей Сан Мартино».

¹¹⁰ Бревиарий — молитвенник, краткое руководство, состоящее из коротких отрывков Священного Писания. Наибольшее распространение имел римский Бревиарий.

должна дать себе труд прочитать. Чтобы купить его, придется поискать, потому что их недостает. Любая молитва угодна Господу, и тем более, чем более набожно она творится: поэтому не буду вновь произносить должное. Послушания¹¹¹ я не использую иного, помимо того, которое установлено для меня Синьором Господом, о каковом сказал Псалмопевец: «Disciplina tua correxit me in finem: Disciplina tua меня направляет»¹¹². Оно различное и общее для всех: и ты старайся всегда выдерживать его, то, каковое используется в случае бедности, болезни, другой нужды, подлости, гонений, для управления фамилией или при искушении. Ручной труд не менее полезен, чтобы успокоить смятенный дух и укротить тело, особенно молодое: и когда хочешь к этому прибегнуть по совету исповедника, определи способ и время, и объем. В качестве такого исповедника, поскольку брата Бенедетто по его старости и занятости иметь невозможно, я дам тебе брата Алессандро или брата Лоренцо, каковые оба из Сан Марко. Твоя исповедь пусть будет 1 раз в месяц, а причащение 1 раз в два месяца в связи с какими-нибудь праздниками. И если ты хочешь вершить это в Сан Марко¹¹³, по той причине, что место это наиболее уединенное, то я разрешаю тебе, но на Пасху — в твоём приходе. Вступать в разговоры в обществе, в домах, даже у родственников ты должна как можно меньше и лишь по необходимости, но слушать в Церкви слово Божье и божественную службу — вот место твое. Не надо забывать заботу о детях, дабы они жили в страхе Божьем и сторонились дурных компаний. Остерегайся не только плохих поступков, но также дурных и пустых мыслей, каковые, как изгоняемые мухи, надоедливо возвращаются в сердце. Поэтому будь бдительна: как только таковая [мысль] коснется души, тотчас же гони ее и обрати свой разум к раздумьям о чем-нибудь благом. Когда гордость, я уж не говорю про гнев, тщеславие и самомнение, появившись по какой-либо причине, набросятся на тебя, тотчас заставь себя рассмотреть твою прошлую жизнь как пропасть грехов; имеется пример Люцифера¹¹⁴, кото-

¹¹¹ Disciplina — порядок религиозных молитв и служб на все случаи жизни.

¹¹² Пс. 17: 36: «Ты дал мне щит спасения Твоего, и десница Твоя поддерживает меня, и милость Твоя возвеличивает меня».

¹¹³ Доминиканский монастырь во Флоренции.

¹¹⁴ Люцифер — глава восставших против Бога ангелов. Ис. 14: 12–14: «Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу

рый только из-за одной мысли о собственной славе был низвергнут с небес. И когда противным ветром дом разума будет потрясен, то есть отчаянием или нерадивостью, из-за воспоминаний о прошлой жизни; то направляй душу к медитации бесконечного блага и милосердия божественного, а также страданий Христа, который удовлетворяет с избытком всех грешников, которые к нему вновь возвращаются. Добрая пища явится тебе с Магдалиной, Пелагией¹¹⁵, Марией Египетской¹¹⁶ и другими бесчисленными [святыми]. Гораздо труднее упорствовать в добре, нежели начинать; усилия тщетны, если не доводятся до конца. Ведь часто невозможно продолжать труд телесный или духовный без удовольствия. Наслаждения духа, почти постоянно терзаемого занятиями и склонностями дурными, разнообразны: «Panis cor hominis confirmet»¹¹⁷, — говорил Пророк о таинстве или о божественном слове. Часто читай и слушай духовные доктрины, но затем как овечка перерабатывай то, что ты потребила, медитациями и стремлением соблюдать эту доктрину. И если попадет тебе в руки одна книжечка, озаглавленная «О простой душе», каковую имеют обыкновение держать персоны, желающие прослыть духовными, то остерегись читать ее, потому что она опасна и многих извратила. Поскольку мужчина и женщина — животные социальные, то от компании с другими, если она добрая и благочестивая, получают много помощи и духовного утешения; то, что ты вступаешь в беседы с некоторыми другими набожными женщинами, я не порицаю; но не слишком-то быстро доверяйся каждой так, чтобы рассказывать свои тайны, и не внимай сразу ее убеждениям и советам; но прежде долго проверяй ее жизнь и молву [о ней]. Если захочешь исполнить данный обет, то сделай это быстро; отменить его невозможно и не должно обратить намерение к другим; если обет был дан братии Санта Кроче¹¹⁸, то для них и следует исполнить его, а не для других. Дай мне

престол мой и сяду на горе в сонме богов..., буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней».

¹¹⁵ Пелагия — видимо, мученица, пострадавшая при Диоклетиане в 290 г.: была по доносу своей матери сожжена в медном быке за то, что тайно приняла христианство и отказалась от брака.

¹¹⁶ Мария Египетская (VI в.) — святая, которая была блудницей в молодости, но, придя с паломниками в Иерусалим, обратилась и 47 лет прожила в покаянии в пустыне заиорданской.

¹¹⁷ Пс. 103:15: «И вино, которое веселит сердце человека, и елей, от которого блистает лицо его, и хлеб, который укрепляет сердце человека».

¹¹⁸ Францисканский монастырь во Флоренции.

знать о том, кого бы ты хотела порекомендовать для службы сиротам. Пусть Господь даст тебе свое благословение вместе с нашим. Пошлю тебе, может быть, один Псалтирь, в котором содержится много божественных служб. И прикажи сделать рясу для Франческо, а на будущее, когда ты будешь делать нам рясу или плащ, пусть будет длинным.

Письмо пятнадцатое

Моей благочестивой Даде

В утешение по случаю смерти ее сына

Поскольку я очень занят, отвечу кратко на твои письма. Что касается первого, то я думаю, ты можешь не сомневаться, твой сын, призванный Синьором, удостоен славы. То, что сказал Мудрый¹¹⁹: «Кто запретит матери оплакивать своего сына?»¹²⁰, сказал он соответственно инстинкту природному и чувственному, каковы сами по себе божественной благодатью не обуздываются полностью; для того, чтобы сдерживать их, существуют предписания разума: он благороден, но ничего не знает о высшей славе. Если любила ты своего сына должным образом, то есть более душу его, нежели тело; то какова же та мать, которая скорбит и плачет, когда точно известно, что ее сын спасен от смертных грехов и сделан повелителем мира? Я думаю, нет такой, которая сомневалась бы в нежности той благодати, каковая ему последовала. И если он по малолетству еще мало понимал тебя и другие вещи, и мало любил, то в настоящем интеллект его так пробужден, что по разнице и подобию тварных вещей, ему переданных и изначально свойственных, понимает душа его столь полно природные вещи, сколь не понять никакому философу мира; и благодаря свету славы, взирая на божественное величие видением полуденным, познает более высоко славного Господа, как никто из докторов в этой настоящей жизни, и ясным взором различает вещи сотворенные по вечному Слову, будто в некоем зеркале отражаются формы всех предметов, которые располагаются перед ним. А затем любовь следует за познанием, ведь чем больше вещь осознаваема как великое благо, тем больше

¹¹⁹ Имеется в виду, по всей вероятности, Ездра (Эзра) — священник-книжник, организатор иудейской общины после пленения. Традиция допускает, что Ездра принес из Вавилона текст Пятикнижия в Палестину под именем «книги закона».

¹²⁰ 3 Езд. 9: 38–47; 10: 1–15. Точное цитирование здесь отсутствует.

она любима; душа его в совершенстве понимает бесконечность божественной благодати, и столь же полна любовью к ней; а любя, безмерно наслаждается и радуется. И хотя он может осознавать твои нужды и печали, настолько его воля с другими святыми и Ангелами совпадает с божественной, что не станет просить за тебя ни он, ни какой-либо иной святой, тобой призываемый, если не увидит, что это угодно Господу, что их желание или просьбы не расстроят его. Если ты будешь ждать, что он явится тебе, чтобы показать свое состояние и утешить тебя, то это будет самонадеянностью, а также и искушением дьявола, отравляющего нас здесь своим ядом; ибо, согласно Апостолу, способен он превращаться в Ангела света, а также являться некоторым, как в образе Христа, так и в образе Марии и святых Ангелов, поэтому не следует увлекаться видениями.

Относительно того твоего вопроса, я не знаю, не продиктован ли он пустым любопытством, если ты спрашиваешь о том, что или выше твоих способностей, или ради некоего духовного утешения. Не может быть добрым израилит, если прежде не был якобитом¹²¹. Не будет состояния жизни созерцательной для того, кто прежде не потрудится в жизни активной; в каковой надлежит не только хорошо управлять фамилией и стараться в делах милосердия, материальных и духовных; но также побеждать искушения дьявола и умерщвлять чувственные страсти. Относительно призвания Господом, в руках которого находится жизнь и смерть наша, твоего супруга и твоего брата, ты делаешь упоминание во второй раз и последний; и если в первом случае добавилось тебе труда и забот по управлению семьей, каковое изначально должно исполняться им; то с этим возросли и твои заслуги, если исполняешь ты то, что должно: «Unusquisque propriam mercedem accipiet»¹²² — говорил Апостол относительно своего труда; но с другой стороны Господь освободил тебя от долга супружеского, чтобы более свободно могла ты отдавать себя Богу. Понимала это одна юная святая, как рассказывал святой Иероним¹²³, когда умер ее супруг, не

¹²¹ Израилит — от имени Израиль (евр. «борец с Богом») Оно было дано Иакову после его таинственной борьбы ночью с Богом. См.: Быт. 32: 24–29. Израилитами называют иногда весь народ еврейский как происшедший от 12 сыновей Иакова, а также Церковь христианскую как духовный Израиль. Очевидно, Антонин имеет в виду толкование апостола Павла. См.: Рим. 9: 6–8.

¹²² 1 Кор. 3: 8: «Насаждающий же и поливающий суть одно; но **каждый получит награду по своему труду**».

¹²³ Святой Иероним (340/350–420) — учитель Западной церкви, аскет, выдающийся богослов, автор Вульгаты — латинского перевода Св. Писания и

пролив ни одной слезы, подняла она глаза к небу, сказав: «Синьор, благодарю тебя за то, что ты освободил меня, чтобы могла я во всем служить тебе». Относительно твоего брата, то поскольку он был долго и тяжело болен, и болезнь сделала его жизнь невыносимой, он смог хорошо подготовить душу, видя каждый день стоящую перед ним опасность, ты также должна утешиться. Ни о том, ни о другом ты не должна думать, что они вознесены в рай, ни о том, что они пошли в ад как грешники; но смиренно полагать, что они в чистилище, подвергаются наказанию, превышающему всякую мирскую кару и огонь (наподобие карцера очень темного и зловонного, удерживающего благороднейший дух), вдали от созерцания блаженства, столь ими желаемого: но все же содействием нашим могут быть возвышены, если за них должным образом просить и творить другие добрые дела. Начиная по возможности браться как можно скорей за имущество и детей. Никого не покидает Господь; но его избранные иной раз покидают его и часто заставляют ждать себя, как во временных делах, так отчасти и в духовных, но после того как подвергаются испытаниям, узнают свою немощность и к Господу направляются с большей набожностью.

Так как любители мирского, чем больше у них растут прибыли в земной жизни, тем больше склонны ради этого стараться; полагаю, что усталость в делах ради Господа может проистекать ни от чего иного, как лишь от маловерия. Если творится добро ради управления семьей и из-за своих грехов, не останется оно без награды, если делается со смирением, с обращением к Господу от грехов. Оплакивал Иисус Христос, наш спаситель, друга Лазаря, видя, как плачут Мария и Марфа, его сестры, не столько из сострадания к ним, но больше из сострадания к нему, озирая опасности, для которых он его вновь призвал от покоя¹²⁴. Возвращаясь к первому¹²⁵, кажется мне, что ты хочешь стать Марией: я же думаю, что Синьор желает, чтобы ты теперь пребывала Марфой, каковая заботилась в доме о множестве разных вещей. Говорится в *Vita Patrum*¹²⁶ одним из духовных наставников согласно его

комментариев к нему. Состоял в переписке с благородными и знатными римлянами, его духовными дочерьми, руководил женскими монастырями. В письмах много внимания уделял морально-нравственным проблемам.

¹²⁴ См.: Ин. 11: 17–44.

¹²⁵ Имеется в виду первый вопрос, на который отвечает Антонин в письме. Видимо, Диодата заявляла о своем желании уйти от мира.

¹²⁶ *Vitae Patrum* («Жизнеописания отцов») — сочинение Святого Иеронима, в котором повествуется о жизни египетских монахов.

опыту: «Когда ты видишь начинающего в службе Богу новичка, который желает вознестись в небеса, свали его к ногам и сбрось его на землю; поскольку не следует ему столь быстро взлетать». Ведь сосуществовал Иисус в одном доме с Марией и Марфой вместе. Устремись к телесному и духовному воспитанию своих детей, чтобы не менее мужественно бороться против искушений врага; побеждая одно, ожидай другого: всегда будь бдительна и вооружена щитом религии, забралом надежды, панцирем милосердия, броней веры, поясом целомудрия и ножом слова Божьего. Слаб враг со всем своим злом; поэтому он не победит, если не позволить ему победить: а твой союз очень силен благодаря Святым Ангелам. Не выходи за пределы дома без необходимости: избегай всякой близости с мужчинами, какого бы состояния они не были: молись много, болтай мало и направляй свой разум к Богу. Когда будешь писать мне, оставь любые слова приветия, почтения и приязни и лишь излагай нужду свою, какова она есть: ведь я отвечаю без всяких преамбул. Достаточно этого, ведь говорил святой Иаков: «Orate pro invicem, ut salvemini»¹²⁷. Флоренция. Наспех и не перечитывая, поэтому не знаю, может, каких слов и недостает у нас.

Письмо шестнадцатое

Моей благочестивой дочери Даде

О Франческо, твоём сыне, я сомневаюсь, что он не переменится, я не говорю о намерении стать клириком, потому что не этому следует уделять внимание, но свободно разрешить ему избрать долю, стать клириком, монахом или светским человеком. В доме Отца небесного, Церкви воинствующей и торжествующей, есть много должностей различных состояний: кто склонен к одному, а кто к другому, лишь бы в этом доме они все обретались, вне коего находятся не только неверные, но и дурные христиане, те, кто не имеют божественной благодати, которая утрачена ими из-за смертных грехов. Ведь первое, чему предаются дети, начав пользоваться разумом, отчего утрачивают они благодать крещения, — это грех бесчестия; к нему они побуждаются дурными компаниями, плохими примерами и лестью, которыми наполнен мир. Сдерживай немного его дурные наклонности (те, которые изначально

¹²⁷ Иак. 5: 16: «Признавайтесь друг пред другом в проступках и **молитесь друг за друга, чтобы исцелиться**; много может усиленная молитва праведного».

присущи) частыми поучениями других и замечаниями со стороны родственников, исповедников и проповедников. Редко приходит он ко мне, и не знаю я, с кем он водится. А тебе надлежит часто поучать его и направлять; хотя и свободен он в выборе пути греха или добродетели, но в том возрасте, когда поддается внушению. О тех, которые сопровождают его в этом мире, что очень важно, нам следует основательно поразмыслить. Синьор, от которого всякое благо проистекает, будет к нему милостив, потому что знает его и любит, как и тебя, и других твоих детей и родственников; молись за меня.

Письмо семнадцатое

Вчера получил твое письмо; но поскольку тогда был занят, не мог ни прочитать его, ни ответить: затем прочел его, и, что касается первой части — о преходящем, то я написал записку и отослал ее должностным лицам сирот, прося их, чтобы дали место тому, о ком ты их просишь. Что касается части второй, — о духовном — то позволь мне найти время, чтобы написать. Поскольку я за городом, у меня хватает дел. Я отвечаю тебе, если ты не уедешь вскоре на виллу. Я думаю, было бы полезно, если бы ты смогла заодно прийти к Сан Сальваторе, в церковь архиепископства. Я окажусь у вас во Флоренции в воскресенье, и в положенный час буду служить вечерню в большой церкви. Если же ты имеешь большую склонность к Сан Марко, пойдешь туда после вечерни. Если у тебя нет другого сопровождения, постарайся узнать у монны Козы, сможет ли она пойти с тобой туда. Более ничего об этом. Уладь с официальными лицами, чтобы они дали тебе в свободное распоряжение имущество приданого, а не в пользование, чтобы ты расходовала имущество, а не только держала его в пользовании. Прежде всего, сейчас сделай это.

Пусть Христос даст тебе покой, согласие и добрую рассудительность.

Письмо восемнадцатое

К возлюбленной во Христе Даде

Брат Антонино, архиепископ Флоренции, *salutem plurimum dicit*¹²⁸, возлюбленной во Христе Даде. Чтобы не держать тебя в тревоге и вол-

¹²⁸ Произносит множество приветов.

нении, в ожидании ответа на свое письмо из-за моей занятости, коротко и быстро призову тебя к чистосердечному страху и любви к Господу. Прошлое время, попусту потраченное, вынуждает тебя к тому, чтобы остаток жизни своей ты посвятила Господу, насколько это возможно; если не как Мария Магдалина, очень легкомысленная, но также всегда искренняя, вся предавшаяся затем созерцательности, то хотя бы как сестра ее Марфа, посвятившая себя с большой набожностью деятельной жизни и управлению семьей. Краткосрочность, иллюзорность, изменчивость земного счастья и мирских удовольствий демонстрирует тебе твой опыт; и даже если хотя бы некий осадок божественной благодати отстоялся у тебя в сознании, я думаю, ты сможешь познать, насколько более приятное и полезное дело — служить Господу и любить его искренним сердцем. Разум, если кто захочет к нему прислушаться, всегда будет побуждать тебя к лучшему. Избегай, насколько можешь, общения с людьми, если хочешь говорить с Богом и понимать голос его; тот, кто желает обрести дух уединенный, чуждается мирских страстей. Молитва и божественное чтение — вот твое прибежище; а помимо мессы и проповеди не стоит никуда ходить для болтовни, если тебя не вынуждает к этому крайняя необходимость. Чаще контролируй совесть свою, и то, что на ум взбредает, чтобы пустые мысли не гнездились в нем. Часто ходи на исповедь, и исповедуйся у персоны богобоязненной. Не вверяйся своему доброму намерению, но чаще со слезами умеряй его. Теперь призывают меня другие дела, поэтому заканчиваю. В эти дни подали 100 флоринов милостыни, и поэтому немного имеется у нас сейчас; хотя бы для небольшого вознаграждения кормилице, чтобы оказать помощь.

Христос пусть хранит тебя и да возрастет его милость.

Письмо девятнадцатое

Монне Даде

Дочери сер Паоло ди сер Ландо и супруге Бальдиначчо Адимари

*Dominus regit me, et nihil mihi deerit, in loco pascuae ibi me collocavit*¹²⁹ — сказал Псалмопевец о себе и о каждом, избранном Господом, будь то мужчина или женщина: Синьор управляет мной и руководит, и нет того, что бы доставало мне, столь щедро он меня наде-

¹²⁹ Пс. 22: 1–2: «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим».

ляет. Но следует понимать, что речь идет о вещах, необходимых для спасения, поскольку в том, что касается тела, Синьор позволяет, чтобы ему не хватало многих вещей, и испытывало бы оно немало лишений и нужды, дабы люди упражнялись в терпении, и возрастал бы их венец. Поместил меня Господь — добавляет Пророк — на месте пастбища, как свою овечку. Но помимо общего руководства, которое Господь осуществляет над всем, позаботился он и об особых пастырях в городе для своих овец: в число которых он поместил и меня, хотя и недостойного такого поста, а ты являешься одной из овечек, мне порученных, жаждущей вкусить немного духовной пищи; и я открою перед тобой также пастбище его Священного Писания, откуда ты получишь некоторую закуску. Пророк Иов, редкий пример смирения, говоря о персоне, ввергнутой в несчастья и испытания, а затем обласканной, заключал: «Наес omnia operatur Deus tribus vicibus»¹³⁰. Трижды, говорил он, испытывает Господь этим чередованием, посылая грусть, а потом утешение для всех избранных своих. И в первый раз, когда творение, еще в младенчестве получившее крещение, начав пользоваться разумом, по инстинкту и природному стремлению к добру, получая удовольствие от божественного дара благодати, направит себя к преславному Господу, избирая его и осознавая его своей конечной целью и суммой блага, и решит согласно его воле строить свою жизнь. Но чувственность, каковая начинает распускаться и открывать глаза на мирские вещи, которые все подходят для ее аппетита, не соглашается с такой долей, потому что «*caro concupiscit adversus spiritum*» — как говорил Апостол; и также желая испытывать удовольствия, она посылает против духа множество стрел различных страстей, чтобы пронзить его крепость; но дух *adversus carnem*¹³¹, если он доблестный, заграждается щитом веры и ею укрепляется, атакуя умерщвлением страстей, бодрствованием, постами, дисциплиной и другими строгостями. Невозможно оказаться непричастным и неуязвимым в этой баталии, каковая идет рядом и постоянно. Но гораздо большую тревогу и борьбу приходится выдерживать грешнику, будь то мужчина или женщина, каковой теряет невинность крещения и предается ничтожеству пороков, перестав обуздывать мерзкую чувственность

¹³⁰ Иов. 33: 28–29: «Он освободил душу мою от могилы, и жизнь моя видит свет. Вот, все это делает Бог два-три раза с человеком».

¹³¹ Гал. 5: 17: «...ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся, так что вы не то делаете, что хотели бы».

ради всякого своего удовольствия; и, вывернувшись из рук создателя, весь предается мирской суетности. Такой несчастный, который идет, направляемый ударами шпор прямо в ад, не видя своего смертного греха, призываем оком бесконечной благодати и милосердия Божьего, как был призываем Петр, когда, после того как отрекся от Христа, по зову *dell'ancilla*¹³² (каковая означает чувственность, поработившую разум, в котором инстинкт отрекается от Христа дурными делами), начал осознавать свое ничтожное состояние и оплакивать такую ошибку; и чтобы лучше предаться скорби и вернуться к настоящему разумению, он оставляет вместе с Петром дурные компании, и чем больше думает о своей слепоте и своей бесчестной жизни, тем больше стыдится и видит свою неблагодарность и предательство, которое он совершил по отношению к своему доброму Господу. Зная, тем не менее, его безграничное милосердие, не отчаивается, а следует тому, что велит долг перед ним; и поэтому решает во всем изменить жизнь и поставить предел побуждениям со стороны чувственности, чтобы она не была столь разнузданна. Узрив эту *ancilla*, не вздумай играть с нею, но приготовься к борьбе и возмутись духом, ибо приведет она себе в помощь древнего змия; и этот адский змий будет побуждать ее сражаться, как побудил первую женщину Еву искушить и совратить Адама, который есть образ разума. Итак, Демон вместе с чувственностью выставляют перед таким грешником, который хотел бы вновь вернуться к Господу, его наслаждения и суетность: множество бывает ему обещано других вещей, но мало он получает, и оказывается обманут во всем. Разум (*la mente*)¹³³, ощущая уколы таких напоминаний, понимая, что, если он согласится воспротивиться идти по их путям, позволить светские компании, мирскую славу, нечестивые дела людей и приготовится преодолевать несправедливости и обманы, ощущает великую тоску и вступает в сражение с духом. Но если он преисполнится силы и победит себя самого (никаким другим способом невозможно достичь небесного царства, кроме обуздания своих желаний, как сказал Учитель истины: «*Regnum Coelorum vim partitur, et violenti rari-*

¹³² *Ancilla* (лат.) — служанка, рабыня. Этим термином Антонин обычно обозначает чувственную часть души.

¹³³ В этом письме заметно стремление Антонина отделить понятие «разум» (*la mente*) как низшую часть сознания, связанную с чувствами, инстинктами, страстями, от «интеллекта», «высшего разума» (*la ragione*), как его высшей части, связанной с духом.

unt illud»¹³⁴), вступив на тернистый путь истинного покаяния, чтобы вернуть душе все утраченные добродетели; тогда познает великое утешение, видя свое заблуждение, получит большое удовлетворение, которое испытал Петр, когда, после горько оплакиваемого им отречения, Христос, простив ему его заблуждение, явился ему воскресшим к великой его радости и восторгу. Если же не вернешься к истинному покаянию и исповеди в своих грехах, думаю, ты понимаешь меня, и другое удовлетворение и покой станешь искать в своем разуме, тогда очутится он между шипами беззакония, которые постоянно станут впиваться в душу и в тело, но, если заснет душа, то они не будут ощутимы. И этого достаточно для первого раза, приходится говорить кратко ради других занятий. Второй раз, когда производит великий Господь перемену состояния скорби в состояние утешения души, случается, если человек недостаточно укрепляется в том, чтобы творить благо, и очень сильно отдалается от разума¹³⁵, который всегда побуждает не только к хорошему, но и к лучшему; направляемый божественной духовностью и ведомый добрым Ангелом, который дан ему для охраны, он склоняется к изменению условий — или покинуть все мирское, или, оставаясь в миру, жить как священник, к каковому состоянию приближается вдовство, должным образом соблюдаемое. Снаружи выступает в битву против такой позиции в первую очередь чувственность, которой кажется трудным и невозможным выдерживать эту суровость, и не следует с ней соглашаться, но всегда держаться, усмиряя, обуздывая и умерщвляя страсти; родственники и друзья более по телесному началу станут много докучать, чтобы он согласился с не очень хорошими мирскими обычаями; и дьявол будет обещать долгую жизнь для возможности творить добро в любом состоянии, выставляя вперед примеры и Анны, матери тех дочерей, каковые являлись сестрами девы Марии, матерями тех Апостолов и женами трех мужей¹³⁶, и Сусанны¹³⁷, жены богатого и знатного человека Иоакима,

¹³⁴ Мф. 11: 12: «От дней же Иоанна Крестителя донныне **Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают Его**».

¹³⁵ La ragione.

¹³⁶ В Писании ничего не говорится о сестрах Марии, кроме: Мк. 6: 3: «Не плотник ли он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона?» — свидетельство о том, что у Христа были братья. Мк.: 15: 40: «Были тут и женщины, которые смотрели издали: между ними была и Мария Магдалина, и Мария, мать Иакова меньшего и Иосии, и Саломия». Мк. 15:47: «Мария же Магдалина и Мария Иосиева смотрели, где Его полагали». Также см.: Ин. 19:

столь честной и постоянной; Давида, Езекии и Джозии¹³⁸, царей коронованных и очень могущественных, с их женами и детьми, скорее дурными, чем добрыми, после того как их отцы были так Богом облагодетельствованы; святой царицы Эсфири, жены великого монарха Артаксеркса¹³⁹, владельницы 117 провинций; и лучше не начинать, чем потом возвращаться назад, что случается со многими. Находится разум¹⁴⁰ в большом недоумении между да и нет; а дьявол, чтобы заставить его остыть в отношении всякого доброго намерения, противодействует новыми муками или причудливыми искушениями, которые еще не были испытаны в прошлом; и все это по божественному соизволению, чтобы был он испытан и проверен, крепко ли его намерение или всего лишь дым от хлеба горячего. Если оно действительно таково, то чем больше препятствий будут вставать на пути у него, тем больше будет крепнуть святое стремление стать более свободным на пути к Богу и самому совершенному состоянию. И если не сможет полностью уйти от мира по различным причинам, уйдет с таким результатом, что все его желание будет направляться к тому, чтобы угодить Богу; подразумевая, что *omnia vanitas*¹⁴¹ и все мирские удовольствия станут как бы снами, в которых он ощутит, как усыпляется желание вкусно поесть, пользоваться множеством вещей и слуг, и возбуждается стремление иметь сухой рот, пустые руки и довольствоваться

25: «При аресте Иисуса стояли Матерь Его и сестра Матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина». Имеется апокриф «Евангелие от Псевдо-Матфея», в котором говорится, что у Анны, матери Марии, было два мужа и три дочери. См.: Лебедев А. П. Братья господни. СПб, 2004.

¹³⁷ Сусанна — одна из святых жен, служивших Христу, предоставляя свое имущество, когда он проповедовал царство Божье. См.: Лк. 8: 1–3.

¹³⁸ Джозия — Озия, царь Иудейский. Пока следовал заветам Бога, государство его процветало, и все деяния были удачны. Но «возгордилось сердце его на погибель его», и он пошел в храм Господа, чтобы возжечь фимиам на алтаре. Когда священник Азария с 80-ю другими пытался его от этого отговорить, царь впал в гнев, и был сразу же поражен проказой до конца дней своих. См.: 2 Пар. 26: 1–23.

¹³⁹ Эсфирь — иудейка, воспитанная Мардохеем и ставшая женой могущественного ассирийского царя из династии Ахеменидов Артаксеркса I. Действия Эсфири позволили разоблачить козни военачальника Амана против иудеев и спасти иудейский народ от истребления. См.: Есф. 2–10.

¹⁴⁰ La mente.

¹⁴¹ Всяческая суета.

валиком¹⁴². Но если творение упорствует в добре, побеждает искушения и радостно выносит испытания, как большие награды, ниспосланные великим Господом, ценит друзей и родственников лишь настолько, насколько предписывает разум и доброжелательность, ревностно стремится к своему спасению и к тому, чтобы угодить своему супругу Господу больше, чем ревнивая жена стремится угодить своему мужу; тогда каждая тягота и несчастье обратятся в большой праздник и утешение. И когда будут оставлены мирские преграды, и с любовью начнет он свое возвышение к горным высям, чтобы увидеть Христа, воплощенного с великой ясностью, тогда, упоенный этим утешением, скажет с Петром: «Domine, bonum est nos hic esse»¹⁴³. Стремился он сделать три кущи, где обитает разум его: одна для Христа, в которой он обретается, преимущественно медитируя и следуя заповедям его святейшей жизни; другая — для Моисея, подателя древнего закона и доктора первого из наших Писаний¹⁴⁴, которые должны быть часто читаемы, чтобы согласно их доктрине направлять себя, третья — для Илии¹⁴⁵, перенесенном в Парадиз не земной, а небесный, для обдумывания и созерцания славы его¹⁴⁶. Но прежде божественный вкус заставляет испытать горечь в любой мирской радости, в восхождении *hic labor, hic opus est*¹⁴⁷ к великому познанию. Ведь потому природа не дает человеку крылья для полета, что создатель ее, Творец блаженный, предусмотрел для него лестницу, по которой следует от высокого восходить к более возвышенному: «Ascensiones in corde suo disposuit in valle lacrimarum»¹⁴⁸, — говорил Псалмопевец о праведном человеке;

¹⁴² Вместо подушки.

¹⁴³ Мф. 17: 4: «При сем Петр сказал Иисусу: **Господи! Хорошо нам здесь быть**; если хочешь, сделаем здесь три кущи: Тебе одну, и Моисею одну, и одну Илии».

¹⁴⁴ Т.е. Пятикнижие Моисея (пять первых книг Ветхого Завета).

¹⁴⁵ Илия — пророк, ревностный поборник религии Яхве и обличитель идолопоклонства. Жил в царствование Ахава, жена которого финикийка Иезавель насаждала культ Астарты и Ваала. Илия был взят живым на небо.

¹⁴⁶ 4 Цар. 2: 11: «...вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и вознесся Илия в вихре на небо».

¹⁴⁷ «Вот дело, вот в чем трудность» - древнеримская пословица. Встречается в «Энеидах» Вергилия. См.: Энеиды, книга VI.

¹⁴⁸ «Горние чертоги в сердце своем поместил в юдоли слез». См: Пс. 83: 6–7: «Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого **в сердце стези направлены к Тебе. Проходя долиною плача**, они открывают в ней источники, и дождь покрывает ее благословением».

он имеет такую склонность и порядок в сердце своем, что даже когда находится в этой юдоли слез, то восходит как бы по ступенькам лестницы к высочайшей вершине горного царства. Обратись к первой ступени сокрушения, то есть к великой скорби о своих грехах, поскольку они оскорбляют Создателя твоего. Каждый день хотя бы один раз спрашивай свою совесть и теперь к этому особенно будь склонна, к концу своих дней; и видя то, что оскорбляет Господа твоего в мыслях, словах, действиях, признавай свою вину перед лицом его, как и все другие грехи, коих не знаешь или не помнишь, и которых много больше, чем осознаваемых: «*delicta ejus qui intellit?*»¹⁴⁹ — сказал Пророк: никто полностью; и старайся предохраниться от них на будущее, оставив в настоящее время почти все из них, то есть гордость, тщеславие, жадность, нерадивость, гнев, зависть, похоть и обжорство, все смертные грехи, которые отчуждают душу от жизни в вечной благодати; но они не всегда являются смертными грехами, а лишь когда преисполняются злобой. Так, гнев, проявляемый матерью или отцом к недостаткам маленьких детей не является смертным грехом; но лишь когда он несправедливо превращается в сознательную ненависть к другим: также и с иными. С этой ступени я побуждаю тебя подняться еще выше, показав то, о чем говорил умнейший Соломон в поговорке: «*Septies in die cadit justus*»¹⁵⁰. Высоко такое состояние, стремись теперь помогать ему и благоприятствовать; возвращаясь к надежде, очищайся покаянием, поскольку без него ничего не достигнешь. Но если человек будет жить в страхе божьем, как добрый христианин, он возымеет великую надежду на божественную благодать, которая не покинет его в самом крайнем случае. Пройдя эту ступень, самую трудную и страшную, до смерти или победного испытания, последует за духом, после того, как он будет хорошо очищен от всякого порока и заплатит всякий долг вины за свои грехи или в миру, или в Чистилище, и тогда получит радость и утешение в славе, которая не имеет конца. «*Euge serve bone et fidelis*»¹⁵¹ — скажет Синьор; потому, что он был твердым в

¹⁴⁹ Пс. 18: 13: «**Кто усмотрит погрешности свои? От тайных моих очисти меня...**»

¹⁵⁰ Притч. 24: 16: «**Ибо семь раз упадет праведник и встанет; а нечестивые впадут в гибель.**»

¹⁵¹ Мф. 25: 21: «Господин его сказал ему: **хорошо, добрый и верный раб!** В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость Господина твоего».

приумножении талантов, милостиво предоставленных, удостоился радости своего Синьора, истинного блаженства, каковое содержит в себе одно только добро. И потому прекрасно и благочестиво сказал святой Ансельм¹⁵²: «*Quid vagaries per multa, o homuncio?*»¹⁵³. О, *omicciolo*¹⁵⁴, почему ты блуждаешь? болтая о стольких вещах, ища блага для тела твоего и твоей души? Люби и ищи того блага, которое есть сумма всех благ: это — Господь, который обретается совершенно и вечно в отечестве, и этого тебе достаточно. Если тебе нравится красота, каковая не может быть без блеска, то там Святые сияют как солнце, как говорил учитель истины; если тебе нравится здоровье и долгая жизнь, то болезни, немощи и сама смерть туда не приближаются, если любишь богатство и славу, то, как говорил Псалмопевец: «*Gloria et divitiae in domo ejus*»¹⁵⁵; найдется там и сила, и честь, и владычество, все являются там коронованными королями и королевами, синьорами и мадоннами всей вселенной; если ты алчешь наук и познания вещей, то разве есть такие вещи, которых бы там не знали, ибо в их счастливом состоянии разве не познают они воочию того, кто знает все? Если к мелодиям песен и музыки склоняется твое желание, в царстве Синьора беспрерывно звучат инструменты святых, и ангелы без конца распевают: «*Sanctus, Sanctus, Sanctus Dominus Deus Sabaoth, plena est omnis terra Gloria ejus*»¹⁵⁶. Каковые песни и музыка полны столь нежной гармонии, что наши внизу плачут. Если пищи мы пожелаем, то там найдется и хлеб жизни, удовлетворяющий всякий изысканный вкус, более чем манна, данная отцам в пустыни. Любовь влечет каждого, но к тому, чтобы иметь вещи только возвышенные и любовь к истинной дружбе, основанной на честной сумме добродетелей и жизни совершенной: того желают святые, чего желает Святой над святы-

¹⁵² Святой Ансельм — Ансельм Кентерберийский (1033–1109). В 1060 г. стал монахом, затем настоятелем одного из монастырей в Нормандии. В 1093 г. Ансельм был избран архиепископом Кентерберийским. Из-за разногласий с королями Вильгельмом II и Генрихом I дважды покидал свою епископию. В многочисленных богословских сочинениях Ансельм пытался дать философское обоснование христианской веры в духе реализма, рассматривал вопрос о свободе воли.

¹⁵³ «Зачем блуждаешь много, о, человечиска?»

¹⁵⁴ Человек.

¹⁵⁵ Пс. 111: 3: «Слава и великолепие в доме Его, и правда Его пребывает вовек».

¹⁵⁶ Ис. 6: 3: «Свят, свят, свят Господь Саваоф, вся земля полна славы его!»

ми, и соответственно того, что хочет один, того и другие в таком количестве, которое нами не может быть исчислено. О! как будет счастлив тот, кто этого града достигнет! В заключение — держи перед своими очами разума два града: адский Вавилон и высший Иерусалим: одного из них ты достигнешь! Первый наполнен всяческой мерзостью и вечной карой, чуждой всякого снисхождения, второй полон всяческого блага и всевечной радости. В первый попадают по грехам, во второй по истинным добродетелям. Если ты имеешь какую-нибудь печаль, подумай о том, какова она, и какое другое зло может постигнуть тебя из-за нее, и потому сохраняй покой, чтобы туда не попасть. Если ты обладаешь неким благом, думай о том, что наибольшим благом обладают блаженные, ибо они владеют им вечно, и потому благодарите Господа и стремись скорее войти в этот высший Иерусалим, где имеются все блага, и никакое зло не смеет к нему приблизиться; в который высший Пастырь ведет нас. Не думал написать столько и потому откладываю. Аминь.

Письмо двадцатое

К этим благочестивым женщинам

На слова псалма 44: «Слыши, дочь ...»¹⁵⁷

Любимые дочери во Христе, после должного привета — наше благословение. Поскольку подобает пастырям навещать своих овец на добром пастбище, как и тех, что блуждают, чтобы найти приют в овчарнях, дабы не были они пожраны волком; исполняя в настоящем пастырский долг, осознаю, что моя великая обязанность в том, чтобы предусматривать нужды ваши, как духовные, так и временные; но если в прошлом я посещал вас персонально, давая вам некоторое краткое наставление, в настоящем я навещаю вас этим письмом, помещая вас на более просторное пастбище того, что вы должны делать. Я буду основывать нашу речь на стихе из Псалтири, каковой часто вы производите при службах, то есть: «Audi filia, et vide, et inclina aurem tuam, et obliviscere populum tuum, et domum patris tui: et concupiscent rex decorum tuum»¹⁵⁸.

¹⁵⁷ Один из псалмов Давида. См.: Пс. 44: 11 и далее.

¹⁵⁸ Пс. 44: 11–12: «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает тебя Царь красоты твоей».

Все вы предназначены Иисусом Христом для вашей профессии. «Despondi enim vos uni viro virginem castam exhibere Christo»¹⁵⁹ — говорил святой Павел в этом отношении. Все усилия супруги направлены к поиску того, как можно угодить, и стать любимой мужем своим: и если так поступает жена земного мужа, ничтожного и смертного, насколько больше должна поступать так супруга славного и бессмертного Христа, господина вселенной! Но говорит псалом, который приводился только что: «Concupiscet rex decorem tuum»¹⁶⁰: то есть «Царь рая возлюбит твою духовную красоту», то есть твою душу, свою супругу, если ты станешь соблюдать то, о чем будет сказано впереди, то есть: «Audi, filia», «слушай, дочь, сотворенная Господом, и смотри», то есть хорошо обдумай то, что я говорю, и склони уши своего разума к покорности; и забудь ты народ свой, то есть страсти и искушения; не следуй им; и дом отца своего, то есть мир, и ничего этого не желай. Начни поэтому, о дочь Господа, если ты хочешь быть любима Христом, своим супругом, и им обладать в жизни вечной, соблюдать его предписания. Ты можешь сказать [вместе] с юной девой, которая спрашивала, что должно делать, чтобы иметь жизнь вечную, каковы эти предписания? И я отвечаю и объясняю способом наиболее кратким, подходящим для вашего положения, что есть средство — каждый должен познать грехи свои, большие и малые, я не говорю все, потому что Писание было бы слишком длинным, но некоторые наиболее распространенные.

Inclina поэтому aures tuas, то есть надо подчиниться первому предписанию, которое есть корень и основание всех других, а именно: «Diliges Dominum Deum tuum ex toto corde tua, ex tota anima tua»¹⁶¹; возлюби твоего Синьора Господа всем сердцем твоим. Каковой вещи ты добивайся любым способом; потому что он — универсальное благо, в котором собраны вся доброта и совершенство; и от него получает каждая из вас все блага природы и благодати; благодать славы он припасет для тебя, если ты покоришься. Он, воплощенный, искупил тебя своей благородной кровью, находясь на кресте; он направляет тебя и постоянно наставляет тебя; в нем находится благодать для каждого любящего, то есть умиротворение и покой души. Если ты хотя бы немного осознаешь себя самое, то ты увидишь, насколько ты неблаго-

¹⁵⁹ 2 Кор. 11: 2: «Ибо я ревную о вас ревностью Божиею; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою».

¹⁶⁰ И возжелает тебя Царь красоты твоей.

¹⁶¹ Возлюби Господа Бога своего всем сердцем твоим, всей душой твоей.

дарна за блага, от него полученные, и почти никак не отвечаешь на любовь его, к тебе обращенную, но чаще любишь порочные творения больше, чем его. Второе предписание, подобное первому — любить ближнего, как себя самого.

Inclina aurem tuam, соблюдать это, значит искать и добиваться спасения ближнего, как самого себя. Плохо исполняет такое предписание тот, кто не терпит недостатков ближнего и особенно того, с кем общается. Только Господь без греха; а тот, кто полагает, что он без недостатков и неотягощен грехами, является слишком гордым. Как ты желаешь быть терпимой окружением со своими недостатками телесными и духовными, так имей милосердие выносить их у других. Не братским милосердием, а великой жестокостью будет не предупреждать, а снисходительно принимать недостатки окружения; когда ты не хочешь их исправлять и указывать на них своим старшим, чтобы они могли [об этом] распорядиться. Это свойство и особенность детей — не обвинять, чтобы не быть обвиненными; но истинно верующий желает, чтобы его поправили и предупредили, не только старшие, но и младшие.

И после предписаний милосердия, *inclina aurem tuam*, дабы подчиниться десяти заповедям божественного закона. Первая — чтобы ты не помышляла и не устремляла свою надежду и обожание ни на кого другого, кроме одного истинного Господа, Отца и Сына и Святого Духа: и не только не высматривала в каком-нибудь волшебстве, или снах, или других суевериях, которые являются светскими грехами, но также и не творила бы кумира из какого-либо создания, вследствие чего обращается к нему всякий помысел и поклонение, кои должно направить Создателю. Начало идолопоклонства, как говорят, было заложено Нином, каковой по чрезмерной любви, питаемой им к умершему отцу, приказал создать статую в его честь, и, поклоняясь ей, разрешил ставить идолов¹⁶². Из других вещей, к которым человек может обратиться надежду и любовь, имеется у нас одна, которой обманываются многие служители божьи: проявление чрезмерного обожания к какой-либо из духовных персон и подражание какому-нибудь качеству, которое у

¹⁶² Упоминаний об ассирийском царе Нине нет ни в одном источнике восточного происхождения, лишь в греко-римской литературной традиции его имя встречается у Геродота и Ктесия Книдского. Святой Августин считал Нина одним из первых царей Ассирии. Имеется версия, что первым был Бел, отец Нина. См.: Комментарий В. М. Тюленева к изд. Павел Орозий. История против язычников. СПб., 2004. С. 115–116, 236.

нее имеется, делают из нее единого своего Бога, не думая о том, что можно заблуждаться и впасть в грех; заботы и мысли, которые должно направлять Богу, к той персоне обращают, и слишком тесно с ним общаются, не опасаясь обидеть или скандализовать других; и многие на этом ломали себе шею.

От любой клятвы должна всегда удаляться религиозная женщина (монахиня): сколь бы она не была правдивой, следует воздерживаться от нее, как от святотатства; и не упоминать всуе имя Господа и Святых, иначе, чем с великим почтением. И это есть вторая заповедь.

Inclina aurem tuam, чтобы соблюдать должным образом предписанные праздники. Но не оставайтесь праздными, слушая новеллы или болтая без нужды; в праздник стремитесь молиться чаще, чем в другие дни, и с большим благочестием исполняйте службы, читая и слушая о жизни Святых, и предавайтесь молитвенным медитациям; осознавая, что ты можешь умереть, не зная, где и когда будешь призвана, ибо хорошо сказано им: «*Estote parati, quia nescitis diem neque horam*»¹⁶³. И если в другие дни не следует оставлять никакого благого дела, если наступил его час, помышляя о страстях Христовых, то тем более в праздник должно этому предаваться; и если трудно тебе покажется оставаться замкнутой, умерщвляющей плоть и покорной, подумай о карцере и адском пламени, который познают те, кто поступают по своей воле; и затем помысли о том, сколько славы и бесконечного блаженства у тех святых, которые старались ради Господа: «*Nec auribus audivit, nec in cor hominis ascendit, qua praeparavit Dominus diligentibus se*»¹⁶⁴, — говорил святой Павел.

Inclina aurem tuam к тому, чтобы почитать своих родителей и родственников по рождению и просить Бога за них; и когда они придут навестить тебя, сказать им какое-нибудь доброе наставление и напоминание для их спасения. И не вступай в рассуждение об их светских делах, но скорее покинь их. Духовных наставников почитай уважительной покорностью перед их поучениями справедливыми и разумными, духовного Отца, епископа земли, а также вашего исповедника; духовную Мать, и старших. Их распоряжения нужно смиренно,

¹⁶³ Мф. 24: 44: «Потому и вы **будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий**»; 25: 13: «Итак, **бодрствуйте, потому что не знаете ни дня ни часа, в который придет Сын Человеческий**».

¹⁶⁴ 1 Кор. 2: 9: «Но, как написано: не видел того глаз, **не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его**».

радостно и полностью исполнять, без всякого ропота и строптивности. И как подданному надлежит подчиняться, так и старшему следует иметь усердную заботу о подданных; и потому нужно их часто предупредить и ободрить в деле соблюдения правил и духовном образе жизни; больных утешать и поддерживать; дерзких и непослушных исправлять и наказывать различными способами, согласно качеству их недостатков; и знай, что за каждую, погибшую из-за твоего небрежения, которую ты не сумеешь наставить на путь истинный, ты получишь великую кару от Господа. Недостаточно того, чтобы старшая была доброй и соблюдала правила и установления свои. Нет никакой другой причины, так разрушающей религию, как небрежность прелатов, которые не исправляют имеющиеся недостатки.

Inclina aurem tuam. Я не говорю о том, чтобы не убивать (это грех далекий от женщин, если они не настолько порочны и жестоки, когда, чтобы скрыть свой грех, они убивают детей), но даже не убивать в сердце, желая смерти другим или вынашивая ненависть к тому, кто раздражает тебя; а также не избивать одна другую, не бить саму себя в припадке бешенства или досады, за исключением того, что наставница или канонисса ударит ради дела исправления.

Inclina aurem tuam. Шестое предписание — не вступать в адюльтер. Вы — супруги Христа, и потому каждый порочный телесный акт есть адюльтер, и он тем более тяжек, чем более знатен супруг, чье доверие вы обманываете. Сохранение невинности делает душу подругой Ангелов, возлюбленной Господа, почитаемой в миру, тогда как бесчестье делает душу подругой дьяволов, ненавистной Христу, отвергнутой небом и презренной для всех творений. «*Habemus thesaurum istum* (сказал святой Павел о невинности) *in vasis istis fictilibus*»¹⁶⁵ о телах слишком податливых; и потому, чтобы не утратить свое сокровище, старайся жить очень осмотрительно, избегая поводов, обуздывая чувства, желания видеть и слышать других, и постоянно изнуряя тело свое постами, бодрствованиями, уроками и святыми упражнениями, прибегая к ручным работам, но не суетным. «*Qui non laborat, non manducat*»¹⁶⁶ — говорил Апостол.

Inclina aurem tuam. Седьмое предписание в том, чтобы не красть. Воровство для каждого священника или монахини состоит в том, что

¹⁶⁵ 2 Кор. 4: 7: «Но **сокровище сие мы носим в глиняных сосудах**, чтобы избыточная сила была приписываема Богу, а не нам».

¹⁶⁶ 2 Фес. 3: 10: «Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: **если кто не хочет трудиться, тот и не ешь**».

он или она отдает некую вещь за пределы дома, хотя бы родственникам, без разрешения своих старших. Кража состоит также и в том, если она получает некую вещь без разрешения, и если она содержит какую-то вещь тайно от своих старших. Воровство состоит и в том, если кто по своей воле присвоит себе то, что дано Господу, желая жить на свой лад, а не согласно установлениям старших.

Inclina aurem tuam к восьмому наставлению — не произносить лживых свидетельств; то есть не бесчестить других и ни о ком не говорить плохо: ни о ком не говорить неправды; что безусловно является грехом, какая бы при этом не преследовалась добрая цель; и особенно ты должна остерегаться говорить ложь на исповеди или при посещении прелатов, будучи о чем-то ими спрошенной; поскольку это великое оскорбление и зло.

Inclina aurem tuam к девятому и десятому предписанию, ибо ставлю их вместе, то есть, чтобы ты остерегалась каждой дурной мысли или чувства; я не говорю о том, чтобы они не приходили к тебе, ибо от сего ты не можешь предохраниться, поскольку то не в твоей власти; но берегись того, чтобы поддаваться им. Как почувствуешь свой ум пораженным некой злобной мыслью, сопротивляйся ей, старайся изгнать ее прочь и стань недовольной собой за то, что она тебя посетила; и не давай ей задерживаться, потому что легко можешь впасть в смертный грех, каковой отчуждает душу от благодати.

Inclina aurem tuam, чтобы подчиняться предписаниям Церкви, и не только слушать Мессу в установленные праздники, но постоянно произносить канонические часы вместе с другими, или сама с собой, если ты не можешь с другими, а также произносить их со вниманием и набожностью, как толкует Церковь, а также обдумывая слова, которые произносишь, если ты понимаешь их, или думая о какой-либо благочестивой вещи: помысли о том, что стоишь перед лицом божественного Величества и святых Ангелов. «*In conspectum Angelorum psallam tibi, Deus meus*»¹⁶⁷, — говорил Псалмопевец. И потому всякую досужую мысль устраняй из разума; смеясь, болтая, пребывая в дремоте или легкомыслии, занимаясь какой-либо ручной работой вместо того, чтобы произносить службу, вы навлекаете великое неудовольствие Господа.

Inclina aurem tuam, дабы подчиняться предписаниям Церкви, которая требует от тебя много раз в год исповедоваться и причащаться;

¹⁶⁷ Пс. 137: 1: «Слаблю тебя всем сердцем моим, пред богами [Ангелами по переводу 70-и].»

но таким образом, чтобы ты пришла к спасению, а не к вреду. Всегда берегись, чтобы [ложный] стыд не обманывал тебя и не затыкал тебе рот в том, чтобы исповедаться полностью в каждом твоём грехе, в противном случае ты потерпишь ущерб, и пустыми окажутся все твои старания. Плохо поступает та монахиня при причастии, которая сожалеет о том, что она служительница церкви и не имеет намерения жить истинно религиозной жизнью, а также исполнять долг религии и своего устава; таким образом причащаясь, она принимает Святое Причастие к своему осуждению, как предатель Иуда; а не причащаясь, как предписывает Церковь и её религия, оказывается в состоянии вечного осуждения. Но можно и должно выйти из этого состояния, если покаяться в прошлой дурной жизни и склониться к тому, чтобы исполнять свою должность.

Inclina aurem tuam, дабы подчиняться Церкви, которая предписывает, чтобы ты не заключала соглашения с теми, которые хотят внести вклад или подать Церкви, но как милостыню ты должна принять то, что по доброй воле подается монастырю.

Inclina aurem tuam, чтобы покоряться порядку твоего устава; и не ссылаться на то, что правила трудны, и что устав не соблюдают другие; но разумно делай то, что он повелевает. Склони уши к тому, чтобы исполнять эти предписания, и тогда Господь склонит уши к твоим мольбам. *Et concupiscit rex decorem tuum*, то есть душа твоя станет полностью прекрасной благодаря этой покорности; и ты вступишь в брак с супругом в раю. Поскольку эта первая часть оказалась очень длинной, чего я не предполагал, сокращу другую.

Вторая вещь, которую тебе должно соблюдать — быть достойной супругой Христу, то есть не следовать своим страстям. «*Obliviscere*, — говорил Псалмопевец — *populum tuum*». Найдется у каждой персоны народ многих страстей, каковые суть начало всякого искушения и греха, вот их следует забыть и не следовать за ними.

Первая страсть есть любовь, каковая направлена на вещи земные, которые зовутся алчностью и жадностью: из-за них впадают в заблуждение иногда священники и канониссы, чрезмерно проявляя желание и любовь, кто к Бревиарию, кто к иным священным книгам, кто к облачениям, кто к четкам, кто к урокам, кто к красивому виду своей кельи, кто к огороду, кто к одному пустыку, кто к другому. Но дьявол усмехается над ними, потому что там, где они не могут быть им обольщены страстью к великим вещам, этими малыми им улавливаются так, что не могут взлететь в небеса. Но сколь сумасбродной будет та суп-

руга, которая проявит столько любви к одной из этих ничтожных вещей, а о муже не вспомнит и не позаботится? Противна любви ненависть, которая разум сильно затемняет. Но следуй главному правилу, что ни к кому не нужно питать ненависти, какая бы несправедливость не была допущена, лишь только к греху; но в таком случае, испытывая ненависть к греху другого, не презирай персону, которая его совершила. Радость или наслаждение есть вторая страсть, которая побуждает искать удовольствие или в грехе чревоугодия, или бесчестия, или в мирской суетности. Говорил Иов: Этот мир есть иллюзия, ибо прекрасное и доброе только видимость, оно очень грязное и дурное по существу: концом каждого мирского удовольствия является боль и муки совести; лишь мгновение длится твое наслаждение, но вечное осуждение следует за ним¹⁶⁸. И поскольку человеческая душа такого свойства, что без удовольствия не может обходиться, учитеесь искать истинную радость и утешение в занятиях благочестия, таких, как молитвы, чтение и другие духовные дела — медитации, послушание и прочие упражнения в добродетели. Тоска есть третья страсть, каковая очень докучает сердцу прелата, и когда она является, уныние и досада охватывают при совершении добрых дел, как ему кажется, по причине утомления. Это называется нерадивостью, каковая часто набрасывается на служителей церкви, и она действует подобно червю, который называется древесный червь, он таится в дереве, точит дерево и тут же его потребляет: любая крепость, любая твердыня обрушивается им. Таится скука в разуме; активность и набожность разума она потребляет мало-помалу, и по мере того как истребляет, всякое мелкое искушение может его разрушить.

Пробудись, о духовная супруга Христа, потому что теперь уже *de somno surgere*¹⁶⁹, и подумай о трудах и лишениях, которые имеют светские люди, и скольким опасностям они подвергаются по доброй воле ради какой-нибудь малой вещички, ради наслаждения, или чтобы услужить какому-либо созданию: устыдись же с великим конфузом, что не хочешь ты немного потрудиться ради удовольствия супруга своего, чтобы последовать в жизнь вечную. Подумай, сколько кар, пы-

¹⁶⁸ Иов. 8: 9: «Мы — вчерашние и ничего не знаем, потому что наши дни на земле тень». 14: 1–2: «Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печальями: как цветок, он выходит и опадает; убегает, как тень, и не оставивается». В этом случае нет точного цитирования Книги Иова.

¹⁶⁹ Рим. 13: 11: «Так поступайте, зная время, что наступил уже час **пробудиться нам ото сна**».

ток, жертв, постов, бодрствований, уроков, мучений и великой суровости выдерживали невинные святые ради любви к Господу; а ты, грешница, и малости не хочешь потерпеть!

И есть еще иной способ тоски из-за блага других, каковой зовется зависть, то есть страдание из-за блага ближнего, поскольку ему кажется, что блага кого-то, светские или духовные, преуменьшает его собственную честь и репутацию в глазах других: и такая зависть присуща иной раз людям религии; поскольку, видя, что твоя товарка более почтенна или известна, или что умеет лучше читать, писать и петь, или слывет более набожной, или более любимой, или состоит на высших должностях, то огорчается и не осознает избытка блага у нее самой: а также и напротив, когда узнает о каком-либо недостатке или упущении такой в делах и словах, или говорит о нем той, которой завидует, то вся охвачена радостью. Нельзя в соперничестве и состязании (как говорил святой Павел) идти по дороге к Господу, то есть ссориться или иметь зависть, но *Induimini Dominum Jesum Christum*¹⁷⁰, каковой был преисполнен милосердием, противным зависти. Хотя и должно быть так, чтобы печалилась персона, если добродетель, которую видит в других, она не находит в себе, и желала бы иметь ее, не умаляя благодати других, не будучи завистливой, но в благочестивом соревновании, о котором говорил святой Апостол Павел: «*Aemulor enim vos Dei aemulatione*»¹⁷¹.

Obliviscere populum tuum, то есть о другой страсти, именуемой дерзость, каковая, если кто не умеряет ее разумом, превращается в великую претенциозность, когда себе дается высочайшая оценка, что непозволительно. И такая претенциозная персона очень стремится к поучениям: каждой она желает дать правила о том, что следует делать; хочет, чтобы всякое дело вершилось на ее манер; осуждает каждую за недостатки в исполнении ее обязанностей; действует не как равная, но почти как главная; кажется ей, что она достойна управлять, и что во всем она будет управлять лучше, и не видит, насколько она ничтожна и низка, бедна разумом, слепа интеллектом и лишена добродетелей. Если ты хорошо осознаешь свои недостатки, как того требует смирение, то каждую будешь считать лучшей и более мудрой, нежели ты.

¹⁷⁰ Рим. 13: 14: «Но **облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа**, и попечения о плоти не превращайте в похоти».

¹⁷¹ 2 Кор. 11: 2: «Ибо **я ревную о вас ревностью Божиею**; потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою».

Obliviscere populum tuum, пустую надежду на долготу жизни и на какое-либо творение, какое препятствует тебе поступать хорошо: и не позволяй утрачивать время, которое дано тебе, чтобы заслужить [спасение]; потому что потерянное [время] не возвращается, и в каждый момент обращай разум к Христу: если часто получаешь от него благо, благодари Бога. Кто даст проклятым, хотя бы весь мир взяли они под свою власть, владеть мгновением времени, чтобы иметь возможность признать свою вину? Заканчивается время искупления смертью; и поэтому Ессе nunc tempus acceptabile¹⁷², чтобы творить добро и т. д.

От очаяния, страсти противоположной вышеназванной¹⁷³, очень себя храни, и во всем старайся забыть ее; потому что это крайнее средство: но не только ты должна остерегаться того, чтобы отчаиваться по поводу милосердия господнего, что он не сможет или не захочет простить тебе твои грехи, как это делали Каин и Иуда; но чтобы всегда хватало в твоей надежде хотя бы твердо принятого намерения усовершенствоваться, ибо затем, когда ты очутишься у подножия лестницы, не сможешь ты сделаться доброй и совершенной, как ты того пожелаешь: в искушениях и муках, которые охватят вас, вы не должны отчаиваться в помощи Господа; в том, что он сделает все необходимое для твоего спасения, если выполнишь ты свою обязанность: «Nullus speravit in Domine, et confusus est», сказал Мудрец¹⁷⁴.

Obliviscere populum tuum, страх бесполезный: не так опасайся заболеть телом, как стать больным душой, не соблюдая суровость твоего устава. Не так опасайся вызвать неудовольствие персон внутри и снаружи, как сделать что-либо, противное твоей совести. И когда сказал Спаситель: «Servite Domino in timore»¹⁷⁵, то он не имел в виду страх мирской и раблепный, не такой, который заставляет предохраняться от пороков и творить добро, дабы не впасть в вину временную или вечную;

¹⁷² 2 Кор. 6: 2: «Ибо сказано: «во время благоприятное Я услышал тебя и в день спасения помог тебе». **Вот, теперь время благоприятное**, вот, теперь день спасения».

¹⁷³ То есть дерзости.

¹⁷⁴ Сир. 2: 10: «Взгляните на древние роды и посмотрите: **кто верил Господу — и был постыжен?** или кто пребывал в страхе Его — и был оставлен? или кто взывал к Нему, и Он презрел его?».

¹⁷⁵ Пс. 2: 11: «**Служите Господу со страхом** и радуйтесь [пред Ним] с трепетом».

он говорил о сыновнем страхе, необходимым для вечного спасения, в соответствии с которым опасается сын, чтобы не совершить нечто, что вызовет неудовольствие его дорогого отца. Кто испытывает такой сыновний страх, боится, как бы не совершить поступок, имеющий оттенок или частицу зла, чтобы не оскандалить ближнего, например, чрезмерной фамильярностью или болтовней с другими; но не нужно бояться сказать неприятное ему или ей, если делаешь то, что должно: как не следует проявлять жестокость и грубость, запрещая принимать родственников или навещать их. *Obliviscere populum tuum*, последнюю страсть, прозываемую гнев, каковая часто тебя охватывает, но смирением ее следует регулировать. Направляй гнев твой к возмущению твоими недостатками и обидами, нанесенными Господу; против собственных несправедливостей, грубости, издевательств, злословия; поддерживай в сердце мир, не сомневаясь, что, если сумеешь забыть твой народ с вышеуказанными страстями, так, чтобы не следовать порокам согласно разуму, «*concupiscent rex decorum tuum*».

И также о третьей я скажу более кратко: говорил Псалмопевец о том, что следует забыть дом отца твоего; я говорю не о телесном отце, о котором забывают те, которые не идут навестить его в болезни (что противоречит всякому доводу религии); я говорю об отце моральном. Первый отец каждого, едва он вступает в этот мир, есть дьявол. «*Omnes autem — говорил святой Павел — nascimur filii irae*»¹⁷⁶, из-за первородного греха, в котором все мы рождаемся, тянущего нас прочь от Христа с его Святейшей Матерью, и преславного Крестителя. Дом этого отца есть мир, поэтому почти для каждого, обитающего в нем человека: «*Stultorum*» — говорил Соломон — *infinite est numeris*»¹⁷⁷. Должно забыть поэтому дом такого отца, и отказаться от всякой собственности на какие-либо вещи этого мира; и особенно это следует сделать призванным к славной профессии. И как Анания и Сафира, вступив в коллегия первых Христиан (каковые проживали коммуной, как совершенные монахи), поскольку сохранили [для себя] некоторое имущество, по божественному суждению внезапно пали мертвыми из

¹⁷⁶ Ефес. 2: 3: «Между которыми и **мы все** жили некогда по нашим плотским похотям, исполняя желания плоти и помыслов, и **были по природе чадами гнева**, как и прочие».

¹⁷⁷ «Глупцов нельзя сосчитать». Согласно тексту *Nova Vulgata* это высказывание идентично словам не Соломона, но Екклесиаста: Eccl. I. 15. См.: Еккл. I: 15: «Кривое не может сделаться прямым, и чего нет, того нельзя сосчитать».

мертвых перед святым Петром¹⁷⁸; так каждый и каждая из служителей Церкви, обладая собственностью, неважно, малой или большой, подвергают смерти душу вне всякого сомнения. И потому хорошо сказал святой Августин в Наставлении: «Non dicatis aliquid proprium; sed sint vobis omnia communia»¹⁷⁹, и того же самого требует каждый религиозный устав. И заметьте, он говорит о том, что нужно обитать в коммуне полностью, то есть общей должна быть всякая вещь: только грехи остаются собственными у каждой персоны, которая творит их; но блага должны быть общими для всех, а также и духовные ценности. Может сказать иная: «Я не владею, но держу в своем управлении или под своим заведованием», или же: «Я владею некой вещью по разрешению». Отвечу, что это ничтожный обман, нарушающий истинную бедность. Если говорит: «Таким образом живет в большем согласии» — это не так — отвечаю; ибо не становится подлинным и добрым мир, подрывающий фундамент религии, каковой является истинно общим; такое согласие не направлено к тому, чтобы привести Бога в мир, потому что это согласие страстей, каковые ведут к его подрыву, говоря: «Не стремись находиться в согласии», sed *gladium*¹⁸⁰; но истинное согласие есть то, которое провозгласил Ангел, сын Христа: «*Hominibus bonae voluntatis*»¹⁸¹. И потому сообразуйся с разумом и волей Господа в соблюдении религиозного долга, согласно тому, как установлено всеми святыми распорядителями и писателями религии; и не позволяй нарушать эту общность по причине каких-либо нападков или ропота, каковые не следует допускать; ибо в ведении старшей находится предотвращение их с милосердием и разумом. О больных, как понятно всякому, нужно позаботиться больше, чем о других, насколько это возможно. Если кто-то поддается безделью или лености, то это худший признак, ибо он противоречит милосердию; и если это случилось, надлежит старшей потрудиться и воздействовать словами и покаянием; и этому должны следовать главные и наиболее зрелые по

¹⁷⁸ Деян. 5: 1–11.

¹⁷⁹ «Да не возглашайте что-либо собственным; но пусть будет у вас все общим». См.: *Regula Sancti Augustini*. Cap. I: *De fine et fundamento vitae communis*, 4.

¹⁸⁰ Мф. 10: 34: «Не мир пришел я принести, но меч».

¹⁸¹ Лк. 2: 14: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благо-

воление!»

возрасту; а все другие покорно подражать и подчиняться; а кто этому станет противодействовать, то окажется в состоянии, опаснейшем для своего спасения. И учтите благо того, о чем сказал святой Августин в *Decreto*: «Не имеется лучших людей, нежели добрые служители Церкви; но не имеется и худших людей, чем дурные служители Церкви». Иоанн Кассиан¹⁸² сказал: «Разве не истина? Нет у нас худшего животного, нежели дурной монах и священник». Поэтому побуждай каждую жить со всяким совершенством, а поскольку всегда имеется несовершенство, с желанием приумножать добродетели; и так *Concupiscet Rex decorem tuum!* И когда ты подойдешь к смерти, к которой каждый должен себя подготовить, ты услышишь те сладкие слова, которые произнесет Господь: «*Veni, electa mia: et ponam in te thronum meum, quia concupiscet Rex speciem tuam*¹⁸³. *Dominus dirigat corda et corona vestra in charitate Dei, et patientia Christi*¹⁸⁴. *Deo gratias, Amen.* От имени вашего Отца брат Антонио, архиепископ Флоренции. Молитесь за меня.

¹⁸² Иоанн Кассиан (360–435) — основатель монашества в Галлии, один из теоретиков монашеской жизни, создал устав южногалльских монастырей.

¹⁸³ «Приди, избранная моя: и воздвигну на тебе трон мой, ибо возжелал Царь красоты твоей».

¹⁸⁴ 2 Фес. 3: 5: «Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово».

SUMMARIES

L. P. Repina

The history of marriage and family in gender perspective

The article is focused on a representative group of gender studies that are concerned with marriage and family in Western Medieval and Early Modern history. These studies demonstrate that social status of men and women was the defining factor in their matrimonial behavior; it influenced their chances of marrying and defined the age of marriage. It also influenced the means and criteria of choosing a spouse as well as the model of marital relationships. It was equal or almost equal in the marriages where spouses were of more or less the same age and social status, and wife did not only bring a substantial dowry with her but also could rely on active support of her relatives in case of a family conflict. The author concludes that studies of gender aspects of the history of marriage and family of the Early Modern period that had been done within the last few decades are closely linked to the re-evaluation of the concept of divided private and public spheres, and to the shift from dichotomic to dialectical interpretation of the relationship between the private and the public in 'family life'.

M. S. Petroff

A Private History: Einhard and Emma

The article analyzes the letters of Einhard and Emma together with other documental evidence. Emma's social position is reconstructed and also the date of her marriage, her household occupations and the relationship with Einhard. Her participation in the affairs relating to the translation of the relics of saint Marcellinus and Petrus from Rome to Francia is considered.

L. N. Chernova

A 14th-century London alderman and his wife: John and Joan Payel

The author studies the relationship of a London alderman (1369–1382) John Payel and his wife Joan by analysing the contents of John's cartulary and his two wills. The pair's lifestyle and activities are reconstructed, and the two modes of behaviour — 'male and 'female' are described.

A. G. Souprianovitch**Gender conflict in the Margery Kempe's family**

Margery Kempe is one of the most famous English women writers of the Middle Ages. She was a devout lay woman, who described in the Book her life, her pilgrimage and her female mystical experience. This article is focused on the history of her married life. An ambitious woman was not content with the modest status of her husband in the local community. She claimed leadership and authority both in her family and her surroundings. Gender conflict was a result of this collision.

M. V. Kuz'mina**'Keeping peace' in family relationship in France (In the late 14th c treatise "Le Ménagier de Paris")**

The article analyses notions of family to be found in the anonymous author treatise "Le Ménagier de Paris". This treatise was written in the late 14th c. by a Parisian for his wife and other women of their social group. The author shared his contemporaries' preoccupation with social problems and conflicts within the society. It is hardly possible to separate family life from that of the society. Keeping the peace in the family was closely linked to the idea of the peace in the medieval society. It was based on Christian ethics, on the Augustine's doctrine of the dominance and the obedience. In his treatise the author tried to show his wife the to be a good wife and to keep the peace in the family.

A. Yu. Seregina**The farewell letter of sir Walter Raleigh to his wife Elizabeth Throckmorton**

The farewell letter written by Sir Walter Raleigh to his wife in 1603 from prison was intended to be a private document. The article shows how this letter had been used by Raleigh's widow as evidence in highly public campaign to reclaim her husband's inheritance. A translation of the latter, with comments, is presented in the appendix to the article.

T. A. Oparina

Marriage and the freedom of conscience: the religious choice of English women in the 17th-c. Russia and its correlation with their family status

In the early 17th c. the attitude of Russian authorities towards other Christians living in the country had changed considerably. As before, Catholics and Protestants were permitted to live in Russia and serve the tsar. From 1620s however the hidden pressure on foreigners increased, urging them to convert to Orthodoxy. As a result a growing number of immigrants chose to convert to 'Russian faith'. The author presents three case studies of religious choices made by a married woman, a widow, and a divorcee and demonstrates the options available to them.

L. N. Denisova

Marriage and family life in the late 20th-century Russian village

The article deals with wide range of problems of marriage and family life in Russian village of the late 20th c. The author looks at the specific of village marriages, family relationships and the attitudes towards family and divorce. The evidence of sociological research is used, especially that of Russian-British sociological survey of Russian villages which took place in 1980–90s.

Yu. P. Krylova

Family circle: Royal didactic texts in medieval France

Kings of France as well as other medieval parents were not devoid of tender feelings towards their children. They saw their parental duty in bringing up noble offspring in accordance with family tradition. Rather than rely on spiritual advisors they preferred to write their own educational treatises for their child no matter how traditional or commonplace thought were presented there. The books were supposed to remain with their heir after their death, to remind of parental advice and to preserve memory of their authors.

A. B. Gershtein

A Ruler as 'grieving father': symbolism in Frederick II's mourning

In February 1242 when Henry, a son of Emperor Frederick II, died, the Emperor's chancery produced 4 epistles: to Italian clergy, to Emperor's supporters, to Henry's widow Margaret, and to the people of Messina. Their main theme was Frederick's grief over the loss of son. Symbolical mourn-

ing remained an important part in the representation of imperial power. Thus Frederick II construed his reality, and created an image of events suitable for him that was to become a part of historical memory. The Emperor's aim was to probe into the loyalty of his vassals, the clergy of Sicily etc.

V. A. Veremenko

Relationship between parents and children in Russian noble families of the late 19th – early 20th cc.: stages of evolution

In the article changes in the interrelations between parents and children in families of the nobility in the middle of 19th — beginning of 20th centuries are analyzed; a new typology of the noble family is propounded; the main stages of evolution of relations between parents and children in the families of the nobility at the appointed period of time are characterized. The special attention is paid, first, to the gradual elimination of the differences in the character of boys and girls' upbringing and education and, second, to the increase of the role of parents — members of the gentry, especially mothers, in the upbringing of their children. In the middle of the 19th century boys' education was oriented on the preparation for the career chosen by parents and a girl was strived to inculcate "manners" and "virginity" that, in general opinion, gave her the greatest chances for marriage. By the beginning of the 20th century in most families of the nobility, education of both boys and girls acquired to the practical tendency oriented on the getting of the worthy profession.

E. N. Kirillova

The influence of regulations on artisans' family and social status

The author analyses the regulations of Rheims guilds of 15–18th cc. and demonstrates their impact on marriage strategies of guilds' members, on status of their household members, their participation in professional activity, etc. It is shown that family interests — that of the master's wife and children were of overwhelming importance when his life priorities were defined.

T. I. Zaytseva.

Queen Clode of France and Duchess Sabine of Wurttemberg: gender identity of the European ruling elite in the Early Modern period

Two biographies of the members of European ruling elite of the early 16th c. — that of the two European ruling elite representatives of the beginning of XVI century — French queen Clode (1499–1524) and of the duch-

ess Sabine of Wurttemberg (1492–1564) are analyzed in the article. The comparison between the two women's fate demonstrates correlation between their gender behavior with their common identity, and to show the specific of processes in various regions of Europe e.

A. V. Stogova

A family friend: partners' spheres of communication in the 17th c. France

The article is focused on some aspects of marriage life of French bourgeoisie and nobility in connection with partners' social communication. Men's public and professional activities, as well as economic necessity to live separately for period of time resulted in situations when husband's and wife's circles of friends did not coincide. Other factors that contributed to the situation were female education as well as the development of society's code of behaviour. Aristocratic culture was oriented towards the ideal of gallantry that could be put into practice only if a spouse was absent — symbolically or really.

T. L. Labutina

'A marriage that did not take place': matrimonial projects of Russian tsars in 16–17th cc.

Members of Russian royal houses of the 16–17th cc. Viewed marriages with Western nobles as desirable in two cases: To seal military and political alliance or to 'elevate' a family that could not demonstrate a long noble pedigree. In the 16th c. when Muscovy had just established its relationships with Western states, appearance, educational level and even confessional allegiance of potential bride or groom were of little or no importance. In the 17th c. Russian royal house required more of potential marriage partners. One of the most important conditions was that both bride and groom were Orthodox. Their personal feeling were not taken into consideration since dynastic marriages were about the reason of state.

O. Yu. Solodyankina

Claire Clermont, a Moscow governess and a daughter- in law- of William Godwin

Diaries and letters of Claire Clermont who had worked in Russian families and left descriptions of Moscow life, as well as the comments on children and their education, on Russians in general, and the details of a

governess' daily routine meka an extremely interesting source. Texts by Clermont were published in English with inadequate commentaries since transliterating Russian names etc. proved to be too difficult for the American publisher. The article traces the connections of Russian families which employed Clermont (Zotovs, Postnikovs, Kaysarovs) in order to correct the publisher's mistakes. It is also demonstrates the ideas introduced into Moscow society by a governess from Godwin family. The case of Clermont is an exception from the stereotyped image of English governesses who worked in Russia.

O. M. Morozova

Ulianovs: a century of the life of a Don Cossacks

Family relationships of Don Cossacks differed significantly from that of Russian urban and village families, especially when women's status, or attitude towards children is concerned. The Cossack majority preserved mental stereotypes that had resulted from severe conditions of permanent war-camp lifestyle. Family life did not involve much emotion; father's control over children, often in contradiction with the opinions of women whose role in family's economy was considerable lead to open conflicts. Perhaps here lies an explanation of the break of the Civil War period; the Don wars turned into family strife (when members of the same family often joined the opposing sides), with all its poignancy and cruelty.

S. V. Golikova

Family and day nursery: prehistory

Family's social evolution could be described as the process of its ceasing its powers to state or social institutions. It applies to socialization of younger children since society created the system of nurseries and nursery schools. The evidence from Malmyzhsky uezd (late 19th c.) shows that at the beginning the problem of children's' survival in anti-sanitary environment of Russian Village was of overwhelming importance. The functions of nurseries notwithstanding, they demonstrated they did not compete with family upbringing. Building up such infrastructure around a family is a clear sign of a society with well-developed social care institutes.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

<i>Л. П. Репина</i> История брака и семьи в гендерной перспективе.....	5

«Пока смерть не разлучит вас...»

<i>М. С. Петрова</i> История частной жизни: Эйнхард и Имма.....	24
<i>Л. Н. Чернова</i> Лондонский олддермен XIV века и его супруга: Джон и Джоан Пайел.....	32
<i>А. Г. Суприянович</i> Гендерный конфликт в семье Марджери Кемп.....	50
<i>М. В. Кузьмина</i> «Добрый мир» в семейных отношениях во Франции по трактату конца XIV в. “Le ménagier de Paris”.....	59
<i>А. Ю. Серегина</i> Предсмертное письмо сэра Уолтера Рэли жене, Элизабет Трокмортон.....	68
<i>Т. А. Опарина</i> Брак и свобода веры: зависимость религиозного выбора британок в России первой половины XVII в. от их семейного статуса.....	81
<i>Л. Н. Денисова</i> Брак и семья в российской деревне второй половины XX века.....	118

«Отцы и дети»

<i>Ю. П. Крылова</i> В семейном кругу: королевские поучения детям в средневековой Франции.....	149
<i>А. Б. Герштейн</i> Правитель как «скорбящий отец»: символика плача Фридриха II.....	161

<i>В. А. Веретенко</i> Взаимоотношения родителей и детей в дворянских семьях России (вторая половина XIX — начало XX в.): этапы эволюции.....	184

«Ячейка общества»

<i>Е. Н. Кириллова</i> Влияние регламентации на семейное положение и благосостояние ремесленников.....	212
<i>Т. М. Зайцева</i> Королева Клод и герцогиня Сабина: к вопросу о гендерной идентичности европейской правящей элиты в эпоху ранней модернизации.....	226
<i>А. В. Стогова</i> Друг семьи: круги общения супругов во Франции XVII века.....	241
<i>Т. Л. Лабутина</i> «Несостоявшийся брак». Матримониальные прожекты русских царей в XVI–XVII веках.....	266
<i>О. Ю. Солодянкина</i> Московская гувернантка К. Клермонт — падчерица У. Годвина.....	282
<i>О. М. Морозова</i> Ульяновы. Семья донских казаков за сто лет.....	298
<i>С. В. Голикова</i> Семья и... ясли. Страница предыстории.....	319

Публикации

<i>Антонин Флорентийский</i> Письма (Перевод, предисловие и комментарии И. А. Красновой и О. Г. Пастельняк).....	331
Summaries.....	390
Содержание.....	396
Contents.....	398

CONTENTS

Editorial

- L. P. Repina*
The history of marriage and family in gender perspective.....5

‘Until death separates us’

- M. S. Petroff*
A Private History: Einhard and Emma24
- L. N. Chernova*
A 14th-century London alderman and his wife:
John and Joan Payel.....32
- A. G. Souprianovitch*
Gender conflict in the Margery Kempe’s family50
- M. V. Kuz'mina*
‘Keeping peace’ in family relationship in France
(In the late 14th c treatise “Le Ménagier de Paris”).....59
- A. Yu. Seregina*
The farewell letter of sir Walter Raleigh
to his wife Elizabeth Throckmorton68
- T. A. Oparina*
Marriage and the freedom of conscience: the religious choice
of English women in the 17th-c. Russia and its correlation
with their family status81
- L. N. Denisova*
Marriage and family life in the late 20th-century Russian village.....118

‘Fathers and sons’

- Yu. P. Krylova*
Family circle: Royal didactic texts in medieval France149
- A. B. Gershtein*
A Ruler as ‘grieving father’: symbolism in Frederick II’s mourning..161
- V. A. Veremenko*
Relationship between parents and children in Russian noble
families of the late 19th — early 20th cc.: stages of evolution184

'Society's basic unit'

<i>E. N. Kirillova</i>	
The influence of regulations on artisans' family and social status.....	212
<i>T. I. Zaytseva.</i>	
Queen Clode of France and Duchess Sabine of Wurttemberg: gender identity of the European ruling elite in the Early Modern period.....	226
<i>A. V. Stogova</i>	
A family friend: partners' spheres of communication in the 17 th c. France.....	241
<i>T. L. Labutina</i>	
'A marriage that did not take place': matrimonial projects of Russian tsars in 16–17 th cc.....	266
<i>O. Yu. Solodyankina</i>	
Claire Clermont, a Moscow governess and a daughter- in law- of William Godwin.....	282
<i>O. M. Morozova</i>	
Ulianovs: a century of the life of a Don Cossacks.....	298
<i>S. V. Golikova</i>	
Family and day nursery: prehistory.....	319

Publications

<i>Anthonine of Florence</i>	
Letters	
Translation, introcution and commentaries by I. A. Krasnova and O. G. Pastelnyak.....	331
Summaries.....	390
Contents.....	396